

История

—XI—XIII—

русского

—XIV—XVII—

литературного

—XVIII—

языка

—XIX—

хрестоматия

История
русского
литературного
языка
хрестоматия

Составитель А. Н. Кожин

Издание второе,
исправленное и дополненное

*Допущено
Государственным комитетом СССР
по народному образованию
в качестве учебного пособия
для студентов высших учебных заведений,
обучающихся по специальности
«Русский язык и литература»*

Москва Высшая школа 1989

ББК 81.2Р
И 90

Рецензент:

кафедра русского языка Московского областного педагогического института им. Н. К. Крупской (зав. кафедрой проф. П. А. Лекант)

История русского литературного языка: Хрестоматия:
И90 Учеб. пособие для студентов вузов по спец. «Рус. яз. и
лит.»/Сост. А. Н. Кожин.—2-е изд., испр. и доп.—М.:
Вышш. шк., 1989.—319 с.

ISBN 5—06—000180—6

В хрестоматии даются тексты, которые охватывают круг памятников русской письменности от времени становления литературного языка до периода закрепления национальных норм русской речи. Памятники письменности располагаются в хронологической последовательности. Внутри определенного хронологического отрезка принято распределение материала по жанрам.

Во втором издании (1-е — 1974 г) расширен лингвистический комментарий, введены новые тексты, свидетельствующие о путях развития литературного языка в начале XIX в.

И $\frac{4602000000 (4309000000) - 450}{001 (01) - 89}$ 244—89

ББК 81.2Р
4Р

ISBN 5—06—000180—6

© Издательство «Высшая школа»,
1974

© Издательство «Высшая школа»,
1989, с изменениями

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая хрестоматия предназначена для практических занятий по истории русского литературного языка на филологических факультетах высших учебных заведений.

Предлагаемые вниманию читателя материалы дают представление об изменениях, происходивших в литературном языке на разных этапах истории, о типах литературной речи и формах их взаимодействия в русской письменности того или иного времени, о функциях литературных и нелитературных языковых средств в различных жанрах письменности, о формах существования литературного языка (функционально-речевые стили, язык художественной литературы).

Тексты расположены в жанрово-хронологической последовательности: памятники одной эпохи объединяются в один раздел, если даже они известны по более поздним спискам.

Тексты, как правило, даются по старопечатным изданиям, однако используются и материалы позднейших авторитетных публикаций (академические, источниковедческие, текстологические).

Графика дана в соответствии с современной: «юсы», «ижица», «омега», «зело», и «десятеричное», «ук», «ять», «кси», «пси», «фита», модификации *e*, *y* заменены соответствующими буквами или их сочетаниями; устранены все надстрочные знаки (титло, силы и пр.); дается строчное расположение букв, находящихся над строкой.

Памятники сопровождаются лингвистическим комментарием, представленным в виде вступительных замечаний к текстам.

Во втором издании (1-е — 1974 г.) учтены пожелания читателей расширить научно-методическую базу пособия, что должно содействовать повышению уровня самостоятельной работы студентов над текстами как объективным явлением, свидетельствующим о характере развития и совершенствования русского литературного языка, о его культурно-исторической роли на разных этапах истории народа.

При подготовке данного издания сокращена часть текстов, содержащих однотипные языковые явления; введены новые тексты, свидетельствующие о путях развития русского литературного языка на рубеже XVIII—XIX вв., о характере процессов, связанных с движением за общенациональные нормы литературного языка в первой трети XIX в. и в последующие десятилетия; значительно расширен в ряде случаев лингвистический комментарий. Некоторые этапы истории русского литературного языка представлены в виде обзоров, дающих представление об определенных тенденциях, отражающих характер употребления средств литературного языка в том или ином типе русской письменности.

Хрестоматия снабжена словарем. Для облегчения чтения древнерусских и старорусских текстов даны приложения, содержащие образцы склонения и спряжения.

Введение

История русского литературного языка — важнейшая отрасль языкознания. «Русский литературный язык,— отмечал академик А. А. Шахматов,— представляет явление глубокого культурно-исторического интереса. Едва ли какой другой язык в мире может быть сопоставлен с русским в том сложном историческом процессе, который он пережил»¹.

Памятники письменности свидетельствуют о том, что у восточных славян задолго до крещения Руси создавались литературные произведения на родном языке. Песни и предания, былины и речения народной мудрости (половицы, поговорки, присловия) передавались из поколения в поколение как эталоны отработанных форм разговорной речи.

Разговорная речь жителей Древней Руси являлась источником, питавшим различные сферы языка письменности: делопроизводство, законодательство, судопроизводство, литературно-художественное творчество.

После официального крещения Руси у восточных славян получает распространение язык богослужебных книг — старославянский. Вследствие сложного процесса взаимодействия этого языка с исконно русским языком складывается и развивается особый вариант церковнославянского литературного языка.

Древнерусский литературный язык выступает в виде двух разновидностей. «Книжно-славянский тип в восточнославянском обличьи и народно-литературный восточнославянский тип» вступают «в сложное и разнообразное взаимоотношение и взаимодействие в кругу разных жанров древнерусской литературы»².

Оба типа древнерусского литературного языка стилистически дифференцированы и непосредственно связаны с определенными жанрами письменности: народно-литературный (народно-письменный) тип использовался для ведения делопроизводства, составления сводов законов («Русская Правда»), создания художественных произведений светского содержания («Слово о полку Игореве»); книжно-славянский (церковнокнижный) тип употреблялся для религиозно-поучительной и житийной литературы («Слово о законе и благодати» киевского митрополита Илариона, «Слово на антипасху» Кирилла Туровского, «Сказание о Борисе и Глебе»), на его основе возникла переводная литература («Хроника Георгия Амартола»).

Эти типы литературного языка подверглись значительным преобразованиям в XIV столетии в связи с формированием языка великорусской народности: народно-литературный тип впитывает речевые средства великорусской речи и выступает в качестве языка деловой письменности; книжно-славянский тип перерастает в риторический стиль в связи с ростом расхождений между книжной и разговорной речью, вызванных системно обусловленными изменениями в живой речи.

В конце XVI и в течение XVII столетия язык великорусской народности становится языком русской нации; в этот период «типовая» определенность разновидности русского литературного языка становится иной: письменно-деловой (приказный) язык превращается в основное средство письменного общения (демократическая сатира XVII в., повесть о Фроле Скобееве); книжно-славянский тип воспринимается как сугубо книжная речь, обслуживающая определенные сферы духовной жизни (научные сочинения, произведения в духе церковной догматики).

В начале XVIII в. язык русской письменности вбирает слова, выражения, грамматические формы и конструкции живой, общо-разговорной речи, осваивает лексику западноевропейских языков и становится общерусским средством письменного общения в сфере делопроизводства, научно-производственной деятельности и литературно-художественного творчества. Книжно-славянский язык оттесняется на второстепенные позиции, обретает приметы культового языка.

Стилевые потоки в языке русской письменности были упорядочены М. В. Ломоносовым в его учении о трех стилях единого литературного языка; вследствие этого была заложена основа литературно нормированного словоупотребления в рамках триединой системы речевых средств национального языка, открыт путь в определенные жанры письменности широкому потоку общо-разговорной речи, устранены устаревшие слова и грамматические формы, генетически связанные с языком церковно-книжной письменности.

Во второй половине XVIII в. размываются границы, разделявшие стилистически маркированные разновидности литературного языка; нарушается чистота высокого, низкого, среднего слога; в высоких жанрах письменности употребляются речевые средства низкого слога (оды Г. Р. Державина), в средних используются средства высокого и низкого слога (А. П. Сумароков).

К началу XIX в. намечаются новые приемы литературного словоупотребления, происходит семантическая ассимиляция значительного пласта книжно-славянских слов и олитературивание просторечия, народно-разговорных слов и выражений, завершается формирование литературного языка русской нации.

В произведениях А. С. Пушкина общенациональная норма русского литературного языка была закреплена. Мастера художественного слова XIX в., публицисты, ученые общественные

деятели (М. Ю. Лермонтов, Н. В. Гоголь, В. Г. Белинский, А. И. Герцен и др.) продолжали расширять фонд выразительных средств; во второй половине XIX столетия отмечается некоторое изменение в системе норм, связанное с совершенствованием грамматического строя и упорядочением словоупотребления (активизация качественных наречий, развитие присоединительных отношений, освоение слов и выражений из речи крестьян, солдат, ремесленников, ученых, художников, актеров); подвергается нормализации литературное произношение, стабилизируется правописание.

После Великой Октябрьской социалистической революции изменились роль и значение русского литературного языка. Язык русского народа, язык национальной литературы, язык науки и самобытной культуры «стал в наше время ярким выразителем социалистического содержания новой советской культуры и одним из ее живых распространителей»³. В Советскую эпоху литературный язык выступает в роли средства межнационального общения на территории Советского Союза, является одним из важнейших языков мира.

В литературном языке Советской эпохи произошли некоторые изменения в системе грамматических норм, в характере словоупотребления, в эмоциональной и стилистической оценке слов, в области произношения, правописания и словообразования⁴, но эти изменения не коснулись основы языка: грамматический строй и словарный состав современного русского литературного языка остались примерно такими же, какими они были в произведениях А. С. Пушкина.

* * *

Еще в древнерусской письменности прослеживается стремление к нормализации средств литературного выражения (словоупотребление, словосочетание, правописание)⁵.

Различные явления письменной речи отмечаются в грамматиках и словарях XVI—XVII столетий.

В первом печатном учебнике русского языка, изданном во Львове в 1574 г. первопечатником Иваном Федоровым, обращается внимание на особенности глагольного формообразования и разноместность русского ударения⁶.

В грамматике, составленной М. Смотрицким (Эвю, 1619), дается систематическое изложение грамматических форм книжно-славянской речи; именно к системе норм этой грамматики приобщается бывший воспитанник Киево-Могилянской коллегии Симеон Полоцкий, о чем весьма красноречиво сказано в предисловии к его «Рифмологиону»:

Писах в начале по языку тому,
иже свойственный бе моему дому.
Таже увидев многу ползу быти
славенскому ся чистому учити,
Взях грамматику, прилежах читати,
бог же удобно даде им ю знати;
К тому странная сущи ей подобна,
в знания ползу бяше ми удобна.
Тако славенским речем приложихся,
елико дал бог знати научихся;
Сочинение возмогах познати
и образная в славенском держати⁷.

Лексико-грамматические особенности русской речи фиксируются в «Русской грамматике» Г. Лудольфа (Оксфорд, 1696) — дается подробное описание склонения, спряжения и групп слов, относимых к категории неизменяемых (*вчера, третье водни*), приводятся колоритные обороты речи (*челом бью, высеки огонь, человек простого роду*).

В «Лексиконе славеноросском» Памвы Беринды (Киев, 1627) разграничиваются церковнославянские и русские слова и выражения; при этом к церковнославянизмам даются нередко эквиваленты русской речи (*предтеча — упередитель, брачуся — женюся*), а также украинского языка (*зижду — будую*).

В XVII столетии появляются сочинения, в которых регламентируется употребление речевых средств в русской письменности: «Риторика» Макария, «Риторика» М. И. Усачева.

Круг научных обзрений заметно расширяется в XVIII столетии. В трудах В. К. Тредиаковского ставится вопрос о сближении книжно-литературного языка с разговорной речью, о нормализации литературно-речевых средств. Книгу французского писателя Поля Тальмана «Езда в остров любви» (1730) В. К. Тредиаковский стремится перевести «самым простым русским словом, то есть каковым мы меж собой говорим». В 40-е годы в трудах В. К. Тредиаковского развивается тезис о различных видах словоупотребления, — выделяется «подлое употребление» (литературно не нормированные формы речи) и «правое употребление», опирающееся на традиции «славено-российской» культуры слова («Разговор между чужестранным человеком и российским об орфографии старинной и новой». Спб, 1748). Тредиаковский выдвинул мысль о необходимости ввести новое русское правописание, основанное на фонетическом принципе.

К этому времени в русской филологической науке была подготовлена почва, на которой возникло стройное учение М. В. Ломоносова, определившее разумное соотношение церковнокнижных элементов и форм обиходно-разговорной речи в структуре национального литературного языка.

В рассуждении М. В. Ломоносова «Предисловие о пользе книг церковных в российском языке» (1757) выделяются «просторечия» и «славянизмы». На базе разумного взаимодействия

и смешения церковнославянского (славянского) и обиходно-разговорного (русского) строится система стилей литературного языка М. В. Ломоносова, оказавшая решающее влияние на дальнейшее развитие языка русской письменности («Риторика», 1748; «Российская грамматика», 1755). «Разделение языка на три стиля вносило порядок в ту пестроту внешних форм — русских и церковнославянских, которая была особенно характерна для стилей литературного языка конца XVII — первой трети XVIII в. Это была великая грамматическая реформа»⁸.

Явления письменной речи получают более полное освещение в трудах ученых XIX в.

В 40—70-х годах XIX в. намечаются новые тенденции в изучении русского литературного языка; по мнению академика В. В. Виноградова, они сводились к следующему:

«1) стремление определить и философски осмыслить национальное своеобразие русской грамматической системы;

2) поиски общих исторических закономерностей русского литературно-языкового процесса;

3) выдвижение проблемы личности, проблемы индивидуального творчества и его значения в истории литературного языка, проблемы «языка писателя» (особенно по отношению к реформаторам языка);

4) перенесение центра тяжести с вопросов стилистики на проблемы исторической грамматики и исторической лексикологии;

5) более широкое применение сравнительно-исторического метода к разрешению вопросов исторической грамматики и исторической семантики русского литературного языка»⁹.

История русского литературного языка рассматривалась крупным ученым XIX в. в области языкознания Ф. И. Буслаевым как важнейшая составная часть истории русской культуры, русской литературы, народно-поэтического творчества: «...как один и тот же герой в продолжение столетий действует в различных событиях народных и тем определяет свой национальный характер, так и язык, многие века применяясь к самым разнообразным потребностям, доходит к нам сокровищницею всей прошедшей жизни нашей»¹⁰. Письменному языку противопоставляется язык народный (разговорный): «В течение времени составляется язык книжный, основанный на литературном предании и значительно отличающийся от живой, разговорной речи. Книжный язык русский уже с древнейших времен отличался от разговорного...»¹¹

Неоценим вклад Ф. И. Буслаева в изучение явлений русской литературной речи. Им собрано, исследовано и издано большое количество памятников русской письменности¹², подготовлена первая «Историческая хрестоматия», дававшая фактическое представление об этапах истории языка и письменности русского народа и являвшаяся «для своего времени очень драгоценным обогащением русско-славянской филологии»¹³.

В трудах другого выдающегося ученого XIX в. академика

Я. К. Грота придается большое значение фактам литературной речи как стилистическим вариациям, находящим свое воплощение в языке знаменитых писателей; выделяются индивидуально-авторские особенности и явления, связанные с историей культуры русского народа¹⁴.

Наблюдения над лексико-грамматическими явлениями литературного языка дополняются трудами обобщающего характера¹⁵. Проф. Е. Ф. Будде (начало XX в.) пытается установить основные этапы истории русского литературного языка на базе разнородных фонетических, морфологических и лексических явлений, встречающихся в текстах писателей — М. В. Ломоносова, Н. М. Карамзина, Г. Р. Державина, Д. И. Фонвизина, Н. И. Новикова, И. А. Крылова, А. С. Пушкина, А. С. Грибоедова, М. Ю. Лермонтова и др.¹⁶.

После Великой Октябрьской социалистической революции заметно активизируется изучение истории русского литературного языка. Исследуются памятники русской письменности и литературно-художественные тексты;¹⁷ изучаются особенности литературного языка той или иной эпохи¹⁸; появляются труды, в которых освещаются вопросы речевой культуры русского народа¹⁹.

«Очерки по истории русского литературного языка XVII — XIX вв.» академика В. В. Виноградова (первое издание — 1934 г., второе, переработанное — 1938 г.) стали энциклопедическим справочником по важнейшим вопросам истории языка русской письменности. В трудах В. В. Виноградова история русского литературного языка рассматривается как система функционально-речевых стилей²⁰, ставятся вопросы, связанные с формированием и развитием литературного языка²¹, дается оригинальная разработка литературно-языкового материала, охватывающего речевые явления XVIII—XIX столетий²².

Изучение фонетических, лексико-грамматических, фразеологических, стилистических явлений различных жанров письменности свидетельствует о том, что история русского литературного языка — это история языка литературных текстов, языка различных жанров русской литературы: художественной, публицистической, научной, деловой, хроникально-эпистолярной, языка устно-поэтического творчества.

История русского литературного языка дает научное представление: а) об изменениях структуры литературного языка, б) о типах литературной речи и формах их взаимодействия, в) об общественных функциях литературных и нелитературных средств языка на разных этапах истории.

Литературный язык Киевской Руси

Литературный язык является высшей формой существования языка. Функционирование литературного языка тесно связано с историей народа — творца и носителя этого языка. Развитие литературного языка определяется его ролью в жизни общества. В каждую эпоху своего существования литературный язык реализует коммуникативные запросы общества, что находит непосредственное выражение в том или ином виде речевой деятельности, в приемах стилистически мотивированного употребления. На разных этапах общественно-исторического развития содержание понятия «литературный язык» было неодинаковым.

В пору становления и расцвета Киевского государства литературный язык является важнейшим средством письменного общения и выступает как язык светской и церковно-риторической письменности восточных славян — предков русского, украинского и белорусского народов (X — начало XIV в.).

Памятники письменности, созданной в пору существования Киевского государства, свидетельствуют о том, что язык литературных текстов не являлся однородным и восходил к двум источникам: разговорной речи восточных славян, а также церковнославянскому языку (русифицированному варианту старославянского языка).

После принятия христианства (988) у восточных славян появляются книги, написанные на старославянском языке — древнейшем литературном языке славянского мира; на этом же языке ведется богослужение. Этот пришлый литературный язык на восточно-славянской почве испытывает воздействие живой русской речи и постепенно впитывает звуковые, грамматические и лексические явления русского языка. Сфера применения этого языка — область религиозно-культурной деятельности (богослужение, богослужебные и религиозно-поучительные книги), именно поэтому данный язык стали называть церковнославянским или церковнокнижным.

Своеобразие речевой ситуации, возникшей в письменности Древней Руси, приводит к тому, что в литературных произведе-

ниях и даже в редакциях одного и того же произведения встречаются элементы русского и церковнославянского (в основе — старославянского) языков; при этом они находятся в самых различных соотношениях. Речевая неоднородность языка древнейших памятников русской письменности явилась той питательной средой, на которой формировались мнения исследователей о характере речевой базы, определившей облик литературного языка Древней Руси. В научной литературе не утратил своей актуальности давний спор: на основе русской или старославянской речи возник литературный язык Древней Руси? Сколько литературных языков было в пору существования древнерусской народности? Каковы судьбы литературного языка Древней Руси?

На эти и другие смежные вопросы пытались дать ответ ученые еще в прошлом столетии.

В начале XIX в. разгорается дискуссия о характере русского литературного языка. А. С. Шишков обосновывает тезис, что церковнославянский язык — это корень и начало российского литературного языка. В своем «Рассуждении о старом и новом слоге российского языка» (Спб., 1803) он доказывал необходимость обращаться к древнему, т. е. церковнославянскому, языку как наиболее совершенному средству выражения мыслей; более того, церковнославянский и русский языки рассматриваются им как стили одного и того же российского языка, так как церковно-книжная лексика и русская находятся в синонимических связях и стилистических соотношениях (*лоб — чело, щеки — ланиты*).

Оппоненты А. С. Шишкова признавали наличие двух литературных языков — славянского (церковнославянского) и русского и протестовали против попыток смешивать эти речевые стихии: «Я всегда отвергал мнимое смешение славянского языка с русским, и мне никогда не приходило в голову называть сей последний *слогом*»²³.

В трудах А. Х. Востокова обосновывается положение о существовании двух языков — русского и церковнославянского, о взаимодействии этих языков на разных этапах истории русской письменности²⁴.

М. А. Максимович развивает мысль о том, что церковнославянский язык в пору принятия христианства становится письменным языком русского народа, а элементы русской речи представляли собой лишь вкрапления в языке литературных текстов той поры и впоследствии были освоены церковнокнижной основой древнерусского литературного языка. Этот пришлый славянский язык вступил во взаимодействие с разговорной речью русского народа, и «в продолжение веков древняя народная речь Московской Руси и язык церковный сроднились между собою и сочетались неделимо в один живой, цельный состав, какой представляет собою нынешний русский язык»²⁵. Точка зрения М. А. Максимовича о церковнославянской основе древнерусского литературного языка, несомненно, была обусловлена тем, что исследо-

ватель не учитывал некоторые явления русского языка, происходившие в процессе исторического развития. Так, редуцированные звуки *ѣ, ъ* в структуре слова рассматривались им как явления церковнославянского языка на том основании, что буквы *ѣ, ъ* довольно долго писали вместо коренных гласных *о, е*, а потом под воздействием русского выговора перестали их употреблять, что свидетельствовало, как пишет автор, о процессах, связанных с обрусением кирилловского, старославянского языка: он «переделался у нас на русский лад, растворился полногласием русской речи»²⁶.

Таким образом, автор не учитывал того, что многие явления (написания *ѣ, ъ* в середине слова, формы творительного падежа множественного числа именных слов на *-ы*, употребление форм аориста, имперфекта и др.) были свойственны также и русскому языку как отражение языковых процессов былой праславянской эпохи.

В «Мыслях об истории русского языка» И. И. Срезневского (1849) указывалось, что старославянский язык весьма легко утвердился в русской письменности, поскольку он ближе всего был именно к русскому языку по своему составу и строю. Но при этом нельзя не учитывать, что старославянский язык как язык книжный, возникший на базе переводов богослужебных книг, обладал весьма ограниченной сферой общественного применения; более того, он вступил во взаимодействие с родным языком русского народа, имевшего богатую культуру народнопоэтического творчества. В работе И. И. Срезневского не было четкого разграничения таких понятий, как старославянский язык и русский литературный язык древнейшей поры; он придерживался мнения, что до XIII в. произведения церковно-богослужебной литературы, летописи и деловая письменность создавались на одном и том же книжном (литературном) языке.

Неопределенность той точки зрения (по которой в древнейшее время существовали русский и старославянский языки, а впоследствии сложились два типа литературного языка), что отдельные жанры русской письменности до XIII в. являлись исконно русскими, не позволила исследователям отойти от традиционной позиции, в основе которой лежало церковнославянское происхождение древнерусского литературного языка. Получает распространение прямолинейное суждение М. А. Максимовича о преобразовании молитвенного (церковнославянского) языка в письменный, т. е. литературный язык Киевской Руси, что нашло наиболее яркое выражение в следующем высказывании Е. Ф. Карского: «Первая письменность на Руси явилась вместе с принятием христианства в X веке. Так как языком богослужебных книг был язык церковнославянский, зашедший к нам от болгар, то естественно, что он и лег в основу русского литературного языка. Однако же, как ни велика была близость этого языка к русскому народному того времени, все же многое в нем казалось недоста-

точно понятным для русских; поэтому первые русские авторы хотя бы и произведений религиозного содержания, а также переводчики и переписчики разных книг часто незаметно для себя, а иногда и преднамеренно вносили особенности живой русской речи в литературный язык и письмо. Число этих последних черт со временем увеличивается все больше и больше, впрочем, не в такой степени, чтобы совершенно заслонить церковнославянскую основу. В произведениях чисто светского характера... решительно начинает преобладать народный элемент. К XIV веку на народной основе уже выработался довольно сильный, с своеобразными русскими особенностями, литературный язык»²⁷. В данном высказывании допускается возможность существования двух литературных языков, но при этом оформление литературного языка на народной основе относится к более позднему времени (XIV в.).

В трудах А. А. Шахматова предпринимаются попытки дать всестороннее лингвистическое обоснование научного мнения о церковнославянской основе русского литературного языка: «...по своему происхождению русский литературный язык — это перенесенный на русскую почву церковнославянский (по происхождению своему древнеболгарский) язык, в течение веков сближавшийся с живым народным языком и постепенно утративший и утрачивающий свое иноземное обличие»²⁸. По мнению А. А. Шахматова, в литературном языке русского народа первых десятилетий XIX в. обнаруживаются: во-первых, церковнославянизмы как первоначальная природа этого языка, во-вторых, южнорусизмы, украинизмы как свидетельство древнейших судеб литературного языка на Руси²⁹. Лингвистическая аргументация концепции А. А. Шахматова не отличалась универсальностью: она учитывала фонетические (звуковые) приметы языка древнейших памятников письменности и обходила явления грамматического строя (морфологические, синтаксические), словарного состава языка; кроме того, не принимались в расчет общественно-исторические условия, свойственные времени создания памятников письменности (архаизация орфографии языка письменности во время так называемого второго южнославянского влияния и др.). Более того, даже исследование звуковой стороны памятника письменности не может привести к однозначному выводу, так как во время правки книг (XV — XVI вв.) слова и словоформы подвергались сознательной славянизации: русские буквы и словосочетания *ч, оро, оло, ъл, ър* заменялись церковнославянскими *щ, ра, ла, лѣ, рѣ*.

Наблюдения над звуковым строем, лексикой, морфологией и синтаксисом языка древнейших памятников письменности («Русская Правда», «Сочинения Владимира Мономаха», «Моление Даниила Заточника», «Слово о полку Игореве»), охватывающих широкий отрезок времени (от начала XI до конца XII в.), принадлежащих северным, южным и средним центрам культурной

жизни Руси и различных по жанровому оформлению, приводят С. П. Обнорского к мысли, что литературный язык зародился в древности на базе русской речи, что суждения ученых о церковнославянской основе древнерусского литературного языка противоречат языковому материалу, который представлен в памятниках письменности. По его мнению, основа древнерусского литературного языка — не церковнославянская, а восточнославянская речь; именно на базе этой речи на севере русской земли (в Новгороде) возникает «в собственном смысле русский язык во всем своем осто́ве», а впоследствии на него оказывает «сильное воздействие южная, болгаро-византийская культура» (этот процесс относится им к XIV веку)³⁰. С. П. Обнорский полагал, что русский литературный язык древнейшей поры во всех своих звеньях (лексика, грамматический строй, звуковой облик) был чисто русским и что церковнославянизмы не играли значительной роли в русской письменности: «Основной и главнейшей чертой литературного языка этой поры является общий русский его облик... Второй общей его чертой служит относительно архаический тип языка, понятный сам по себе ввиду того, что памятники принадлежат к старейшей поре (XI — XII вв.). Наконец, третьей, также замечательной особенностью языка является очень слабая доля церковнославянского на него воздействия»³¹.

Концепция С. П. Обнорского вызывала сомнения прежде всего потому, что она строилась на основе исследования ограниченного количества памятников языка русской письменности. На это и обратил внимание А. М. Селищев: «Нет, «Русская Правда» не представляет указания на существование особого типа древнерусского литературного языка, предшествовавшего литературному языку, формировавшемуся на основе старославянского. Близость к живой народной речи обусловлена была не тем, что то был начальный момент его письменного применения, а содержанием речи, сферой применения ее. Не только в XI в., но и позднее, не только у русских, но и у сербов, у которых язык старославянской письменности имел то же применение, что и у восточных славян, произведения делового содержания писались не “высоким” языком церковных книг и торжественных слов-проповедей, а простым деловым языком»³².

Мнение С. П. Обнорского о существовании на заре русской письменности двух литературных языков (древнерусского, возникшего на базе разговорной речи восточных славян, и церковнославянского как культового языка древних русичей) вызывало возражения иного рода, которые высказывал в свое время Ф. П. Филин³³ и которые сводились к следующему: «Во-первых, совершенно очевидно, что древнерусская письменность по своему происхождению неотделима от письменности старославянской: попытки доказать ее независимое происхождение не имеют под собой никаких фактических оснований. Само письмо пришло к нам из Болгарии вместе с распространением христианства.

Что собою представляли первобытные славянские “черты и резы”, о которых упоминает черноризец Храбр, мы не знаем. Во-вторых, аргументация С. П. Обнорского о цельности самобытного древнерусского литературного языка — стройность и выдержанность системы прошедших времен (аориста, имперфекта, перфекта и плюсквамперфекта), тройственного деления форм числа, системы именного склонения, особенности синтаксиса и т. п. — неубедительна, так как все указываемые им языковые черты представлены и в генетически близком старославянском языке. В-третьих, наличие известной доли церковнославянизмов в оригиналах (а не в поздних списках) «Русской Правды» краткой редакции, «Слова о полку Игореве», «Моления Даниила Заточника» и сочинений Владимира Мономаха, на анализе языка которых основывал свою концепцию С. П. Обнорский, тоже не подлежит никакому сомнению. Следовательно, его тезис лишь о позднем воздействии церковнославянского языка на собственно древнерусский литературный язык фактически не подтверждается»³⁴.

Исследования С. П. Обнорского тем не менее констатировали неоспоримость того факта, что язык «Русской Правды» и других произведений деловой письменности в основе своей древнерусский, что в нем встречаются церковнославянизмы, что он хранит следы литературной обработки, что письменный язык Древней Руси был многожанровым, опиравшимся на разговорную речь восточных славян.

В трудах Л. П. Якубинского развивается мысль о наличии в Древней Руси литературного двуязычия. Церковнославянский язык в X в., полагал исследователь, не только был средством религиозного общения, но и выступал в качестве средства официально-деловой переписки: на нем создавались грамоты, договоры, а также летописные своды, житийные произведения. Во второй половине XI в., по мнению ученого, складывается собственно древнерусский литературный язык; этот язык «существовал в XI — XIV вв. как особый, отличный от церковнославянского литературный язык»³⁵. На этом литературном языке, с его точки зрения, создавались произведения деловой письменности и литературно-художественного творчества: поучение новгородского епископа Луки Жидяты, сочинения Владимира Мономаха, «Слово о полку Игореве» и др. Следовательно, на Руси до XI в. литературным был церковнославянский язык, а затем возникает другой, в своей основе русский литературный язык, который постепенно начинает вытеснять церковнославянский; этот язык к XI в. теряет свои позиции как средство официально-деловой, государственной деятельности.

Наличие двуязычия в письменности Древней Руси признается в трудах Б. А. Ларина: «Абсолютно неверно предположение, что церковнославянский язык был единственным литературным языком в Древней Руси»³⁶; при этом подчеркивается, что старосла-

вянский язык заметно отличался от русского и что овладение этим языком было нелегким делом даже для грамотных людей Киевской Руси, поэтому между этими языками должно было быть взаимодействие, находившее выражение в смешанном типе литературного языка.

Мнение о церковнославянской основе русского литературного языка доводится до крайностей в трудах Б. О. Унбегауна: «Русский литературный язык является русифицированным церковнославянским литературным языком, развивавшимся без перерыва, хоть и не без толчков, с XI в. до наших дней»³⁷. История русского литературного языка, по мнению Б. О. Унбегауна, — это процесс постепенного обрусения церковнославянского литературного языка, процесс освоения исконных элементов русской речи. Эта мысль развивается в трудах его последователей: «История русского литературного языка до XVIII в. — это история русского церковнославянского языка» и лишь «с XVIII в. появляется новый литературный язык, противопоставляющий себя церковнославянскому»³⁸.

Иной подход к проблеме происхождения литературного языка восточных славян намечает В. В. Виноградов. В своих работах он отмечает культурно-историческую роль старославянской письменности, а вместе с тем и роль старославянского языка как языка культа, науки и «высоких» жанров литературы; но при этом утверждает, что у восточных славян была своя, самобытная культура слова. На Руси в ходе взаимовлияния пришлого языка (старославянская письменность) и языка восточных славян возникают два типа древнерусского литературного языка: книжно-славянский (сложился на базе старославянского, пришлого литературного языка) и народно-литературный, восходящий к живой народной речи и к языку народнопоэтического творчества. На основе книжно-славянского типа литературного языка были созданы такие произведения, как «Слово о законе и благодати Илариона», «Слово Кирилла Туровского», «Житие Феодосия» и др. На основе народно-литературного (или народно-разговорного, народно-письменного) типа древнерусского литературного языка были написаны «Слово о погибели русской земли», «Моление Даниила Заточника», «Слово о полку Игореве» и др. Эти типы древнерусского литературного языка сложились наряду с церковнославянским языком и в известной мере под воздействием этого языка, но не обрели права быть самостоятельными литературными языками; они представляли собой «две функционально разграниченные и жанрово-разнородные системы литературного выражения»³⁹. Типы древнерусского литературного языка выступали как стилистически дифференцированные системы, но не являлись стилями единого литературного языка, и только в XVII в. они превращаются в три стиля единого литературного языка.

Так, в сфере народно-письменного типа литературного языка имели место стилистические различия, связанные с характером повествовательного изложения событий и фактов в летописи, с манерой фольклорно-художественного изображения и употреблением обработанных форм письменно-деловой речи. Более того, «письменно-деловая речь, влияя на развитие литературно-народного языка и сближаясь с ним в обработанных произведениях деловой прозы (грамотах, отписках и т. п.), одним краем касается литературного языка, а другим уходит в гущу народно-разговорной диалектной речи»⁴⁰.

Взаимодействие живого, разговорного языка восточных славян с языком пришлым, церковнославянским охватывало различные жанры древнерусской письменности, и это способствовало взаимопроникновению языковых элементов, более того, оно вело к взаимопроникновению структур народно-литературного и книжно-славянского типов древнерусского литературного языка. В. В. Виноградов приходит к выводу: «Процесс формирования, складывания древнерусского литературного языка определялся взаимодействием и синтезированием четырех (правда, неравноправных) элементов: 1) старославянского (или церковнославянского) языка; 2) деловой, государственно-правовой и дипломатической речи, развивавшейся еще в дописьменную эпоху; 3) языка фольклора и 4) народно-диалектных элементов. Роль конденсатора и грамматико-синтаксического регулятора сначала принадлежала церковнославянскому языку. Реальный состав сплава или смешения всех этих элементов зависел от жанра письменности и литературы. Изучение дальнейшего развития русского литературного языка должно быть направлено в сторону открытия закономерностей и правил взаимодействия, совмещения, скрещения, противопоставления и омонимического отталкивания русизмов и церковнославянизмов со все более усиливающимся влиянием народных русских элементов»⁴¹.

Таким образом, в трудах В. В. Виноградова отмечается сложный характер взаимодействия двух типов литературного языка, которые восходят к разным языкам; эти литературные языки (русский и церковнославянский) в ходе своего взаимодействия сохраняли свой статус и не стали компонентами единой языковой структуры Древней Руси.

В исследованиях Ф. П. Филина отмечается важная роль старославянского языка в возникновении и развитии древнерусского литературного языка, но при этом подчеркивается, что «главным творческим началом в их истории (т. е. восточнославянских языков.— А. К.) была народная речь, которая приспособлялась к себе, сама видоизменяясь, все и всяческие иноязычные влияния»⁴². Все многообразие речевой деятельности русских людей того времени не укладывается в рамки двух типов литературного языка. В трудах Ф. П. Филина намечается иной подход к оценке языкового материала древнейшей поры. Начало

литературного языка увязывается со временем возникновения письменности. На Руси в указанную пору возникают два письменных языка: древнерусский (или народно-литературный) и церковнославянский (в основе старославянский).

Древнерусский литературный язык главным образом был представлен в сфере деловой письменности. Язык деловой письменности «представлял собой обработанную относительно наддиалектную систему с некоторыми церковнославянскими вкраплениями, но восточнославянской основой. Язык этот был унаследован в XIV — XVII вв. русской, украинской и белорусской народностями, которые внесли в него свои особенности»⁴³. Другим литературным языком Древней Руси был язык старославянский, он подвергся русификации; «в фонетике и морфологии он в основном становится древнерусским, отсюда и его название — церковнославянский язык русской редакции»⁴⁴.

Между этими литературными языками Древней Руси — древнерусским и церковнославянским — происходит сложное взаимодействие, что находит то или иное выражение в языке памятников древнерусской письменности; происходит своеобразный сплав элементов разных языковых стихий. Литературное двуязычие Древней Руси в концепции Ф. П. Филина предстает в таком виде: «1) церковнославянский литературный язык с двумя типами: а) собственно церковнославянский язык — язык богослужбной и примыкающей к ней литературы, переведенной или созданной в Болгарии и других славянских странах, которая читалась и переписывалась на Руси; в этом языке... имелись восточнославянские напластования, особенно в фонетике и морфологии; б) славяно-русский язык — язык оригинальных произведений, написанных русскими, в которых преобладала церковнославянская стихия, но в той или иной степени присутствовал восточнославянский субстрат; 2) древнерусский литературный язык также с двумя типами: а) язык деловой письменности и частной переписки с отдельными церковнославянскими вкраплениями; б) язык «повествовательной литературы» (произведения разных жанров), восточнославянский в своей основе, но с широким использованием церковнославянских средств»⁴⁵; Предложенная схема литературно-языковой ситуации Древней Руси, по признанию ее автора, является условной, и многие вопросы, связанные с разысканиями о языковой базе древнерусского литературного языка, требуют дальнейших исследований. Но при этом следует более сдержанно относиться к языковым фактам, свидетельствующим о роли церковнославянского языка в истории русской письменности: «Равно неприемлемо как утверждение о том, что русский литературный язык — это русифицированный церковнославянский (т. е. утверждение о «древнеболгарской» его основе), так и утверждение о том, что русский литературный язык — это церковнославянизированный русский язык (т. е. утверждение о народной его основе)»⁴⁶.

Следует подчеркнуть и тот факт, что элементы русского и церковнославянского языков в письменности Киевской Руси обладали стилистической значимостью и нередко выступали в виде стилистически противопоставленных пар. Слова и формы церковнославянского языка известным образом обособляли письменную речь от всевозможных форм обиходно-бытового общения.

Памятники языка деловой письменности XI — XIII веков

Язык деловой письменности Древней Руси в основе своей русский, отражающий особенности устной речи восточных славян. Элементы церковнокнижного языка выступают лишь в виде отдельных вкраплений, свойственных этому жанру. Так, в грамотах князей и в актах частной переписки встречаются слова и стандартизированные выражения (своеобразные клише жанра деловой письменности): *аз, аще, раб божий, во имя отца и сына и святого духа* и др.

Дошедшие до нас памятники деловой письменности Древней Руси (договоры русских с греками, зафиксированные в «Повести временных лет», произведения официально-деловой и частной переписки, «Русская Правда») свидетельствуют о важнейшей роли русского литературного языка в сфере государственно-правовой и административной деятельности.

Среди памятников языка деловой письменности особое место занимает «Русская Правда» — древнейший свод законов.

Русская Правда

«Русская Правда» — оригинальный памятник древнерусской письменности XI в.; подлинник этого свода законов Древней Руси до нас не дошел. Мы располагаем лишь списками, древнейшим из которых является Синодальный (1282). Язык данного памятника — красноречивое свидетельство силы и жизненности общерусской речи Киевского государства, получившей широкое отражение в различных жанрах деловой письменности. Язык «Русской Правды» близок к разговорному языку восточных славян. Здесь употребляются типичные слова русской речи: полногласные формы (*борода, солод*), начальное *ро, ло* (*лодья, роботать*), начальное *о* (*одиною матери*); встречаются общественно-политические, юридические, производственно-бытовые термины, восходящие к разговорной речи русичей: *добытък* — имущество (старослав. *имение*), *задница* (старослав. *наследие*). Значительная группа слов, встречающихся в данном памятнике, употребляется и в наши дни: *горох, корова, молоко, сено, свобода, хлеб* и др. Синтаксические особенности также свидетельствуют о русской основе языка «Русской Правды»: сочинительные отношения реализуются посредством союзов *а, и, либо, либо, да, нъ*, подчинительные — чаще всего условными союзами *аже, оже, оже ли, а оже ли*. Морфологические черты языка «Русской Правды» в основе своей древнерус-

ские. «Общая система склоняемых форм имен существительных... обращает на себя внимание как система типически русского склонения»⁴⁷.

Ниже даются отрывки по изданию: «Русская Правда» по спискам карамзинскому и троицкому/Под ред. проф. Б. Д. Грекова. М.; Л., 1934.

Русская Правда по карамзинскому списку

1. Аже убьет кто мужа, то мьстити брату брата, любо отець, или сыну, любо брат — чаду, ли братню сынови; оже не будеть кто его мьстят, то положить за голову 80 гривен, аще ли будеть княжь мужь или тиун княжь; аци ли будеть русин, горожанин, или грид, или купець, или тиун болярьский, или мечник, любо изгой, ли словенин, 40 гривен положити за нь.

О мече

19. Оже кто ударит мечем, не вынес его, или рукоятю, то 12 гривен продажи за обиду.

20. Аже ли вынес мечь, а не ударив, то гривна кун.

21. Оже кто ударить кого батогом, или чашею, или рогом, любо тылсницею, то 12 гривен; не терпя ли противу тому тнеть мечем, то вины ему в том нет.

22. Аще ли утнеть руку, и отпадеть рука или усъхнет, или нога, или око, или нос утнеть, то полуверие 20 гривен, а тому за век 10 гривен. <...>

О муже кроваве

24. Иже придеть кровав мужь на двор или синь, то видока ему не искати, но платити ему продажи 3 гривны; аще ли не будеть на нем знамениа, то привести ему видок слово противу слова, а кто ли будеть начал, то тому платити 60 кун; аще же и кровав приидеть или будеть сам почал, а выступять послуси, то то ему за платежь, оже и били.

Оже на чюжемь коне ездит

28. Аще кто въсядеть на чюжь конь не прошав, то 3 гривны продажи.

О татбе

33. Паки ли что будеть татebное купил в торгу, или конь, или порт, или скотину, то введеть свободна мужа два или мытника; аже начнеть не знати, у кого будеть купил, то ити по нем видоком на торгу на роту, а исцу свое лицом взяти, а что с ним погыбло, а того ему желети, а иному желети своих кун, зане не знает его, у кого будеть купил, а познаеть ли надолзе, у кого то купил, свои ему куны взяти, и сему платити, что будеть у него погыбло, а князю продажу.

О зубе

79. Оже выбьют зуб, а кровь увидят у него в рте, а люди влезут, то 12 гривен продажи; за зуб взять ему гривна. <...>

О бобре

81. Аще кто украдет бобр, то 12 гривен продажи.

О смердех

89. Оже мучигь смерд смерда без княжа слова, то 3 гривны продажи. а за муку гривна кун

О жене

106. Аще жена сядет по мужи, то дати ей часть, а у своих детеи взяти часть, а что на ню мужь възложил, тому же есть госпожа, а задница ея мужья не надобе: будут ли дети, то что первой жены, то то възмутъ дети матери своей, любо си на жену будетъ възложил, обаче матери своей възмутъ.

107. Аже будетъ сестра в дому, то той задници не имати, но отдаять ю братиа за мужь, како си могутъ.

О заднице

112. Аще же и огчим прииметь с задницею детеи, и то такоже есть ряд, якоже рядил; а двор без делу отен всякой меньшему сынови.

О холопстве

123. Ожо холоп бежить, а заповесь и господин, аже слышав кто или зная или ведая, оже есть холоп, и дасть ему хлеба или путь ему покажетъ, то платити за холоп 5 гривен, а за робу 6 гривен.

124. Аще кто переимет холопа чюжаго или робу и дасъть вестъ господину его, то взяти ему переима гривна кун; не будетъ ли его, то платити ему 4 гривны за холоп, а пятая переимная ему, а будетъ роба, 5 гривен, а 6 на переим отходить.

Русская Правда по троицкому списку

Правда русьская. Аже убиеть мужь мужа, то мьстити брату брата, любо отцю, ли сыну, любо брату чало, ли братню сынови. Аще ли не будетъ кто его мьстя, то положити за голову 80 гривен, аче будетъ княжь мужь или тиуна княжа; аще ли будетъ русин,

или гридь, любо купець, любо тивун
бояреск, любо мечник, любо изгой,
ли словенин, то 40 гривен положити за нь. <

А придеть кровав мужь

Аже придеть кровав мужь на двор и-
ли синь, то видока ему не искати, но
платити ему продажу 3 гривны. Аще ли
не будеть на немь знамения, то при-
вести ему видок — слово противу слова;
а кто будеть почал, тому плати 60 кун.
Аче же и кровав придеть, или будеть
сам почал, а вылезуть послуси, то
то ему платежь, оже и били. <...>

Аже кто всядеть на чюжь конь

Аже кто всядеть на чюжь конь, не пра-
шав, то 3 гривны. Аче кто конь погубить
или оружье или порт, а заповесть
на торгу, а после познаеть в
своемь городе, свое ему лицомь взя-
ти, а за обиду платити ему 3 гривны. <...>

О татбе

Паки ли будеть что татечно купил в то-
ргу, или конь, или порт, или скотину,
то выведеть свободна мужа два или
мытника. Аже начнеть не знати, у ко-
го купил, то ити по немь тем видо-
ком на роту; а истьцю свое лице взяти,
а что с нимь погибло, а того ему желе-
ти; а оному желети своих кун, зане
не знаеть, у кого купив. Познаеть
ли на долзе, у кого то купил, то свое ку-
ны возметь; и сему платити, что у не-
го будеть погибло, а князю продажу. <...>

Аже умереть смерд

Аже смерд умереть, то задницю князю.
Аже будуть дщери у него дома, то даяти
часть на не; аже будуть за мужемь, то не
даяти части им. <...>

О холопстве

⟨...⟩ Аже холоп бежить,
а заповесь господин, аже слышав кто
или зная и ведая, оже есть холоп,
а дасть ему хлеба или укажетъ е-
му путь, то платити ему за холо-
п 5 гривен, а за робу 6 гривен. Аже кто пе-
реиметь чюжь холоп и дасть ве-
сть господину его, то имати ему переем
гривна; не ублюдетъ ли, то платити е-
му 4 гривны, а пятая переемная е-
му; а будетъ роба, то 5 гривен, а шеста-
я на переем отходить. Аже кто
своего холопа сам досочитъся
в чьемъ любо городе, а будетъ поса-
дник не ведал его, то поведавше
ему, пояти же ему отрок от него
и шедше увязати и и дати ему вя-
збную 10 кун, а переима нетуть.

Древнерусские грамоты

Грамоты русских князей и грамоты отдельных лиц как акты частной переписки — популярный жанр деловой письменности; язык этих грамот отражает особенности разговорной речи восточных славян как в области синтаксиса, так и в сфере отбора слов и выражений (слова с полногласием и с другими отличительными чертами русской речи: *корова, деете по веремьнем, серебряно, осеннее; мир dokonчaxъm, крест целуем*). В актах государственной и частной переписки, особенно в зачинах и концовках (*Се аз князь Олександр*), а также при обращении к богу, в заклинаниях и других мотивах церковно-религиозного содержания встречаются элементы церковнославянского языка как отражение билингвизма в письменно-литературной практике Древней Руси.

Ниже приводятся тексты четырех грамот и духовного завещания.

Грамота великого князя Мстислава Володимировича и его сына Всеволода (около 1130 г.)

Самая старшая из всех сохранившихся грамот Древней Руси. Грамота дана Новгородскому Юрьеву монастырю киевским великим князем Мстиславом I и его сыном новгородским князем Всеволодом.

Печатается по изданию: *Срезневский И. И.* Древние памятники русского письма и языка. X — XIV вв. Приложение. Спб, 1866.

Се аз Мьстислав Володимирь сын държа русьску землю в свое княжение повелел есмь сыну своему Всеволоду отдати буице святому Георгиеви с данию и с вирами и с продажами и вено вотское даже который князь по моемь княжении почьнетъ хотети отяти у святого Георгия а бог буди за темь и святая богородица

и ть святыи Георгии у него то отимаеть. и ты игумене Исаие. и вы братие. донеле же ся мир състоить. молити бога за мя и за мое дети. кто ся изостанеть в монастыри. то вы темь дьлжны есте молити за ны бога и при животе и в съмърти. а яз дал рукою своею. и осеннее полюдие даровное полътретия десяте гривьн святому же Георгиеви. а се я Всеволод дал есмь блюдо серебряно. в 4 гривьн серебра. святому же Георгиеви велел есмь бити в не на обеде коли игумен обедаеть. даже кто запъртити или ту дань и се блюдо. да судить ему бог в днь пришьствия своего и ть святыи Георгии.

Вкладная Варлаама Хутынскому монастырю после 1192 г.

Грамота находилась в Хутынском монастыре (близ Новгорода) Печатается по изданию: *Срезневский И. И.* Древние памятники русского письма и языка. X — XIV вв. Приложение. Спб, 1866.

Се въдале Варламе святому Спасу землю и огород и ловища рыбная и гоголиная и пожни. а. рьль противу села за волховом. в. на волхевъци коле. г. корь. д. лозь. е. волнина .S. на острове и с нивами. вху же ту землю хутин[ь]скую въдале святому спасу и с челядию и с скотиною. а се бра <...>. а. отрок с женою .в. вълос [.]г. девъка феврония с двема сынов <...>. д. недачь. а конь. шестеро и корова се. другое село на слудици за <...> бнею въдале святому спасу и божница в немь. святого Георгия. и нив [и] и пожни и ловища и еже в нем. се же все дал варлам михалев сын. святому спасу. аще кто дияволъм на [уч]ен и злыми человекеы наважен цьто хочеть отяти от нив ли от пожнь ли или от ловищъ. а буди ему противень святыи Спас. и в с век и в будущи.

Договорная грамота Смоленского князя Мстислава Давидовича с Ригою и Готским берегом 1229 г.

Грамота печатается в сокращенном виде; полный текст в изданиях: *Сахаров И. П.* Образцы древней письменности, табл. 11. Спб 1849, *Напьерский К. Я.* Русско-Ливонские Акты, прил. № 1. Спб. 1868.

Что ся деете по веремьнем. то отидето по верьмьнемь. приказано будете добрым людем. а любо грамотою утвердятъ. како то будете всем ведом. или кто послъ живыи останеться. того лет коли альбрахт. владыка ризкии умърл. уздумал князе смольнескыи. мьстислав. давидов сын. прислал в ригу своего лучьшего попа. ерьмея и с ним умьна мужа Пантелья. и своего горда смольнеска. та два была послъмь у ризе. из ригы ехали на гочкии берьго. тамо твердिति мир. утвердили мир что был немирно. промьжю

смольньска. и ригы. и готскимь берьгомь. всем купчем. Пре сеи мир трудили ся дъбрии людие. Ролфо. ис кашеля биж дворянин. тумаше смолнянин. аж бы миро был и дъ века. урядили пак мир. како был любо руси. и всему латинескому языку. кто то у русе гостить. На томь миру аж бы мир твърд был. тако был князю любо. и рижанъм всем и всему латинескому языку. И семь темь кто то на устоко моря ходить, аж бы нальзл правду. то напсати. како то держати руси. с латинескимь языкоме. и латинескому языку с русию. то держати. Аж быхъм что тако учинили. того бог не даи. аж бы промъжю нами бои был. а любо человека убийють до смърти. како человека то отплатити. аж бы мир не ръздрушен был. так платити. како то бы обоим любо были. Зде починаеть ся правда. Аже будеть свободеный человек убит 10 гривен серебра. за голъву. Аж будете холъп убит 1 гривна срьбра заплатити, у смольнескъ тако платити. и у ризе. и на готскомь беръзе. Око. рука. нъга. или ин что любо. по пяти гривнъ срьбра. от всякого. платити за окъ 5 срьбра, за руку 5 срьбра, за нъгу 5 срьбра. и за всякый сустав. пять гривнъ серебра. За зуб 3 гривнъ серебра. и смольньск. и у ризе. и на гочкомь березе. Кто биеть друга. деревъмь. а будете синь. любо кровав. полуторы гривны серебра платити ему. по уху ударите 3 четверти серебра. послу. и попу. что учинять. за двое того узяти. два платежя. Аже кого уранять. полуторы гривны серебра. аже будете без века. Тако платити. у смоленеске. и у ризе и на гочкомь беръзе. Аже извинить ся русин. у ризе. или на гочкъмь березе. у дыбу его не сажати. Аже извинить ся латинин. у смольнеске, не мътати его у погреб. Аже не будете порукуы то у железа усадить. Аже латинин дасть. русину товар свои у дълго. у смольнеске. заплатити немчину първее. хотя бы инъмь кому виноват. <...>

Договорная грамота Александра Ярославича Невского и новгородцев с немцами 1262—1263 гг.

Печатается по изданию: *Напьерский К. Я.* Грамоты, касающиеся до сношений Сев-Зап. России..., табл. 1. Спб., 1857.

Се аз князь Олександр. и сын мой дмитрии. с посадникомъ. михаилъмь и с тысяцькимь жирославомь. и с всеми новгородци. докончахом мир. с посломь немьцкимь. шивордомь. и с любьцкимь. посломь тидрикомь. и с гъцкимь посломь. Оаъстенъмь. и с всем латиньскимь языкомь. что ся учинило тяже. межи новгороци. и межю немци. и гты. и со всем латиньскимь языкъмь. то все отложихом. а мир докончахъм. на сеи правде. новгороцм гостити. на гоцкый берег. бес пакости. а немцьм и гтъм гостити. в новъгород. бес пакости. и всему латиньскому языку. на старыи мир. пуд отложихом а скалви поставихом. по

своеи воли и по любви. а в ратшину тяжю. платили есмы 20 грвн серебра. за две голове с третьюю выдахом. а немьцм и гтьм. и всему латиньскому языку. платити. по две куне от капи. и от всякого веснаго товара. что кладуть на скалви. и продавше. и купивше. а старьи мир до котлинг. а новгороцьм в становищи на гоцкомь березе. без пакости в старьи мир. а зимнии гость. оже не поиметь нашего послани новгородцьских купець из новагорода. или с гъцького берега. а что ся учинить ис котлинг. до новагорода. или из новагорода до котлинг. немецкъму гости оже бес посла поидуть. то новугороду тяжя не надобе. в старьи мир. оже кто гостить в корелу. или немци или гтяне. а что ся учинить. а то новугороду тяжя не надобе. а которых трее дворць въпросили ваша братья посли. а тех ся есмы отступили по своей воли. а се старая наша правда. и грамота. на чемь целовали оци ваши и наши крст, а где ся тяжя родить тую кончати. а иное грамоты. у нас нетуть. ни потаили есмы. ни ведаем на томь крст целуем.

Духовное завещание новгородца Климента до 1270 г.

Печатается в сокращении по изданию: *Сахаров И. П.* Образцы древней письменности, табл. 3. Спб, 1849.

Въ имя оца и сна и стго дха. Се аз раб бжиин., климянт [даю] рукописанье стму. гергью. и игумену. варламу. и всей братье. что възял есмь. 20. грвн серебра на свои руки. стго гергья. было же бы ми. чим. заплатит [и] даю за все за то. два села. с обильем. и с лошадьми. и с бортью. и с малыми селищи. и пнь. и колода. одерьнь. стму гергью. а заводник. сусед мои. опал. а калисту есмь. дал. микшиньское. село. с огородом. и с бортью. а воину. снви. анъдрею. даю <...>

А жена моя пострижеть ся. в чернице. то выдаите ей. четверть. отъ. не будеть голодна. или того. не въслушаеть. а нечто. меньшее. дадите ей. хотя. подо мною [.] то останеть ся. или лошак. или оружье. то все даю. стму гергью. а про куны. чимь томи ся было вам платити. в купецьском съте. у фомы. 8. грвн възмите <...> или кто почнеть ся запирати того. ть станеть. со мною. перед бм. а ты варламе исправи. того же дея написах. за нъ да не было у мене брата. ни сну, аже кто вс ... пить. на сю грамо [.] у. да не со мною. с одним. станеть пред бмь. с всимь моимь. племенем [.]

Берестяные грамоты

Берестяные грамоты в виде свитков были найдены в Новгороде на Софийской стороне во время археологических работ, проводившихся в 1951 г. и в последующие годы. Надписи наносились на внутреннюю поверхность бересты (березо-

вой коры) процарапыванием посредством изогнутого и заостренного книзу костяного стержня.

Грамоты представляют собой частные письма (это первое свидетельство о существовании частных писем на территории Древней Руси), хозяйственные документы; в них содержится информация о жизни и быте Новгорода, о характере экономических и юридических отношений. Берестяные грамоты свидетельствуют о том, что «рядовые светские новгородские граждане писали друг другу письма по бытовым вопросам, и подобных писем, очевидно, было много, судя по количеству случайных находок в разных слоях небольшого раскопа»⁴⁸.

Найденные грамоты представляют большой интерес для изучения языка Древней Руси; в них отражается типичная речь русских людей той эпохи: перфект в 3-м лице без связки (*вишьь самь, Ондришку 4 улки искормили*); исконно русские слова: *за Олександромо* (за Александром), *полотрътиядесято* (двадцать пять), *веретиша* (мешки), *лошак, оголове* (узда), *хомуть*; выражения: *в животе нет* (умер), *целом бью, ухо к тебе* (свидетельское показание).

Ниже приводится текст некоторых грамот по изданиям: *Арциховский А. В., Тихомиров М. Н.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). М., 1953; *Арциховский А. В.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.). М., 1954.

Грамота № 3 **Письмо от Грикши к Есифу**

1. Поклон от Грикши к Есифу. Прислав Онанья, молв [и]
2. яз ему отвечал: не рекл ми Есиф варити перевары ни на кого. Он прислал
3. к Федось: вари ты пиво, седишь на безатьщине, не варишь жито.

Грамота № 9 **Письмо от Гостяты к Василью**

1. От Гостяты к Васильви. Еже ми отьць дая
2. л и роди съдаяли, а то за нимь. А ныне во-
3. дя новую жену, а мне не въдасть ничь-
4. то же, и зби в руки пустил же мя, а ину
5. ю поял. Доеди, добре сотворя.

Грамота № 17

Поклон от Михаили к осподину своему Тимофию.
Земля готова, надобе семяна. Пришли, осподине,
целовек спроста, а мы не смием имать ржи
без твоего слова.

Грамота № 19

Да цоб ти година отьправить отьцу, ино бь
добро. Да только буде сътарому мьсель довод
ле. Ино надо бы дворянине. А приставе ино zde.
Филист ехал хоце, а судьно есть у мене. А
хлеб сухей суить, саме отпразновав да
поедь сем. А хлебе здесе в <...>

Грамота № 23

Поклон от Карпа к осподину моему Фоми. Было есми, осподинь, на Пустопържи, рожь семь роздилило с Ольксои, с Гафанкомо. Ньмного, осподинь, ржи на твою часть, два овина цътвърти. А Пянтъликъ видьль самь.

Грамота № 25

Ухо к тебе с Васильем со Желутковым и ты ухо положи на суде. А на мене сеш ли на том, цто еси конь познал у немцина, и ухо еси за мене дале, и немцине с себе повод сложили <...>

Грамота № 30

От Якова к Евану. Что слешь ко мне про серебро, то ведаю, аже ты далс серебро на себе, то ведаю, а иного не ведаю: како ли ты венилеся, како ли что дале еси рубль на себе.

Грамота № 42

Въ имя оца и сына и свя... а се аз, Бъбжи Михаль, отхожда живота сего, пишю рукописание при своемь животе, что ми Кобилькеи 2 рубля ведати.

Грамота № 43

От Бориса ко Ностасии. Како приде ся грамота, тако пришли ми цоловек на жерепце, зане ми здесе дел много. Да пришли сороцицю, сороцице забыле.

Грамота № 53

Поклон от Погра к Марье. Покосиле есмь пожню. и Озерици у мене сено отъяли. Спиши список с купной грамоте да пришли семо. Куды грамота поведе, дать ми розумно.

Грамота № 61

<...> з гостомо полотрътидесято гривньо сьрьбра... истины 10 пудово мьду, а три годы, а Ное самь ведаете, кодцо исправигь, кодь, что взяти, а ко мне кажить с вьсмо.

От Тереньтея к Михалю. Пришлить лошак с Яковьцем. Поедутъ дружина Савина чадь. Я на Ярославли, добр, здоров и с Григоремь. Углицане замерзьли на Ярославли. Ты до Углеца, и ту плк дружина.

Памятники языка светской литературы Древней Руси

Светская литература играла большую роль в культурной жизни Киевского государства. К данному жанру можно отнести произведения, отражающие героическое прошлое родной земли, жизнь и быт соседних народов, славные дела соотечественников, дающие представление о нравственных и художественных ценностях, созданных мастерами литературно-художественного и народнопоэтического творчества. Язык, которым написаны памятники светской литературы, в основе своей является исконно русским, народно-разговорным, но при этом впитывает элементы церковнославянского языка либо для придания литературному произведению различных видов оценочной экспрессии, либо в случаях, когда этого требует изображаемая ситуация (например, описание религиозных обрядов, строительства христианских храмов и т. п.). В канву литературного повествования, отражающего жизнь и быт русских людей на бескрайних просторах могучего государства, включались также элементы языка деловой письменности.

На базе литературной речи русского народа создавались художественные произведения, объединявшие элементы церковно-книжной, устно-поэтической, обиходно-разговорной речи, служащие цели усиления экспрессивного фона словесной ткани художественного полотна.

Русская летопись

Летописные сочинения охватывали широкий круг вопросов русской жизни: в них изображались события, очевидцем которых был сам летописец, давались зарисовки быта восточных славян, передавались легенды, предания, раскрывалось содержание философских и этических понятий, создавались яркие образы воинов, полководцев, патриотов русской земли.

Древнейший летописный свод был создан в Киеве при князе Ярославе Мудром в 1039 г.; события в нем доведены до 1037 г. Данный свод подвергся переработке (1073) монахом Киево-Печерской лавры Никоном. Летописный свод Никона в 1095 г. также был переработан, и эта редакция вошла в историю в качестве Начального свода русской летописи. В 1110 г. этот свод русской летописи в свою очередь был переработан Нестором и обрел известность как «Повесть временных лет».

Русская летопись известна нам в списках позднего времени: Лаврентьевский список датирован 1377 годом (составлен монахом Лаврентием для Суздальского князя Дмитрия Константиновича), Ипатьевский список относят к XV в. (обнаружен в Ипатьевском монастыре г. Костромы).

Древнейшие списки русской летописи имеют свое продолжение в других летописных сводах: Ипатьевский список — в Киевском и Волынско-Галицком, Лаврентьевский список — в Суздальском. До нас дошли летописные своды других городов русской земли; в них отражаются события, связанные с жизнью русского народа той или иной местности: Новгородская летопись, Псковская летопись, Троицкая летопись и др.

Летопись дает представление о богатстве и выразительности литературного языка Древней Руси. Лексика отличается меткостью и выразительностью, слова и выражения как бы воссоздают наглядное, зримое изображение обозначаемого: *ближника* — родственник, *лепок* — репей, *наволок* — заливной луг, *просунути ся* — проникнуть, *тврдь* — крепость, *исполчити дружину* — принять боевое положение, изготовиться к бою, *изломити копье* — начать бой, *створити мир* — заключить мир, *всести на конь* — отправиться в поход, *отворити ворота* — открыть путь неприятелю и др. В канву литературного повествования вводятся элементы обиходно-бытовой речи: *игрища*, *телега*, *перевоз*, *перевозник*, *живяху звериньским образом*, *телом велици*, *умом горди* и др. Исконно русские слова используются в качестве красочных и образных определений: *кости голы*, *лоб гол*, *выникнувши змиа*, *бяше дерз и крепок* и т. п. Сравнения строятся на базе исконно русских слов, обозначающих явления природы, жизни и быта человека, а также животных, птиц: *аки месяц бысть*, *яко дети ко отцю*, *яко тур*, *яко пчелы к матце*. Организация предложения отражает синтаксические структуры, свойственные разговорной речи русских людей: простые предложения группируются в цепочки грамматически независимых построений, реализующих информацию, которая представляет собой различные зоны уточнений, дополнений и характеристик: *бяше около града лес и бор велик*, *и бяху ловяща зверь*, *бяху мужи мудри и смыслени*, *и нарицахуся поляне*.

Элементы церковнославянского языка включаются в летописное повествование как традиционные средства церковнокнижной письменности: *богу въздати*, *святой мужь*, *сосуд церковный*, *преставися* (умер), *владыко господи* (обращение к богу), *образ божи*, *божия помощь*, *гнев божий*, *царство небесное*, *омыся купелию святою*, *преблагий бог* и т. п. Лексика такого рода обозначает различные понятия христианской культуры: *антипасха*, *воскресение*, *дьявол*, *епископ*, *епитимия* (духовное наказание), *церей*, *иконостас*, *клирос*, *панихида*, *тропарь* (церковное песнопение) и т. п.

Элементы церковнославянского языка придают повествованию оттенки речевой экспрессии: *сьяше аки луна в ноци*, *деньница* — утренняя заря, *кънязь благоверный*, *богобоязливый* и т. п.

Ниже воспроизводятся отрывки из «Повести временных лет», а также из Киевской, Суздальской и Галицко-Волынской летописей.

Повесть временных лет

Текст дается по изданию: Повесть временных лет (Лаврентьевский список). Спб, 1897.

**Се повести времяньных лет,
откуда есть пошла руская земля,
кто в Киеве нача первее княжити,
и откуда руская земля стала есть**

⟨...⟩ Подем же жившем особе и владеющем роды своими, иже и до сее братье бяху Поляне, и живяху кождо с своим родом и на своих местех, владеюще кождо родом своим. И быша

З братья, единому имя Кий, а другому Щек, а третьему Хорив, и сестра их Лыбедь. Седяше Кий на горе, идеже ныне увоз Боричев, а Щек седяше на горе, идеже ныне зовется Щековица, а Хорив на третьей горе, от негоже прозвася Хоривица; и створиша град во имя брата своего старейшаго, и нарекоша имя ему Киев. И бяше около града лес и бор велик, и бяху ловяща зверь, бяху мужи мудри и смыслени, и нарицахуся Поляне, от нихже суть Поляне в Киеве и до сего дне.

Ини же, не сведуще, рекоша, яко Кий есть перевозник был, у Киева бо бяше перевоз тогда с оной стороны Днепра, тем глаголаху: на перевоз на Киев. Аще бо бы перевозник Кий, то не бы ходил Царюгороду; но се Кий княжаше в роде своем; и приходившую ему ко царю якоже сказаютъ, яко велику честь приял есть от царя, при которомъ приходив цари; идущю же ему вспять, приде к Дунаеви, и възлюби место, и срубил градок мал, и хотяше сести с родом своим, и не даша ему ту близъ живущии; еже и донне наричють Дунайци городище Киевецъ. Киеви же пришедшую в свой град Киев, ту живот свой сконча; и брат его Щек и Хорив и сестра их Лыбедь ту скончашася. <...>

Поляном же живущимъ особе, якоже рекохом, сущим от рода Словеньска, и нарекошася Поляне, а Деревляне от Словен же, и нарекошася Древляне; Радимичи бо и Вятичи от Ляхов. Бяста бо 2 брата в Лясах, Радим, а другий Вятко, и пришедъша седоста Радим на Съжю, и прозвашася Радимичи, а Вятко седе с родом своим по Оце, от негоже прозвашася Вятичи. И живяху в мире Поляне, и Деревляне, и Север, и Радимичи, Вятичи и Хорвате. Дулеби живяху по Бугу, где ныне Вельняне, а Улучи и Тиверьци седяху по Днестру, приседяху к Дунаеви. Бе множество их; седяху бо по Днестру оли до моря, и суть гради их и до сего дне, да то ся зваху от грек Великая Скуфь.

Имяху бо обычаи свои, и закон отець своих и преданья, каждо свой нрав. Поляне бо своих отець обычай имуть кроток и тих, и стыденье к снохам своим и к сестрам, к матерем и к родителем своим, к свекровем и к деверем велико стыденье имеху, брачный обычай имяху: не хожаше зять по невесту, но привожаху вечер, а заутра приношаху по ней что владуче. А Древляне живяху звериньским образом, живуще скотьски, убиваху друг друга, ядяху все нечисто, и брака у них не бываше, но умыкиваху у воды девица. И Радимичи, и Вятичи, и Север один обычай имяху: живяху в лесех, якоже и всякий зверь, ядуще все нечисто, и срамословье в них пред отьци и пред снохами, и браци не бываху в них, но игрища межю селы, схожахуся на игрища, на плясанье и на вся бесовская игрища, и ту умыкаху жены себе, с неюже кто съвещашеся; имяху же по две и по три жены. И аще кто умряше, творяху тризну над ним, и по семь творяху кладу велику, и възложашуть и на кладу, мертвеца сожъжаху, и посемь собравше кости вложяху в судину малу, и поставляху на столпе на путех, еже творять Вятичи и ныне. Си же творяху обычая

Кривичи и прочии погани, не вѣдуще закона божия, но творяще сами себе закон. <...>

В лето 6370. Изъгнаша Варяги за море, и не даша им дани, и почаша сами в себе володети, и не бе в них правды, и вѣста род на род, и быша в них усобице, и воевати почаша сами на ся. И реша сами в себе: «поищем себе князя, иже бы володел нами и судил по праву». И идоша за море к Варягом, к Руси; сице бо тии звахуся Варязи Русь, яко се друзии зовутся Свие, друзии же Урмане, Анъгляне, друзии Гъте, тако и си. Реша Руси Чюдь, и Словени, и Кривичи и Все: «земля наша велика и обилна, а наряда в ней нет; да и поидете княжить и володети нами». И избращася 3 братья с роды своими, и пояша по себе всю Русь, и придоша; старейший, Рюрик, седе Новегороде, а другой, Синеус, на Беле-озере, а третий Изборъсте, Трувор. И от тех Варяг прозвася Руская земля, Новугородъци, ти суть людье Новогородъци от рода Варяжъска, преже бо беша Словени. По двою же лету Синеус умре и брат его Трувор; и прия власть Рюрик, и раздая мужем своим грады, овому Полотеск, овому Ростов, другому Белоозеро. И по тем городом суть находници Варязи, а перьвии насельници в Новегороде Словене, в Полотьсте Кривичи, в Ростове Меря, в Беле-озере Весь, в Муроме Мурома; и теми всеми обладаше Рюрик. И бяста у него 2 мужа, не племени его, но боярина, и та испросистася ко Царюгороду с родом своим. И поидоста по Днепру, и идуче мимо и узреста на горе градок, и упрошаста и реста: «чий се градок?» Они же реша: «была суть 3 братья, Кий, Щек, Хорив, иже сделаша градокошь, и изгибоша, и мы седим, платяче дань родом их Козаром». Асколд же и Дир остава в граде семь, и многи варяги съвокуписта, и начаста владети Польскою землею. Рюрику же княжащу в Новегороде. <...>

В лето 6415. Иде Олег на Греки, Игоря оставив Кieve; поя же множество Варяг, и Словен, и Чюдь, и Кривичи, и Мерю, и Деревляны, и Радимичи, и Поляны, и Северо, и Вятчи, и Хорваты, и Дулебы, и Тиверци, яже суть толковины: си вси звахуться от Грек Великая Скуфь. И с сими со всеми поиде Олег на конех и на кораблех, и бе числом кораблей 2000; и прииде к Царюграду; и Греци замкоша Суд, а град затвориша. И выиде Олег на брег, и воевати нача, и много убиство сотвори около града Греком, и разбиша многы полаты, и пожгоша церкви; а ихже имаху пленники, овех посекаху, другиа же мучаху, инья же растреляху, а другья в море вметаху, и ина многа зла творяху Русь Греком, еликоже ратнии творять. И повеле Олег воем своим колеса изделати и воставити на колеса корабля, и бывшую покосну ветру, вѣспяша парусы с поля, и идяше к граду. И видевши Греци и убояшася, и реша выславше ко Олгови: «не погубляй града, имем ся по дань, якоже хочещи». И устави Олег воя, и вынесоша ему брашно и вино, и не приа его; бе бо устроено со отравою. И убояшася Греци, и реша: «несть се Олег, но святыи

Дмитрей, послан на ны от бога». И заповеда Олег дань даяти на 2000 корабль, по 12 гривен на человек, а в корабли по 40 мужь; и яшася Греци по се, и почаша Греци мира просити, дабы не воевал Грецкые земли. Олег же, мало отступив от града, нача мир творити со царьма Грецкима, со Леоном и Александром, посла к нима в град Карла, Фарлофа, Вельмуда, Рулава и Стемида, глаголя: «имите ми ся по дань». И реша Греци: «чего хощеши, дамы ти». И заповеда Олег дати воем на 2000 корабль по 12 гривен на ключь, и потом даяти уклады на Рускыя грады: первое на Киев, таже на Чернигов, и на Переаславль, и на Полтеск, и на Ростов, и на Любечь и на прочаа города, по тем бо городом седяху велиции князи, под Олгомь суще; «да приходячи Русь слюбное емлють, елико хотячи, а иже придут гости, да емлють мясину на 6 месяц, хлеб, и вино, и мясо, и рыбы и овощь; и да творять им мовь, елико хотять; пойдучи же домов, в Русь, да емлють у царя нашего на путь брашно, и якори, и ужа, и парусы, и елико им надобе». И яшася Греци и реста царя и боярьство все: «аще приидуть Русь бес купли, да не взимають мясину; да запретить князь словом своим приходящим Руси zde, да не творять пакости в селех в стране нашей; приходяще Русь да витають у святаго Мамы, и послеть царьство наше; и да испишють имена их, и тогда возмуть мясичное свое,— первое от города Киева, и паки ис Чернигова и ис Переаславля, и прочии гради; и да входять в град одними ворота со царевым мужем, без оружья, мужь 50, и да творять куплю, якоже им надобе, не платяче мыта ни в чем же. Царь же Леон со Олександром мир сотвориста со Олгом, имшеся по дань и роте заходивше межы собою, целовавше сами крест, а Ольга водивше на роту, и мужи его по Рускому закону кляшася оружьем своим, и Перуном, богом своим, и Волосом, скотьем богом, и утвердиша мир». И рече Олег: «исхийте парусы паволочиты Руси, а Словеном кропиньныя», и бысть тако; и повеси щит свой в вратех, показуа победу, и поиде от Царяграда. И воспяша Русь парусы паволочиты, а Словене кропиньны, и раздра а ветер; и реша Словени: «имемся своим толстинам, не даны суть Словеном пре паволочиты». И приде Олег к Киеву, неся злато, и паволоки, и овощи, и вина, и всякое узорочье. И прозваша Ольга вещей: бяху бо людие погани и невеголоси. <...>

Киевская летопись

Текст дается по изданию: Повесть временных лет (Ипатьевский список). Спб., 1871.

В лето 6693 <...> В то же время Святославичь Игорь, внук Олгов, поеха из Новагорода, месяца априля в 23 день, во вторник, поймя со собою брата Всеволода ис Трубецка, и Святослава Олговича сыновця своего из Рыльска, и Володимера сына своего ис Путивля, и у Ярослава испроси помощь Ольстина Олексича,

Прохорова внука, с Коуи Черниговьскими; и тако идяхуть тихо, собираюче дружину свою: бяхуть бо и у них кони тучни велми. Идушим же им к Донцю реки, в год вечерний, Игорь же, возрев на небо и виде солнце стояще яко месяц, и рече бояром своим и дружине своей: «видите ли что есть знамение се?» Они же узревше, и видиша вси и поникоша главами, и рекоша мужи: «княже! се есть не на добро знамение се». Игорь же рече: «братья и дружино! тайны божия никтоже не весть, а знамению творець бог и всему миру своему; а нам что створить бог, или на добро, или на наше зло, а то же нам видити». И то рек, перебрете Донець, и тако прииде ко Осколу, и жда два дни брата своего Всеволода, тот бяхше шел инем путем ис Курьска; и оттуда поидоша к Салнице, ту же к нимь и сторожеви приехаша, их же бяхуть послале языка ловит, и рекоша приехавше: «видихомся с ратными ратници ваши со здоспехом ездять; да или поедете борзо, или воротитися домовь, яко не наше есть веремья». Игорь же рече с братьею своею: «оже ны будеть не бившися воротитися, то сором ны будеть пуще и смерти; но како ны бог дасть». И тако угадавше, и ехаша черес ночь; заутра же, пятьку наставшу, во обеднее веремья усретоша полкы Половецькие; бяхуть бо до них доспеле, веже свое пустили за ся, а сами собравшеся от мала и до велика, стояхуть на оной стороне реки Сюрлия. И ти изрядиша полков 6: Игорев полк середе, а поправу брата его Всеволожь, а полеву Святославль сыновця его, напереде ему сын Володимерь и другой полк Ярославль, иже бяху с Ольстином Коуеве, а третий полк напереди же стрелци, иже бяхуть от всех князий выведени; и тако изрядиша полкы своя. И рече Игорь ко братьи своей: «братья! сего есмы искале, а потягнемь»; и тако поидоша к ним, положаче на Бозе упование свое. И яко быша к реце ко Сюрлию, и выехаша ис Половецьких полков стрелци, и пустивше по стреле на Русь, и тако поскочиша; Русь же бяхуть не переехали еще реке Сюрлия; поскочиша же и ти Половци силы Половецькии, которые же далече реки стояхуть. Святослав же Олговичь и Володимерь Игоревичь, и Ольстин с Коуи, и стрелци, поткоша по них, а Игорь и Всеволод помалу идяста, не ропустяста полку своего, переднии же ти Русь биша е, имаша; Половце же пробегоша веже, и Русь же дошедше вежь и ополонишася, друзии же ночь приехаша к полком с полоном. И яко собращася Половци вси, и рече Игорь ко братома и к мужемь своим: се бог силою своею возложил на врагы наша победу, а на нас честь и слава; се же видихом полки Половецьки, оже мнози суть, ту же, ци вся си суть совокупили? ныне же поедем черес ночь, а кто поедеть заутра по нас, то ци вси поедуть, но лучший коньници переберуться, а самими как ны бог дасть». И рече Святослав Ольговичь строема своима: «далече есмь гонил по Половцех, а кони мои не могут; аже ми будеть ныне поехати, то толико ми будеть на дорозе остати» — и поможе ему Всеволод, акоже облечи ту. И рече Игорь: «да недивно есть разумеючи, братья,

умрети» — и облегоша ту. Светаючи же суботе, начаша выступати полци Половецкии, ак борове; изумешася князи Рускии, кому их которому поехать, бысть бо их бесчисленное множество. И рече Игорь: «се ведающе собрахом на ся землю всю: Концака, и Козу Бурновича, и Токсобица Колобича, и Етебича, и Терьтробича». И тако угадавше вси, соседоша с коний, хотя-хуть бо бьющеся дойти реки Донця; молвяхуть бо: «оже побегнемь, утечемь сами, а черныя люди оставим, то от бога ны будеть грех сих выдавше пойдемь; но или умремь, или живы будемь вси на единомь месте». И та рекши вси соседоша с коней, и поидоша бьючеся; и тако, божиим попущениемь, уязвиша Игоря в руку и умртливиша шюйцю его, и бысть печаль велика в полку его, и воеводу имяхуть, то ть напереди язвен бысть. И тако бишася крепко ту днину до вечера, и мнозии ранени и мертви быша в полках Руских; наставши же ноци суботнии, и поидоша бьучися. Бысть же светающе неделе, возмятошася Ковуеве в полку, побегоша. Игорь же бяшеть в то время на коне, зане ранен бяше, поиде к полку их, хотя возворотити их к полком; уразумеv же яко далече шел есть от людей, и сойма шолом, погънаше опять к полком, того дяля, что быша познали князя и возворотилися быша; и тако не возворотися никтоже, но такмо Михалко Гюрговичь познав князя, возворотися; не бяхуть бо добре смялися с Ковуи, но мало от простых или кто от отрок боярьских, добри бо вси бьяхуться идуще пеши, и посреди их Всеволод не мало мужьство показа. И яко приближися Игорь к полком своим, и переехаша поперек и ту яша един перестрел одале от полку своего. Держим же Игорь, виде брата своего Всеволода крепко борющася, и проси души своей смерти, яко да бы не видел падения брата своего; Всеволод же толма бившеся, яко и оружья в руку его не доста, и бьяху бо ся идуще вкруг при езере. И тако, во день святаго воскресения, наведе на ня господь гнев свой: в радости место наведе на ны плачь, и во веселье место желю, на реце Каялы. Рече бо деи Игорь: «помянух аз грехы своя пред господем богом моим, яко много убийство, кровопролитье створих в земле крестьянстей, яко же бо аз не пощадох крестьян, но взях на щит город Глебов у Переяславля; тогда бо не мало зло подъяша безвиньни хрестьяни, отлучаеми отець от рожений своих, брат от брата, друг от друга своего, и жены от подружий своих, и дщери от материй своих, и подруга от подруги своя, и все смятено пленом и скорбью тогда бывшую, живии мертвым завидять, а мертвии радовахуся, аки мученици святеи огнемь от жизни сея искушение приемши, старце поревахуться, уноты же лютыя и немилостивыя раны подъяша, мужи же пресекаеми и разсекаеми бывають, жены же оскверняеми; и та вся створив аз — рече Игорь,— недостойно ми бяшеть жити; и се ныне вижю отместве от господа бога моего. Где ныне возлюбленный мой брат? где ныне брата моего сын? где чадо рожения моего? где бояре думающеи, где мужи храборьствующеи, где ряд полъчный?

где кони и оружья многоценьная? не отътовсего ли того обнажихся, и связня преда мя господь в руки безаконным темь? Се возда ми господь по безаконию моему и по злобе моей на мя, и снидоша днесь греси мои на главу мою. Истинен господь и прави суди его зело; аз же убо не имам со живыми части; се бо ныне вижду другая мучения веньца приемлюще, почто аз един повинный не приях страсти за вся си? Но, владыко господи боже мой! не отрини мене до конца, но яко воля твоя, господи, тако и милость нам рабом твоим»; — и тогда кончавшюся полку, розведе ни быша, и поиде кождо во своя вежа. Игоря же бяхуть яли Тарголове, мужь именовь Чилбук, а Всеволода брата его ал Роман Кзичь, а Святослава Олговича Елдечюк в Вобурчевичех, а Володимера Копти в Улашевичих. Тогда же на польчищи Концак поручися по свата Игоря, зане бьшеть ранен. От толиких же людей мало их избысть, некаком получением, не бьшеть бо лзе ни бегающим утечи, зане яко стенами силами огорожении бяху полкы Половецскими <...>

Суздальская летопись

Текст дается по изданию: Повесть временных лет (Лаврентьевский список). Спб., 1897.

В лето 6694, месяца мая в 1 день, на память святаго пророка Иеремия, в середу на вечерни, бысть знаменье в солнци, и морочно бысть велми, яко и звезды видети, человеком в очью яко зелено бьше, и в солнци учинися яко месяц, из рог его яко угль жаров исхожаше: страшно бе видети человеком знаменье божье <...> Того же лета здумаша Олгови внуци на Половци, занеже бяху не ходили томь лете со всею князьею, но сами поидоша о собе, рекуще: «мы есмы ци не князи же? поидем, такы же собе хвалы добудем». И сняшася у Переяславля Игорь с двема сынома из Новагорода Северьскаго, ис Трубеча Всеволод брат его, Олговичь Святослав из Рыльска, и Черниговская помочь, и внидоша в землю их. Половци же услышавше поидоша, рекуще: «братья наша избита и отци наши, а друзии изъимани, а се ныне на нас идуть», послашася по всей земли своей, а сами поидоша к сим, и ждаша дружины своя, а си к ним идуть к вежам их; они же не пустяче в веже сретоша их, а дружины не дождавъше, и сступишася, и побежени бывше Половци, и биша я до вежь, множество полона взяша, жены и дети. И стояша на вежах 3 дни, веселящеся, а рекуще: «братья наша ходили с Святославом великим князем, и билися с ними зряче на Переяславль, а они сами к ним пришли, а в землю их не смели по них ити; а мы в земли их есмы, и самех избили, а жены их полонены и дети у нас; а ныне поидем по них за Дон и до конца избьем их, оже ны будеть ту победа, идем по них у луку моря, где же не ходили ни деди наши, а возмем до конца свою славу и честь», а не ведуще божия строенья. А остаток бьеных тех бежаша,

дружине своей где бяху переже весть послали, и сказаша им свою погыбель; они же слышавше поидоша к ним, а по друзи послашася. И сняшася с ними стрелци, и бишася 3 дни стрелци; а копы ся не снимали, а дружины ожидающе, а к воде не дадуще им ити; и приспе к ним дружина вся, многое множество. Наши же видевшие их, ужасошася и величанья своего отпадоша, не ведуще глаголемаго пророком: «несть человеку мудрости, ни есть мужства, ни есть думы против господеву»; изнемогли бо ся бяху безводьемь, и кони и сами, в зной и в тузе, и поступиша мало к воде, по 3 дни бо не пустили бяху их к воде. Видевше ратнии устремияшася на нь и притиснуша ѥ к воде, и бишася с ними крепко, и бысть сеча зла велми, друзии коне пустиша к ним, съедше, и кони бо бяху под ними изнемогли. И побежени быша наши, гневом божьим, князи вси изъимани быша, а боляре и велможи и вся дружина избита, а другая изъимана, и та язвена; и въвратишася с победою великою Половци, а о наших не бысть кто и весть принеса, за наше согрешенье. Где бо бяхе в нас радость, ныне же въздыханье и плачь распространися. Исаия бо пророк глаголеть: «господи! в печали помянухом тя», и прочая. И поиде путем гость, они же казаша рекуще: «поидете по свою братью, али мы идем по свою братью к вам»; князем же всем слышавше таку погыбель о братье своей и до бояр, возпиша вси, и бысть плачь и стенанье, оvem бо братья избита и изъимана, а другим отцы и ближикы. А князь Святослав посла по сыны свое и по все князи, и собрашася к нему к Киеву, и выступиша к Каневу. Половци же услышавше всю землю Русскую идуще, бежаша за Дон; Святослав же слышав их бежавших, въвратися к Киеву со всею князьею, и разидошася в страны своя. Половци же услышавше их отшедших, гнаша отай к Переяславлю, и взяша все города по Суле, и у Переяславля бишася весь день. Володимер же Глебовичь виде острог взимаем, выеха из города к ним в мале дружине, и потче к ним, и бишася с ними крепко, и обиступиша князя зле; и видевшие горожане изнемагающе своих, и выринушася из города и бишася, одва изотяша князя боденого трети копы, а дружины много избъено, и вбегоша в город и затворишася; а они въвратишася со многым полоном в веже. И по малых днех ускочи Игорь князь у Половецъ: не оставит бо господь праведнаго в руку грешничу, очи бо господни на боящаяся его, а уши его в молитву их; гониша бо по нем, и не обретоша. Яко же и Саул гони Давыда, но бог избави и, тако и сего бог избави из руку поганых; а они вси держими бяху твердо, и стрегоми, и потвержаеми многими железы и казньми. <...>

Галицко-волынская летопись

Текст дается по изданию: Повесть временных лет (Ипатьевский список). Спб, 1871.

В лето 6709. Начало княжения великаго князя Романа, самодержца бывша всеи Руской земли, князя Галичкого.

По смерти же великаго князя Романа, приснопамятнаго самодержьца всея Руси, одолевша всим поганьским языком, ума мудростью ходяща по заповедемъ божиим: устремилбояся баше на поганяя яко и лев, сердит же бысть яко и рысь, и гуляше яко и коркодил, и прехожаше землю их, яко и орел, храбор бо бе яко и тур. Ревноваше бо деду своему Мономаху, погубившему поганяя Измалтяны, рекомыя Половци, изгнавшю Отрока во Обезы за Железная врата, Сърчанови же оставшю у Дону, рыбою оживъшю; тогда Володимер Мономах пил золотом шоломом Дон, и приемшю землю их всю, и загнавшю оканьныя агаряны. По смерти же Володимере, оставшю у Сыръчана единому гудьцю же Ореви, посла и во Обезы, река: «Володимер умерл ест, а воротися, брате, поиди в землю свою; молвиже ему моя словеса, пой же ему песни Половецкия; оже ти не восхочеть, дай ему поухати зелья, именемъ евшан». Оному же не восхотевшю обратитися, ни послушати, и дасть ему зелье; оному же обухавшю и восплакавшю, рче: «да лучше ест ва свой земле костью лечи, нели на чюже славну быти». И приде во свою землю. От него родившюся Концаку, иже снесе Сулу, пешь ходя, котел нося на плечеву; Роману же князю ревновавшю зато, и тщашеся погубити иноплемьники. Велику мятежю возставшю в земле Руской, оставившима же ся двума сынома его, един 4 леть, а другий дву леть. <...>

В лето 6758. Приславшю же Могучееви посол свой к Данилови и Василкови, будущю има во Дороговьскы: «дай Галичь»! Бысть в печали велице, зане не утвердил бе земле своея города: и думав с братом своим, и поеха ко Батыеви, река: «не дам полуотчины своей, но еду к Батыеви сам». Изыде же на праздник святаго Дмитрея, помолився богу, и приде Киеву, обдержашу Киев Ярославу боярином своим Еиковичемъ Дмитром. И пришед в дом архистратига Михаила, рекомый Выдобичь, и созва калугеры и мниский чин, и рек игумену и всей братьи, да створять молитву о немъ — и створиша — да от бога милость получить; и бысть тако, и пад пред архистратигом Михаилом, изыде из монастыря в лодьи, видя беду страшну и грозну. <...>

«Поучение» Владимира Мономаха

В летописную канву включались различные по жанру произведения; среди них выделяются сочинения Владимира Мономаха, с 1113 г. и до конца жизни занимавшего великокняжеский стол в Киеве. Именно в то время летописный свод подвергается обработке Нестором и обретает известность как «Повесть временных лет». Литературное наследие Владимира Мономаха, датированное 1096 годом, дошло до нас в списке этой летописи, составленном монахом Лаврентием в 1377 г.

«Поучение» Владимира Мономаха свидетельствует о высоком уровне культуры русского слова, о приемах и средствах литературного повествования, рассчитанного на широкий круг читателей Древней Руси.

Язык «Поучения» в основе своей восточнославянский, русский; он «сливается с тем литературным языком, который от начала XI века засвидетельствован нам «Русской Правдой» и который несколько позднее будет представлен классическим памятником — «Словом о полку Игореве»⁴⁹.

Изложение содержания начинается с наставлений, которые облакаются в форму церковнокнижной речи: *владея и животом и смертью, нас грешных помилуй, божие повеление, страх имейте божий, персть (земля), вдовица, власть, добро творяще*. Подобные экспрессивные формы перемежаются с обиходно-разговорными средствами русской речи: *сами наряживайте, ночной поклон, леность ко всему мати*.

Характер изложения меняется при описании военных походов и охотничьих подвигов. Эта часть «Поучения» создана преимущественно на базе восточнославянской речи. Здесь широко применяются ее характерные черты: полногласные формы (*вередих, молодых, по чередам*), слова с начальным *о* (*олень, один*), с начальным *у* (*в уности*); обороты живой русской речи (*не щадя головы своя, на зною и на зиме, и день и ночь*), а также цепочки однородных членов, скрепляемых усилительно-присоединительным союзом *и* и повторяющимся предлогом (*держал и в конюсах, и о соколах, и о ястребах*).

Отрывки из «Поучения» даются по изданию: Повесть временных лет (Лаврентьевский список). Спб., 1897.

Поученье

⟨...⟩ Седя на санех, помыслих в души своей и похвалих бога, иже мя сих дней грешнаго допроводи. Да дети мои, или ин кто, слышав сю грамотицу, не посмейтеся, но емуже любя детей моих, а приметь ю в сердце свое, и не ленитесь начеть такоже и тружатся: первое, бога деля и душа своя, страх имейте божий в сердце своем, и милостыню творя неоскудну, то бо есть начаток всякому добру. Аще ли кому не любя грамотица си, а не поохритаются, но тако се рекуть: на далечи пути, да на санех седя, безлепицу еси молвил. Усретоша бо мя слы от брата моя на Волзе, реша: «потъснися к нам, да выженем Ростиславича и волость их отъимем; еже ли не поидеши с нами, то мы себе будем, а ты себе», и рех: «аще вы ся и гневаете, не могу вы яйти, ни креста переступити». И отрядив я, взем Псалтырю, в печали разгнух я, и то ми ся выня: вскую печалуеши, душе? вскую смущаеши мя? и прочая. И потомь собрах словца \си любя, и складох по ряду, и написах: аще вы последняя не любя, а передняя принимайте ⟨...⟩

Поистине, дети моя, разумеите, како ти есть человеколюбець бог милостив и премилостив: мы, человеци, грешни суще и смертни, то оже ны зло створить, то хожем и пожрети и кровь его прольяти вскоре; а господь наш, владея и животом и смертью, согрешенья наша выше главы нашея терпить, и паки и до живота нашего, яко отец, чадо свое любя, бья, и паки привлечь е к себе. Такоже и господь наш показал ны есть на врагы победу, 3-ми дела добрыми избыти его и победити его: покаяньем, слезами и милостынею; да то вы, дети мои, не тяжька заповедь божья оже теми дела 3-ми избыти грехов своих и царствия не лишитесь. А бога деля не ленитесь, молю вы ся, не забывайте 3-х дел тех: не бо суть тяжька; ни одиночьство, ни чернечьство,

ни голод, яко инии добрии терпятъ, но малым делом уллучити милость божью. Что есть человек, яко помниши ѱ? Велий еси, господи, и чюдна дела твоя, никакже разум человеческ не может исповедати чюдес твоих; и паки речем: велий еси, господи, и чюдна дела твоя, и благословено и хвално имя твое в веки по всей земли. Иже кто не похвалить, ни прославляеть силы твоея и твоих великих чюдес и доброт, устроенных на семь свете; како небо устроено, како ли солнце, како ли луна, како ли звезды, и тма и свет, и земля на водах положена, господи, твоим промыслом! зверье разноличнии, и птица и рыбы, украшено твоим промыслом, господи. И сему чюду дивуемъся, како от персти создав человека, како образи розноличнии в человекьских лицах, аще и весь мир совокупить, не вси в один образ, но кыйже своим лица образом, по божиим мудрости; и сему ся подивуемы, како птица небесная из ирья идуть, и первее в наши руце, и не ставятся на одной земли, но силныя и худыя идуть по всем землям, божиим повеленьемъ, да наполнятся леси и поля; все же то дал бог на угодьи человеком, на снеть, на веселье. Велика, господи, милость твоя на нас, яже та угодьи створил еси человека деля грешна. И ты же птице небесная умудрены тобою, господи, егда повелиши, то вспоють, и человекы веселять тебе; и егда же не повелиши им, язык же имеюще, онемеють. А благословен еси, господи, и хвален зело! всяка чюдеса и ты доброты створив и зделав, да иже не хвалить тебе, господи, и не веруеть всем сердцемъ и всею душею во имя отца и сына и святаго духа, да будетъ проклят. Си словца прочитаюче, дети моя, божественная, похвалите бога, давшаго нам милость свою, и се от худаго моего безумья наказанье; послушайте мене, аще не всего примете, то половину. Аще вы бог умякчить сердце, и слезы своя испустите о гресех своих, рекуще: якоже блудницу и разбойника и мытаря помиловал еси, тако и нас грешных помилуй; и в церкви то дейте и ложася. Не грешите ни одну же ночь, аще можете, поклонитися до земли; а ли вы ся начнетъ не мочи, а трижды; а того не забывайте, не ленитесь, тем бо ночным поклоном и пеньем человек побежаеть дьявола, и что в день согрешить, а тем человек избываеть. Аще и на кони ездяче не будетъ ни с кым орудья, аще инех молитв не умеете молвити, а «господи помилуй» зовете беспрестани, втайне; та бо есть молитва всех лепши, нежели мыслити безлепицю ездя. Всего же паче убогих не забывайте, но елико могуще по силе кормите, и придавайте сироте, и вдовицю оправдите сами, а не вдавайте силным погубити человека. Ни права, ни крива не убивайте, не повелевайте убити его; аще будетъ повинен смерти, а душа не погубляйте никакаяже хрестьяны. Речь молвяче, и лихо и добро, не кленитесь богомъ, ни хреститесь, нету бо ти нужда никоеяже; аще ли вы будете крест целовати к братьи, или к кому, а ли управивъше сердце свое, на немже можете устояти, тоже целуйте, и целовавше блюдете, да не, приступни, погубите душе свое, Епископы, и попы и

игумены, с любовью взимайте от них благословенье, и не устраняйтесь от них, и по силе любите и набдите, да примете от них молитву от бога. Паче всего гордости не имейте в сердцах и в уме, но рцем: смертни есмы, днесь живи, а завтра в гробе; се все, что ны еси вдал, не наше, но твое, поручил ны еси на мало дний; и в земли не хороните, то ны есть велик грех. Старыя чти яко отца, а молодыя яко братью. В дому своемъ не ленитесь, но все видите; не зрите на тивуна, и на отрока, да не посмеются приходящий к вам и дому вашему, ни обеду вашему. На войну вышед, не ленитесь, не зрите на воеводы; ни питью, ни еденью не лагодите, ни спанью; и стороже сами наряживайте, и ночь, отвсюду нарядивше около вои, тоже лязите, а рано встанете; а оружья не снимайте с себе вборзе, не розглядавшя ленощами, внезапно бо человек погыбаеть. Лже блюдишя и пьянства и блуда, в том бо душа погыбаеть и тело. Куда же ходяще путем по своим землям, не дайте пакости деяти отроком, ни своим, ни чюжим, ни в селех ни в житех, да не кляти вас начнутъ. Куда же поидете, идеже станете, напоите, накормите унеина; и боле же чтите гость, откуда же к вам придетъ, или прост, или добр или сол, аще не можете даром, брашном и питьем: ти бо мимоходячи прославлять человека по всем землям, любо добрым, любо злым. Болнаго присетите; над мертвеця идете, яко вси мертвени есмы; и человека не минете, не привечавше, добро слово ему дадите. Жену свою любите, но не дайте им над собою власти. Се же вы конецъ всему: страх божий имейте выше всего; аще забываете всего, а часто прочитайте: и мне будетъ бе-сорома, и вам будетъ добро. Егоже умеючи, того не забываете доброго, а егоже не умеючи, а тому ся учите, якоже бо отецъ мой, дома седя, изучемяше 5 язык, в том бо честь есть от инех земля. Леность бо всему мати: еже умееть, то забудеть, а егоже не умееть, а тому ся не учитъ; добре же творяще, не мозите ся ленити ни на что же доброе, первое к церкви: да не застанеть вас солнце на постели; тако бо отецъ мой деяшеть блаженный и вси добрии мужи свершении; заутренюю отдавшя богови хвалу, и потом солнцю въсходящю, и узревше солнце, и прославити бога с радостью, и рече: просвети очи мои, Христе боже, иже дал ми еси свет твой красный, и еще: господи, приложи ми лето к лету, да прок, грехов своих покаявъся, оправдив живот, тако похваляю бога; и седше думати с дружиною, или люди оправливати, или на лов ехати, или поездити, или лечи спати: спанье есть от бога присужено полудне, о т чин бо почиваетъ и зверь, и птици, и человеци. А се вы поведаю, дети моя, труд свой, оже ся есмь тружал, пути дея и ловы 13 лет. Первое к Ростову идох, сквозе Вятиче, посла мя отецъ, а сам иде Курьску; и паки 2-е к Смолиньску со Ставком Скордятичем, той паки и отъиде к Берестию со Изяславомъ, и мене посла Смолиньску, то и-Смолиньска идох Володимерю. Тое же зимы той посласта Берестию брата на головне, иде бяху пожгли, той ту блюдох город тех. Та идох Переяславлю отцю,

а по Велице дни ис Переяславля та Володимерю, на Сутейску мира творит с Ляхы; оттуда паки на лето Володимерю опять. Та посла мя Святослав в Ляхы: ходив за Глоговы до Чешьскаго леса, ходив в земли их 4 месяци; и в то же лето и детя ся роди старейшее Новгородское; та оттуда Турову, а на весну та Переяславлю, таже Турову. И Святослав умре, и яз паки Смолинску, а и-Смолинска той же зиме та к Новугороду; на весну Глебови в помочь; а на лето со отцемъ под Полтеск, а на другую зиму с Святополком под Полтеск; ожгоша Полтеск; он иде Новугороду, а я с Половци на Одрьск, воюя; та Чернигову. И паки и-Смолинска к отцю приходх Чернигову; и Олег приде, из Володимеря выведен, и возвах ѝ к себе на обед со отцемъ в Чернигове, на Краснемъ дворе, и вдах отцю 300 гривен золота. И паки и-Смолинска же пришед, и проидох сквозе Половечьский вои, бьяся, до Переяславля, и отца налезох с полку пришедша; то и паки ходихом, том же лете, со отцемъ и со Изяславомъ биться Чернигову с Борисомъ, и победихом Бориса и Олга <...> А всех путей 80 и 3 великих, а прока не испомню менших. И миров есм створил с Половечьскими князи без одного 20, и при отци и кроме отца, а дая скота много и многы порты свое; и пустил есм Половечских князь лепших из оков толико: Шаруканя 2 брата, Багубарсовы 3, Овчины братье 4, а всех лепших князий инех 100; а самы князи бог живы в руце дава: Коксусь с сыномъ, Аклан, Бурчевичь, Таревьский князь Азгулуй, и инех кметий молодых 15, то тех живы вед, исек, вметах в ту речку в Славлий; по чередам избьено не с 200 в то время лепших. А се тружахъся ловы дея <...> А се в Чернигове деял есм: конь диких своима рукама связал есмъ в пушах 10 и 20 живых конь, а кроме того же по Роси ездя имал есм своима рукама теже кони дикие. Тура мя 2 метала на розех и с конем, олень мя один бол, а 2 лоси, один ногами топтал, а другой рогома бол, вепрь ми на бедре мечь оттял, медведь ми у колена подъклада укусил, лютый зверь скочил ко мне на бедра и конь со мною поверже; и бог неврежена мя съблюде. И с коня много падах, голову си розбих дважды, и руце и нозе своих вередих, в уности своей вередих, не блюда живота своего, ни щадя головы своея. Еже было творити отроку моему, то сам есмъ створил, дела на войне и на ловех, ночь и день, на зною и на зиме, не дая себе упокоя; на посадники не зря, ни на биричи, сам творил что было надобе, весь наряд и в дому своемъ то я творил есмъ; и в ловчих ловчий наряд сам есмъ держал, и в конюсех, и о соколах и о ястрябех; тоже и худаго смерда и убогие вдовице не дал есм сильным обидети, и церковнаго наряда и службы сам есм призирал. Да не зазрите ми, дети мои, ни ин кто, прочет, не хвалю бо ся ни дерзости своея, но хвалю бога и прославляю милость его, иже мя грешнаго и худаго селико лет сблюд от тех час смертных, и не ленива мя был створил, худаго, на вся дела человечьская потребна. Да сю грамотицю прочитаючи, потьснетеса на вся дела добрая,

славяще бога с святыми его. Смерти бо ся, дети, не боячи, ни рати, ни от звери, но мужьское дело творите, како вы бог подасть; оже бо яз от рати, и от звери и от воды, от коня спадаяся, то никтоже вас не может вредитися и убити, понеже не будет от бога повелено; а иже от бога будеть смерть, то ни отец, ни мати, ни братья не могут отъяти, но оче добро есть блюсти, божие блюденье леплее есть человекьскаго <...>

Художественные произведения

К этому жанру древнерусской литературы относятся произведения, созданные на основе литературного языка восточных славян с использованием выразительных средств устно-поэтической, обиходно-разговорной и церковнокнижной речи. В процессе эстетически мотивируемого употребления используемые элементы различного характера обретали изобразительную значимость и становились составной частью литературного языка художественных произведений.

В языке каждого произведения можно проследить приемы и способы отбора речевых средств для наиболее яркого и образного изображения явлений реального мира.

«Моление» Даниила Заточника

«Слово», или «Моление», Даниила Заточника — выдающийся памятник русского литературного языка XII—XIII столетий и древнерусской литературы. В языке этого произведения, написанного человеком, находящимся в зависимом положении и выразившим интересы народных масс, нашло выражение художественно оправданное сосуществование выразительных средств русской и церковнокнижной речи, экспрессивных приемов сказового и молитвенного изложения. Широко используются афористичные выражения, присловья в духе народной мудрости: *ржа ест железо, а печаль ум человеку; чужую беду руками разведу; безумных бо ни куют, ни льют, но сами ся рожают*. Яркие и образные слова и выражения, свойственные обиходно-бытовому общению: *сюда свербит, сюда болит*. Встречаются типичные обороты разговорной речи, например «именительный дополнения при инфинитиве»: *лучше бо ми вода пити, лучше бо ми нога своя видети в лыченицы*. Используются приравнительные построения, свойственные языку народнопоэтических сказаний: *Лев рыкнет, кто не устрашится; а ты, княже, речеши, кто не убоится?*

Элементы церковнославянского языка уснливают риторичность повествования: используются сложные прилагательные (*душеполезныя помыслы, в златокованную трубу*), переносно-фигуральное словоупотребление (*ударим в бубны ума своего*), повторы (*востани, слава моя, востани*), книжные сравнения (*ланиты твоя яко сосуд ароматы*), риторическв вокросы (*Сука не может родити жеребяти; аще бо родила, кому на нем ездити?*), меткие выражения (*раб скорбящий, скончати живот свой, страх божий*).

Печатается в сокращении по основной редакции XIII в. См.: Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам. Л., 1932.

Вострубим убо, братие, аки в златокованную трубу, в разум ума своего и начнем бити в сребреня органы во известие мудрости, и ударим в бубны ума своего, поюще и богодохновенныя

свирели, да восплачутся в нас душеполезныя помыслы. Востани, слава моя, востани, псалтыр и гусли. Да развергу в притчах гадания моя и провещаю во языцех славу мою. Сердце смысленаго укрепляется в телесе его красотою и мудростию <...>

Ведыи, господине, твое благоразумие и притекох ко обычене твоеи любви. Глаголет бо святое писание: просите и примете; Давид рече: не сут речи, ни словеса, их же не слышатся гласи их. Мы же не умолчим, но возглаголем господину своему всемилостивому князю Ярославу Всеволодичю.

Княже мои, господине! Помяни мя во княжении своем, яко аз раб твой и сын рабы твоя.

Вижу, господине, вся человеки, яко солнцем, греми милостию твоею, точию аз един яко трава, в застени израстуши, на нюже ни солнце сияет, ни дождь идет: тако аз хожю во тме, отлучен день и ночь света очию твоею. Тем, господине, приклони ухо твое во глаголы уст моих и от всех скорбеи моих избави мя. Княже мои, господине! Все напитаются от обилия дому твоего, аки потоком пища твоея; токмо аз един жадаю милости твоея, аки елень источника воднаго.

Есмь бо яко древо сухо, стояще при пути, да вси мимоходящеи секут его; тако и аз всеми обидим есмь, зане не огражден есмь страхом грозы твоея, аки оградом твердым.

Княже мои, господине! Богат муж везде знаем есть и в чужем граде: а убог муж и во своем граде неведом ходит. Богат муж возглаголет — вси молчат и слово его до облак вознесут; а убог муж возглаголет, то вси на него воскликнут. Их же бо ризы светлы, тех и речи честны.

Княже мои, господине! Не возри на внешняя моя, но вонми внутренняя моя. Аз бо есмь одеянием скуден, но разумом обилен, юн возраст имыи, но стар смысл вложих вонь. И бых паря мыслию своею, аки орел по воздуху.

Княже мои, господине! Яви ми зрак лица твоего, яко глас твой сладок, и уста твоя мед истачают, и образ твой красен; послания твоя яко рай с плодом; руце твои исполнены яко от злата аравиииска; ланиты твоя яко сосуд араматы; гортан твой яко крин, капля миро, милость твою; вид твой яко ливан избран; очи твои яко источник воды живы; чрево твое яко стог пшеничен, иже многи напитае; слава твоя превозносит главу мою, и бысть выя в буести, аки фарис в монисте.

Княже мои, господине! Не зри на мя, аки волк на агнеца, но зри на мя, яко мати на младенца. Возри на птица небесныя, яко ни сеют, ни жнут, ни в житница собирают, но уповают на милость божию.

Да не буди рука твоя согбена на подание убогим. Писано бо есть: просящему у тебе даи, толкущему отверзи, да не лишен будеши царства небеснаго; писано бо есть: возверзи на господа печаль свою, и той тя препитае во веки.

Княже мои, господине! Не лиши хлеба нища мудра, не возноси до облак богата несмыслена. Нищь бо, а мудр, яко злато в полне сосуде; а богатый человек несмыслен, яко паволочито изголовие соломы наткано; а убог несмыслен, аки солома во грязи втоптана.

Княже мои, господине! Аще еси на рати не велми храбр, но в словесех крепок; тем збираи храбрыя и совокупляи смысленыя.

Луче един смыслен, паче десяти владеющих грады властелин без ума; ибо Соломон тако же рече: лучше един смыслен, паче десяти владеющих властелин без ума, зане же мудрых мысль добра. Данил рече: храбра, княже, борзо добудешь, а умен дорог. Мудрых полцы крепки, и грады тверды; храбрых же полцы силни, а безумни: на тех бывает победа <...>

Не корабль топит человеки, но ветер; тако же и ты, княже, не сам владеши, в печал введут тя думцы твои. Не огонь творит разжение железу, но надмение мешное.

Умен муж не велми бывает на рати храбр, но крепок в замыслех, да тем собирати мудрые <...>

Княже мои, господине! Се бо был еси в велицей мнозе нужи и печали и под работным ермом пострадах; все то искусих, яко зло есть.

Лучше бы ми нога своя видети в лыченицы в дому твоём, нежели в черлене сапозе в боярстем дворе; лучше бы ми в дерюзе служить тебе, нежели в багрянице в боярстем дворе.

Не лепо у свинии в нозрех рясы златы, тако на холопе порты дороги. Аще бо были котлу во ушию златы колца, но дну его не избыти черноты и жжения; тако же и холопу: аще бо паче меры горделив был и буяв, но укору ему своего не избыти, холопья имени.

Лучше бы ми вода пити в дому твоём, нежели мед пити в боярстем дворе; лучше бы ми воробей испечен приимати от руки твоея, нежели боранье плечо от государей злых.

Многажды бо обретаются работные хлебы аки пелын во устех, и питие мое с плачем растворях.

Добру господину служба, дослужится свободы, а злу господину служба, дослужится болшие работы.

Княже мои, господине! Кому Переславль, а мне гореславль; кому Боголюбово, а мне горе лютое; кому Белоозеро, а мне чернее смолы, кому Лаче озеро, а мне много плача исполнено, зане часть моя не прорасте в нем <...>

Сего ради, княже мои, господине, притекох ко обычней твоей любви и нестрашимей милости, бежа убожества, аки ротника зла, аки от лица змиина, зовый гласом блуднаго сына, еже рече: помяни мя, спасе; тем и аз вопию ти: помяни мя,, сыне великого князя Всеволода, да не восплачюся аз, лишен милости твоея, аки Адам рая. Обрати тучю свлоств твоея на землю худости моея: да возвеселюся о царе своем, яко обретая корысть многу

злата, воспою, яко напоен вина, возвеселюся, яко исполин тещи /
путь.

Земля плод дает обилия, дрeвеса оwoщь; а ты нам, княже, богатство и славу. Все бо притекают к тебе и обретают от печали, избавление; сироты, худые, от богатых потопляеми, аки к заступнику теплomu, к тебе прибегают. Птенцы радуются под крылома матери своя, а мы веселимся под державою твою.

Избави мя, господине, от нищеты, аки птицу от кляпцы, и исторгни мя от скудости моя, яко серну от тенета, как утя, носимо в кохтях у сокола.

Иже бо в печали кто мужа призрит, то аки водою студеною напоит в день зноя.

Княже мой, господине! Ржа ест железо, а печаль ум человеку. Яко олово многоразливаемо гинет, тако и человек от многи беды хуеет; печалну человеку насышют кости. Всяк видит у друга сучец во очию, а у себе ни бревна не видит. Всяк человек хитрит и мудрит о чюжеи беде, а о своей и смыслити не может. <...>

Слово о полку Игореве

«Слово о полку Игореве» — выдающийся памятник русской культуры и русского литературного языка. В этом произведении нашла свое воплощение высокая культура книжного и устного слова времени расцвета Киевского государства. С большим мастерством используются изобразительные средства устно-поэтического творчества: сравнения с использованием слов, обозначающих зверей и птиц (*влѣком рыскаше, соколом полете, поскочи горностаем к тростию и белым гоголем на воду*); постоянные эпитеты, выступающие в роли характерных определений (*трава зеленая, море синее, поле широкое, ворон чръный, слънце красное*), яркие метафоры (*ту кроваваго вина не доста, ничить трава жалощами*), образные слова-символы (*ворон* — символ горя, несчастья; *сокол* — символ доброго молодца). Глаголы, обозначающие конкретно-бытовые действия, сочетаются с отвлеченными существительными (*летая умом, копца поют, тоска разлися, печаль тече*). В роли определений используются прилагательные, выступающие в роли скрытых сравнений (*зори кровавые, вино кровавое, брег сребренный*). Широко используются сочинительные построения, придающие повествованию колорит простоты и непринужденности, отпечаток плавности и ритмичности. Бессюзное сцепление предложений повышает экспрессивность повествования. Изобразительные возможности литературной речи русского народа дополняются элементами церковнославянского языка; церковнославянизмы подчеркивают важность, значимость изображаемого (*пѣлк храбрый, дружина храбрая, въспеша на брезе, врани граяхуть*), придают форме литературного выражения торжественность (*своя вещь прѣсты на живая струны въскладаше*).

Драгоценный памятник русского литературного языка, созданный в конце XII в., дошел до нас в редакции более позднего времени. Единственный список «Слова о полку Игореве» относят к концу XV—началу XVI в., он погиб во время пожара 1812 г., но, к счастью, уцелела копия этого списка. Рукопись «Слова» была опубликована А. И. Мусиным-Пушкиным под названием «Ироическая песнь о походе на половцов удельного князя Новгорода-Северскаго Игоря Святославича» (М., 1800).

Цитируется по данному изданию

Не лепо ли ны бяшетъ, братие, начяти старыми словесы трудных повестий о пѣлку Игореве, Игоря Святъславича! начати же ся тѣй песни по былинам сего времени, а не по замышлению

Бояню. Боян бо вещей, аще кому хотяше песнь творити, то растекашется мыслию по древу, серым вълком по земли, шизым орлом под облакы. Помняшетъ бо речь първых времен усобице; тогда пущашеть 10 соколовъ на стадо лебедей, который дотечаше, та преди песь пояше, старому Ярославу, храброму Мстиславу, иже зареза Редедю пред пълкы Касожьскими, красному Романови Святъславличю. Боян же, братие, не 10 соколовъ на стадо лебедей пущаше, нъ своя вещиа пръсты на живая струны въскладаше; они же сами Князем славу рокотаху.

Почнем же, братие, повесть сию от стараго Владимирера до нынешняго Игоря; иже истягну умъ крепостию своею, и поостри сердца своего мужеством, наплънився ратнаго духа, наведе своя храброя плъкы на землю Половецкую за землю Руськую. Тогда Игорь възре на светлое солнце и виде от него тьмою вся своя воя прикрыты, и рече Игорь к дружине своей: братие и дружино! луцеж бы потяту быти, неже полонену быти: а всядем, братие, на свои бръзья комони да позрим синего Дону. Спала Князю умъ похоти, и жалость ему знамение заступи, искусити Дону великаго. Хошу бо, рече копие приломити конецъ поля Половецкаго с вами, Русици, хошу главу свою приложити, а любо испити шеломомъ Дону. О Бояне, соловию стараго времени! абы ты сиа плъкы ущекотал, скача славию по мыслену древу, летая умом под облакы, свивая славы оба полы сего времени, рища в тропу Трояню чрес поля на горы.

Пети было песь Игореву, того (Олга) внуку. Не буря соколы занесе чрес поля широкая; галици стады бежить к Дону великому; чили въспети было вещей Бояне, Велесовъ внуче: Комони ржутъ за Сулою; звенить слава в Кыеве; трубы трубятъ в Новеграде; стоять стязи в Путивле; Игорь ждет мила брата Всеволода.

И рече ему Буй Тур Всеволод: один брат, один свет светлый ты Игорю, оба есве Святъславличя; седлаи, брате, свои бръзьи комони, а мои ти готови, оседлани у Курьска на переди; а мои ти Куряни сведоми к мети, под трубами повити, под шелома възлеяны, конецъ копия въскръмлени, пути имъ ведоми, яругы им знаеми, луци у них напряжени, тули отворени, сабли изъострени, сами скачють акы серыи влъци в поле, ищучи себе чти, а Князю славе. Тогда въступи Игорь Князь в злат стремень, и поеха по чистому полю. Солнце ему тьмою путь заступаше; ночь стонуши ему грозою птичь убуди; свист зверин в стазби; див кличет врѣху древа, велит послушати земли незнаеме, влъзе, и по морию, и по Сулию, и Сурожу, и Корсуню, и тебе Тьмутораканьскый блъван. А Половци неготовама дорогами побегоша к Дону Великому; крычат телегы полунощы, рци лебеди роспущени. Игорь к Дону вои ведет; уже бо беды его пасет птицъ; подобию влъци грозу въсрожат, по яругам; орли клетком на кости звери зовут, лисици брешут на чръленья щиты. О руская земле! уже за Шеломянем еси. Длъго. Ночь мркнет, заря свет запала, мъгла поля покрыла,

щекот славий успе, говор галичь убуди. Русичи великая поля чрълеными щиты прегородиша, ищучи себе чти, а Князю славы.

С зарания в пятк потопташа поганяя плъкы Половецкыя; и рассушясь стрелами по полю, помчаша красныя девкы Половецкыя, а с ними злато и паволокы и драгыя оксамиты; орътъмами и япончицами, и кожухы начашя мосты мостити по болотом и грязивым местом, и всякими узорочьи Половецкыми. Чрълен стяг, бела хорюговь, чрълена чолка, сребрено стружие храброму Святъславличю. Дремлет в поле Ольгово хороброе гнездо лалече залетело; небылон обиде порождено, ни соколу, ни кречету, ни тебе чръный ворон, поганый Половчине. Гзак бежит серым влъком; Кончак ему след править к Дону великому.

Другаго дни велми рано кровавыя зори свет поведают; чръныя тучя съморя идут, хотять прикрыти 4 солнца: а в них трепещуть синии мльнии, быти грому великому, итти дождю стрелами с Дону великаго; ту ся копием приламат, ту ся саблям потручяти о шеломы Половецкыя, на реце на Каяле, у Дону великаго. О Руская земле! уже не Шеломянем еси. Се ветри, Стрибожи внуци, веют съморя стрелами на храбрыя плъкы Игоревы! земля тутнет, реки мутно текуть; пороси поля прикрывают; стязи глаголют, Половци идутъ от Дона, и от моря, и от всех стран. Рускыя плъкы отступиша. Дети бесови кликом поля прегородиша, а храбрии Русици преградиша чрълеными щиты. Яр туре Всеволоде! стоиши на борони, прыщеси на вои стрелами, гремлеши о шеломы мечи харалужными. Камо Тур поскочяше, своим златым шеломом посвечивая, тамо лежат поганяя головы Половецкыя; поскепаны саблями калеными шеломы Оварьскыя от тебе Яр Тур Всеволоде. Кая раны дорога, братие, забыв чти и живота, и града Чрънигова, отня злата стола, и своя милыя хоти красныя Глебовны свычая и обычая? Были вечи Трояни, минула лета Ярославля; были плъцы Олговы, Ольга Святъславличя. Тъй бо Олег мечем крамолу коваше, и стрелы по земли сеяше. Ступает в злат стремянь в граде Тьмуторокане. Тоже звон слыша давный великий Ярославь сын Всеволожь: а Владимир по вся утра уши закладаше в Чернигове; Бориса же Вячеславлича слава на суд приведе, и на канину зелену паполому постла, за обиду Олгову храбра и млада Князя. С тояже Каялы Святоплъкъ повелея отца своего между Угорьскими иноходьцы ко Святей Софии к Киеву. Тогда при Олзе Гориславличи сеяшется и растяшеть усобицами; погибашеть жизнь Даждь-Божа внука, в Княжих крамолах веци человекомъ скратишась. Тогда по Руской земли ретко ратаеве кикахуть: нь часто врани граяхуть, трупиа себе деляче; а галици свою речь говоряхуть, хотять полетети на уедие. То было в ты рати, и в ты плъкы; а сице и рати не слышано: с зарания до вечера, с вечера до света летят стрелы каленыя; гримлют сабли о шеломы; трещат копия харалужныя, в поле незнаеме среди земли Половецкыи. Чръна земля под копыты, костью была посеяна, а кровию поल्याна;

тугою въздоша по Руской земли. Что ми шумить, что ми звенить давеча рано пред зорями? Игорь плъкы заворочает; жаль бо ему мила брата Всеволода. Бишася день, бишася другый: третьяго дни к полуднию падоша стязи Игоревы. Ту ся брата разлучиста на брезе быстрой Каялы. Ту кроваваго вина недоста; ту пир докончаша храбрии Русичи; сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую. Ничить трава жалощами, а древо стугою к земли преклонилось. Уже бо, братие, не веселая година възстала, уже пустыни силу прикрыла. Въстала обида в силах Дажь-Божа внука. Вступил девою на землю Трояню; всплескала лебедиными крылы на синем море у Дону плещучи, убуди жирня времена. Усобица Князем на поганя погыбе, рекоста бо брат брату: се мое, а то моеже; и начяша Князи про малое, се великое мльвити, а сами на себе крамолу ковати: а погании с всех стран приходяду с победами на землю Рускую. О! далече зайде сокол, птиць бя к морю: а Игорева храбраго плъку не кресити. За ним кликну Карна и Жля, по скочи по Руской земли, смагу мычючи в пламяне розе. Жены Руския възплакашась аркучи: уже нам своих милых лад ни мыслию смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати, а злата и сребра ни мало того потрепати. А възстона бо, братие, Киев тугою, а Чернигов напастьми; тоска разлился по Руской земли; печаль жирна тече средь земли Руской; а Князи сами на себе крамолу коваху; а погании сами победами нарищуше на Рускую землю, емляху дань по беле от двора. Тии бо два храбрая Святъславлича, Игорь и Всеволод уже лжу убуди, которую то бяше успил отец их Святъславъ грозный Великий Киевский. Грозою бяшетъ; притрепетал своими сильными плъкы и харалужными мечи; наступи на землю Половецкую; притопта хльми и яругы; взмути реки и озеры; иссуши потоки и болота, а поганаго Кобяка из луку моря от железных великих плъков Половецких, яко вихр выторже: и падеся Кобяк в граде Киеве, в гриднице Святъславли. Ту Немци и Венедици, ту Греци и Морава поют славу Святъславлю, кають Князя Игоря, иже погрузи жир во дне Каялы реки Половецкия, Русаго злата насыпаша. Ту Игорь Князь выседе из седла злата, а в седло Кошчево; уныша бо градом забралы, а веселие пониче. А Святъславъ мутен сон виде: в Киеве на горах си ночь с вечера одевахъте мя, рече, чръною паполомою, на кровати тисове. Чръпахуть ми синее вино с трудомъ смешено; сыпахутьми тьщими тулы поганых тльковин великий женчюгъ на лоно, и негуют мя; уже дьскы без кнеса вмоем тереме златовръсем. Всю ночь с вечера босуви врани възгряху, у Плесньска на болони беша дебрь Кисаню, и не сошлю к синему морю. И ркоша бояре Князю: уже Княже туга умь полонила; се бо два сокола слетеста с отня стола злата, поискати града Тьмутороканя, а любо испити шеломомъ Дону. Уже соколома крильца припешали поганых саблями, а самаю опустоша в путины железны. Темно бо бе в 3 день: два солнца померкоста, оба багряная стлъпа погасоста, и с ним мо-

лодая месяца, Олег и Святъслав тьмою ся поволокоста. На рече на Каяле тьма свет покрыла: по Руской земли прострошася Половци, аки пардуже гнездо, и в море погрузиста, и великое буйство подасть Хинови. Уже снесся хула на хвалу; уже тресну нужда на волю; уже връжеса див на землю. Се бо Готския красныя девы въспеша на брезе синему морю. Звоня Рускым златом, поют время Бусово, лелеют мечь Шароканю. А мы уже дружина жадни веселия. Тогда Великий Святслав изрони злато слово слезами смешено, и рече: о моя сыновчя Игорю и Всеволоде! рано еста начала Половецкую землю мечи цвелити, а себе славы искати. Нъ нечестно одолесте: нечестно бо кровь поганую пролиясте. Ваю храбрая сердца в жестоцем харалуже скована, а в буести закалена. Се ли створисте моей сребреней седине! А уже не вижду власти сильнаго, и богатаго и многовои брата моего Ярослава с Черниговьскими былями, с Могуты и с Татраны и с Шельбиры, и с Топчака, и с Ревугы, и с Ольберы. Тии бо бесщитовъ с засапожники кликом плъкы побеждают, звонячи в праведную славу. Нъ рекосте му жа имесея сами, преднюю славу сами похитим, а заднюю ся сами поделим. А чи диво ся братие стару помолодити? Коли сокол в мытех бывает, высоко птиц възбивает; не даст гнезда своего в обиду. Нъ се зло Княже ми не пособие; на ниче ся години обратиша. Се Урим кричат под саблями Половецкыми, а Володимир под ранами. Туга и тоска сыну Глебову. Великий Княже Всеволоде! не мыслию ти прелетети издалеча, отня злата стола поблюсти? Ты бо можеша Волгу веслы раскропити, а Дон шеломы выльяти. Аже бы ты был, то была бы Чага по ногате, а Кашей по резане. Ты бо можеша посуху живыми шерешеры стреляти удалыми сыны Глебовы. Ты буй Рюриче и Давыде, не ваю ли злачеными шеломы по крови плаваша? Не ваю ли храбрая дружина рыкают акы тури, ранены саблями калеными, на поле незнаеме? Вступита Господина в злата стремяще за обиду сего времени, за землю Рускую, за раны Игоревы, буюго Святславлича! Галичкы Осмомысле Ярославе высоко седиши на своем златокованнем столе. Подпер горы Угорский своими железными плъки, заступив Королеви путь, затвори в Дунаю ворота, меча времени чрез облака, суды рая до Дуная. Грозы твоя по землям текут; отворяеша Киеву врата; стреляеша с отня злата стола Салтани за землями. Стреляй Господине Кончака, поганого Кошея за землю Рускую, за раны Игоревы буюго Святславлича. А ты буй Романе и Мстиславе храбрая мысль носит вас ум на дело. Высоко плаваеша на дело в буести, яко сокол на ветрех ширяся, хотя птицю в буйстве одолети. Суть бо у ваю железны папорзи под шеломы л а т и н с к и м и. Теми тресну земля, и многи страны, Хинова, Литва, Ятвязи, Деремела, и Половци сулицы своя повръгоща, а главы своя поклониша под тии мечи харалужныи. Нъ уже Княже Игорю, утрпе солнцю свет, а древо не бологом листвие срони: по Руси, по Сули гради поделиша; а Игорева храбраго плъку не кресити.

Дон ти Княже кличет, и зоветь Князи на победу. Олговичи храбрыи Князи dospели на брань. Инъгварь и Всеволод, и вси три Мстиславичи, не худа гнезда шестокрилци, непобедными жребии себе власти расхытите? Кое ваши златыи шеломы и сулицы Ляцкии и щиты! Загородите полю ворота своими острыми стрелами за землю Русскую, за раны Игоревы буюго Святъславлича. Уже бо Сула не течет сребренными струями к граду Переяславлю, и Двина болотом течет оным грозным Полочаном под кликом поганых. Един же Изяслав сын Васильков позвони своими острыми мечи о шеломы Литовския; притрепа славу деду своему Всеславу, а сам под чрълеными щиты на кроваве траве притрепан Литовскими мечи. И схоти ю на кровать, и рек: дружину твою, Княже, птицъ крилы приоде, а звери кровь полизаша. Не бысь ту брата Брячяслава, ни другаго Всеволода; един же изрони жемчюжну душу из храбра тела, чрес злато ожерелие. Унылы голоси, пониче веселие. Трубы трубят Городеньскии. Ярославле, и вси внуце Всеслави уже понизить стязи свои, вонзить свои мечи верезени; уже бо выскочисте из дедней славе. Вы бо своими крамолами начясте наводити поганя на землю Рускую, на жизнь Всеславлю. Которое бо беше насилие от земли Половецкыи! На седьмом веце Трояни врьже Всеслав жребий о девицю себе любу. Тъй клюками подпръся о кони, и скочи к граду Киеву, и дотчеса стружием злата стола Киевскаго. Скочи от них лютым зверем в плъночи из Бела-града, обесися сине мъгле, утръ же воззни стрикусы отвори врата Нову-граду, разшибе славу Ярославу, скочи влъком до Немиги с Дудуток. На Немизе снопы стелют головами, молотят чепа харалужными, на тоце живот кладут, веют душу от тела. Немизе кровави брезе не бологом бяхуть посеяни, посеяни костью Руских сынов. Всеслав Князь людем судяше, Князем грады рядяше, а сам в ночь влъком рыскаше; из Кыева дорискаше, до Кур Тмутороканя; великому хръсови влъком путь прерыскаше. Тому в Полотске позвониша заутренюю рано у Святыя Софеи в колоколы: а он в Кыеве звон слыша. Аще и вещь душа в друже теле, нъ часто беды страдаше. Тому вещи Боян и пръвое припевку смысленый рече: ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду, суда Божиа не минути! О! стонати Руской земли, помянувше пръвую годину, и пръвых Князей. Того стараго Владимира не лъзе бе пригвоздити к горам Киевским: сего бо ныне сташа стязи Рюриковы, а друзии Давидовы; нъ рози нося им хоботы пашут, копия поют на Дунаи.

Ярославнын глас слышит: зегзицею незнаемь, рано кычеть: полечю, рече, зегзицею по Дунаеви; омочю бебрян рукав в Каяле реце, утру Князю кровавыя его раны на жестоцем его теле. Ярославна рано плачет в Путивле на забрале, аркучи: о ветре! ветрило! чему Господине насильно веши? Чему мычеши Хиновская стрелки на своєю нетрудною крилцю на моя лады вои? Мало ли ти бяшет гор под облакы веяти, лелеючи корабли на сине море? Чему Господине мое веселие по ковылию развея?

Ярославна рано плачеть Путивлю городу на забороле, аркучи: о Днепре словутицю! ты пробил еси каменные горы сквозе землю Половецкую. Ты лелеял еси на себе Святославли носады до плъку Кобякова: възлелей господине мою ладу к мне, а бых не слала к нему слез на море рано. Ярославна рано плачет к Путивле на забрале, аркучи: светлое и тресветлое слънце! всем тепло и красно еси: чему господине простре горячую свою лучю на ладе вои? в поле безводне жажду имъ лучи съпряже, тую им тули затче.

Прысну море полунощи; идут сморци мъглами; Игореву Князю Бог путь кажет из земли Половецкой на землю Рускую к отню злату столу. Погасоша вечеру зари: Игорь спит, Игорь бдит, Игорь мыслию поля мерит от великаго Дону до малаго Донца. Комонь в полуночи. Овлур свисну за рекою; велить Князю разумети. Князю Игорю не быть: кликну стукну земля; въшуме трава. Вежи ся Половецкии подвизашася; а Игорь Князь поскочи горностаем к тростию, и белым гоголем на воду; въврѣжеся на бръз комонь, и скочи с него босым влъком, и потече к лугу Донца, и полете соколом под мъглами избивая гуси и лебеди, завтраку, и обеду и ужине. Коли Игорь соколом полете, тогда Влур влъком потече, труся собою студеную росу; претръгоста бо своя бръзая комони. Донец рече: Княже Игорю, не мало ти величия, а Кончаку нелюбия, а Руской земли веселиа. Игорь рече, о Донче! не мало ти величия? лелеявшу Князя на влънах, стлавшу ему зелену траву на своих сребреных брезех, одевавшу его теплыми мъглами под сению зелену древу; стрежаше е гоголем на воде, чайцами на струях, Чрънядьми на ветрех. Не тако ли, рече, река Стugna худу струю имеа, пожръши чужи ручьи, и стругы ростре на кусту? Уношу Князю Ростиславу затвори Днепръ темне березе. Плачется мати Ростиславя по уноши Князи Ростиславе. Уныша цветы жалобою, и древо стугою к земли преклонило, а не сорокы втроскоташа. На следу Игореве ездит Гзак с Кончаком. Тогда врани не граахуть, галици помлъкоша, сорокы не трескоташа, полозию ползоша только, дятлове тектом путь к реце кажут, соловии веселыми песьми свет поведает. Млъвит Гзак Кончакови: аже сокол к гнезду летит, соколича ростреляево своими злаченными стрелами. Рече Кончак ко Гзе: аже сокол к гнезду летит, а ве соколца опутаево красною девицею. И рече Гзак к Кончакови: аще его опутаево красною девицею ни нама будет сокольца, ни нама красны девице, то почнут наю птици бити в поле Половецком.

Рек Боян и ходы на Святъславля пестворца старого времени Ярославля Ольгова Коганя хоти: тяжко ти головы, кроме плечю; зло ти телу, кроме головы: Руской земли без Игоря. Солнце светится на небесе, Игорь Князь в Руской земли. Девици поют на Дунаи. Вьются голоси чрез море до К и е в а. Игорь едет по Боричеву к Святей Богородици Пирогощей. Страны ради, гради весели, певше песнь старым Князем, а по том молодым. Пети

слава Игорю Святъславлича. Буй туру Всеволоде, Владимиру Игоревичу. Здрави Князи и дружина, побарая ж за христьяны на поганяя плъки. Князем слава, а дружине Аминь.

Повесть о битве на реке Калке

Повесть, отражающая важные события в жизни русского народа (битва русских войск с татарами в 1223 г.), вошла в состав русской летописи. В языке данной повести широко представлены выразительные средства русской речи: присоединительные построения в духе усгно-поэтических произведений, оценочные характеристики. Используются элементы языка церковной книжности.

Печатается по изданию: Повесть временных лет (Лаврентьевский список). Спб., 1897.

В лето 6731 <...> Того же лета явишася языци, ихже никтоже добре ясно не весть, кто суть и отколе изидоша, и что язык их, и которого племени суть, и что вера их; и зовуть я Татары, и инии глаголют Таумены, а друзии Печенези, инии глаголють, яко се суть, о них же Мефодий Патарский епископ сведетельствует: яко си суть ишли ис пустыня Етриевьскы, суще межю востоком и севером; тако бо Мефодий рече: яко к скончанью времен явится тем, яже загна Гедеон, и попленьять всю землю от востока до Ефранта и от Тигр до Понетьскаго моря, кроме Ефиопья. Бог же един весть их, кто суть и отколе изидоша, премудрии мужи ведять я добре, кто книги разумно умееть; мы же не вемы, кто суть, но сде вписахом о них памяти ради Русских князий беды, яже бысть от них. И мы слышахом, яко многы страны поплениша, Ясы, Обезы, Касоги, и Половецъ безбожных множество избиша, а инех загнаша, и тако измроша убиваеми гневом божьим и пречистыя его матере; много бо зла створиша ти окаяннии половци Руской земли, того ради всемилостивый бог хотя погубити и наказати безбожных сыны Измаиловы, Куманы, яко да отмстятъ кровь хрестьянску, еже и бысть над ними незаконными. Проидоша бо ти Таурмени всю страну Куманьску, и придоша близь Руси, идеже зовется вал Половечьский. И слышавше я Рустии князи, Мстислав Кыевский, и Мстислав Торопичский и Черниговьский, и прочии князи, здумаша ити на ня, мняще, яко ти пойдуть к ним. И послашася в Володимерь к великому князю Юргю, сыну Всеволожу, прося помочи у него; он же посла к ним благочестиваго князя Василька, сыновца своего, Константиновича, с Ростовци, и не утяну Василко прити к ним в Русь. А князи Рустии идоша и бишася с ними, и побужени быша от них, и мало их избы от смерти; ихже остави суджити, то ти убежаша, а прочии избьени быша: Мстислав старый добрый князь ту убьен бысть, и другый Мстислав, и инех князий 7 избьено бысть, а боляр и прочих вой много множество; глаголють бо тако, яко Кыян одинех изгыбло на полку том 10 тысячъ. И бысть плачь и туга в Руси, и по всей земли слышавшим сию беду. Се же ся зло склучи месяца мая в 30, на память святаго мученика Еремиа. Се же слышав Василко приключьшееся в Руси,

възвратися от Чернигова, сохранен богом, и силою креста честнаго, и молитвою отца своего Костянтина и стрья своего Георгия, и вниде в свой Ростов, славя бога и святую богородицю. <...>

Слово о погибели русской земли

«Слово о погибели русской земли» — замечательное произведение художественного творчества, рассказывающее о могуществе Руси до нашествия татар и о патриотизме русского народа. Риторичность памятника воссоздается средствами народнопоэтической и церковнокнижной речи. Используются постоянные эпитеты (*горами крутыми, холми высокими*). Повествование выливается в форму сказового стиха, придающего произведению ритмичность, песенный колорит. В духе церковной книжности используются сложные прилагательные, применяется тавтологическое сближение слов.

Памятник дошел до нас в рукописи XV в. Текст дается по изданию: Памятники древней письменности. Спб., 1892. Вып. 86.

Слово о погибели руския земли

О смерти великого князя Ярослава:

О светло светлая и украсно украшена земля Руськая! и многими красотами удивлена еси: озера многими удивлена еси, реками и кладязьми месточестными, горами крутыми, холми высокими, дубравами чистыми, полями дивными, зверьми различными, птицами бесчисленными, города великими, селы дивными, винограды обителными, дома церковными, и князьями грозными, бояры честными, вельможами многими! Всего еси исполнена земля Руская, о праверьная вера христиньская!

Отселе до угор и до ляхов, до чахов, от чахов до ятвязи, и от ятвязи до литвы, до немец, от немец до корелы, от корелы до устьяга, где тамо бяху то имици погании и задышючим морем, от моря до болгарь, от болгарь до буртас, от буртас до чермис, от чермис до моръдви,— то все покорено было богом крестиянскому языку поганьския страны великому князю Всеволоду, отцу его Юрью, князю кыевьскому, деду его Володимеру и Манамаху, которым то половоци дети своя ношаху в колыбели, а литва из болота на свет не выныкываху, а угры твердяху каменны города железными вороты, абы на них великий Володимер тамо не всехал. А немци радовахуся, далече будуче за синим морем; буртаси, черемиси, вьда и моръдва бортьничаху на князя великого Володимера, и жюр Мануил цесарегородский опас имея, поне и великыя дары посылаша к нему, абы под ним великий князь Володимер Цесаря города не взял.

А в ты дни болезнь крестияном, от великаго Ярослава и до Володимера, и до ныняшняго Ярослава, и до брата его Юрья князя Володимерьскаго.

Повесть о разорении Рязани Батыем

«Повесть о разорении Рязани Батыем» (1237) — выдающееся произведение древнерусской литературы и памятник русского литературного языка XIII в. В повести встречаются слова и выражения разговорной речи, и это придает ей колорит сказовости, эпичности. Широко используются образные выражения (*и бысть сеча зла и ужасна*), стандартно-характеристические определения (*благочестивый великий князь, воскрича велием гласом*), оценочные слова в духе народно-поэтической традиции (*очима светлы, взором грозны*), обращения, побудительно-вопросительные предложения и т. п.

Текст дается в переводе Д. С. Лихачева. См.: Воинские повести Древней Руси. М.; Л., 1949.

В лето 6745. Во второе на десят лето по принесении чудотворнаго образа ис Корсуня прииде безбожный царь Батый на Русскую землю со множеством вой татарскими, и ста на реке на Воронеже близ Резанския земли. И присла на Резань к великому князю Юрию Ингоровичю Резанскому послы безделны, просяща десятины во всем: во князех и во всяких людех, и во всем. И услыша великий князь Юрьи Ингорович Резанский приход безбожнаго царя Батыя, и вскоре посла во град Владимир к благоверному к великому князю Георгию Всеволодовичю Владимерскому, прося помощи у него на безбожнаго царя Батыя, или бы сам пошел. Князь великий Георгий Всеволодович Владимерской сам не пошел и на помощь не послал, хотя о себе сам сотворити брань з Батыем. И услыша великий князь Юрьи Ингорович Резанский, что несть ему помощи от великаго князя Георгия Всеволодовича Владимерского, и вскоре посла по братью свою, по князя Давида Ингоровича Муромского, и по князя Глеба Ингоровича Коломенского, и по князя Олга Краснаго, и по Всеволода Проньскаго, и по прочии князя. И начаша совещевати, яко нечистиваго подобает утоляти дары. И посла сына своего князя Федора Юрьевича Резаньскаго к безбожному царю Батыю з дары и молением великим, чтобы не воевал Резанския земли. И князь Федор Юрьевич прииде на реку на Воронеж к царю Батыю, и принесе ему дары и моли царя, чтобы не воевал Резанския земли. Безбожный же царь Батый, лстив бо и немилосерд, прия дары и охабися лестию не воевати Резанския земли. И яряся-хваляся воевати Русскую землю. И нача просити у рязаньских князей дочерей или сестер себе на ложе. И некий от велмож резанских завистию насочи безбожному царю Батыю на князя Федора Юрьевича Резанскаго, яко имеет у себе княгиню от царьска рода, и лепотою-телом красна бе зело. Царь Батый лукав есть и немилостив в неверии своем, пореваем в похоти плоти своя, и рече князю Федору Юрьевичу: «Дай мне, княже, видети жены твоей красоту». Благоверный же князь Федор Юрьевич Резанской посмеяся, и рече царю: «Не полезно бо есть нам, христианом, тебе, нечестивому царю, водити жены своя на блуд. Аще нас преодолеши, то и женами нашими владети начнеши». Безбожный же царь Батый возярился и огорчился, и повеле вскоре убити благовернаго князя Федора Юрьевича, а тело его

повеле поврещи зверем и птицам на разтерзание; и инех князей, нарочитых людей воинских побил.

И един от пестун князя Федора Юрьевича укрыся именем Апоница, зря на блаженое тело честнаго своего господина, горько плачущися, и видя его никим брегوما, и взя возлюбленаго своего государя, и тайно сохрани его. И ускори к благоверной княгине Еупраксее, и сказа ей, яко нечестивый царь Батый уби благовернаго князя Федора Юрьевича.

Благоверная княгиня Еупраксея стояще в превысоком храме свѣом и держа любезное чадо свое князя Ивана Федоровича, и услыша таковыя смертоносныя глаголы, и горести исполнися, и абие ринуся из превысокаго храма своего с сыном своим со князем Иваном на среду земли, и заразися до смерти. И услыша великий князь Юрьи Ингоревич убиение возлюбленаго сына своего благовернаго князя Федора, и инех князей, нарочитых людей много побито от безбожнаго царя, и нача плакаться с великою княгинею, и со прочими княгинями, и з братиею. И плакашеся весь град на мног час. И едва отдохнув от великаго того плача и рыдания, и начаша совокупляти воинство свое, и учредиша. Князь великий Юри Ингоревич, видя братию свою и боляр своих и воеводе храбро и мужественно ездяще, и возде руце на небо со слезами и рече: «Изми нас, боже, от враг наших, и от востающих нань избави нас, и покры нас от сонма лукавнующих, и от множества творящих безаконие. Буди путь их тма и ползок. И рече братии своей: «О господия и милая братия моя, аще от руки господня благая прияхом, то злая ли не потерпим? Лутче нам смертью живота купити, нежели в поганой воли быти. Се бо я, брат ваш, наперед вас изопью чашу смертную за святыя божия церкви, и за веру христьянскую, и за отчину отца нашего великаго князя Ингоря Святославича». И поидоша в церковь пресвятыя владычицы богородици честнаго ея успения. И плакася много пред образом пречистыя богородици и великому чудотворцу Николе и сродником своим Борису и Глебу. И дасть последнее целование великой княгине Агрепене Ростиславне, и прием благословение от епископа и от всего священнаго собора. И поидоша против нечестиваго царя Батыя и стретоша его близ предел резанских. И нападоша нань, и начаша битися крепко и мужественно, и бысть сеча зла и ужасна. Мнози бо силнии полки падоша Батыеви. Царь Батыи видяше, что господство резаньское крепко и мужественно бьяшеся, и возбояся. Да противу гневу божию хто постоит! А Батыеве силе велице и тяжце, един бьяшеся с тысящей, а два со тмою. И виде князь великий убиение брата своего князя Давида Ингоревича, и воскричаша: «О братие моя милая! Князь Давид, брат наш, наперед нас чашу испил, а мы ли сея чаши не пьем!» И преседоша с коня на кони, и начаша битися прилежно. Многии сильныя полки Батыевы проезжая, храбро и мужественно бьяшеся, яко всем полком татарьским поидивитися крепости и мужеству резанскому господству. И едва

одолеша их силныя полкы татарскыя. Ту убиен бысть благоверный князь великий Георгий Ингоревиц, брат его князь Давид Ингоревиц Муромской, брат его князь Глеб Ингоревиц Коломенской, брат их Всеволод Проньской, и многия князи местныя и воеводы крепкыя, и воинство: удалцы и резвцы резанскыя. Все равно умроша и едину чашу смертную пиша. Ни един от них возвратися вспять: все вкупе мертвыи лежаща. Сия бо наведе бог грех ради наших. А князя Олга Ингоревица яша еле жива суща. Царь же, видя свои полкы мнози падоша, и нача велми скорбети и ужасатися, видя своя силы татарскыя множество побьеных. И начаша воевати Резанскую землю и веля бити, и сечи, и жещи без милости. И град Прънеск, и град Бел, и Иже-славец разори до основания, и все люди побыша без милости. И течаше кровь христьянская, яко река сильная, грех ради наших. Царь Батый, видя князя Олга Ингоревица велми красна и храбра, и изнемогающе от великих ран, и хотя его изврачевати от великих ран и на свою прелесть возвратити. И князь Олег Ингоревиц укори царя Батыя, и нарек его безбожна, и врага христьянска. Окаяный Батый дохну огнем от мерскаго сердца своего, и вскоре повеле Олга ножи на части роздробити. Сий бо есть второй страстоположник Стефан, прия венец своего страдания от всемилостиваго бога, и испи чашу смертную с своею братею равно. Царь Баты окаяный нача воевати Резанскую землю, и поидоша ко граду к Резани. И обступыша град, и начаша битися неотступно пять дней. Батыево бо войско пременишася, а граждане непременно бышася. И многих граждан побыша, а инех уязвиша, а инии от великих трудов изнемогша. А в шестой день рано приидоша погани ко граду, овии с огни, а инии с пороки, а инии со тмочисленными лестницами, и взяша град Резань месяца декабря в 21 день. И приидоша в церковь соборную пресвятые богородици, и великую княгиню Агрепену мать великаго князя з снохами и с прочими княгинями мечи исекоша, а епископа и священнический чин огню предаша, во святей церкви пожегоша, а инии мнози оторужия падоша. А во граде многих людей, и жены, и дети — мечи исекоша. И иных в реце потопыша, и ереи, черноризца до останка исекоша, и весь град пожегоша, и все узорочие нарочитое, богатство резанское и сродник их киевское и черъниговское поимаша. А храмы божия разорыша, и во святых олтарех много крови пролияше. И не оста во граде ни един живых, все равно умроша и едину чашу смертную пиша. Несть бо ту ни стонюща, ни плачуща — и ни отцу и матери о чадах, или чадом о отци и о матери, ни брату о брате, ни ближнему роду, но все вкупе мертвыи лежаща. И сия вся наиде грех ради наших. Безбожный царь Батый видя велие пролитие крови христьянскыя, и возярился зело, и огорчися, и поиде на град Суздаль и Владимир, и желая Рускую землю поплентити, и веру христьянскую искоренити, и церкви божии до основания разорити.

И некий от велмож резанских именем Еупатий Коловрат в то время был в Чернигове со князем Ингварем Ингоревичем, и услыша приход зловернаго царя Батыя, и иде из Чернигова малою дружиною, и гнаша скоро. И приеха в землю Резаньскую, и виде ея опустевшу грады разорены, церкви пожены, люди побьены. И пригна во град Резань, и виде град разорен, государи побиты, и множества народа лежаща: ови побьены и посечены, а ины позжены, ины в реце истоплены,— Еупатий вскрича в горести душа своя и распалаяся в сердца своем. И собра мало дружины: тысячу семсот человек, которых бог соблюде — быша вне града. И погнаша во след безбожного царя и едва угнаша его в земли Суздалстей, и внезапно нападоша на станы Батыевы. И начаша сечи без милости, и смятошася все полки татарския. Татарове же сташа яко пьяны, или неистовы. Еупатию тако их бьяше нещадно, яко и мечи притупишася, и емля татарския мечи и сечаша их. Татарове же мняша, яко мертви восташа. Еупатий сильныя полки татарския проеждя, бьяше их нещадно. И ездя по полком татарским храбро и мужественно, яко и самому царю возбояться. И едва поимаша от полку Еупатиева пять человек воиньских, изнемогших от великих ран. И приведоша их к царю Батыю. Царь Батый нача вопрошати: «Коя веры есте вы, и коя земля, и что мне много зла творите?» Они же реша: «Веры христьянския есмя, а храбры есми, великаго князя Юрья Ингоревича Резанскаго, а от полку Еупатиева Коловрата. Посланы от князя Ингваря Ингоревича Резанскаго тебя силна царя почтити и честна проводитьи, и честь тебе воздати. Да не подиви, царю, не успевати наливати чаш на великую силу-рать татарскую». Царь же подивися ответу их мудрому. И посла шурича своего Хостоврула на Еупатия, а с ним сильныя полки татарския. Хостоврул же похвалися пред царем, хотя Еупатия жива пред царя привести. И ступишася сильныя полки татарския, хотя Еупатия жива яти. Хостоврул же съехася съ Еупатием. Еупатей же исполни силою и разсече Хостоврула на полы до седла. И начаша сечи силу татарскую, и многих тут нарочитых багатырей Батыевых побил, ових на полы пресекаше, а иных до седла крояше. Татарове же возбояшася, видя Еупатия крепка исполина. И навадиша на него множество пороков, и нача бити по нем ис тмочисленных пороков, и едва убиша его. И принесоша тело его пред царя Батыя. Царь Батый посла по мурзы, и по князи, и по санчакбеи, и начаша дивитися храбрости, и крепости, и мужеству резанскому господству. Они же рекоша царю: «Мы со многими цари во многих землях, на многих бранех бывали, а таких удалцов и резвцов не видали, ни отци наши возвестиша нам. Сии бо люди крылатии, и не имеюще смерти, тако крепко и мужественно ездя, бьяшася един с тысящею, а два со тмою. Ни един от них может съехати жив с побоища». Царь Батый зря на тело Еупатиево, и рече: «О Коловрате Еупатие, гораздо еси меня подщивал малою своею дружиною, да многих багатырей сильной орды по-

бил еси, и многие полки падоша. Аще бы у меня такой служил, — держал бых его против сердца своего». И даша тело Еупатиево его дружине останочной, которые поиманы на побоище. И веля их царь Батый отпустить, и ни чем вредити.

Князь Ингварь Ингворевич в то время был в Чернигове у брата своего князя Михаила Всеволодовича Черниговскаго богъм соблюден от злаго того отметника врага христьянскаго. И прииде из Чернигова в землю Резанскую во свою отчину, и видя ея пусту, и услыша, что братья его все побиены от нечестиваго законопреступника царя Батыя, и прииде во град Резань и видя град разорен, а мать свою, и снохи своя, и сродник своих, и множество много мертвых лежаща, и град разорен, церкви позжены и все узорочье в казне черниговской и резанской взято. Видя князь Ингварь Ингворевич великую конечную погибель грех ради наших, и жалостно воскричаша, яко труба рати глас подающе, яко сладкий орган вещающи. <...>

Литературный язык церковнокнижной письменности

Письменность Киевской Руси представлена также произведениями, которые были созданы на церковнославянском (церковнокнижном) языке, восходящем к пришлому — старославянскому — языку. Такие произведения имели церковно-проповедническое содержание, но по языку они отличались от богослужебных книг. В пору принятия христианства появляются переводные книги; эти книги в процессе перевода дополнялись вставками, отражающими явления русской жизни. Но наряду с переводными книгами создаются оригинальные произведения на церковнокнижном языке: жития, проповеди, поучения, продолжающие традиции византийской культуры.

Авторы такой литературы ориентируются на высокий, украшенный стиль византийской литературы. Язык произведений витиеватый, изощренный, он насыщен цитатным материалом, взятым из священных писаний, а также библейской символикой, цветистыми метафорами, красочными антитезами, риторическими оборотами и иными средствами риторического изображения. Вместе с тем в языке оригинальных произведений встречаются слова и формы восточнославянской, русской речи. Сосуществование их со средствами церковнославянского языка содействует расширению выразительных возможностей книжно-славянского типа литературного языка Древней Руси.

«Слово о законе и благодати» митрополита Илариона

«Слово о законе и благодати» написано выдающимся оратором и публицистом начала XI в. — киевским митрополитом Иларионом (1037—1050).

«Слово» Илариона — торжественная речь, страстная проповедь; в нем прославляются христианская Русь, князь Владимир и продолжатель его дела — князь Ярослав Мудрый.

«Слово» строится на противопоставлении «закона» («ветхого завета») и «благодати» («нового завета» — христианства). Противопоставление содействует прославлению русской земли, ее могущества. Язык произведения экспрессивный. Это создается широким употреблением антонимов (*живые и мертвые, малый и великий, раб и свободный, уны и старый, благословити и хулити*), синонимов (*сын, чадо, утроба, милый*), перифрастических построений (*дождь благодатный, млеко благодати, слуга будущему веку — христианство*), метафорических существительных, прилагательных и глаголов (*отряси сон, церкви цветущи*), а также сложных слов, среди которых употребительны существительные, оканчивающиеся на *-ство, -ение, -ние, -ие* (*словоохотие, многобожество* и др.).

Широко используются сравнения, которые группируются в цепочки сопоставительных описаний, лексические повторы, однотипные синтаксические построения, риторические вопросы и обращения.

Текст «Слова» дается по изданию: Горский А. В. Памятники духовной литературы времен великого князя Ярослава I. М., 1844.

О законе Моисеом даннем ему и о благодати и истине Исус Христом бывшим <...> и похвала кагану нашему Владимиру <...>

Благословен господь бог Израилев, бог христианск, яко посети и сътвори избавление людем своим, яко не презре твари своя до конца идольским мраком одержиме быти и бесовским служением, но оправди прежде племя Авраамле скрижальми и законом, послежде Сыном своим вся языки спасе евангелием и крещением, и вводя в обновление пакубытия в жизнь вечную <...> Закон бо предтеча бе и слуга благодати и истине, истина же и благодать слуга будущему веку, жизни нетленней. Яко закон привождаше възаконеныа к благодатному крещению; крещение же препущает сыны своя на вечную жизнь. Моисий бо и пророци о Христове пришествии поведаху, Христос же и апостоли его о възкресении и о будущем веце <...>

И что успе закон? что ли благодать? Прежде закон, потом благодати; прежде стень, ти потом истина. Образ же закону и благодати — Агар и Сарра, работнаа Агар и свободнаа Сарра; работнаа прежде, ти потом свободнаа. И да разумеет, иже четет. Яко Авраам убо от уности своя Сарру име жену си, свободну, а не, рабу; и бог убо прежде век изволи и умысли сына своего в мир послати, и тем благодати явити ся.— Сарра же не раждаше, понеже бе неплоды; не бе неплоды, но заключена бе божиим промыслом на старость родити. Безвестная же и утаенаа мудрости божиа утаена бяху от ангел и человек, и не яко не явима, но утаена и на конец века хотяща явити ся.— Сарра же глагола

к Аврааму: се заключи мя господь бог не раждати, вниди убо к рабе моей Агари и родиши от нея. Благодать же глагола к богу: аще несть времени снити ми на землю и спасти мир, сниди на гору Синай и закон положи.— Послуша Авраам речи Саррины и вниде к рабе ея Агари. Послуша и бог, яже от благодати словес, и сниде на Синай.— Роди же Агарь раба от Авраама рабочищъ, и нарече Авраам имя ему — Измаил. И снесе Моисей от Синайския горы закон, а не благодать, стень, а не истину— По сих же, уже стару сущу Аврааму и Сарре, явился бог Аврааму, седящу ему пред дверьми куща своеа в полудне у дуба Мамврийскаго; Авраам же тече в сретение ему и поклони ся ему до земле и приат и в кущу свою. Веку же сему к концу приближающуся, посети господь человечьскаго рода и сниде с небесе, в утробу девицы вхходя; приат же и девица с поклонянием в кущу плотяную, не болевши, глаголющи к ангелу: се раба господня, буди мне по глаголу твоему.— Тогда убо отключи бог ложесна Саррина, и заченши роди Исаака, свободнаа свободнаго. Присетившу богу человечьска естества, явишася уже безвестная и утаеная, и родися благодать и истина, а не закон; сын, а не раб.— Яко отдои ся отроча Исаак и укрепе, и сътвори Авраам гостивству велику, егда отдои ся Исаак сын его. Егда бе Христос на земли, и еще благодать не укрепела беаше, но дояше ся еще, за 30 лет, в ня же Христос таяше ся; егда же отдои ся и укрепе, яви ся благодать божиа спасеннаа всем человеком в Иерданстей реце; сътвори бог гостивству велику и пир велик тельцем упитанным от века, възлюбленным сыном своим Исус Христом, съзвав на едино веселие небесныа и земленыа, съв купив в едино ангелы и человекеы <...>

Вера бо благодатнаа по всей земли распростре ся, и до нашего языка русскаго дойде, и законное езеро пресыше, евангельский же источник наводив ся и всю землю покрыв, и до нас пролив ся. Се бо уже и мы с всеми христианами славим святую троицу, а Июдея млъчит <...>

Хождение игумена Даниила

«Житье и хоженъе Даниила, русьскыя земли игумена» — литературно обработанные записи паломника, побывавшего в Палестине (1106—1107 гг.). Данное произведение пользовалось большой популярностью; яркие зарисовки тех мест, о которых вел рассказ паломник, привлекали внимание современников. В языке данного произведения немало художественно нацеленных словоупотреблений (эпитеты, сравнения, уподобления).

Это произведение дошло до нас в списках XV, XVI, XVII столетий и более позднего времени.

Отрывки даются по изданию: Палестинский сборник. Т. 1. Вып. 3, 9. Спб., 1885.

Житье и хоженъе Даниила, русьскыя земли игумена

Се аз недостойный игумен Данил русския земля, хужши во всех мнисех, смиренный грехи многими, недоволен сый во всяком

деле блазе, понужен мыслию своею и нетерпением моим, похотех видети святыи град Иерусалим и землю обетованную. И благодатию божию доходих святого града Иерусалима и видех святая места, обходих всю землю галилейскую и около святого града Иерусалима по святым местом, кудаже Христос бог наш походи своима ногама и велика чюдеса показа по местом тем святым. И то все видех очима своима грешныма, беззлюбивый показа ми бог видети, егоже жедах много дний мыслию моею. Братиа и отци, господие мои, простите мя грешнаго и не зазрите худоумью моему и гробости, еже писах о святем граде Иерусалиме, и о земли той блазей, и о пути, еже к святым местом. Иже бо кто путем сим ходил с страхом Божиим и смиреньем, не погрешить милости божиа николи же. Аз же неподобно ходих путем сим святым, во всякой лености и слабости и во пьянстве и вся неподобная дела творя. Но, обаче, надеяся на милость Божию и на вашу молитву, да ми простит Христос бог моих грехов безчисленных, да си исписах путь си и места сии святая не возносяся ни величаяся путем сим, яко что добро створив на пути сем, не буди то: ничтоже бо добра сътворих на пути сем; но любве ради святых мест сих, исписах все, еже видех очима своима, дабы не въ забыть было то, еже ми показа бог видети недостойному. Убояхся онаго раба лениваго, скрывшаго талант господина своего и не створившаго прикупа им, да сие написах верных ради человек. Да кто убо, слышав о местех сих святых поскорбл бы ся душею и мыслию к святым сим местом и равну мзду примут от бога с теми, иже будут доходить святых сих мест. Мнози бо дома суще, в местех своих добрии человеци мыслию своею и милостынею убогих, добрыми своими делы, достигают мест сих святых, иже болшую мзду примут от бога спаса нашего Исуса Христа. Мнози бо доходивше святых сил мест и святыи град Иерусалим и възнесшеся умом своим, яко нечто добро сътворивше, и погубляют мзду труда своего, от них же первый есмь аз; мнози бо, ходивше святого града Иерусалима, пойдут опять, много добра невидевши, тщаще опять вскоре, а сего пути нелзе вскоре сотворити ни истоком того мощи видети и вся святаа та места и в граде и вне града.

О ИЕРУСАЛИМЕ, О ЛАВРЕ

Аз недостои игумен Данил, пришед в Иерусалим, пребых месяц 16 в месте лавре святого Савы и тако могох походити и испытати вся святая си места. Невозможно бо без вожа добра и без языка испытати и видети всех святых мест. И что имея в руку моею худаго моего добыточка, то от того все подавах ведущим добре вся святаа места в граде и вне града, да быша ми указали все добре, якожь и бысть. И пригоди мы бог налести в лавре мужа свята и стара деньми, и книжна вельми. Тому святому мужеву вложи бог в сердце любити мя худаго и тои указа ми

добре вся святаа та места, и в Иерусалиме и по всей земли той поводи мя и до Тивириадского моря поводи мя, и до Фаворы, и до Назарефа, и до Хеврона, и до Иордана, и по всем тем местом поводи мя, и потрудися со мною любве ради. И ина святаа места видех многа, яже последи скажу.

О ИЕРУСАЛИМЕ

Есть же святой град Иерусалим в дебрех, около его горы камены и высокы. Да нолны пришедше близько граду тоже видети первое столп Давидов и потом, дошедше мало, увидети Елеонскую гору и святаа святых и Воскресение церковь, идеже есть гроб господень, и узрети потом весь град. И ту есть гора равна от пути близ града Иерусалима, яко версты вдале; на той горе сседают с конь вси людие и поставляют крестьци ту и покланяются святому Воскресению на дозоре граду. И бывает тогда радость велика всякому христианину, видевше святой град Иерусалим и ту слезам пролитье бывает от верных человек. Никто же бо может не прослезитися, узрев желанную ту землю и места святаа вида, идеже Христос бог наш претерпе страсти нас ради грешных. И идут вси пеши с радостию великою к граду Иерусалиму. И ту есть на левой руке, у пути тамо идучи, церкви святаго Стефана первомученика; на том месте побиен бысть камением Стефан первомученик от иудей, и ту есть гроб его. И ту есть гора камена плоска проселася в распятие Христово то зовется ад; есть близь стены градная, яко довержет. И потом входять в святой град Иерусалим вси людие с радостию великою враты, сущими близь сына Давидова, и та суть врата от Вифлеома лиць, и ту суть врата Вениаминова. Яко войдуче в град путь есть сквозе град в святаа святых на правую руку, а на левую к святому Воскресению идеже есть гроб господень.

Слово Кирилла Туровского на антипасху

«Слово» Кирилла, епископа Туровского,— риторическое произведение второй половины XII в. Блестящая форма литературного изложения обусловлена риторическими средствами церковнокнижного языка Древней Руси.

В «Слове на антипасху» (антипасха — воскресенье, непосредственно следующее за пасхальной неделей) используются аллегории, антитезы, уподобления.

Евангельские символы христианской догматики раскрываются на фоне природных явлений: яркие картины времени года символизируют борьбу добра и зла в духе христианского вероучения. Побудительная направленность поучения Кирилла способствует употреблению метафор, риторических фигур (обращений, повторов слов, анафорического словорасположения)

«Слово» в сокращении дается по изданию: *Калайдович К. Ф.* Памятники российской словесности XII века. М., 1821.

Слово в новую неделю по пасце

⟨...⟩ Ныня солнце красуюся к высоте всходить и радуяся землю огреваеть: взиде бо нам от гроба праведное солнце Христос

и вся верующая ему спасаетъ. Ныня луна, с вышняго сступивши степени, большому светилу честь подаваетъ: уже ветхый закон, по писанию, с суботами преста и пророкы, Христову закону с неделю честь подаетъ. Ныня зима греховная покаяниемъ преста естъ и лед неверия богоразумием растаяся; зима убо языческаго кумиротруженія апостольскимъ учениемъ и Христовою верою преста естъ, лед же Фомина неверия показаниемъ Христовъ ребр растаяся. Днесъ весна красуется, оживляющеи земное естъство: бурнии ветри, тихо повевающе, плоды гобъзуютъ и земля, семена питающеи, зеленую траву ражаетъ. Весна убо красная вера естъ Христова, яже крещениемъ поражаетъ человеческое пакыетство, бурнии же ветри грехотворений помысли, иже покаяниемъ претворшеся на добродетель, душеполезныя плоды гобъзуютъ: земля же естъства нашего, акы семя слово божие приимши и страхомъ его присно боляши, дух спасения ражаетъ. Ныня новоражаемии агньци и унци, быстро путь перуще, скачуютъ и, скоро к матеремъ возвращающеся, веселиемъ Христа хвалятъ. Агнеца глаголю — кроткыя от языкъ люди, а унца — кумиротружителя неверныхъ стран, иже Христовомъ въчеловечениемъ и апостольскимъ учениемъ и чудесы, скоро по законъ емшеся, к святей церкви възвратившеся, млеко учения ссутъ; да и учителя Христова стада о всехъ молящеся, Христа бога славятъ, вся волкы и агньца в единомъ стадо собравшаго. Ныня древа леторасли испущаютъ, и цветы благоухания процвитаютъ, и се уже огради сладкую подаваютьъ воню; и делатели с надежею тружящеся плододавеца Христа призываютъ. Бехомъ бо преже ака древа дубравная, не имуща плода, ныняже присадися Христова вера в нашемъ неверьи, и уже держащеся корене Иосеева, яко цветы добродетели пуцающе, райскаго пакыбытья о Христе ожидаютъ, да и святители о церкви труждающеся от Христа мзды ожидаютъ. Ныня ратаи слова, словесныя унца к духовному ярму приводяще, и крестное рало в мысленыхъ браздахъ погружающе, и бразду покаяния начертаяще, семя духовное въсыпающе, надежами будущихъ благъ веселятся. Днесъ ветхая конецъ прияша, и се быша вся нова, въскресения ради. Ныня реки апостольскыя наводняются, и язычныя рыбы плодъ пуцаютъ, и рыбаи, глубину божия въчеловечения испытавше, полну церковную мрежу ловитвы обретають: реками бо, рече пророк, расядется земля, узрятъ и разболятся нечестивии людие. Ныня мнишьскаго образа трудолюбивая бчела, свою мудрость показаящи, вся удивляетъ; якоже бо они, в пустыняхъ самокърмиемъ живуща, ангелы и человеки удивляютъ, и си, на цветы излетающе, медвенныя сты сътваряють, да человекомъ сладость и церкви потребная подасть. Ныня вся доброгласныя птица церковныхъ ликовъ гнездящеся веселятся: и птица бо, рече пророк, обрете гнездо себе, олтаря твоя, и свою каяждо поюща песнь, славить бога гласы немолчными. <...>

«Слово третье» преподобного Серапиона

«Слово третье» проповедника Серапиона, занимавшего епископский пост в 1274—1275 гг. во Владимире, — произведение христианско-догматической речи. Язык «Слова» насыщен риторическими фигурами, средствами эмоционально-ораторской экспрессии.

«Слово» известно в списке XIV в. «Златая цепь», дается по изданию: *Петухов Е. В.* Серапион Владимирский, русский проповедник XIII века. Спб., 1888.

Слово святого преподобного Сирапиона

Почюдим, братие, человеколюбье бога нашего. Како ны приводит к себе? кыми ли словесы не наказает нас? кыми ли запрещении не запрети нам? Мы же никакоже к нему обратихомся. Видев наша безаконья умножившася, видев ны заповеди его отвергъша, много знамении показав, много страха пущаше, много рабы своими учаше, и ничим же унше покажахомся. Тогда наведе на ны язык немилостив, язык лют, язык не щадящъ красы уны, немощи старецъ, младости детии; двигнухомъ бо на ся ярость бога нашего; по Давиду, въскоре възгорися ярость его на ны. Разрушены божественныя церкви; осквернени быша ссуди священнии; потоптана быша святая; святители мечю во ядь быша; плоти преподобных мних птицам на снесь повержени быша; кровь и отецъ и братия наша, аки вода многа, землю напои; князии наших воевод крепость ищезе; храбрии наша, страха напольньшеся, бежаша; множайша же братия и чада наша в плен ведени быша; села наша лядиною поростоша, и величество наша смерися; красота наша погыбе; богатство наше онемъ в користь бысть; труд нашъ погании наследоваша; земля наша иноплеменикомъ в достояние бысть; в поношение быхомъ живущимъ въскраи земля наша; в посмех быхомъ врагомъ нашим, ибо сведохомъ себе, акы дождь с небеси, гнев господень; подвигохомъ ярость его на ся и отвратихомъ велию его милость; и не дахомъ приизрати на ся милосердыма очима. Не бысть казни, кая бы преминула нас; и ныне беспрестани казними есмы; не обратихомся к господу; не покаяхомся о безаконии наших, не отступихомъ злыхъ обычаи наших, не оцестихомся калу греховнаго, забыхомъ казни страшныя на всю землю нашу; мали оставши, велице творимся. Тем же не престають злая мучаше ны: завесь оумножилася, злоба преможе ны, величанье възнесе ум наш, ненависть на другы вселися в сердца наша, несытовство именье поработи ны, не дасть миловати ны сирот, не дасть знати человечьскаго естества; но, акы зверье жадають насытитися плоти, тако и мы жадаем и не престанем. <...>

Сказание о Борисе и Глебе

«Сказание о Борисе и Глебе» — оригинальный памятник древнерусской литературы и русского литературного языка XII в. Это произведение дает яркое пред-

ставление о риторических средствах житийной литературы: книжная лексика, сложные слова (*страстотърпѣца, многомлстивыи*), словосочетания (*съконьчати живот свои*), однотипные синтаксические конструкции.

Отрывки даются по изданию: Успенский сборник XII—XIII вв./Под ред. С. И. Коткова. М., 1971.

Блженыи же борис яко же ся
бе воротил и стал бе на
льте шатьры. и реша к не
му дружина поиди сяди
кыеве на столе отъни. се
бо вси вои вои въ руку тво
ею суть. отнъ же имъ от
вещааваше. не буди ми
възяти руки на брата
своего и еще же и на старе
иша мене. его же бых и
мел акы оца. си слыша
въше вои разидоша ся от не
го. а сам оста тъкъмо с
отроky своими. и бяше
в днь суботъныйи в ту
зе и печали удручън
мь срдцьмь. и вълез в
шатър свои плакаше ся с
крушенъмь срдцьмь. а
дшею радостною жалость
но глас испущааше. слъ
з моих не презъри влдко
〈...〉 бе же в стую
неделю рече к прозвутеру
своему въстав начъни за
утрънюю. сам же обув но
зе свои и умыв лице свое.
начат молити ся к госпо
ду бу. посълании же при
доша от стпѣлка на льто
ночь и подъступиша близ.
и слышаша глас блаженаа
го страстотърпѣца поюща пса
лтырь заутрънюю. бяше же
ему и вестъ о убиении е
го. и начать пети ги чьто ся
умножиша сътужающи
и мънози въсташа на мя.
и прочая псалмы до коньца.
〈...〉 съконьчати живо
тъ свои. бяше же съ родъмь
угринъ. имъньмь же гео

ргии. и беаше възложил
на нь гривьну злату и бе
любим борисъмъ паче ме
ры. и ту же и пронъзоша.
и яко бысть уранен и иско
чи ишатъра в оторопе. и
нача глати стояще окру
г его чьто стоите зъряще.
приступивъше сконьча
им повеленое нам.

Си слышав блаженни.
начать молити ся и ми
л ся им деяти гля бра
тия моя милая и люби
мая. мало ми время от
даите да поне помолю ся
богу моему. и възъре
в на нбо с слъзами и го
ре въздъхнув. начат
молити ся сицими глы.
Ги боже мои многомлсти
выи и млстивыи и пре
млстиве слава ти. яко
съподобил мя еси убе
жати от прельсти жи
тия сего льстьнааго. сла
ва ти прещедрыи живо
давъче. яко сподоби мя
труда стых мчнк
слава ти влдко члвколю
бъче. сподобивыи мя с
коньчати хотение срдца
моего. слава ти хе мъно
гому ти млсрдию. иже
направи на правыи пу
ть мирьны ноги ноги
моя тещи к тебе бесъбла

зна. призьри с высоты сты
ня твоя вижь болезнь срдца
моего. юже приях от съродни
ка моего. яко тебе ради умь
рщваем есмь въ съ днь. в
мениша мя яко овьна на съ
недь. веси бо ги мои яко не (у)
противлю ся ни в преку
глю. а имыи в руку вься
воя оца моего и вься любви

мыя оцемь моимь. и ничь
то же умыслих противу
брату моему. он же ели
ко въздвиже на мя възмог.
да аще бы ми враг поносил
протърпел убо бых. аще
бы ненавидя мене вельрече
вал укрыл бых ся. нъ ты
ги вижь и суди межю мно
ю и межю братъмь моимь.
и не постави им ги греха се
го. нъ приими в мир дшю
мою аминь. ~ И възъревъ
к ним умиленама очи
ма и спадъшемь лицъмь. и
вьсь слъзами облив ся ре
че. братие приступивъше
съконъчайте службу ва
шю. и буди мир бр... у мо
ему и вам братие. да е
лико слышаху словеса его
от слъз не можааху ни сло

весе рещи от страха же и пе
чали горькы и мъногих
слъз. нъ с въздыхание
мь горькымь жалостьно
глаголааху и плакааху
ся и къждо в дши своеи
стонааше. увьы нам к
няже нашъ милыи и дра
гы и блженыи. водите
лю слепымь. одеже на
гым старости жъзле ка
зателю не наказанымь.
кто уже си вься исправи
ть. како не вьсхоте сла
вы мира сего како не вьсхо
те веселити ся с чьсть
нымь вельможамь.
како не вьсхоте величи
я еже в житии семь. к
то не почюдить ся вели
куумь съмерению. к
то ли не съмерить ся оно
го съмерение видя и слы
ша. и абие усъпе предав
дшю свою в руце ба жива.

мса. иулия. в. 24. днь.
преже. 9. каландъ. августа.
избиша же и отроцы мно
гы. с георгия же не могу
ще съняти гривьны. и от
секъше главу отъвъргоша
и кроме. да темъ и после
дъ не могоша познати тела
его. блаженааго же бориса
объртевъше в шатър в
зложивъше на кола пове
зоша. и яко быша на бору
начать въскланяти сту
ю главу свою. и се уведе
в стоплък послав два ва
ряга и прободоста и мечъ
м в срдце. и таго съконь
ча ся. въсприят не увя
даемыи венць. и поло
жиша тело его принес
ше вышегороду. у цркве
стааго василия в земли
погребоша. и не до сего оста
ви убииства оканьныи
стоплък. <...>

Литературный язык Московской Руси

В XIV в. на территории северо-восточных земель начинается процесс централизованного государственного объединения бывших разрозненных княжеств Киевского государства. Ведущая роль переходит к Московскому княжеству. Москва становится столицей русского государства. Формирование великорусской народности в пределах Московской Руси содействует выравниванию диалектной базы складывающегося общерусского языка. Языковые процессы, происходившие в речи жителей Московской Руси на протяжении многих десятилетий, привели к тому, что уже в XV—XVI столетиях разговорная речь москвитов заметно отличалась от речи украинцев и белорусов, хотя украинский, белорусский и великорусский языки развились из одного и того же источника — языка древнерусской народности.

Письменность Московского государства создается на основе русского и церковнославянского языков, но в силу исторических процессов они начинают отличаться от тех типов литературного языка, которые функционировали в Киевской Руси. Русский тип литературного языка в большей мере ориентируется на иную речевую базу — разговорную речь жителей Московской Руси. Книжно-славянский тип языка переживает процесс архаизации, становится все более непонятным русскому человеку.

Памятники языка деловой письменности XIV—XVII веков

Деловая письменность Московского государства представлена самым разнообразным кругом памятников: это челобитные, грамоты духовные, купчие, охранные, dokonчания — мирные договоры, судебники — своды законов судопроизводства, личные записки, сказки — устные и письменные свидетельства, поручные

записи, руководства по вопросам хозяйственной деятельности и т. п.

Сферу деловой переписки обслуживали люди, говорящие на великорусском языке, но по роду своей деятельности они придерживались старых традиций делового письма, поэтому в языке произведений этого жанра встречается лексика, характерная для аналогичных памятников письменности Киевской Руси: *наимит, послух, прибыль, продажа, татьба, тиун* и др.

С течением времени происходит упорядочение административной терминологии, становится активной лексика, отражающая особенности великорусской речи: *стрелецкий голова, указ, каба-ла, оброк, съезжая изба, допросные речи* и др.

Язык деловой письменности продолжал совершенствоваться, постепенно превращаясь в письменно закреплённую форму общерусской речи.

Великорусские грамоты

Грамоты, созданные в пределах Московского государства, дают представление о языке деловых документов XIV—XV вв. Языку этих грамот свойственна устойчивая терминология, реализующая сферу понятий из области административной, общественно-политической, юридической, производственной и хозяйственной деятельности: *выход* — подать, *дума* — совет, соглашение, *довод* — расследование, *ловчий путь* — управление охотничьим промыслом княжеской канцелярии, *пригород* — подчинённый город, *печальник* — покровитель, заступник, *целовать крест* — присягать, давать клятву. В области синтаксиса характерны конструкции с дополнительными придаточными предложениями, уточняющими содержание предмета письменной фиксации. Используются устойчивые обороты речи.

Ниже приводятся тексты грамот, представляющих различные центры культурной и хозяйственной жизни Московского государства XIV—XV столетий.

Духовная грамота Московского князя Ивана Даниловича Калиты 1327—1328 г.

Дается в сокращении по изданию: Собрание Государственных грамот и договоров. М., 1813. Т. 1.

Во имя оця и сна и стго дха. Се яз грешнии худии раб бии иван пишу дшвную грамоту ида в орду никимь не нужен целымь своимь умом в своемь здоровьи. се же б что розгадаеть о моимь животе. даю ряд снм своим и княгини своеи. приказываю снм своим — чну свою москву. а се есмь им роздел учинил се дал есмь сну своему большему семену. можаеск. коломну со всеми коломенскими волостми, городенку, мезыню песочну, похране. усть мерьску. брошевую. гвоздну... а при своемь животе дал есмь сну своему. семену. 4, чеппи золоты. 3. поясы золоты. 2. чума золота болшая. а ис судов ис серебряных дал есмь ему. 3. блюда серьбрьна. а се даю с... своему ивану. звенигород. кремичну, рузу. фоминьск... а что золото княгини моее оленино а то есмь дал дчери своеи фетиньи, 14. обручи и ожерелье мтри ее. мони-

сто новое что есмь сковал а чело и гривну то есмь дал при себе. а что есмь придобыл золото что ми дал б и коробочку золотую а то есмь дал княгини свое с меншими детми. а ис порт из моих сну моему семену кожух черленыи женчужьные шапка золотая. а ивану сну моему кожух желтая обирь с женчугомь и коць великии з бармами. андрею сну моему бугаи соболии с наплечки с великимь женчугомь с каменьемъ. скорлатное портище сажено з бармами. а что есмь нынеча нарядил. 2. кожуха с аламы с женчугомь. а то есмь дал меншим детем своим мрии федосьи ожерельем. а что моих поясов серебряных а то роздаять по попьам, а что мое. 100. руб у ески. а то роздаять по црквем. а что остало из моих судов из серебряных а тьм поделятся снве мои и князини моя. а что ся останеть моих порт. а то роздаять по всим попьам и на москве. а блюдо великое серебряное о, 4. колця. а то есмь дал стеи бци володимерьской. а приказываю тебе сну своему семену братью твою молодшую. и княгиню свою с меншими детми по бзе ты им будешь печалник. а что есмь дал сну своему семену стадце а другое ивану. а иными стады моими поделятся снве мои и княгини моя. а на се послуши оць мои дшвьныи попьдвдъ. а грамоту псал дьяк князя великого кострорма. а кто сю грамоту порушить судить ему б.

Духовная грамота Московского князя Дмитрия Ивановича до 1378 г.

Дается в сокращении по изданию: Собрание Государственных грамот и договоров. М., 1813. Т. 1.

...А чим мене блгсвил оць мои княз великии которым золм суды ли доспех, или что яз примыслил. то золто и шапку золтую и чепь и саб... золтые. и порты саженые. и суды золтые и серебряные суды. и кони и жеребьци и стада своя. дал есмь своему сну князя василью и своеи княгини и своим детем. а что оць мои княз великии... а к стеи бци на круцицю четвертую часть ис тамги ис коломеньское. а костки московьские к стеи бци на москве у стго михаило. А того не подвигнуть, а что моих казначеи или посельских. и тивунов. и деяков хто что от мене вед... сну моему княз василью ни моеи княгини ни моим детем не надобны. А что моих люди купленых. а тым дал есмь... сн мои княз василии и моя княгини и мои дети не принимают их. а сю грамоту писл есмь себе дшвную. и явил есмь оцю своему олексею митрополиту. всея рус. и оць мои олексеи митрополит всея рус печать свою привесил к сеи грамоте. а послус на сю грамоту. тимофеи околничии васильевич иван родивонович. иван федорович. федор андреевич а грамоту писл дьяк нестер. а хто иметь сю грамоту чим рушати на его дши.

Грамота Галицкого старосты Бенка 1398 г.

Дается по изданию: *Срезневский И. И.* Древние памятники русского письма и языка. Спб., 1863.

а се я пан. бенко староста галицький. и снятинський сведчю то своим листом. каждому доброму кто на сеи. лист узреть. или перед кым будеть. чтюн. иже пришед. перед нас. пан. гервалс. и венувал. и оправил, своии жене варваре сто гривен. на своем селе на толмачи. и жюркове. на своии вотнине. а на то. дали есмы свои лист и нашу печать привесили. а при том были сведци пан миколаи спичник воевода снятинський. пан герко пан. андряшь. пан борис хомековичь. пан хрол. варваринський. воронко воит коломыиский руский а писан лист у коломыи. у тыжднь постом михаиле. коли ся пишеть под леты ржства хва (тысяча) лет. и 300. лет. и девяносто. лет и осмое лет.

Грамота Псковского князя Ивана Александровича (1463—1465 гг.)

Дается в сокращении по изданию А. А. Шахматова, опубликованному в «Известиях отделения русского языка и словесности» (Т. 17. Вып. 3).

От князя псковьского ивана. александрович, и от посадник. псковьского степенного, максима ларионович. и от всех посадников псковьских и от бояр псковьских. и от купцов и от всего пскова суседом нашим. здесе зялуются нам. молодии люди купци ни. иване. да кузма. на вашего брата на иволта. что тот изволт не зная бга вдержял наших купцин ивана да кузму. 5. дни. а искал на них. животу брата своего ивана. что убил брата его. слуга его ж. а искал на них чепи золотой да дву ковшов серебряных да кругу воску да белке безь числа. да полтреядьчяти бочек пива да. 4. и бочек меду пресного. ино посадники и ратмани того росмотрите. мы тому велми дивимся. что теи. иволт. не право чинить что на ниших правых людей ищеть. цего у брата его и не было. было то так как бра его убив слуга тую жь ночь жбегле ино отсталось у него. полтретьядьчять боцек пива. да. 4. бочке меду сыценого. ино тое пиво и мед поймали наши люди кому был иване виноват. а живот его за печатью лежал на городе. потом приехав иволт просил у нас исправе головника и животу и пива и меду и мы обыскав головника. выдали и живот брата его. и он еще почял просити пива и меду. и мы поставили. перед иволтом тых людей. котории имали пиво и мед за свои пенежи. иволт стоя говорил так мои брат не винова был никому жь. и мы отвечали иволту мы тебе. с тыми людми суд. дадим по пскои послине. и он отвечял яз приехал в псковь не тягатсе. и вы посадники рижкий. и ратмани не даваите воли таким збродням над нашими купцинамы. что бы опять не держял наших купцин никого. а надобно ему на тых людех искати. котории. поймали пиво и мед за свои пенежи. и он пусть едет ко пскову мы ему суд дадим...

Двинские грамоты

Грамоты в сокращении даются по изданию: *Шахматов А. А.* Исследование о двинских грамотах XV в. (Исследования по русскому языку). Спб., 1903. Т. 2. Вып. 3.

Закладная Власия Степановича Николаевскому Чухченемскому монастырю 1449 года

се заложил уласей степанович. святому николи в чухченему. и игумну василью. и старости юрью. и всим чернцам никольским. полсела на косткови гори в десяти рублех да в трех сорокех белки на 5. лет. и старую грамоту той земли уласей выдал святому николи. а изоиде та. 5. лет. ино дати уласью десять рублов да. 3. сорок белки своих кун святому николи. ино земля его ему. а у людей уласью кун не имати на тую землю. ино та земля святому николи и ввеки. в тих кунах. а болши того уласью кун не приимати на той земли у святого николи. а очищивати та земля уласью. а игумену. и черенцам. по степани память творити пивом по силе. а на то послухи. михаила олфромееви. кузма тимофеевич. <...>

Купчая игумена Василия у Урвана Леонтьева

се купи игумен василей. у матфея у урвана. у левонтеева сына двор и дворишо все филипово. и огородец и за двором наволочок орамой земли. промежу улицами. и того наволочка лугу половина под михалевским дворищем. и в опцем поли гумниша половина филипова. в опцем поли полоса земли. и половина болота возли кривую полосу. половина орамой земли круглицы. у фомини наволоки орамая земля. в межах с гаврилом. другая межа от никольской земли, двои гоны земли орамици путь по серетки подли никольскую пожню. на плоской веретеи гоны земли орамици в межах ссавельем. другая межа до гаврилови земли. а иная орамая земля и покромь. с верхнего конца межа от гаврилови земли. с нижнего конца межа до фефилови пожни. над нюрдолою поженка уречище репешо и с притеребом к нюрдолияк. и орамой земли гоны промежу никольскою землею. у фомини наволоки у гумнищи у филипови у частки половина. цим володел матфей урван. и братаи его васке мартушов. тим володети игумну василью. орамы земли и пожни. полуучастком филиповым. и дал игумен василей на тих землях семь сороков белки и. 10. бел овцю пополонка. а купил себе одерень. а очищивати та земля и пожни матфею урвану и его детем. а на то послухи. <...>

Домострой

«Домострой» — памятник русской письменности XVI в., дающий полное представление о расширении общественных функций разговорно-бытовой речи. Язык произведения в основе своей русский, незначительная по объему часть изложения написана на традиционном церковнокнижном языке. Содержание и коммуникативная направленность изложения предопределяет выбор средств литературного выражения: книга, посвященная хозяйственно-бытовым проблемам, написана преимущественно на русском языке, а главы нравственно-религиозного характера на церковнокнижном.

Произведение отличается простотой, ясностью, выразительностью изложения. Широко используются средства исконно русской речи: слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами (*медок, молочко, сальце*), устойчивые выражения, дающие представление о русском быте (*мед сытити, пиво варити, все было бы в счете*), обиходно-бытовая лексика (*ставцы, скатерти, солоницы*), древнерусские слова, которые впоследствии уступят свою роль иноязычным (*мыльня, поварня, хлебня*), присоединительные конструкции, повторяемость предлогов перед однородными членами, сочинительные построения с союзами *а, и, или, либо* и др. Религиозно-назидательная часть «Домостроя» представлена лексикой и формами книжно-славянской речи; употребляются аорист, имперфект, утратившие свою роль в русском языке, книжные формы глаголов на *-си* (*ответ даси*), инфинитив на *-ти*, личные формы на *-ши* (*бразничати, будеши*), чередования заднеязычных и свистящих *г//з, к//ц, х//с* (*в дьяцех, о гресех, в будущем веце*) и др.]

Данный памятник был упорядочен попом Благовещенского собора Сильвестром. Сильвестровская редакция «Домостроя» состоит из 63 глав и 64-й дополнительной (послание Сильвестра к своему сыну Анфиму, а также краткое содержание всего произведения. Список «Домостроя» в составе сборника, принадлежавшего М. Н. Коншину, находится в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).

Ниже даются отрывки по Коншинскому списку сильвестровской редакции. См.: Орлов А. С. «Домострой». М., 1908.

Како чад воспитати с наделком за муж выдати

А у кого дочь родится ино рассудны люди от всякаго приплода на дочерь откладывают на ее имя или животинку растут с приплодом а у полотен, и у вусчин и у ширинок и у вубруссов, и рубашек, по вся годы ей в пришенной сундук кладут, и платье, и сажень, и монисто <...> и суды оловяные и меденые, и деревянные прибавливати не помношку всегда а не вдруг себе не в досаду а всево будет полно, ино дочери растут а страху бжию и вешътву учатся, и приданое с ними вдруг прибывает и как за муж заговорят ино все готово, и толко ранее хто о детех не смышляет да как за муж давать и в ту пору все покупать ино скорая женитва видомая работа а по судам божм толко та дочь представится ино ее наделком поминают по ей дщи сорокоуст а милостыню ис того дают а толко иные дочери есть також от них промышляти.

Како дети учити и страхом спасати

Казни сына своего от юности его и покоит тя на старость твою и даст красоту души твоей и не ослабляй бия младенца,

аще бо жезлом биеша его не умрет но здравие будет ты бо бия его по телу, а душу его избавляеша от смерти, дщерь ли имаши положи на ни грозу свою соблюдеши я от телесных да не посрамиши лица своего да в послушании ходит да не в свою волю приемши и в неразумии прокудит, девство свое, и сотворится знаем твоим в посмех и посрамят тя пред множеством народа аще бо отдаши дщерь свою бес порока то яко велико дело совершиши и посреди собора похвалишися при концы не постонеша на ню любя же сына своего учаши ему раны до последи о нем возвеселишися казни сына своего измлада и порадуешися о нем в мужестве и посреди злых похвалишися и зависть примут враги твоя, воспитаи детище с прещением, и обрящеша о нем покой и благословение, не смеяся к нему игры творя в мале бо ся ослабиши в велице поболити, скорбя, и после же яко оскомины твориши дети твои и не даж ему власти во юности но сокруши ему ребра донележе растет а ожесточав не повинет ти ся и будет ти досажение и болезнь души и тщета домови погибель имению и укоризна от сусед и посмех пред враги пред властью платежь и досада зла.

Наказ мужу и жене и людем и детем како лепо бы им

Да самому себе государю и жену и дети и домочадцов своих учити не красти не блясти не солгати не оклеветати, не завидети, не обидети, не клепати, чюжого не претися, не осужатися, не бражничати, не просмеивати, не помнити зла, не гневатися ни на кого, к болшим быти послушну, и покорну, к средним любовну, к меншим и убогим приветну и милостиву, со всяким управа без волокиты ноипаче наймита наймом не избидети, а всякая обида со благодарением терпети бога ради, и понос и укоризна аще по делом поносят и укоряют, сие с любовию приимати, и от такового безумия отвращатися а против не мстити, аще в чем не повинен за сие бога мзду прииши <...>

Как всякое платье кроити и остатки и обрески беречи

В домовитом обиходе коли лучится какое платье кроити себе или жене или детем или людем, камчато или тафтяно или изуфрено или кушачно или зенденинное или сукняное, или армячное или сермяжное или кожи какие краити или сагадак, или на седло или отместок или сумы или сапаги или шуба или кафатан или терлик или однорятка или кортель, или летник и каптур, или шапка или нагавицы, или какое платно ни буди, и сам государь или государыня смотри и смечает остатки и обрески живут и те остатки и обрески ко всему пригожаютца в домовитом деле поплатить ветчаново товож портища или к новому прибавит или

какое ни буди починить остаток или обрезок как выручить а в торгу устанеш прибираючи в то лицо в три дора купит а иногда и не прибереш, а коли лучится какое платно кроити молоду человеку сыну или дочери или молодой невеске летник или кортель или шуба с поволокою или опашень зуфрян или камчат или объяр, или отлас или бархат или терлик или кафтан и што ни буди доброе и кроячи за загибати, вершка по два и по три на подоле и по краем и по швом и по рукавом, и как вырастет годы два или три или в четыре и распоров то платно и загнуто отправит опять платно хорошо станет кое платья не всегда носить то так кроити.

Как платья всякое жене носить и устроить

А платья и рубашки, и убрusy на себе носи бережно по вся дни не извалят не изсуслати не измяти и не излити на рудне и на мокре, не класти все то снимаючи с себя класти бережно и беречи того накрепко и слуг учити всяму тому наук и самому государю и государыни и детям и слугам в чем делат то платье ветшано а остряпавши дело ино переменить платно чисто вседневное и сапог, а в праздник и в ведро и при людех или к церкви ити или в гости ино лучшее плате надети из утра бережно ходити, и от грязи, и от дожджа, и от снега беречися, и питьем не ули и ествою и салам не извалят, и не иссуслать на руде, и на мокре не сести, от праздника или от церкви или из гостей пришед лучшее платья с себя снем пересмотрить, и высушит и вымят и выпакат и вычистить да хорошенько укласти да упрягать, а ветшаное и вседневное всякое платно, и верхнее и нижнее и белое и сапаги все измыто всегда бы было, а ветшаное исплачено и исшито, ино людем посмотри пригоже <...>

Как избная парядня устроить хорошо и чисто

Стол и блюда и ставцы и лошки и всякие суды и ковши и братены, воды согрев из утра перемыти и вытереть и высушить, а после обеда тако же и вечере а ведра и ночвы и квашни и корыта и сита и решета и горшки и кукшины и корчаги також всегда вымыти, и выскресът, и вытереть и высушит и положить в чистом месте, где будет пригоже быти всегда бь всякие суды и всякая парядня вымыто и чисто бы было а по лавке и по двору и по хоромам суды не волочилися бы а ставцы и блюда и братены и ковши и лошки по лавке не валялися бы где устроено быти в чистом месте лежало бы опрокинуто ниц а в каком судне што ества или питье и то бы покрыто было чистоты ради и всякие суды сь ествою или с питием или с водою, или квашня растворить всегда бы покрыто было а вызбе и повязано от тороканав и от всякия нечистоты изба и стены и лавки и скамьи и пол и окна

и двери и в сенех и на крылцы вымыть и вытереть и выместь и выскресть всегда бы было чисто и лесницы и нижнее крылце все бы то было измыто, и выскребено и вытерто и сметено да перед нижним крыльцом сена положить грязные ноги отирать, ино лесница не угрязнится и у сенеи передверьми рогошка или войлок ветшаной положит или потирало ноги грязные отирать чтобы мосту не грязнит в грязное погудье у нижнего крыльца сено или солома переменити <...>

**О том же коли что купит у кого сел нет
и всякой домашней обиход, и лете, и зиме,
и как запасати в год и дома животина водити всякая,
и ества и питие держати всегда**

Годовой обиход, домовитому человеку мужу и жене, и у ково поместья, и пашни сел и вотчины нет, ино купити годовой запас хлеб и всякое жита, зиме на возех а полтевое мяса тако же, и рыбу всякую, и свежую и длинную осетрину на провес и бочесную в год, и семжину, и икру сиговую и черную, и которая рыба в лето ставити и капуста, и те суды зимев лед засекати, и питье запасное глубоко, и покрыв лубом засыпать, и коли надобе лете и тогда свеже и готово, а в лете мясо ести покупати домовитому человеку, купити боранца а дома облупити а овчинки, а бараней потрох прибыль в столе. потешенье у порядливой жены, или у доброго повара, много промыслу, из рудины ушное нарядит почки начинит лапатки изжарит, ношки яйчки начинит, печень иссекши с луком перепонкою обертев изжарит на сковороде легкое молочком с мукою съ яйчки приболтав нальет, а кишечьки яйчки нальет, боранью голову можжок с потрошком уху нарядит, а рубец кашкою начинит, почечные части сварит или начинив ижжарит, и так делати ино из одново борана много прохладу, а студень на леду держати <...>

Уложение 1649 г.

- Произведения деловой письменности XVII в. свидетельствуют о значительных изменениях в письменном языке; этот язык все в большей мере впитывает элементы обиходной речи русского народа. Традиционная «деловая речь» разбавляется меткими разговорными словами и выражениями, само изложение становится менее стандартизованным, отражает общерусские явления в словаре и в способах грамматического оформления. Таким образом, былой «деловой язык» как бы расширяет свои функции, становится приемлемым для выражения более широкого круга понятий, выходящих за пределы административной деятельности.

В «Уложении 1649 г.» можно отметить такие явления общерусской речи, как аканье (*салдаты, монастыри*), изменения в системе падежных форм имени существительного (*купити корму, без остатку, города, береги* — им. п. мн. ч.), активизация ряда суффиксов (*-щик, -чик, -ник: обыщик, становщик, мытчик, разбойник, хмельник*). Этот памятник письменности оказал заметное влияние на упрочение позиций русского типа литературного языка: он был печатным

(2400 экз.), с него делались списки в других городах — все это способствовало распространению единых норм письменной русской речи.

Ниже даются фрагменты из «Уложения 1649 г.» по второму изданию АН. Спб., 1737.

Уложение, по которому суд и росправа во всяких делах в Российском государстве производится, сочиненное и напечатанное при владении его величества государя царя и великого князя Алексея Михайловича всея России самодержца в лето от сотворения мира 7156.

Глава шестая

О проезжих грамотах в иные государства

1. А будет кому лучится ехать, из Московского государства, для торгового промыслу, или иного для какого своего дела в иное государство, которое государство с Московским государством мирно, и тому на Москве битичелом Государю, а в городех Воеводам о проезжей грамоте, а без проезжей грамоты, ему не ездить. А в городех воеводам давать им проезжие грамоты безо всякого задержания.

2. А будет которые Воеводы проезжих грамот кому в скоре давати не учнут, и тем учинят кому прости и убытки, и в том на них будут челобитчики, и сыщется про то допряма: и Воеводам за то быти от Государя в великой опале. А что они кому учинят убытка, и то на них доправити в двое, и отдати челобитчиком.

Глава седьмая

О службе всяких ратных людей Московского государства

1. А будет которыми мерами с которым Государством у Московского государства война зачнется, или в которое время изволит Государь кому своему Государеву недругу мстити недружбу, и укажет послати на них своих Государевых бояр и Воевод, а с ними всяких чинов ратных людей, и для тое службы велит Государь своим Государевым ратным людям всего Московского государства, дати свое Государево жалованье: и на то Государево жалованье ратным людям денги збирати со всего Московского государства, а побор положить, смотря по службе.

2. <...> А ратным людям идучи на Государеву службу, на дороге и на станех, никаким людем, никакова насильства и убытка не чинити, своих и конских кормов, ни у кого безденежно не имати.

25. А будет кто служилой человек, будучи на Государеве службе, похочет у кого хлебные запасы, или конские кормы покупать указною ценою, а у него и своих запасов и конского корму,

с его росход будет, и таким хлебных запасов и конских кормов по указной цене покупать не велеть <...>

26. А будет на Государеве службе у кого у служилых людей лошади отгуляют от станов, или из стад куды розбегутся, а кто такие лошади где найдет и изымает, и тому те лошади привести в явку для записки в полки к Воеводам <...>

27. А будет кто на Государеве службе находных лошадей на явку неприведет, и находные же рухляди на явку не принесет, и в том на него будут челобитчики, и сыщется про те лошади и про рухлядь по чьему челобитью мимо его, и по сыску те лошади и рухлядь на нем доправить, и отдать челобитчиком.

Глава десятая

О суде

1. Суд Государя царя и Великаго князя Алексея Михайловича всея Руси, судит Бояром и Околничим и Думным людем и Дьяком, и всяким приказным людем, и судьям, и всякая росправа делать всем людем Московского Государства, от большаго и до меньшаго чину в правду. Так же и приезжих иноземцов, и всяких прибылых людеи, которые на Московском государстве будут, тем же судом судить, и росправа делать по Государеву указу в правду, а своим вымыслом в судных делех по дружбе и по недружбе ничего не прибавляти ни убавляти, и ни в чем другу не дружить, а недругу немстить, и никому ни в чем ни для чего не норовить, делать всякие Государевы дела нестыдяся лица сильных, и избавляти обидящаго от руки неправеднаго.

2. А спорные дела, которых в приказах за чем вершить будет немощно, вносить из приказов в доклад к Государю царю и Великому Князю Алексею Михайловичю всея Руси, и к его Государевым Бояром и Околничим и Думным людем. А Бояром и Околничим и Думным людем, сидеть в полате, и по Государеву указу Государевы всякие дела делать всем вместе.

202. А будет кто на кого похвалится каким лихим делом, что он хочет дом его, или гумно с хлебом зжечь, или иной какой убыток учинити, и тому на кого таким делом кто похвалится являти окольным людем, а в приказах подавать писменья явки, и битичелом о сыску. А тот, на кого те явки будут даны в такой похвальбе запрется, а мимо его сыщется про то допряма что он таким делом похвалялся, и его дать на крепкие поруки, что ему таких лихих дел не зделать. А будет он в том по себе поруки не зберет, и его вкинут в тюрьму, до тех мест покамест он в том по себе поруки зберет. <...>

Книга глаголемая урядник: Новое уложение и устройство чина сокольничья пути. 1656

В этой книге излагаются правила, постановления, связанные с соблюдением церемониала в делах, которые имели отношение к соколиной охоте. Книга написана по приказанию царя. Характер изложения дает представление о языке деловой письменности, который в большей мере впитывает изменения, происходящие в разговорном языке, об активизации разговорных форм речи русского народа (*молвит ясно, вздевает рукавицу, подступает урядно*). Представляют интерес фразы бытовой речи, которые выступают в роли стандартизованных речений охотничьего церемониала (*Время; примай и посылай и уставляй*).

Отрывки даются по изданию: Собрание писем царя Алексея Михайловича. М., 1856.

Статьи при государеве пришествии

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ

Как государь царь и великий князь, Алексей Михайлович, всея великия и малыя и белыя России самодержец, придет в переднюю избу сокольничья пути, и пришед изволит сесть на своем государеве месте, и старший подсокольничий с начальными сокольники, и с рядовыми старыми сокольниками, и с поддатнями, государю челом ударит.

А шапку подсокольничему снять в ту пору, как увидит государевы пресветлыя очи. И челом ударя государю, подсокольничий отступит от стола и от наряда на правую сторону.

И мало постояя, подступает бережно, и докладывает государя, и молвит: *Время ли, государь, образцу и чину быть?* И государь изволит молвить: *Время, объявляй образец и чин.* И подсокольничий отступает на свое место.

И став на место, и поправяся добролично и добровидно, кликнет начальнаго сокольника четвертаго и молвит: *Четвертый начальный, Терентий Тулубьев, прими у Андрюшки челига, размыть, нововыборнаго статьи, и поднеси ко мне.* И тот начальный сокольник, приняв челига, поднесет к нему, и он велит держать подле себя до указа.

А мало поноворя, подсокольничий молвит: *начальные, время наряду и часы красоте.* И начальные емлют со стола наряд: первый, Парфентий, возмет клобучек, по бархату червчатому шить серебром с совкою нарядною; второй, Михей, возмет колокольцы серебряные позолочены; третий, Леонтий, возмет обнасцы и должик тканые с золотом волоченым. И уготовя весь наряд на руках, подошед к подсокольничему, начальные сокольники наряжают кречета; Леонтий кладет обносцы и должик. Михей кладет колокольцы, Парфентий кладет клобучек с совкою. А нарядя начальные кречета, отступают ко прежним своим местам.

И наряжают нововыбранного сокольника достальных птиц, в большой наряд по чину, на тех местах, где их держат рядовые сокольники.

А нарядя их, начальные сокольники станут около стола у наряда, на прежних своих местах.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ

И старший подсокольничий паки подступает к государю, и докладывает: *Время ли государь принимать, и по нововыборнаго посылать, и украшения уставлять?*

И царь и великий князь молвил: *Время; принимай и посылай и уставляй.*

И подсокольничий паки отступает на свое место, и станет на месте, и молвит ясно, громогласно: Подай рукавицу. И начальный сокольник третья статьи, Леонтий Григоров, поднесет ему рукавицу. И подсокольничий вздевает рукавицу тихо, стройно; и вздев рукавицу, велит ему Леонтию отступить на прежнее место к наряду.

И подсокольничий, пооправяся и поучиняся, и перекрестя лице свое, принимает у начального сокольника четвертая статьи, у Терентия Тулубьева, челига, нововыборнаго статьи, премудровато и образцовато: и велит ему отступить на прежнее свое место к наряду и приняв кречета, подступает к царю благочинно, смиренно, урядно; и станет поодаль царя и великаго князя человечно, тихо, бережно, весело, и кречета держит честно, явно, опасно, стройно, подправительно, подъявительно к видению человеческому и по красоте кречатьей.

Письма-грамотки

«Письма-грамотки» — памятники деловой письменности XVII в.; в них раскрывается жизнь и быт, социальное положение различных слоев русского общества той поры. Они представляют значительный интерес для наблюдений над характером изменений, происходивших в языке деловой письменности под воздействием общерусских форм речи в пору начального этапа формирования национального языка. Нормы письменной речи деловых документов становятся более факультативными, что определяется распространением стабилизирующихся форм общерусской разговорной речи.

В языке этих памятников используются традиционные формы письменной речи (*челом бью, челобитье, писцовая книга, отказная грамота, список писать, обыск, указ учинить, отписка*), слова и выражения разговорной речи (*великой пост, жаден слышать, деревнишка, женишка, рухледишко, помирать с голоду, сказывал, говаривал, прокормиться нечем, в отъезде, бобыль*), встречаются грамматические формы, написание которых возникло под влиянием разговорных: *об отдаче, своего, ничево, спаможеня, убогова моево приношения.*

Ниже даются тексты памятников (письма № 36, 43) по изданию: Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия (из фонда А. И. Безобразова)/Под ред. С. И. Коткова и Н. И. Тарабасовой. М., 1965.

А. И. Безобразов Степану Петровичу

9 апреля

[л. 445] Приятел мой гсдрь и добродей Степан Петровичь здравствуи о Хрсте на веки и пребываи во всяких радостях и с теми кто тебе приятелю моему всякого добра желает и здоровья твоего остерегает.

Пожалуи мои приятел прикажи ко мне писат про свое многолетное здорове а я слышать про твое здорове желатель.

Челом гсдрь бью за премногое твое гсдря моего жаловане что жалуеш людишек моих и крестьяннишек и впредь у тебя приятеля своего о тем же млсти прошу [л. 446] пожалуи буди к ним млсрд

Прошу гсдрь млстиваго твоего к себе приятства по челобитю сно боярскова Кузмы Василева сна Соболева послана к тебе великого гсдря отказная грамота а велено ему отказат в Кромьском уезде поместье в дрвне Сосковой а на той земле написаны в писцовой кнге крстьяня а те крстьяня бегаючи из за де ево из за отца ево жили за Дмитреем Тонким а нне живут за сном ево за Федором Дмитриевым сном Тонким в дрвне Крупышиной и я на тех крстьян послал [л. 447] к тебе приятелю своему с писцовых кнг выпис за дьячьєю приписю

Умлсрдися приятел мои гсдр по той великого гсдря отказной грамоте вели тому сно боярскому Кузме Василеву сну Соболеву то поместье в дрвне Сосковой отказат для убогова моего к себе прошения а в крстьянех вели гсдрь то своему млстивому росмотрению человекенку моему указ учинит а тот си боярской Кузма Соболев тех крстьян мне продал и с крепости ево послал я к тебе приятелю своему с человекенком своим список пишу я к тебе приятелю своему изнадежас на твое к себе приятство

А сем писав вечной твой работник Андрюшка Безобразов со упрошением челом бью не презри приятел мои убогова моего прошения к себе водше

[л. 448] Апреля в 9 де на Москве жив

Г. Безобразов А. И. Безобразову

[л. 160] Гсдрю моему дядюшке Андрею Иличу ускорълменик твой Гурка Безобразов много челом бьет здравствуи гсдрь мои на многия лета да прикажи гсдрь ко мне писат про свое здорovie а мне бы ваша о Хрсте радоваца а про ме гсдрь мои изволишь вспоменуть и я в олатореской деревнишки дал бг здоров да послал я гсдрь к тебе сы Иваном Бегичевом списки с обысков что в Оръзамазя сыскавали а прамыя обыски послали к Москве

и ты пожалуй дядюшка вели сматривать на Потрияршем творе а другая грамота что в Нишнеи еще не сыскивона хадить мне невмочь правдат нечево а я бил челом па грамотком твоим братьем твоим Иле Колцову и Василю бра ево и они против твоего [л. 160 об.] писма ничево спаможеня от их нет а грамоты у меня не взяли а грамотки твои послал в Чепоксар Микита Михайлович Колцов к Иле Колцову а я поеду в Нишнеи с грамотою да масленицы за три недели а к масленицы другои обыск пришло а сам я к Москве буду великои пост на перевои недели да милости у тебя просил брат твои Микита Михайлович Колцов правет на нем гсдревых денег недоросных пят рублей и ты на ним умилосердися пожалуй сашли ему гсдреву грамоту чтоб на нем бедно денег не правит а он о твоём деле радеть лучи тех братьев а Илья Данилович вхалица Юрьеи Пятровича лутча де мне Андрея брата да по том тебе гсдрю Гурка Безобразов мнго челом бью

Статейные списки русских послов XVI—XVII столетий

«Статейные списки» — это отчеты русских послов о выполнении ими наказов (статей), полученных при назначении на дипломатическую службу в ту или иную страну. Дипломатическая переписка способствует расширению словаря деловой и светской литературы.

В языке «Статейных списков» отражается процесс расширения функций деловой письменности, обогащения языка памятников этого жанра средствами разговорной и литературно-художественной речи. Сам жанр предопределял выбор наиболее емкого изобразительного средства; события передаются кратко, сжато, прагматично — в форме протокольного отчета (для удобства служебного пользования). Характерны слова и словосочетания: *бесчестити* — затрагивать служебную честь, *верющая грамота* — верительная грамота, *опасная грамота* — охранная грамота, *державец* — правитель, *люди думные* — советники, *отписка* — письменный ответ, *ссылка* — дипломатические отношения, *любительная ссылка* — дружественные межгосударственные отношения. Встречаются иноязычные наименования: *парсуна (персона)* — портрет, *прапор* — отряд воинов, *травант (драбант)* — солдат охранных войск, *шкота* — вред, изъян. Содержание ряда понятий передается описательно, если в речевом обиходе посла не было слов, обозначающих соответствующие явления: *воды взводные* — фонтаны, *воды прокопные* — каналы, *вож корабельный* — лоцман. Значительная часть общерусской лексики и простота синтаксических конструкций способствуют четкому и однозначному восприятию текста.

Отрывки из текстов «Статейных списков» даются по изданию: Путешествия русских послов XVI—XVII вв. М.; Л. 1954.

Статейный список Ф. А. Писемского (Англия)

А се список посольства Федора Писемского
да подьячего
Неудачи Ховралев как ся у них
в Аглинской земле государево дело делалось

Лета 7090-го посол Федор Ондреевич Писемской да подьячей Неудача Ховралев пришли на Колмогоры июня в 23 день и дожи-

дались кораблей на Корельском устье три недели и четыре дни; и в ыюле в 18 числе пришли х Колмогорской х Корельскому устью аглинских 11 кораблей.

И Федор Писемской да подьячей Неудача спросили аглинских гостей, Ивана Романова с товарищи, все ли те карабли у них пришли с торгом. И они сказали, что к ним с товары пришло девять кораблей, а два карабля де с ними пришли воинские, для того что им про датские розбойники слух был в Аглинской земле, и королева де те два карабля воинские послала для береженья, чтоб торговым караблем от датских людей итти было безстрашно; а голову де на тех на воинских кораблех королева прислала своего дворянина Христофора Кярлея.

И Федор Писемской и подьячей Неудача того же часа аглинским гостем Ивану Романову, да Ульяну Фомину с товарищи говорили, чтоб они отпустили их в караблех в Аглинскую землю, не задержав. И они Федору и Неудаче сказали: «Отпустить де нам вас за море наперед иных кораблей нельзя, потому что на море ходят датского короля многие воинские карабли и как де мы товары свои во все карабли покладем, и мы де вас отпустим со всеми карабли вместе».

И июля ж в 23 день, пришед к Федору и подьячему Неудаче, колмогорцы посадские люди Васка Товринов с товарищи сказали, что аглинские гости отпустили карабль назад в Аглинскую землю, а не ведают для чего. И Федор и подьячей Неудача тот же час к аглинским гостем, к Ивану к Романову с товарищи, послали толмача Елизара и велели им говорить: «Коим обычаем и для чего они карабль отпустили наперед в Аглинскую землю, а Федору и Неудаче того не сказав? А они ж Федору и Неудаче сказывали, что было им все карабли отпустить за море вместе, а не на рознь».

И того ж дня к Федору и к Неудаче приехал аглинской гость Иван Романов и учал говорить: «Говорил де нам от вас толмач Елизар, будто мы карабль отпустили наперед за море; и мы де карабля за море не отпускавали, а отпускали де мы карабль в море воинской сторожевой, а не товарной, для того что де наши ж аглинские три карабли забежали от датских людей на море безвестно, и тот де карабль пошел искати тех трех кораблей, да и датских воинских людей проведывати, чтоб датские люди на аглинские карабли х Корельскому устью безвестно не пришли; а проведав де тех аглинских трех кораблей и про датские про воинские люди, воротитца опять назад х Корельскому устью тот же час».

И июля ж в 27 день к Федору к Писемскому да к подьячему к Неудаче привез от государя, царя и великого князя, сын боярской Семен Полтев государеву грамоту, а в грамоте написано: велено Федору и подьячему Неудаче ехать за море с аглинскими гостями от датских розбойников с великим береженьем со всеми карабли, которые придут х Колмогорской пристани, со-

ждався вместе, и не с одними с аглинскими, чтоб проехать от датцких людей приходу безстрашно. Да и аглинским гостем, и Ивану Белобороду, и иным купцом, которые х Колмогорской пристани пристанут, велено Федору и подьячему Неудаче молыти государево жаловалное слово, чтоб они над датцкими розбойники промышляли и себя б оберегали; а что аглинские гости и Иван Белобород откажут, и Федору и Неудаче то велено отписати к государю.

И в кой час государева грамота к Федору да к Неудаче пришла, и они тот же час аглинским гостем и Ивану Белобороду говорили, чтоб они с Федором и с Неудачею шли за море на всех караблех, сождався все вместе.

И Иван Белобород сказал, что пришло к нему пять караблей: «И яз де тем своим караблем аглинских караблей дожидатись велю и отпущу их с аглинскими карабли вместе; а шестой де карабль пришел из Голинские земли к дохтору к Ивану к Илфу; и в тот де карабль дохторовы Ивановы товары поклали, и хотят де на том карабле итти за море, не дожидаясь ево, Ивановных, караблей. И яз деи того карабля карабельщиком скажу то, что вы мне по государеве грамоте говорите; и поговорю им, чтоб они того карабля за море не отпускали, а дожидались бы аглинских караблей и шли, сождався со всеми карабли вместе; да что они мне откажут и яз де то вам скажу». А аглинские гости сказали, что им про датцкие про воинские люди ведомо; и для де того к ним пришло с товары девять караблей больших и наряду на них много; да для де береженья королевна послала с теми товарными карабли два карабля воинские. «И мы де надеемся на бога, мочно нам и одними аглинскими карабли пройти и вас провести в Ангилею безстрашно; а Ивановы де Белоборода карабли аглинским караблем не оборонь». <...>

Статейный список П. И. Потемкина (Франция)

Да по указу же великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, его царского величества, стольник и наместник Боровской Петр Иванович Потемкин да дьяк Семен Румянцов посылали из Ышпанского порубежного города Айрона во Французскую землю в город Байон к державцу генералу-порутчику эль маркезу де Санпею подьячего Андрея Сидорова да с ним толмача Романа Эглина объявить про приезд свой июня в 27 день.

И как подьячей и толмачь приехали к городу Байону, и в городских воротех служилые люди, которые стоят на карауле, остановили и спрашивали их: «Которого государства они люди, и от кого, и для каких дел х кому едут»?

И подьячей Андрей и толмачь Роман им сказали: «Присланы они от посланников великого государя, его царского величества,

объявить державцу про их приезд, чтобы они сказали державцу и довели их до него».

И караульщики им сказали, чтоб де вам побыть здесь покамест державцу известят. И пошли к державцу и про них ему объявили.

И, помешкав немного, взяли подьячего и толмача на двор к державцу. И как к державцу на двор приехали, и на дворе их встречали многие люди, а сам державец встретил, вышед из полаты.

И подьячей Андрей державцу говорил речь: «Посланы от великого государя, царя и великого князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, и многих государств и земель Восточных и Западных и Северных отчича, и дедича, и наследника, и государя, и облаадателя, от его царского величества, к великому государю вашему, Лодвику, королю Французскому и Наварскому, к его королевскому величеству, в посланникех стольник и наместник Боровской Петр Иванович Потемкин да дьяк Семен Румянцов великого государя, его царского величества, с грамотою о их государских делах, которые настоят к их государской брацкой дружбе в любви наскоро. И он бы, державец, о приезде их к великому государю своему, к его королевскому величеству, отписал и, дав им корм и подводы, отпустил их к королевскому величеству, не задержав».

И державец, выслушав речь у подьячего, говорил:

«Великого государя, его царского величества, посланником известите: о присылке их и о чем они, царского величества посланники, ко мне с вами наказывали, и о том писать буду в Парис к маршалку дюку де Грамону, потому что город Байон и иные многие города ведает он по указу королевского величества, а ему, державцу, приказаны одне служилые люди ведать; и дюка де Грамон королевскому величеству о том о всем известно учинит, и что указ королевского величества о том к нему будет, и он посланником тотчас известно учинит. А без указу королевского величества принять ему их, посланников, и подводы дать, и отпустить х королевскому величеству невозможно».

И подьячей у него, державца, спрашивал: «Сколь скоро чаять о том указу королевского величества?»

И державец сказал: «Указу де королевского величества будет ждатель недели с четыре и больши, потому что до Париса от сех мест больше девятисот верст».

И подьячей Андрей Сидоров да толмачь Роман Эглин державцу говорили: «Двор он в Байоне посланником по указу королевского величества даст ли и подводы под них и подо всех посольских людей, на чом до Байона доехать, велит ли дать?»

И державец сказал: «Царского величества посланником скажите: дворы им в Байоне готовы, сколько надобно, только за те дворы деньги платить им свои, и подводы нанимать собою ж; а ему бес королевского указу того учинить, что дворы без найму

и подводы дать, не мочно, потому что люди у них вольные, ни на каком дворе поставить ему без заплаты не мочно».

И подьячего и толмача отпустил к посланником.

А от Айрона до Байона тридцать пять верст.

И подьячей Андрей Сидоров и толмачь о том о всем посланником ведомо учинили.

И стольник Петр и дьяк Семен, поговоря о том, чтоб им не зазимовать за морем, время приходит осеннее, а указу им королевского ожидать будет многое время, потому что от Айрона до Париса больше девятисот верст, а естли король французской не укажет им подвод дать и корму, или ему то за гнев будет, что живучи за рубежом в Ышпанском государстве ожидать его королевского указу о приеме, и чтоб тем великого государя, его царского величества, делу порухи не учинить и вконец бы всех людей государевых тем не поморить, естли зимовать прилучитца за морем, и послали по самой великой нуже во Французскую землю, в город Байон, к державцу подьячего Ивана Прохорова да толмача Романа Эглина.

Июня в 29 день в Байон к державцу ездили подьячей Иван Прохоров да толмачь Роман Эглин и говорили ему, державцу: «Приказывал ты к посланником царского величества с подьячим с Андреем Сидоровым, что без указу королевского величества подвод и корму дать и х королевскому величеству посланников отпустить не смеешь, и двора в Байоне дать им не смеешь же, а указу де тебе о том ожидать от королевского величества будет четыре недели и больши. И великого государя, его царского величества, посланники велели тебе говорить: «Вели двор дать в Байоне, и подводы под них посланников прислать на рубеж; и о заплате за двор и подрядчиком за подводы что будет платить, о том к ним посланником с нами накажи подлинно».

И державец подьячему и толмачю сказал: «Двор в Байоне готов, и подводы на рубеже под посланников великого государя, его царского величества, пришлю, не замешкав, и о цене о прямой подрядчиком накажу, чтоб лишнего не имали».

Июля в 2 день поехали из Айрона рекою Уреею посланники и все посольские люди в барках, провожал их айронской воевода дон Гаврил де Ордин со многими начальными людьми за реку Уреею, потому что подрядчики с лошадьми и с телегами в Ышпанскую землю за рубеж не поехали. А переехав посланники через реку Уреею во Французскую землю, ночевали в деревне Бегобии на Французском рубеже; и в тое деревню прислал державец дворянина да с ним солдат, кому посланников проводить до города Байона. <...>

Вести-куранты

«Вести-куранты» — памятник русской письменности начала XVII в. Рукописные «вести» предшествовали появлению первой печатной газеты «Ведомости»

(1703). Они содержали информацию о военных, общественно-политических событиях в разных странах, сведения о дипломатических и иных связях государств, о природных явлениях и т. п. Материалы, издававшиеся в «Вестях-курантах», дают представление о литературном языке того времени, свидетельствуют о движении словарного состава (появление новых слов, освоение иноязычной лексики, русско-иноязычные эквиваленты в переводах на русский язык), о вторжении народно-разговорной речи в сферу деловой письменности.

Ниже приводятся материалы по изданию: Вести-куранты. 1600—1639 гг. /Под ред. С. И. Коткова. М., 1972.

16

Перевод письма о событиях в Немецких землях, поданного в Посольском приказе Ю. Клинком

Ноябрь-декабрь 1626 г.

[л. 17] Перевод с писма что подал в Посолском приказе диаком думному Ефиму Телепневу да Максиму Матюшкину гала-нец торговои члвк Юри Клинк а писаны вести что деелос в Немецких землях.

У короля датцкого с цесаревыми людьми с воеводою имянем Тилли великой бои а на том бою убито с четырнатцат или с шеснатцат тысячь члвк а на достали цесарев воевода короля датцкого одолел и корол датцкой с поля проч пошел потому что арцух Георг Люненборской цесареву воеводе помоч учинил а датцкому королю изнивесть шкоту великую учинил.

И корол датцкой послал графа Мансѣфелта да арцуха Саксонского Веинѣмарнского в Шлезию чтоб им там с кнзем Угорским Бетлегемом Габором вместе соититца и помочи мужиком которые против цесаря взволнавалис а цесарев воевода арцух Валенстеинской пошел было за ними [л. 18] хотя им то помешат и их осадити и граф Мансѣфел ево самово осадил и людеи ево всех побил наголову что цесарев воевода одва сам ушел да корол же датцкой опят наимует много ратных людеи.

А цесаревы люди в Брунзвитцкой земле крепость Стеренбурх осадили а та крепость стоит на болшой дороге а люди что в тои крепости сидят бьютца с ними гораздо да цесаревы ж люди город Ниенбурх на реке на Лиме осадили ж, а город Анор от цесаревых людеи в великом страху а корол датцкой к ним писал чтоб они не боялис что хочет к ним ратных людеи на выручку послат и они [л. 19] на то надеютца и по вся дни на выласку вылазят.

Из города Регенсѣбурха в вестях пишут что цесарев воевода арцух Голстенской пошел был с своими людьми на мужиков что против цесаря волнуют хотя их побит а мужики из Дюнкерка ево людеи самих побили а досталных в Дунаи речке перетопили а арцух Голстенской одва сам ушел а цесар нне в городе Эберсдорпе и тот город укрепляет а мужиков поиманных заставил у того города работат и землю носит

А турской цесарев город именем Свтаго Ондreja взял а людеи что в том городе всех пересекли а город Ниювзел осадил же да

турские ж люди крепость Домаско приступом взяли и всех людей в той крепости присекли

А граф Мансфелт в Нижней Угорской земле крепкой город именем Треншил взял а с ними де ратных людей тысяч с тридцать есть а Бетлегем Габор князь Семиградской к нему же идет а с собою много тысяч скота ведет а итти де им в Верхнюю Угорскую землю

[л. 20] А король аглинской вскоре пошлет караван в Шпанскую землю счастья своего опять отведат а караваны стоят наготове и ждут ветру по себе

А короля шпанского воевода граф Берхской с своими людьми стоит в поле против князя Оранского а бою меж ими еще не бывало а шпанские воинские караваны из Дюнкерка пошли на море а в числе их осмнатцать и чинят на море голанским караванам великую шкату и которой голанской караван они возмут и они половину людей мечут в море да они же де караван голанской взяли а тот караван шел с Руси от Архангилского города в Голанскую землю с товаром и для де того Статы Голанские четыре большие воинские караваны послали против достальных караванов которые с Руси идут чтоб их от шпанских караванов оберегат и в Голанскую землю здорово отпровадит

[л. 21] А король свеиской города именем Мелвинг Фровденбург Браменбург Маленбург взял и всю землю около тех городов завладел а ныне стоит с людьми своими стоит под городом Даршовом и там де крепкую шансу нарядил и через Вишел реку мост сделал а по смете с ним з дватцать тысяч члвк ратных людей наимует а короля полского люди на той же реке пят верст повыше его стоят и через реку мост же сделали а меж де ими бои были а на бою де полских людей с четыре тысячи побито а король де полской со всею радостью из города Торена поехал а переж весны ему силу свою собрать невозможно

Да свеиские ж люди город Гданеск слово осадили а стоят около его мили по четыре и по пяти и все дороги отняли и никого ни в город ни из города не пропускают и пишут из Гданска что у короля их полского в собрании сорок тысяч члвк конных да дватцать тысяч пеших людей и они де ждут выручки а только тому верит нечему а се вести писаны из Амьборха лета от рожства хсва 1626 г. октября в 22 де

[л. 22] Вести ис Позина города Голанской земли нынешнего 135 году ноября в 22 де

Что за беду и злую нужу и великое пристрашное и нежное пребывание мы от Валенштейнского собрания видим того немочно ни пером описать или языком изречеши многие ратные люди стоят здесь у нас на крепком месте где Шликенской князь в полон взят многие полковники радеют от своей службы отстат для того что многие ратные люди в полках у них голодом умирают а они тому помочи не могут только на нынешних днях вести им утешительные пришли что хотят их оттуль в Шлезию перевести

Вести из Ведны 25 г того ж мсца

Видим то что в городе в Презбурге о миру и о перемире и об воинском деле договор чинят и для того вчерашнего дни архиепископ и канцлер пресбургской сюды к нам приехали от цысарского величества о том деле указу ведати а в то время валенштейнское войско на зимоване поставили в модрианских местех [л. 23] а ратные многие люди пешие и конные добываютца по всеи земле где хто что может залестъ запасу хлебного и конского а имеют великую нужу о прокормлене и для того везде великой грабеж и убивство два посадцы Георгов и Посин взяли и в них с тритцат тысяч бочек с вином розбили и розлили и напоследок те места розграбили. граф Мансѣфелской а с ним тысяча лутчих все приказных воинских людеи Боснов город проехал а босновской княз ево до веницейского рубежа проводил <...>

19

**Перевод письма Исаака Массы
из Голландии царю Михаилу Федоровичу**

Июнь 1627 г.

[л. 13] Перевод з грамоты что пишет к великому гсдрю црю и великому кнзю Михаилу Федоровичю всеа Русии из Галанской земли Исак Масса в ннешнем во 136 году сентября в 14 де

Пресветлеиший велеможнейший црь и великий княз Михаилу Федорович всеа Русии самодержец

В прошлом мсце в мае писал я к вашему црскому величеству о том что деелос в розных землях в правду королевское величество дацкой еще против цесаря стоит а корол свеиской пошел в Прусскую землю а с ним сорок караблей воинских да и иные многие карабли с ним же а на тех караблях дватцат две тысячи ратных людеи а от нас по прошеню города Гданска да по произволу короля полского и с ведома короля свеиского послали послов чтоб меж ими мир учинит и всегда сюды в вестях пишут что Литва миру радеют а толко свеиской станет моря и поморских городов держатца и ему одоленья чаети а в поле против полского ему не устояти а свеиского конные люди что хотели ис Поморские земли в Прусскую землю итти и те от полских людеи осажены а иные побиты и в полон поиманы а хотя свеиской Прусскую землю осадил и пути заставил однако он голанцом с ними торговат поволил а пошлины с них емлет по прежнему [л. 14] а хлеб здесь добре дешев а у короля шпанского опят казны не стало и нечим ему долги свои что он должен городу Геневи и иным платит ему нечим и сеи год ему цесарю и кнгни Барабанской помогают немочно и нечим потому что Шпанская земля денгами добре скудна что и долгов своих платит стало нечим и радел было гораздо и промышлял чтоб ему аглинского со французским ссорит а ему б в те поры мочно цесарю помогают и нши

земли воеват и своим злым умышлением уж было нас привел что аглинской со французским зачали воеватца. а толко з бжиею помочю чаят что они в том деле помирятца потому что отовсюды послы к ним посланы чтоб их помирят а здес мнгие чаят что меж шпанским и ншими земли мир будет потому что с обеих сторон втаи о миру говорят и послами втаи ссылаютца а у шпанского изстари таков обычаи как он видит что [л. 15] ему лвовайи кожи одолети немочно и он облечет лисью кожу <...>

Памятники языка публицистики XVI—XVII веков .

В XVI—XVII вв. возрастает роль языка деловой письменности как средства выражения общественно-политических идей. Язык этого жанра подвергается литературной обработке, обретает экспрессивную выразительность, служащую цели отражения острых вопросов общественно-политической жизни. В «Сказании о Магмете-салтане», написанном известным публицистом И. С. Пересветовым, традиционные средства литературно-художественного повествования как бы дополняются словами и выражениями, свойственными деловой письменности: *воинник, дати суд, винити и правити, тать, разбой, ябедник, пуцать на откуп* и др. Само повествование принимает форму изложения, напоминающую стиль деловых документов. Слова и формулы языка деловой письменности включаются в авторское повествование и в речь персонажей. Средства русской разговорной, письменно-деловой речи существуют наряду с элементами славянизированного церковнокнижного языка. В сочинениях Ивана Грозного, князя Андрея Курбского, Ивана Пересветова слово становится орудием борьбы общественно-политических группировок. В сочинениях А. Курбского элементы книжно-славянской речи усиливают экспрессию обличительного повествования. В своих эпистолах А. Курбский стремится блеснуть многоцветными красками книжно-славянского языка и тем самым подчеркнуть свое превосходство в сфере словесного искусства и язвительнее уколоть царя, своего политического противника.

Сочинения Ивана Грозного дают представление о стилистической роли русских и славянизированных (церковнокнижных) средств языка. При описании бытовых сцен используется исконно русская лексика, а при обращении к общественно-политическим, нравственным проблемам — церковнославянская.

Средства книжно-славянского языка в сочинениях Ивана Грозного использованы с большим искусством: это и сложные слова (*мздовоздаятель, ласкосердство, скипетродержание, ветхословие*), и сложные эпитеты (*злобесный пес, высокодостойнейшая честь*), и отвлеченно-книжная лексика (*изволение, солга-*

ние), и аорист (*яко же родихомся во царствии*), глагольные формы на *-ши, -си* (*что даси измену, глагодеши*), причастные формы (*расточающе, укоряюще*), имперфект (*неподобно глаголаху*), усложненные типы синтаксических построений.

Велеречивые, книжно-славянские описания чередуются с русскими, раскрывающими картины жизни и быта бояр. Бытовые сцены создаются на базе русского языка, характерной для жанра деловой письменности. Широко используются слова и выражения народно-разговорной речи (*сход, верстать* — давать один и тот же размер вознаграждения за службу, и *рук не подняли*), глаголы со значением многократности, длительности, повторяемости действия (*сказывал, с блюда едал*), конструкция «именительный дополнения при инфинитиве» (*шуба переменити*), формы сравнительной степени на *-ае, -яе* (*множае, темняе*), присоединение частей сложного предложения с помощью сочинительных союзов и т. п.

Выбор автором той или иной формы повествования (книжно-славянской или русской, народно-литературной) способствует усилению действенности публицистического произведения, его экспрессивности.

Ниже даются фрагменты из сочинений Ивана Грозного, А. Курбского, И. Пересветова, Василия Грязного-Ильина.

Переписка Ивана Грозного с Василием Грязным

В переписке между царем Иваном Грозным и его думным дворянином Василием Грязным фиксируется возросшая роль разговорной речи в эпистолярно-публицистических жанрах XVI в. Народно-разговорные слова и обороты придают изложению Ивана Грозного тон неодобрительной экспрессии, вызванный поведением приближенного, попавшего по своей оплошности в плен к крымским татарам: *ты чаял, что в объезд приехал с собаками за заицы, крымцы ...вас дрючон умеют ловити*; создают добродушно-юмористическую окраску послания, несут отпечаток подтруниванья: *ино было, Васюшка, без путя среди крымских улусов не заезжати, а уж заехано — ино было не по объзднему спати*.

Дается по изданию: Садигов П. А. Царь и опричник // «Века»: Исторический сборник. Пг., 1924.

1574. Письмо царя Ивана IV Васильевича опричному думному дворянину Вас. Григ. Грязному- Ильину, захваченному в плен Крымскими татарами

От царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси Василью Григорьевичю Грязному Ильину. Что писал еси, что по грехом взяли тебя в полон — ино было, Васюшка, без путя среди крымских улусов не заезжати; а уж заехано — ино было не по объзднему спати: ты чаял, что в объезд приехал с собаками за заицы — ажно крымцы самого тебя в торок ввязали. Али ты чаял, что таково ж в Крыму, как у меня стоячи за кушаньем

шутити? Крымцы так не спят, как вы, да вас дрочон умеют ловити да так не говорят, дошедши до чюжей земли, да пора домов. Только б таковы крымцы были, как вы жонки — ино было и за реку не бывать, не токмо что к Москве. А что сказываешься великой человек — ино что по грехом моим учинилось (и нам того как утаити?), что отца нашего и наши князи и бояре нам учили изменяти, и мы и вас, страдников, приближали, хотячи от вас службы и правды. А помянул бы ти свое величество и отца своего в Олексинено таковы и в станицах ежживали, а ты в станице у Пенинского был мало что не в охотникех с собаками, и прежние твои были у ростовских владык служили. И мы того не запираемся, что ты у нас в приближенье был. И мы для приближенья твоего тысячи две рублей дадим, а доселева такие по пятидесят рублей бывали; а ста тысяч опричь государей ни на ком окупу не емлют, а опричь государей таких окупов ни на ком не дают. А коли б ты сказывался молодой человек — ино б на тебе Дивея не просили; а Дивея сказывает царь, что он молодой человек, а ста тысяч рублей не хочет на тебе мимо Дивея: Дивеи ему ста тысяч рублей лутчи, а за сына да Дивеева дочь свою дал, а нагаиской княз и мурзы ему все братья; у Дивея и своих таких полно было, как ты, Вася. Оприч было князя Семена Пункова не на ково меняти Дивея; ано и князя Михаила Васильевича Глинского нечто для присвоенья меняти было: а то в нынешнее время неково на Дивея меняти. Тебе, вышедчи ис полону, столко не привести татар ни поимат, сколько Дивеи крестьян пленит. И тебя, вед, на Дивея выменити не для крестьянства на крестьянство: ты один свободен будешь да приехав по своему увечью лежать станешь, а Дивеи приехав учнет воевати да неколко сот крестьян лутчи тебя пленит, что в том будет прибыток? Коли еси сулил мену не по себе и писал и что не в меру, и то как дати? То крестьянству не пособити — разорить крестьянство, что неподобною мерою зделать. А что будет по твоей мере мена или окуп и мы тебя тем пожалуем. А будет станишь за гордость на крестьянство — ино Христос тебе противник.

1576. Первое письмо опричного думного дворянина Вас. Григ. Грязного-Ильина царю Ивану IV Васильевичу из крымского плена

Государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси бедной холоп твой полоняник Васюк Грязной плачетца. Писал еси, государь, ко мне холопу своему, кое было мне беспутия среди крымских улусов не заезжати, а заехано — ино было не по объздному спати; да яз же, деи, чаял, что в объезде с собаками гоняти за зайцы, ажно меня самово в торока как зайца ввязали; да такожь, деи, яз чаял каково за кушаньем стоячи у тебя, государя, шутити; да яз же, деи, говорил, кое, деи, пора моя. Да в твоей ж государеве грамоте писано, что яз за

себя Дивея сулил, а сам ся сказывал великим человеком, и мне б памятоват свое величество. И яз, холоп твои, ходил по твоему государеву наказу, велено мне, государь, было и на Миус ходити и на Молочные Воды языков добывати, которые бы ведали цареву умышленье, кое бы тебе, государю, безвестну не быти толко вестей не будет ни от которых посылок. И мне было, холопу твоему, посылати неково; а ково ни пошлю, и тот не доедет да воротитца да приехав солжет: где ни увидит какой зверь да приехав скажет — «люди». И мне было, холопу твоему, как с ложною вестью к тебе, ко государю, посылати, а солгав да к тебе, ко государю, мне было, холопу твоему, с чем появитца? А того слова не говаривал, кое пора, деи, моя; а которые говорили, те и бегали с Молочных Вод да потеряв твое государево дело да опять воротилис. А толко б яз, холоп твои, по объездному спал, ино было, государь, до Молочных Вод не дойти; да и назад уж был сходил, уж был того дни на Кмолшу на стан, коего дни меня, холопа твоего взяли татареве, а подстерегли тут таки, государь: мояж была. Да послал Василья Олександрова с товарищи сторожеи гоняти, а яз стал в долу с полком, а Василью приказал: «Любо, реку, учнут тебя гоняти, и ты, реку, к нам побежи». И как Василеи учал гоняти сторожеи — ино Василья встретили татарове да почали гоняти. И Василеи побежал мимо меня, и яз, холоп твои, и молил Василью так «Пора напустить?!» — и, кинувшис встречу, Василья отнял, надеючис на полк, да сцепилс с мужиком. А полк вес побежал, и рук не подняли! Да чтоб, милостивый государь, от многих людей — ино толко было двесте восемьдесят человек татар и с мурзами, от болших людей на Карачекре отбилис да ещо у них побиили и поранили многих! А тут и рук не подняли, а было сто пятнадцать ручниц, а меня, холопа твоего выдали! И меня, холопа твоего, взяли нолны з двема седлы защитяс, уж мертвово взяли; да заец государь, не укусит ни одное собаки, а яз, холоп твои, над собою укусил шти человек до смерти, а дватцать да дву ранил; тех, государь, и ко царю принесли вместе со мною. А в Крыме что было твоих государевых собак изменников, и божиим милосердьем за твоим государевым счастием, яз, холоп твои, всех перекусал же, все вдруг перепропали, одна собака остался — Кудеяр, и тот по моим грехом маленько свернулся, а вперед начаюс на милость божию, толко бог грехов не помянет, и того тут не будет же. А коли меня, холопа твоего, ко царю принесла только чють жива, а о чем меня царь спрашивал и яз что говорил лежа перед царем, и яз, холоп твои, написав да х тебе, ко государю, послал с Офонасьем, а иные речи Офонасеи сам да и все слышели, а Нагаи толмачил, твои государев толмачь. А шутил яз, холоп твои, у тебя, государя, за столом тешил тебя, государя — а нынече умираю за бога да за тебя ж, государя, да за твои и царевичи, за своих государей. И за тех изменников царь хотел казнити. Да ещо бог дал на свет маленько зрети да твое госуда-

рево имя слышети да опять царь разгодал а молил: «Тот, деи, свое чинит, своему государю служит», да меня, холопа твоего, отослал в Манкуп город да велел крепити да мало велел ести давати: толко б не твоя государьская милость застала душу в теле — ино было з голоду и с наготы умерети. А нынече молю бога за твое государево здоровье и за твои царевичи, за свои государи; да ещо хочу у владыки Христа нашего бога чтоб шутить за столом у тебя, государя, да не ведаю, мне за мое окоянство видат ли то: аще не бог да не ты поможешь — ино некому. Да в твоеи ж государеве грамоте написано, кое ты пожалуешь выменишь меня, холопа своего, и мне приехав к Москве да по своему увечью лежать — ино мы, холопи, бога молим, чтоб нам за бога и за тебя, государя, и за твои царевичи, а за наши государи, голова положити: то наша и надежда и от бога без греха, а ныне в чом бог да ты, государь, поставишь. А яз, холоп твои, не у браги увечья добыл ни с печи убился, да в чом бог да ты, государь, поставишь. А величество, государь, што мне памятоват? — Не твоя б государская милость, и яз бы што за человек? Ты, государь, аки бог и мала и велика чинишь. И царю есми сказывал: «Яз молодой человек». А Дивеи, государь, аз за себя не суливал, хотя б и по моеи мене была мена, и яз бы так не молвил: кое даст государь, за меня мену, то, государь, в божие воле да в твоеи государеве. А писал, государь, яз, холоп твои, о Дивее того для, чтоб тебе, государю, известно было цареве умышление, при послех; и он мурзу прислал да велел был мне, холопу твоему, писати и приказывати о чем ум весть не подымет, а при Дивея молвил: «Велел, деи, был царь тебе о Дивее писати; а ныне Дивеи царю не нужен: у Дивея, деи, три сыны и меншой Дивея лутчи — вот, деи, послы их знают». И яз, холоп твои, говорил сколко бог вразумил: милостивый государь, спроси послов, как ся что деяло, а Нагаи толмачил. Да как, государь, отпуста послов, а меня, холопа твоего, велел повести в село в то ж, где яз тогды сидел, да как против царева двора, и царь высрал Зелдала-агу с саблюю да с чернилы и з бумагою да говорил тогды так: «Пиши, деи, о Дивее, царь велел тебе говорити: Толко, деи, не станешь писати, и тебе, деи, уж же быти кажнenu; то деи, уж ты меж нас ссору чинишь; а толко, деи, напишешь, а брат, деи, наш, а ваш государь, так учинит, Дивея нам даст, а тебя к себе возмет — ино деи, меж нас и доброе дело сстанетца». И яз, холоп твои, о том и плакал и бил челом и под саблю ложился, а говорил: Коли царю надобен Дивеи и царь о нем о чом сам не пишет? А мне как холопу писати ко государю о таком о великом деле: яз волоса Дивеева не стоен». И он, государь, опят ко царю ходил да вышедши молвил так: «Царь, деи, тебе велел говорити: Не станешь писати, и тебе уж жо быти кажнenu. И ты, деи, которое любишь: то ли, кое уж жо умерети, или то, кое меж нас будет доброе дело? А мне, деи, о том писати сором потому, кое ево у меня ис полку взяли; яз, деи, потому перед послы не велел

о том говорити». И толко б не было такова слова, и яз бы не дерзнул так писати для своеи головы, хоти б и умерети. А то, государь, яз, холоп твои, писал для того, кое бы тебе, государю, было известно цареву умышление, а не для того, кое бы ты, государь, дал за меня Дивея; хоти б, государь, яз, холоп твои, сам того не разумел, и яз то помню: которые из Литвы сулили за себя мену, ино каково с им сставало. А о своеи голове яз, холоп твои, тебе, государю, бил челом, чтоб ты, государь, милость показал промыслил моею бедною головою, как тебе, государю, бог известит для крестьянские веры, а не для того, кое бы за меня Дивея дал. Да ко мне ж, холопу твоему, писано: толко стану на крестьянство за гордость — ино мне Христос противник. Ино мне, холопу твоему, то ли видети, кое от тебя, от государя, писано жестоко и милостиво да так учинить: ино дана душа богу да тебе государю да твоим царевичам, а нашим государем, а буди воля божия да твоя государева отныне и до века, да и сподобил был бог умерети за вас государей. Да ещо вдунул душу бог в мертвеное тело, ино бы, государь, и на конец показати прямая службишко. Да покажи милость бедному своему полонянику и богомолцу, пришли милостыню, не даи умерети з голоду, а хлеб дорог — по три тысячи батман — да и не добудут купити, а животина вымерла и лошади повымерли и мертвова ести не добудут. А сию в пустом городе в кадомах — выработат нелзя и не у кого. А твое государево жалованье — я из долг платил, а иное кое чего для отдал добра для. А царь мало кормит; а взят, государь, есть кому, а кормит некому: толко б не твоя государева милость, ино умерети з голоду и с наготы. А тогды потому, милостивый государь, писано неисправно: яз был тогды при смерти, а не писать яз, холоп твои, не смел такова слова. А в милости и во всем ты, государь, волен: яз, вед, холоп твои, телом ныне в Крыму у крымского царя сию, а душею у бога да у тебя, государя, и мне что слыша, как тово не писати? А в том волен бог да ты, государь: делаешь так, как годно богу да тебе, государю. А ныне вести х тебе, ко государю, потому не писал — скажет тебе, государю, Иван Мясоедов; а преж того есми писал к тебе, ко государю, две грамоты сего лета о вознесенъеве дни, а третью грамоту — о покрове. А вперед, государь, надеюс на милость божию, кое ты, государь, безвестен не будешь, хотя мне и умерети за бога да за тебя, государя, и за твоих царевичей. И мне то не страшит, а страшно мне твоя государева опала. И яз, холоп твои, о том тебе, государю, плачюс, чтоб ты милость показал свои царской сыск учинил то ся как деяло и чего для: хоти мне, холопу, и умерети случитца, ино бы тебе, государю, известно было в правду.

Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским

Язык переписки Ивана Грозного с Андреем Курбским представляет значительный интерес для изучения стилистической роли риторических средств книж-

ной речи и разговорно-обиходных слов, выражений, грамматических форм, построений при описании высокого, торжественного и при изображении бытового, повседневного, конкретного.

Риторические средства в основном представлены сложными словами (*законоположитель, скверноубийство*), отвлеченной лексикой (слова на *-тие, -ие, -ние, -ость, -ство*), инверсионным порядком слов, аористическими формами, усложненными построениями с придаточными различных степеней подчинения. При описании явлений жизни и быта используются меткие исконно русские слова и выражения (*суды ковати, шуба переменити, крома — ломоть хлеба*), формы сравнительной степени на *-ае, -яе*, сравнительные обороты с союзом *что* и др.

Тексты даются по изданию: Сочинения князя Курбского. Спб., 1914. Т. 1.

1

Эпистолиа первая князя Андрея Курбскаго, писана к царю и великому князю московскому прелютаго ради гонения его

Царю, от бога препрославленному, паче же во православии пресветлому явившуся, ныне же, грех ради наших, сопровтив сим обретшемуся. Разумеваеи да разумеет совесть прокаженну имущи, якова же ни во безбожных языцех обретаецца. И больше сего о сем всех по ряду глаголати не попустих моему языку; гонения же ради прегорчайшаго от державы твоя, от многия горести сердца потщуся мало изрещи ти.

Про что, царю, сильных во Израили побил еси и воевод, от бога данных ти, различным смертем предал еси? и победоносную, святую кровь их во церквах божиих, во владыческих торжествах, пролиал еси и мученическими их кровьми праги церковные обогрил еси? и на доброхотных твоих и душу за тя полагающих неслыханныя мучения, и гонения, и смерти умыслил еси, изменами и чародеиствы и иными неподобными оболгаючи православных, и тщася со усердием свет во тьму прелагати и сладкое горько прозывати? Что провинили пред тобою, о царю, и чим прогневали тя, христианский предстателю? Не прегордые ли царства разорили и подручных во всем тебе сотворили, мужеством храбрости их, у них же прежде в работе быша праотцы наши? Не претвердые ли грады Германские тщанием разума их от бога тебе данны бысть? Сия ли нам бедным воздал еси, всеродно погубляя нас? Или бессмертен, царю, мнишишь? Или в несбытную ересь прельщен, аки не хотя уже предстати неумытному судии, богоначальному Иисусу, хотящему судити вселенней в правду, паче же прегородым мучителем, и не обинуясь истязати их и до влас прегрешения, яко же словеса глаголют? Он есть — Христос мой, сидящий на престоле херувимском, одесную силы владычества во превысоких, — судитель между тобою и мною.

Коего зла и гонения от тебя не претерпех! и коих бед и напастей на мя не подвигл еси! и коих лжеплетений презлых на мя не возвел еси! А приключившимся от тебя различные беды по ряду, за множеством их, не могу ныне изрещи, и понеже горе-

стию еще души моей объят бых. Но вкупе все реку конечно: всего лишен бых и от земли божии туне отогнан бых, аки тобою понужден. Не испросих умиленными глаголы, не умолих тя многослезным рыданием, ни исходатайствовах от тебя никоея же милости архиереискими чинми. И воздал еси мне злые за благие, и за возлюбление мое — непримирительную ненависть. Кровь моя, яко вода пролитая за тя, вопиет на тя ко господу моему. Бог сердцам зритель — во уме моем прилежно смышлях и обличник совестный мой свидетеля на ся поставих, и исках, и зрех мысленне и обрачаяся, и не вем себя, и не наидох ни в чем же пред тобою согрешивша. Пред воиском твоим хождах и исхождах, и никоего же тебе безчестия приведох; но токмо победы пресветлы, помощию ангела господня, во славу твою поставлях и никогда же полков твоих хребтом к чюждим обратих; но паче одоления преславныя на похвалу тебе сотворях. И сие ни во едином лете, ни во дву, но в довольных летех потрудихся, со многими поты и терпением; и всегда отечества своего отстоях, и мало рождшия мя зрех и жены моя не познавах; но всегда в дальноконечных градах, против врагов твоих, ополчахся и претерпевах нужды многие и естественные болезни, имже господь мой Иисус Христос свидетель; паче же учащен бых ранами от варварских рук на различных битвах, и сокрушенно уже язвами все тело имею. Но тебе, царю, вся сия аки ничто же бысть, но развие нестерпимую ярость и горчайшую ненависть, паче же разженные печи, являеш к нам.

И хотех рещи все по ряду ратные дела мои, ихже сотворих на похвалу твою, силою Христа моего, но сего ради не изрекох, зане лутче бог весть, нежели человек: он бо есть за все сия мздовоздаятель, и не токмо, но и за чашу студеныя воды; а вем, яко и сам их не невеси. И да будет ти, царю, ведомо к тому: уже не узришь, мню, в мире лица моево до дня преславного явления Христа моего. И да не мни мене молчаща ти о сем: до скончания моего буду непрестанно вопияти со слезами на тя пребезначальной троице, в неяже верую; и призываю в помощь херувимского владыки матерь, надежду мою и заступницу, владычицу богородицу, и всех святых, избранных божиих, и государя моего праотца, князя Феодора Ростиславича, иже целокупно тело имеет, во множайших летех соблюдает, и благоухания, паче арапат, от гроба испущающе и благодатию святаго духа струи исцеления чудес источающе, яко же ты, царю, о сем добро веси.

Не мни, царю, не помышляи нас суемудренными мыслями, аки уже погибших, избиенных от тебя неповинно, и заточенных, и прогнанных без правды; не радуися о сем, аки одолением тощим хваляся: избиенные тобою, у престола господня стояще, отомщения на тя просят; заточенные же и прогнанные от тебя без правды от земли ко богу вопием день и ночь! Аще и тьмами хвалишися в гордости своеи, в привременном сем скоротекущем веще, умышляючи на христианской род мучительныя сосуды, паче же

наругающе и попирающе ангельский образ, и согласующе ти ласкателем и товарищем трапезы, несогласным твоим бояром, губителем души твоеи и телу, иже тя подвижут на афрадитския дела и детьми своими, паче Кроновых жрецов, действуют. И о сем, даже до сих, писание сие, слезами измоченное, во гроб со собою повелю вложить, грядуще с тобою на суд бога моего Иисуса Христа. Аминь. Писано Волмере, граде государя моего, Августа Жигиманта короля, от негоже надеюся много пожалован и утешен быти ото всех скорбеи моих, милостию его государскою, паче же богу ми помогающу.

Слышах от священных писании, хотяще от диявола пущенна быти на род христианский губителя, от блуда зачатого, богоборнаго антихриста, и видех ныне сигклита, всем ведома, иже от преблудодеяния рожден есть, иже днесь шепчет ложное во уши царю и льет кровь христианскую, яко воду, и выгубил уже сильных и благородных во Израили, аки согласник делом антихристу: не пригоже таким потакати, о царю! В законе господни первом писано: «Моавитин и аммонитин <...> до десяти родов в церковь Божию да не входит», и прочая.

**Послание царя и великого князя Иоанна Васильевича
всая России ко князю Андрею Курбскому,
против его князя Андреева, письма,
что он писал из града Волмера**

Бог наш троица, иже прожде век сии, ныне есть, отец и сын и святыи дух, ниже начала имать, ниже конца, о немже живем и движемся есмы, и имже царие царствуют и сильнии пишут правду; иже дана бысть едиnorodнаго слова божия Иисус Христом, богом нашим, победоносная херугви и крест честныи, и николи же победима есть, первому во благочестии царю Константину и всем православным царем и содержателем православия, и понеже смотрения божия слова всюду исполняшесе, божественным слугам божия слова всю вселенную, яко же орли летание отекше, даже искра благочестия доиде и до Руского царства; самодержавство божиим изволением почин от великого князя Владимирера, просветившаго всю Рускую землю святым крещением, и великого царя Владимирера Манамаха, иже от грек высокодостоинеишую честь восприемшу, и храброго великого государя Александра Невского, иже над безбожными немцы победу показавшаго, и хвалам достойного великого государя Дмитрея, иже за Доном над безбожными агаряны велику победу показавшаго, даже и до мстителя неправдам, деда нашего, великого государя Ивана, и в закосненных прародительствях земля обретателя, блаженные памяти отца нашего, великого государя Василия, даже доиде и до нас, смиренных, скипетродержания Руского царствия. Мы же хвалим за премногую милость, произшедшую на нас, еже не попусти доселе десницы нашей едино-

племенную кровию обагрится, понеже не восхитихом ни под ким же царства, но божиим изволением и прародителии и родителей своих благословением, яко же родихомся во царствии, тако и возрастохом и воцарихомся божиим велением, и родителей своих благословением свое взяхом, а не чюжее восхитихом. Сего православнаго истиннаго христианскаго самодержавства, многими владычествами владеющаго, повеление, *наш* же христианский смиренный ответ бывшему прежде православнаго истиннаго христианства и нашего содержания боярину и советнику и воеводе, ныне же преступнику честнаго и животворящаго креста господня, и губителю христианскому, и ко врагом христианским слугатаю, отступльшим божественнаго иконнаго поклонения и поправшим вся священныя повеления, и святыя храмы разорившим, осквернившим и поправшим со священными сосудами и образы, яко же Исавр, и Гноетесный, и Арменский, сим всем соединителю — князю Андрею Михайловичю Курбскому, восхотевшему своим изменным обычаем быти ярославскому владыце, ведомо да есть.

Почто, о княже, аще мнишися благочестие имети, едиnorodную свою душу отвергл еси? Что даси измену на ней в день страшнаго суда? Аще и весь мир приобретаеши, последи смерть всяко восхитит тя <...>

Ты же, тела ради, душу погубил еси, и славы ради мимотекущая, нелепотную славу приобрел еси, и не на человека възъярився, но на бога востал еси. Разумей же, бедник, от каковы высоты и в какову пропасть душею и телом сшел еси! Збысться на тебе реченное: «И еже имея мнится, взято будет от него». Се твое благочестие, еже самолюбия ради погубил еси, а не бога ради. Могут же разумети тамо сущии, разум имущии, твои злобныи яд, яко, славы желая мимотекущая и богатства сие сотворил еси, а не от смерти бегая. Аще праведен и благочестив еси, по твоему гласу, почто убоялся еси неповинныя смерти, еже несть смерть, но приобретение? Последи всяко же умрети. Аще ли же убоялся еси ложнаго на тя отречения смертнаго, по твоих друзей, сатанинских слуг, злодейственному ж солганию, се убо явственно есть ваше изменное умышление от начала и доныне. Почто и апостола Павла презрел еси, яко же рече: «Всяка душа владыкам предвладушим да повинуются: никакая же бо владчества, еже не от бога, учинена суть; тем же противлялися власти божию повелению противится». Смотри же сего и разумеваи, яко противлялися власти богу противится; и аще кто богу противится, сии отступник именуется, еже убо горчайшее согрешение. И сии же убо реченно есть о всякой власти, еже убо кровьюми и браньюми приемлют власть. Разумей же вышереченное, яко не восхищением прияхом царство; тем же наипаче, противляися власти богу противится. Тако же, яко же инде рече апостол Павел, иже ты сия словеса презрел еси: «Раби! послушайте господей своих, не пред очима точию работающе, яко человекоугодницы, но яко богу, и не токмо благим, но и строптивым, не токмо за гнев, но и за

совесть». Се бо есть сдня — еже, благое творение, пострадати.

И аще праведен еси и благочестив, почто не изволил еси от мене, строптиваго владыки, страдати и венец жизни наследити? Но ради привременныя славы, и сребролюбия, и сладости мира сего, а се свое благочестие душевное со христианскою верою и законом попрали еси, уподобился еси к семени, и подающему на камени, и возрастшему, и возсиявшу солнцу со зном, абие, словесе ради ложнаго соблазнился еси, и отпал еси и плода не сотворил еси <...>.

Како же не усрамишися раба своего Васьки Шибанова? Еже бо он благочестие свое соблюде, и пред царем и предо всем народом, при смертных вратех стоя, и ради крестнаго целования тебе не отвержесе, и похваляя и всячески за тя умрети тшашесе. Ты же убо сего благочестия не поревновал еси: единого ради моего слова гневна не токмо свою едину душу, но и всех прародителей души погубил еси, понеже божиим изволением, деду нашему, великому государю, бог их поручил в работу, и оне, дав свои души, и до смерти своей служили, и вам, своим детем, приказали служити и деда нашего детем и внучатом. И ты то все забыл, собацким изменным обычаем преступил крестное целование, ко врагом христианским соединился еси; и к тому, своя злобы не рассмотря, сицевыми и скудоумными глаголы, яко на небо камением меща, нелепая глаголеши, и раба своего во благочестия не стыдишися, и подобная тому сотворити своему владыце отвергался еси.

Писание же твое принято бысть и разумлено внятно. И понеже убо положил еси яд аспиден под устными своими, наполнено меда и сота, то твоему разуму, горчаише же пелыни обретающесе, по пророку глаголющему: «умякнуша словеса их паче еля, и та суть стрелы». Таки ли убо навекл еси, христианин будучи, христианскому государю подобно служити? и тако ли убо честь подобная воздаяти от бога данному владыце, яко же бесовским обычаем яд отрываеши? <...>

Послание Ивана Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь

Обличительный пафос данного послания реализуется средствами церковно-книжной и русской разговорной речи; сближение этих пластов письменности усиливает экспрессивность публицистического выступления; широко используются уничижительные выражения (*ох мне скверному*), приложения при лично-указательных местоимениях (*ино подобает вам, нашим государем*), сложные слова (*ласкосердства и ласкосердия*), риторические вопросы, усиленные оценочными приложениями (*а мне, псу смердящему, кому учити, и чему наказати, и чем просветити?*). Ироническое повествование, развертывающееся в форме риторически-приподнятых выражений, перебивается словами и формами разговорной русской речи: *мужик торговый; нужда; звено рыбы; втепоры, сидит в келье что царь; да едят, да пьют, что в миру.*

Текст дается в сокращении по изданию: Послания Ивана Грозного. М.; Л., 1951.

В пречестную обитель пресвятая и пречистая владычицей нашей богородицы честнаго и славнаго ея Успения и преподобнаго и богоноснаго отца нашего Кирила чудотворца. Яже о Христе божественаго полка наставнику и вожу и руководителю к пренебесному селению, преподобному игумену Козме яже о Христе с братиею царь и великий князь Иоанн Василиевичь всеа Русии челом бьет.

Увы мне грешному! горе мне окаянному! Ох мне скверному! Кто есмь аз на такую высоту дерзати? Бога ради, господие и отцы, молю вас, престаните от таковаго начинания. Аз брат ваш недостойн есмь нарещися, но, по еуангельскому словеси, сотворите мя, яко единаго от наемник своих. Тем же припадая честных ног ваших и мил ся дею, бога ради, престаните от таковаго начинания. Писано бо есть: «свет иноком ангели, свет же миряном иноки». Ино подобает вам, нашим государем, и нас, заблуждших во тме гордости и сени смертней прелести тщеславия, ласкосердства и ласкосердия просвещати. А мне, псу смердящему, кому учить, и чему наказати, и чем просветити?.. И аще хотите,— есть у вас дома учитель среди вас — великий светильник Кирил. И на его гроб повсегда зрите и от него всегда просвещаетесь. Потому же великие подвижници, ученици его, а ваши наставницы и отцы, по приятию рода духовнаго даже и до вас. И святый устав великаго чудотворца Кирила, яко ж у вас ведется. Се у вас учитель и наставник! от сего учитесь, от сего наставляйтесь, от сего просвещайтесь, о сем утверждайтесь, да и нас, убогих духом и нищих, благодатию просвещайте, а за дерзость, бога ради, простите. Понеже помните, отци святии, егда некогда прилучися неким нашим приходом к вам в пречестную обитель пречистая богородицы и чудотворца Кирила, а случися тако судьбами Божиими: по милости пречистая богородицы и чудотворца Кирила молитвами от темных ми мрачности малу зарю света божия в помысле моем восприях и повелех тогда сущему преподобному вашему игумену Кирилу с некими от вам братии негде в келии сокровенне быти, самому же такожде от мятеж и плища мирьскаго упразднившуся и пришедшу ми к вашему преподобию; и тогда со игуменом бьяше Иоасаф архимандрит Каменской, Сергии Колычев, ты, Никодим, ты Антонеи, а иных не упомню; и бывши о сем беседе надолзе, и аз грешный вам известих желание свое о пострижении, и искушах окаянныи вашу святыню слабыми словесы. И вы известисте ми о бозе крепостное житие. И яко же услышах сие божественное житие, ту абие возрадосая скверное мое сердце со окаянною моею душею, яко обретох узду помощи божия своему невоздержанию и приста нище спасения. И свое обещание положих вам с радостию, яко нигде инде, аще благоволит бог, в благополучно время здраву пострищися, точию во пречестней сей обители пречистая бого-

родицы, чудотворца Кирила составления. И вам молитвовавшим, аз же окаянный преклоних скверную свою главу и припадох к честным стопам преподобнаго игумена тогда сущаго, вашего же и моего, на сем благословения прося. Оному же руку на мне положъшу и благословившу мене на сем, яко же выше рех, яко некоего новоприходящаго пострищись.

И мне мнится окаянному, яко исполу есмь чернец; аще и не отложих всякого мирскаго мятежа, но уже рукоположение благословения ангельскаго образа на себе ношу. И ведах во пристанищи спасения многи корабли душевныя люте обуреваемы треволнением. Сего ради не могох терпети, малодушьствовах, и о своей души поболех, яко сый уже ваш, да не пристанище спасения испразнится, сиче дерзних глаголати <...>

Яко же апостоли Христу сраспинаеми, и соумерщвляеми, и совоскрешаеми будут, тако и вам подобает усердно последствовать великому чудотворцу Кирилу, и предание его крепко держати, и о истинне подвизатися крепце, и не быти бегуном, пометати щит и иная, но вся оружия божия восприимете, и не предавайте чудотворцова предания никто же от вас, яко Июда Христа сребра ради, тако и ныне сластолюбия ради. Есть бо у вас Анна и Каиафа — Шереметев и Хабаров, и есть Пилат — Варлам Собакин, понеже от царския власти послан, и есть Христос распинаем — чудотворцово предание преобидимо. Бога ради, отцы святии, мало в чем ослабу попустите, — то и велико будет...

Видите ли, какво послабление иноческому житию плача и скорби достойно? И по тому вашему ослаблению, ино то Шереметева для и Хабарова для, такова у вас слабость учинилася и чудотворцово преданию преступление.

И толко нам благоволит бог у вас постищися, ино то всему царьскому двору у вас быти, а монастыря уже и не будет. Ино почто и черньцы и как молвити: «отрицаюся мира и вся, яже суть в мире», а мир весь в очех? И како на месте сем святем с братиею скорби терпети и всякия напасти приключшыяся, и в повиновении быти игумену, и всей братии в послушание и в любви, яко же во обещании иноческом стоит? А Шереметеву как назвати братиею? — ано у него и десятой холоп, которой у него в келии живет, ест лутче братьий, которыя в трапезе ядят. И велицыи светилницы, Сергие, и Кирил, и Варлам, и Димитрей, и Пафнотей, и мнози преподобнии в Рустей земли, уставили уставы иноческому житию крепостныя, якоже подобает спастися. А бояре, к вам пришед, свои любострастныя уставы ввели: ино то не они у вас постриглися — вы у них постриглися; не вы им учителя и законоположители — они вам учителя и законоположители. Да, Шереметева устав добр — держите его, а Кирилов устав не добр — оставь его! Да севодни тот боярин ту страсть введет, а иногда иной иную слабость введет, да помалу, помалу весь обиход монастырьской крепостной испразнится и будут все обы-

чай мирския. Ведь по всем монастырем сперва начальники устави-ли крепкое житие, да опосле их раззорили любострастныя <...>

Смотрите же: слабость ли утверждает или крепость? А вы се над Воротынским церковь есте поставили! Ино над Воротынским церковь, а над чудотворцом нет. Воротынской в церкви, а чудотворец за церковию. И на Страшном спасове судищи Воротынской да Шереметев выше станут: по тому Воротынской церковию, а Шереметев законом, что их Кирилова крепчае <...>

И. С. Пересветов

Иван Семенович Пересветов — известный публицист XVI в. В сочинениях И. С. Пересветова обличается боярская знать, пытавшаяся вернуть Россию к временам феодальных усобиц, осуждаются порядки, при которых города и волости находятся в руках вельмож; обнажается лихоимство бояр, ведущее к оскудению государства. В произведениях И. С. Пересветова утверждается моральная ответственность государя: он должен пресекать зло, верить в силу разума, опираться на рядовое, служилое дворянство.

Язык сочинений И. С. Пересветова — яркое свидетельство культуры публицистической речи и ее роли в общественно-политической жизни времени Ивана Грозного. В языке сочинений И. С. Пересветова отражается взаимодействие литературно-художественной речи и языка деловой письменности.

Отрывки из сочинений И. С. Пересветова даются по Погодинскому первому списку, вошедшему в издание: Сочинения И. Пересветова. М.; Л., 1956.

Сказание о Магмете-салтане

Турецкий царь Махмет-салтан сам был философ мудрый по своим книгам по турецким, а греческия книги прочет, и написал, слово в слово по-турецкии, ино великия мудрости прибыло у царя. И он рек так сеитом своим и пашам, и молнам, и обызам: «Пишется великая мудрость о благоверном царе Константине в философских книгах: иже родися источник мудрости воинския, от меча его вся подсолнечная не может сохранитися. Он от отца своего остался млад трех лет от роду своего; и греки для злоства и нечистаго собрания от слез и от крови роду человеческого богатели, и праведный суд порушали, да неповинно осуждали по мздам. Велможи царева до возрасту царева богатели от нечистого своего собрания; на возрасте царева и царь почал трезвиться от юности своя и почал приходити к великой мудрости к воинской и к прирожению своему царскому. И велможи его, видя то, что царь приходит к великой мудрости, и рекли так: «нам будет от него суетное житие, а богатство наше будет с ыными веселитися». И рек Махмет-салтан, турецкий царь, философом своим мудрым: «Видите ли, яко они, богати и лживы, осетили царя вражбами и уловили его великим лукавством своим и козньми, дияволскою прелестию, и мудрость его и счастье укротили, и меч его царский обнизили своими прелестными вражбами, а меч его был высок над всеми недрузи его, и они ухитрили ересию своею».

И Махмет-салтан, турецкий царь, так рек философом своим: «Видите ли что бог злохитрства и гордости и ленивства не любит, и противитца тому господь бог, и гневом своим за то казнит неутолимым; видите, что нам бог выдал такового царя великаго и мудраго источника воинскаго про гордость греческую и про лукавство; и вражба их бога прогневала, иже такового царя мудраго осетили вражбами своими и уловили лукавством своим и укротили воинство его. А яз вам о том реку мудрым своим философом: поберегите меня во всем, чтобы нам бога не разгневити ни в чем».

В лето 6961 царь же велел со всего царства все доходы себе в казну имати, а никому ни в котором граде наместничества не дал велможам своим для того, чтобы не прельщалися неправдою судити, и оброчил велмож своих ис казны своей, кто чего достоин, и дал суд в ево все царство, и велел присуд имати к себе в казну для того, чтобы судьи не искушались и неправды бы не судили. Да приказал судьям: «Не дружитесь с неправдою, держитесь правды, что бог любит». Да послал по городом судьи свои, паши верныя и кадьи, и шубаши, и амини, и велел судити прямо. И рек так: «Братия моя любимая и верная, судити прямо».

Да по мале времени обыскал царь судей своих, как они судят, и на них довели пред царем злоемство, что они по посулом судят. И царь им вины в том не учинил, только их велел живых одрати да рек так: естли оне обростут телом опять, ино им вина отдается. И кожи их велел проделати, и велел бумаги набити, и в судебныхнях велел железным гвоздием прибити, и написати велел на кожах их: «Без такового грозы правды в царство не мощно ввести». Правда ввести царю в царство свое, ино любимаго не пощадити, нашедши виноватаго: как конь под царем без узды, так царство без грозы. <...>

Памятники языка историко-повествовательной литературы

Язык произведений, рассказывающих о жизни и быте других народов, а также воскрешающих страницы истории русского народа,— русский, впитавший особенности жанра деловой письменности, но в известной мере обогащаемый средствами, придающими образность, оценочную экспрессию и своеобразие той или иной части исторического повествования.

Хождение за три моря Афанасия Никитина

В «Хождении за три моря» Афанасия Никитина, совершившего путешествие в Индию (1466—1472), в простой и ясной форме воспроизводятся эпизоды из

жизни и быта народа далекой страны. Его «путевые записи» (дневник, который он вел во время своих странствий) представляют собой фрагменты литературного повествования, насыщенного словами, оборотами, построениями, свойственными языку русского народа. Так, весьма колоритны такие слова, как *вар* — жар, зной, безводица, *ез* — рыболовная снасть, *подворье* — постоянный двор, *рухлядь* — вещи, пожитки, или же формы русской речи: *Василей* (вместо *Василий*), *разошлись*, *розграбили*, *яз*; повторяемость предлогов перед определением и определяемым словом, группировка членов предложения на базе присоединения. Непринужденные формы разговорной речи той поры — основа образной ткани «Хождения за три моря», они используются в контекстах информативного типа. Книжно-славянские элементы в ряде случаев усиливают экспрессивный фон повествования и обычно встречаются в тех местах, где автор ведет рассказ о чем-то необычном, поразившем взор русского человека.

Отрывки приводятся по троицкому списку. См. издание: Хождение за три моря Афанасия Никитина. М.; Л. 1948.

⟨...⟩ И тут есть Индейская страна, и люди ходять нагы все, а голова не покрыта, а груди голы, а волосы в одну косу плетены, а все ходят брюхаты, а дети родять на всякий год, а детей у них много, а мужи и жены все черны; *яз* хожу куды, ино за мною людей много, дивяся белому человеку. А князь их — фота на голове, а другая на бедрах; а бояре у них — фота на плеще, а другыя на бедрах, а княгыни ходять — фота на плечем обогнута, а другаа на бедрах; а слуг княжия и боярьскыя — фота на бедрах обогнута, да щит да мечь в руках, а иныя с сулицами а ины с ножи, а иныя с саблями, а иныи с лукуы и стрелами; а все нагы, да босы, да болкаты; а жонки ходят голова не покрыта; а груди голы; а паропки да девочки ходят нагы до 7 лет ⟨...⟩

И *яз* грешный привезл жеребца в Ындейскую землю, дошел есми до Чюнеря бог дал поздорову все, а стал ми сто рублев. Зима же у них стала с Троицына дни. А зимовали есмя в Чюнейре жили есмя два месяца. ежедень и ночь 4 месяца, а всюда вода да грязь. В те же дни у них орють да сеють пшеницу, да тутурган, да ногут, да все съястное. Вино же у них чинят в великих оресех кози гундустанскаа; а брагу чинят в татну, кони кормять нохотом да варять кичирис с сахаром да кормять кони, да с маслом, порану же дают шьшени. Во Индейской же земли кони ся у них не родят, вь их земле родятся волы да буволы, на тех же ездять и товар возять, все делаютъ.

Чюнер же град есть на острове на каменом не делан ничим богом сътворен; а ходять на гору день по единому человеку, дорога тесна, поити нелзя. Во Индейской земли гости ся ставять по подворьемь, а если варять на гости господарыни, и постелю стелють ⟨...⟩ Зиме же у них ходят люди фота на бедрах, а другаа на плещем, а третья на голове; а князи и бояря тогда въздевають на собя порткы, да сорочицу, да кавтан, да фота по плечем, да другою ся опояшетъ, а третьею главу обертитъ; а се оло. оло,абрь. оло ак, оло керим, оло рагым.

А в том в Чюнере хан у меня взял жеребца, а уведал, что *яз* не бесерменин, русин, и он молвит: «и жеребца дам да тысячу золотых дам, а стань в веру нашу в Махмет дени; а не станешь

в веру нашу и жерепца возму и тысячу золотых на главе твоей возму. А срок учинил на 4 дни, в говейно успении на спасов день. И господь бог смиловася на свой честный праздник, не оставил от меня милости своея грешнаго и не повеле погыбнути в Чюнере с нечестивыми; и канун Спасова дни приехал хозяйочи Махмет хоросанец, бил есми челом ему, чтобы ся о мне печаловал, и он ездил к хану в город, да мене отпросил, чтобы мя в веру не поставили, да и жерепца моего у него взял. Таково господарево чудо на Спасов день. <...>

В Бедере же торг на кони, да на товар, да камкы, на шелк и на всякой инои товар, да купити в нем люди черныя; а иныя в нем купли нет. Да все товар их гундустаньской, да съястной все овощь, а на Русьскую землю товара нет. <...>

Во Индейской земли княжать все хоросанци, и бояре все хоросанци; а гундустанцы все пешеходы, а ходят борзо, а все нагы да босы, да щит в руке, а в другой мечь, а иныя с великими с прямыми луку да стрелами. А бой их все слоны, да пеших пускають наперед, хоросанци на конех да в доспесех, и кони и сами; а к слоню вяжут к рылу да к зубом великия мечи по кендарю кованы, да оболочать их в доспех булатный, да на них учинены городьки, да и в городке по 12 человек в доспесех, да все с пушками да с стрелами.

Есть у них одно место <...> на год един базар, съезжается вся страна Индейская торговати, да торгуют 10 дней <...> Есть в том Алянде и птица гукук, летает ночи, а кличет изкук, а на которой хоромине сидит, то тут человек умереть; а кто ея хочет убити, ино у нея изо рта огонь выйдеть. А мамон ходят ночи да имеют куры, а живут в горе или в каменье. А обезьяны то те живут по лесу, да у них есть князь обезьянский, да ходить ратию своею, да кто занимает, и они ся жалуют князю своему, и они, пришед на град., двory разволяют и людей побьют. А рати их, сказывают, велми много, и языки их есть свои, а детей родят много; да которой родится не в отца, не в матерь, ини тех мечют по дорогам; ины гундустанцы тех имают да учать их всякому рукоделию, а иных продають ночи, чтобы взад не знали побежати <...>

Индеяне же не ядят некоторого мяса, ни яловичины, ни бранины, ни курятины, ни рыбы, ни свинины, а свиней же у них велми, много; а ядят же днем двжды, а ночи не едят, а вина не пьют, ни сыты; а с бесермены ни пьют, ни ядят. А ества же их плоха, а один с одним ни пьет, ни яст, ни с женою; а ядят брынець, да кичири с маслом, да травы розныя ядят, все рукою правою, а левою, не примется ни за что; а ножа не держать. а лъжици не знают; а на дорозе кто же себе варить кашу, а у всякого по горньцу. А от бесермян скрыются, чтобы не посмотрил ни в горнець, ни в яству; а посмотрил бесерменин на еству, и он не яст, а ядят иныя, покрываються платом, чтобы никто не видел его.

А намаз же их на восток по-руськы, обе руки подымають высоко, да кладуть на темя, да ложатся ниць на земли, да весь ся истягнет по земли, то их поклоны. А ясти же садятся, ини омывають руки да и ноги, да и рот пополаскывают. А бутханы же их без дверей, а ставлены на восток. а Буты стоят на восток. А кто у них умреть, ини тех жгут да пепел сыплють на воду. А у жены дитя родится, ино бабить мужь, а имя сыну даеть отець. а дочери мати <...>

На баграм на бесерменьской выехал султан на теферичь, ино с ним 20 възырев великих, да триста слонов наряженных в булатных доспесех да с горомкы, да и городкы окованы, да в городкех по 6 человек. в доспесех, да с пушками да с пищалми; а на великом слоне по 12 человек, на всяком слоне по два приборца великих, да к зубом повязаны великыя мечи по кентарю, да к рылом привязаны великыя железныя гиры, да человек седить в доспесе промежу ушей, да крюк у него в руках железной великы, да тем его править; да коней простых тысяча в снастех золотых, да верблюдов сто с нагарами, да трубников 300, да плясцев 300, да ковре 300. Да на султане ковтан весь сажень яхонты, да на шапке чичак олмаз великы, да сагадак золот со яхонты, да 3 сабли на нем золотом окованы, да седло золото, да перед ним скачет кафар пешь да играет теремцем, да за ним пеших много, да за нимь благой слон идеть, а весь в камке наряжан, да обиваеть люди, да чепь у него велика железна во рте, да обиваеть кони и люди чтобы кто бы на султана не наступил блиско. <...>

«О России в царствование Алексея Михайловича» Гр. Котошихина

Исторические повествования XVII в. создаются на русском языке, который восходит к традициям языка деловой письменности, но уже видоизменяется так, что это дает ему право функционировать в других жанрах письменности (светская повесть, демократическая сатира). Происходит своеобразная эволюция языка деловой письменности под воздействием общерусской разговорной речи, устно-поэтической речи и отчасти книжно-славянского языка. Книга Григория Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича» (1667) дает представление об изменениях, происходивших в языке деловой письменности: перерастании его в общелитературное средство письменного общения.

Язык повествования значительно богаче, ярче языка официально-деловой письменности, в нем встречаются слова и обороты, которые являлись неотъемлемой частью приказного делопроизводства.

Традиционные элементы языка деловой письменности (автор данного сочинения был писцом, потом подьячим Посольского приказа) сосуществуют с общерусскими явлениями разговорной речи; при этом используются выразительные средства, придающие изложению черты публицистичности — при выражении отношения к явлениям русской жизни, при освещении политических событий с позиций человека, покинувшего свою родину.

Речевой каркас сочинения Гр. Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича» народно-разговорный, общерусский.

Так, употребляются окончания *-ой, -ей* у имен прилагательных мужского рода единственного числа в именительном падеже и субстантивированных образований (*царской боярин, человек доброй, виноватой и правой*); глагольные формы со значением длительности — повторяемости действия (вместо былых форм плюсквамперфекта — *избавливали, допрашивали, посеребривали*); универсальные формы флексий имен существительных во множественном числе (*в злых делах*); однотипные конструкции присоединения слов как средство воссоздания панорамы изображаемых событий (*и были в том смятении люди торговые, и их дети, и рейтары, и хлебники, и мясники, и пирожники, и деревенские, и гулящие, и боярские дети*), логичность и ясность грамматических отношений, синтаксиса. При этом обороты речи приказного языка не воспринимаются как специальные и утрачивают колорит профессионально-речевой обособленности (*и собралось к тому месту всякого чину людей множество, и умыслили итти в город, к царю, и просити тех бояр...*).

Элементы книжно-славянской речи представлены эпизодически отдельными вкраплениями: *возмутил их разум диавол, многие отвечали*.

Публицистическая тональность исторического повествования усиливается употреблением средств оценочной экспрессии, образных выражений (*помирали с голоду, год от году подешевели*).

Сочинение Гр. Котошихина совмещает в себе элементы традиционного языка деловой письменности и то новое, что придает ему колорит исторического повествования, обладающего зарядом публицистичности.

В канву литературного повествования включаются слова и выражения обиходной русской речи, придающие ему образность и бытовую живописность (*мыльная, порубежный город, начальной человек, костяница, земляница, черемха, угваривал тихим обычаем*); используются синтаксические конструкции, благодаря которым повествование приобретает большую гибкость.

Ниже приводятся отрывки из книги Гр. Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича» по изданию Археографической комиссии АН Спб., 1906.

Глава 7

О приказах

Так же на Москве и в городех, на денежных дворах, учинены были верные головы и целовалники, для досмотру и приему и росходу меди и денег, из гостей и ис торговых людей, люди честные и пожиточные. Возмутил их разум диавол, что еще несовершенно богаты, покупали медь на Москве и в Свейском государстве, и привозили на денежные дворы с царскою медью вместе, и велели делать денги, и зделав, свозили з денежного двора с царскими денгами вместе, и царские денги в казну отдавали, а свои к себе отвозили. И на них о том доводили стрелцы, и денежные мастера, и те люди, кто видел, как к ним отвозили; и по тому их доводу, тех людей всех пытали, и они винулися ж и сказывали с пыток, что со многих людей, воров, тесть ево царской боярин, да думной дворянин, и дьяки, и подьячие, имали посулы болшие и от бед и от смертей избавливали, и потому надеясь, и они воровали, и в вине их волен государь. И тех дьяков и подьячих допрашивали до пыток, порознь; и они и не пытаны о посулах винулися, что имали з боярином и з думным человеком вместе. И на того боярина царь был долгое время гневен, а думного человека отставили прочь от Приказу, а казни им не учи-

нили никакой; а дьяком, и подьячим, и головам, и целовалником, и денежным вором, учинили казни, отсекали руки и ноги и пальцы от рук и от ног, и ссылали в ссылку в дальние города. И тех воров товарыщи, видя, что тому боярину и думному человеку, за их воровство, не учинено ничего, умыслили написать на того боярина и на иных трех воровские листы, чем бы их известь и учинить в Москве смуту для грабежу домов, как и преж сего бывало, будто те бояре ссылаются листами с Полским королем, хотя Московское государство погубить и поддать Полскому королю; и те воровские листы прибили, в ночи, на многих местех по воротам и по стенам. А царь в то время был в походе, со всем своим домом, и с ним бояре и думные и ближние люди, в селе Коломенском, от Москвы 7 верст. И наутрее всякого чину люди, идучи в город, те писма чли и взяли к себе; и пришед на площадь, к Лобному месту, у рядов, стали те писма честь вслух всем людям. И собралось к тому месту всякого чину людей множество, и умыслили итти в город, к царю, и просити, тех бояр чтоб им царь выдал их головою на убиение; и уведали, что царя на Москве нет, и они, скопясь все вместе, тысяч с пять, пошли к царю в поход; а с Москвы в то время бояре послали к царю с вестию, что на Москве учинилась смута и почали дома грабить. А в то время царь был в церкви у обедни, празновали день рождения дочери его царской; и увидел царь из церкви, идут к нему в село и на двор многие люди, без ружья, с криком и с шумом; и видя царь людей злой умысл, которых они бояр у него спрашивали, велел им сохранитися у царицы и у царевен, а сам почал дослушивать обедни; а царица, в то время, и царевичи и царевны, запершися сидели в хоромех в великом страху и в боязни. И как те люди пришли, и били челом царю о сыску изменников, и просили у него тех бояр на убиение: и царь их уговаривал тихим обычаем, чтоб они возвратилися и шли назад к Москве а он, царь, кой час отслушает обедни, будет к Москве, и в том деле учинит сыск и указ; и те люди говорили царю и держали его за платье за пуговицы: «чему де верить?» и царь обещался им богом и дал им на своем слове руку, и один человек ис тех людей с царем бил по рукам, и пошли к Москве все; а царь им за то не велел чинити ничего, хотя и было кем противитися. И послал царь к Москве ближнего своего боярина князя Ивана Ондреевича Хованского, и велел на Москве уговаривать, чтоб они смуты не чинили и домов ни чьих не грабили; а которые листы объявились писаны о измене, на бояр и думных людей, приедет он, царь, сам для сыску, того ж дни. И как Хованской, приехав, почал все людям говорить, и ис тех людей многие отвечали: «что де ты, Хованской, человек доброй, и службы его к царю против Полского короля есть много, и им до него дела нет, но чтоб им царь выдал головою изменников бояр, которых они просят»; и Хованской, говоря с ними, поехал к царю. И на Москве в то время грабили дом одного гостя, Василья Шорина, которой собирал со всего

Московского государства пятую денгу; и сын того гостя, лет 15, пострашась убийства, скиня с себя доброе платье, вздел крестьянское, и побежал с Москвы в телеге, и те воры, которые грабили двory, поймав его, повели в город и научили говорить, чтоб он сказывал, что отец его побежал в Польшу вчерашняго дня, з боярскими листами; и приведчи в город, собралося их, воров, болши 5000 человек, и пошли из Москвы с тем Шориновым сыном к царю в поход. А которые люди грабили отца его дом, послали бояре приказ стрелцов и велели их сечь и ловить и водить с поличным в город, и наловили тех грабелщиков болши 5000 человек; и от того учнялся грабеж. А как те люди с Шориновым сыном из Москвы вышли, и бояре Москву велели запереть по всем воротам кругом, чтоб никого не пустили в город и из города, и послали к царю все приказы стрелцов и салдатов надворной полк, с 3000 человек, со всею службою. И как те злые люди, которые от царя шли к Москве, встретились с теми людьми, которые шли к царю с Шориновым сыном, собрався вместе, пошли к царю. А пришед к царю на двор силно, и привели того Шоринова сына перед царя; а царь в то время садился на лошадь, хотел ехать к Москве, и спрашивал того малого, и он ему, боясь тех людей, по приказу их, сказывал, что отец его побежал в Польшу з боярскими листами, и царь велел его отдать за вахту; и они, по тем ево парневым словам, почали у царя просить для убийства бояр, и царь отговаривался, что он для сыску того дела едет к Москве сам; и они учили царю говорить сердито и невежливо, з грозами: «будет он добром им тех бояр не отдаст, и они у него учнут имать сами, по своему обычаю». Царь, видя их злой умысл, что пришли не по добро и говорят невежливо, за грозами, и проведав, что стрелцы к нему на помочь в село пришли, закричал и велел столником, и стряпчим, и дворяном, и жилцом, и стрелцом, и людем боярским, которые при нем были, тех людей бити и рубити до смерти и живых ловити. И как их почали бити и сечь и ловить, а им было противитися не уметь, потому что в руках у них не было ничего, ни у кого, почали бегать и топиться в Москву реку, и потопилося их в реке болши 100 человек, а пересечено и переловлено болши 7000 человек, а иные разбежались. <...>

Памятники языка художественной литературы

Произведения художественной литературы, созданные в пределах Московского государства, были неодинаковыми по характеру использования средств русского, народно-литературного и церковнокнижного языков.

Светские произведения создавались на русском типе литературного языка, хотя в них в той или иной мере использовались

элементы, заимствованные из языка славянизированной письменности, которая обрела активность в пору «второго южнославянского влияния».

Слово о Куликовской битве Софония-рязанца («Задонщина»)

В этом произведении воспевается Куликовская битва (8 сентября 1380 г.), развивается мысль о том, что единство Русской земли — основа ее могущества, гарантия независимости, что единение князей избавит Русскую землю от чужеземного ига. Произведение насыщено словами, оборотами разговорной и устно-поэтической речи (*ворони грают*), используются красочные метафоры (*звенить слава, поостриша сердца*), слова-символы, постоянные эпитеты (*серые волцы, лебеди крылы възплескаша*).

Фрагменты даются по изданию: *Симони П.* Памятники старинного русского языка и словесности XV—XVIII вв. Пг., 1922. Вып. 3.

Задонщина великг князя гсна димитрия ивановича. и брата его князя володимера ондреевича. поидем брате в полуночную страну. жребии афетову сна ноева. от него же родися русь преславная. оттоле взыдемь на горы киевскыя. первее всех вшед восхвалимь ващаго бояна в городе в киеве, гораздогудца. тои бо вещии боян воскладая свои златыя персты на живыя струны. пояше славу русским князем первому князю рюрику. игорю рюриковичу. и столаславу ярославичю. ярославу володимеровичю. восхваляя их песни и гуслеными буиными словесы. на русскаго гсна князя дмитрия ивановича. и брата его князя володимера ондреевича. занеже их было мужество и желание за землю русьскую. и за веру Христианскую от тоя рати и до мамаева побоища. се аз. князь великий дмитрии иванович и брат его князь володимер ондреевич поостриша сердца свои мужеству. ставше своею крепостью помянувшие прадеда князя володимера киевскаго цря русскаго. жаворонок птица красныя дни утеха. взыди подсиние облакы, поиславу великому князю дмитрею ивановичу. и брату его володимеру ондреевичу. они бо, взнялися как соколи со земли русскыя. на поля половецкия, кони ржутъ на москве, бубны поють на коломне, трубы трубят в серпухове, звенить слава по всеи земли русьской. чюдно стязи стоять у дону великого, пашутся хоригове берчати, светяться калантыри зачены. звонят колоколи вечнии в великом в новегороде. стоять мужи наугородци у стыя софии. аркучи такову жалобу. уже нам брате к великому князю дмитрею ивановичю на пособь не поспети. тогда аки орли слетошася со всея полунощныя страны. то ти, не орли слетошася съехалися все князи русскыя к великому князю дмитрию ивановичу, на пособь. аркучи так. гсне князь великий уже погании татарове на поля на наши наступають. а вотчину нашу у нас отнимають, стоят межю дономь и днепромь. на рице на чече. и мы гсне поидемь за быструю реку дон. укупимь землям диво. старымь повесть. а младымь память. тако рече князь великий дмитрие иванович, своей братии

рускимь кнземь, братьеца моя милая русские кнзи. гнездо есмь
были едино кнзя великаго ивана данильевичя. досюды есмь были
brate никуды не изобижены. ни соколу ни ястребу. ни белу кре-
чату, ни тому псу поганому мамаю. славии птица чтобы еси
вышекотала сия два брата два сна вольярдовы. андрея полове-
цаго. дмитриа брянскаго. тибо бяше сторожевыя полкы, на
щите, рожены. подтрубами поють. подшеломы възлелеаны, ко-
нець копия вскормлены. с востраго меча поены в литовской зем-
ли. <...>

Сатира XVII века

В XVII столетии создается ряд сатирических произведений, в которых осуждается лихоимство богатых, неправый суд, лицемерие служителей культа. Язык таких произведений яркий, образный, используются экспрессивно-образительные средства народно-разговорной, устно-поэтической, письменно-деловой и отчасти книжно-славянской речи. Традиционно-книжные средства литературного выражения причудливо смешиваются с элементами живой, обиходно-бытовой речи представителей различных слоев общества, и на базе разнородных речевых средств создаются колоритные портреты монахов, кабацких ярыжек, певчих, судейских плутов, богачей-лихоимцев. Широко используются меткие слова и обороты разговорной речи (*брюхо, рыло, поестъ мне нечево*), слова с суффиксами субъективной оценки (*хорошенько, щепетенько*), синонимы (*ябедник, вор, разбойник, обманщик*), сравнения из языка устно-поэтического творчества (*очи — что пивные чаши*), рифмованное словоупотребление (*приламал и шелепы прирвал*). Средства церковнокнижного языка создают эффект неодобрительной экспрессии, употребляются пародийно или используются для описания обрядов богослужения (*благовест, вечерня, канон, тропарь*).

Ниже даются отрывки из сатирических произведений: «Повесть о Ерше Ершовиче», «Калязинская челобитная».

Тексты даются по изданию: Русская демократическая сатира XVII века. М.; Л., 1954.

Повесть о Ерше Ершовиче

**(В мори перед болшими рыбами сказание
о Ерше о Ершове сыне, о щетине о ябеднике,
о воре о разбойнике, о лихом человеке,
как с ним тягалися рыбы Лещ да Головлъ,
крестьяня Ростовского уезду)**

Лета 7105 (1596) декабря в день было в болшом озере Ростовском съездялися судии всех городов, имена судиям: Белуга Ярославская, Семга Переславская, боярин и воевода Осетр Хвалынского моря, окольничей был Сом, больших Волских предел, судные мужики Судок да Щука-трепетуха.

Челом били Ростовского озера жильцы, Лещ да Головлъ, на Ерша на щетину по челобитной. А в челобитной их написано было: «Бьют челом и плачутца сироты божии и ваши крестьянишка, Ростовскаго озера жильцы, Лещ да Головлъ. Жалоба, господа, нам на Ерша на Ершова сына, на щетинника на ябедника,

на вора на разбойника, на ябедника на обманщика, на лихую, на раковые глаза, на острые щетины, на худо недобро человека. Как, господа, зачалось озеро Ростовское, дано в вотчину на век нам после отцев своих, а тот Ерш щетина, ябедник, лихой человек, пришел из вотчины своей, из Волги из Ветлужского поместья из Кузьмодемьянского стану, Которостью-рекою к нам в Ростовское озеро з женою своею и з детишками своими, приволокся в зимнюю пору на ивовых санишках и загрязнился и зачернился, что он кормился по волостям по дальним и был он в Черной реке, что пала она в Оку-реку, против Дудина монастыря. И как пришел в Ростовское озеро и впросился у нас начевать на одну ночь, а назвался он крестянином. И как он одну ночь переначевал, и он вопрошался у нас в озеро на малое время пожить и покормитися. И мы ему поверили и пустили ево на время пожить и покормитися и з женишком и з детишками. А пожив, итти было ему в Волгу, а жировать было ему в Оке-реке. И тот воришко Ершь обжился в наших вотчинах в Ростовском озере, да подале нас жил и з детьми расплодился, да и дочь свою выдал за Вандышева сына и расплодился с племянем своим, а нас, крестян ваших, перебили и переграбили, и из вотчины вон выбили, и озером завладели насильством з женишком своим и з детишками, а нас хочет поморить голодною смертию. Смилуйтесь, господа, дайте нам на него суд и управу».

И судии послали пристава Окуня по Ерша по щетину, велели поставить. И ответчика Ерша поставили перед судиями на суде. И суд пошел, и на суде спрашивали Ерша:

«Ершь щетина, отвечай, бил ли ты тех людей и озером и вотчиною их завладел?».

И ответчик Ершь перед судиями говорил: «Господа мои судии, им яз отвечаю, а на них яз буду искать безчестия своего, и назвали меня худым человеком, а яз их не бивал и не граблывал и не знаю, ни ведаю. А то Ростовское озеро прямое мое, а не их, из старины дедушку моему Ершу Ростовскому жильцу. А родом есьми аз истаринший человек, детишка боярские, мелких бояр по прозванию Вандышевы, Переславцы. А те люди, Лещ да Головль, были у отца моего в холопях. Да после, господа, яз батюшка своего, не хотя греха себе по батюшкове душе, отпустил их на волю и з женишками и з детишками, а на воле им жить за мною во хрестиянстве, а иное их племя и ноне есть у меня в холопях во дворе. А как, господа, то озеро позасохло в прежние лета и стало в томь озере хлебная скудость и голод велик, и тот Лещ да Головль сами сволоклися на Волгу-реку и по затонам разлилися. А ныне меня, бедново, отнюдь продают напрасно. А коли оне жили в Ростовском озере, и оне мне никогда и свету не дали, ходят по верх воды. А я, господа, божиею милостию и отцовымь благословениемь и материною молитвою не чмуть, ни вор, ни тать и ни разбойник, а полишнаго у меня никакова не вынимывали, живу я своею силою и правдою отеческою, а следом

ко мне не прихаживали и напраслины никакой не плачивал. Человек я доброй, знают меня на Москве князи и бояря и дети боярские, и головы стрелецкие, и дьяки и подьячие, и гости торговые и земские люди, и весь мир во многих людях и городех, и едят меня в ухе с перцем и шавфраномъ, и с уксусомъ, и во всяких узорочиях, а поставляют меня перед собою чесно на блюдах, и многие люди с похмеля мною оправливаютца».

И судии спрашивали Леща с товарищи: «Что Ерша еще уличайте ли чем?». И Лещъ говорил: «Уличаем божиею правдою да кресным целованием и вами, праведными судиями». «Да сверх кресново целования есть ли у нево, Ерша, на то Ростовское озеро какое письмо или какие данные или крепости какие не быть?». И Лещъ сказал: «Пути-де у нас и данные утерялися, а сверх тово и всем ведамо, что то озеро Ростовское наше, а не Ершево. И как он, Ершь, тем озером завладел сильно, и всем то ведамо, что тот Ершь лихой человек и ябедник и вотчиною нашею владеет своим насильством».

И Лещъ с товарищем сласия: «Сшлемся, господа, из виноватых, на доброво человека, а живет он в Новгородском уезде в реке Волге, а зовут его рыба Лодуга, да на другово доброво человека, а живет он под Новымгородом в реке, зовут его Сигом. Шлемся, господа наши, что то Ростовское озеро изстранины наше, а не Ершово». <...>

Калязинская челобитная

**Список с челобитные, какова подана въ 185 (1677) году
Калязина монастыря от крылошан на архимандрита Гавриила
въ его неисправном житии слово в слово
преосвященному Симеону архиепископу Тверскому и
Кашинскому**

Великому господину преосвященному архиепископу Симеону Тверскому и Кашинскому бьют челом богомольцы твои, Колязина монастыря крылошаня, черной дьякон Дамаско с товарищами.

Жалоба, государь, нам, богомольцам твоим, того же Колязина монастыря, на архимарита Гавриила. Живет он, архимарит, не гораздо, забыл страх божий и иноческое обещание и досажает нам богомольцам твоим. Научил он, архимарит, понамарей плутов в колокола не во время звонить и в доски колотить, и оне, плуты понамари; ис колокол меди много вызвонили и железные языки перебили, и три доски исколотили, шесть колокол разбили, в день и ночью нам, богомольцом твоим, покою нет.

Да он же, архимарит, приказал старцу Уару в полночь з дубиною по кельям ходить, в двери колотить, нашу братию будить, велит часто к церкви ходить. А мы, богомольцы твои, в то время круг ведра с пивом без порток в кельях сидим, около ведра ходя,

правилс говорим, не успеть нам, богомольцам твоим, келейного правила исправить, из ведра пива испорознить, не то, что к церкви часто ходить и в книги говорить. А КАК ОН, архимарит, старца к нам присылает, и мы, богомольцы твои, то все покидаем, ис келей вон выбегаем.

Да он же, архимарит, монастырскую казну не бережет, ладану да свечь много прижог. А монастырские слуги, теща обычай архимаричей, на уголье сожгли четыре овина. И он, архимарит, во уголье ладан насыпает и по церкви иконы кадит, и тем он иконы запыхил (и кадило закоптил), и нам, богомольцам твоим от то(го) очи выело, горло засадило.

Да он же, архимарит, приказал в воротах с шелепом стоять кривому старцу Фалалею, нас, богомольцев твоих, за ворота не пустить, и в слободу не велит сходить, и скотья двора присмотреть, чтоб телят в хлев загнать и кур в подполье посадить, благословение коровнице подать.

Да он же, архимарит, приехав в Колязин, почал монастырской чин разорять, пьяных старых всех разганял, и чуть он, архимарит, монастырь не запустошил: некому впредь заводу заводить, чтоб пива наварить и медом насытить, и на достальные деньги вина прикупить и помянуть умерших старых пьяных. И про то, государь, разорение известно стало на Москве начальным людям, и скоро по всем монастырем и кружалом смотр учинили, и после смотру лучших бражников сыскали — старого подьячего Сулима да с Покровки без грамоты попа Колотилу, и в Колязин монастырь для образца их наскоро послали, и начальныя люди им приказали, чтобы они делом не плошали, а лучшие бы кавтаны с плечь сложили, а монастырского бы чину не теряли, а ремесла своего не скрывали, иных бы пить научали и нашу бы братью, крылошан, с любовью в монастырь к себе принимали, и единую б мысль смышляли: как бы казне прибыль учинить, а себе в мощну не копить и рубашки б с себя пропить, потому что легче будет ходить. А если бы нам, богомольцам твоим, власти не мешали и волю бы нам подали, и мы [б] колокола отвязали да в Кашин на вино променяли: лутче бы спать не мешали.

Да он же, архимарит, проторно живет, в праздник и в будень нашу братью кует. Да он же об нас батоги приламал и шелепы прирвал, и тем казне поруху учинил, а себе он корысти не учинил.

Да в прошлом, государь, где весна была красна, пенка росла толста. И мы, богомольцы твои, радев дому святому, меж собою присоветовали, что ис тое пенки свить веревки долги да толсты, чем ис погребов ночью бочки с пивом волочить да по крылоским кельям возить, а у келей бы двери завалить, чтоб будильника не пустить, не мешали б нам пива пить, а к церкви б нам не ходить. А как мы пиво допьем, так и к церкви скоро пойдем. И он, архимарит, догадался, нашего челобитья убоялся, приказал пенку

в веревки свивать да вчетверо загибать, да на короткие палки навязать, а велел их шелепами называть, а слугам приказал высоко подымать, а на нас, [богомольцев твоих, тяжело опущать, а сам, стоя, конархает и нам,] богомольцам твоим, лежа, и кричать не поспеть, потому что за плечми телу нужно, а под шелепами лежать душно. И мы, богомольцы твои, от тое его, архимаритовы, налоги поневоле в церковь ходим и по книгам чтем и поем. И за то он нам ясти не дает, а заутреню и обедню не едчи поем, и от тое мы изморы скоро помрем.

Да он же, архимарит, великой пост вновь завел земныя поклоны, а в наших крылоских уставах того не написано. Написано сиче: по утру рано, за три часа до дни, в чесноковик звонить, за старыми остатки «часы» говорит, а «блаженна» ведре над вчерашним пивом на шесть ковшов «слава и ныне», до свету на печь спать.

Да он же, архимарит, нам, богомольцам твоим, изгону чинит: когда ясти прикажет, а на стол поставят репу пареную да ретку вяленую, кисель з братом да посконная каша на вязовой лошке, шти мартовские, а в братины квас налевают да на стол поставляют. А нам, богомольцам твоим, и так не сладко: ретка да хрен, да чашник старец Ефрем. По нашему слову ходил, лучши бы было для постных же дней вязига да икра, белая рыбица телное да две паровые, тиошка б во штях да ушка стерляжья, трои бы пироги да двои блины, одне бы с маслом, а другие с медом, пшонная бы каша да кисель с патокою, да пиво б подделное мартовское, да переварной бы мед. И у него, архимарита, на то и смыслу нет: у нас, знающих людей, не спросится, сам во нраве своем один живет, а з горя один хлеб жует, весь мед перекис, а сам воду пьет. И мы, богомольцы твои, тому дивимся, что у нашего архимарита вдруг ума не стало: мышцы с хлеба опухли, а мы с голоду мрем. И мы, богомольцы твои, архимариту говорили и добра доводили, и к пиву приводили, и часто ему говорили: будет, архимарит, хочешь у нас в Колязине подоле побыть и с нами, крылошаны, в совете пожить, и себе большую честь получить, и ты б почаще пива варил да святу братию почаще поил, пореже бы в церковь ходил, а нас бы не томил. И он, архимарит, родом ростовец, а нравом поморец, умом колмогорец, на хлеб на соль каргополец, нас, богомольцев твоих, ни в чем не слушает, а сам не смыслит, мало с нами пьет да долго нас бьет, а с похмелья нас оправливает метиолными комлями да ременными плетями, и та нам у него была честь ведра во всю спину равна, и кожа с плечь сползла.

А коли мы, богомольцы твои, за правилом к вечеру утрудимся, до полуночи у пивного ведра засидимся и на утро встать не можем, где клобук с мантиею, не вспомним, и тогда мы немножко умедлим и к девятой песни поспеем, а иные к расходному началу. И он, архимарит, монашескому житию не навывчен, крыловское правило и всенощное пиво ни во что вменяет, за то нас, не смыс-

ля, крепко смиряет. А Колязина обитель немалая: после мору осталось старых лет запасов по подлавечью в хлебне — стулья да чепи, в мукосейне — по спицам шелепы да плети да сита частыя, в караулне, под лавки, — снопы батогов, в кузнице по грядкам — кандалы да замки. У нас, богомольцев твоих, от слез очи мятутся, а за плечами кожи вертятся, и ночью не спится. И мы, богомольцы твои, тому дивимся, что он, архимарит, по се время в Колязине живет, а по нашему пить не учится, а нашу братью бить горазд. Не лучше ли ему плыть от нас: на его место у нас много будет охочих великого смыслу. И на пусте жить не станем, и в анбаре простору прибавим: рожь да ячмень в солоды обростим да пива наварим, брашки насидим, а чево не станет, и мы вина накупим, учнем крестьяны нарезать колокола отвязать, и велим в Кашин провозжать да на вино променять, а так они ж нам много зла учинили, от пива отлучили и нищими всех нарядили. А как мы архимандрита избудем и доброго добудем, который горазд лежа вино да пиво пить, а к церкви бы пореже ходил и нас бы, богомольцев твоих, почаще на погреб посылал, учнем радеть, а ему, архимариту, добра хотеть, а монастырю прибыль чинить, вино в чарки наливать да старое пиво допивать, а молодое затирать, и иное станем на дрожжи наливать, да тогда и к церкви пойдем, когда вино да пиво допьем. В колокола не будем звонить, а на погреб и без звону в полночь готовы ходить; ладану да свечь не будем жечь, пиво да вино и с лучиною пьем; уголью и смети не будут, ризы да книги вынесем в сушило, церковь замкнем, а печать в лупки обогнем, пономарей вышлем в слободу жить, а прикажем им почаще ходить да вино нам подносить, да велим им звонить с недели на неделю в год по одножды.

Милостивый великий господин преосвященный Семион, архиепископ Тверской и Кашинский, пожалуй нас, богомольцев своих; вели, государь, архимарита счесть в колоколах да в чепях весом, что он ис колокол много меди иззвонил и с чепей много железа перебил, кладучи на нас, богомольцев твоих, а в уголье мерою, колоты да доски числом, и в той утерной казне отчот дать и свой милостивой указ учинить, чтоб наши виновати не были, потому что ему, архимариту, безчестье немалое, а платить нам нечем: крыдоские люди живут небогато, а нажитку у себя имеют только лошка да плошка. А будет ему, архимариту, впредь мы надобны не будем, и мы, богомольцы твои, ударим об угол плошку да покладем в мешок лошки, да возьмем в руки посошки, пойдем из монастыря по дорожке в ыной монастырь, где вино да пиво найдем, тут и жить начнем, пиво да вино допьем, и вь иной монастырь пойдем и поживем по рассмотрению с похмелья да с тоски да с третьей брани и великия кручины; в Колязин монастырь зайдем погулять в житницах и в погребах и во всех монастырских службах в правду совершенно до смерти, буде есть у чего быть, по-прежнему в Колязине монастыре жить неотходно начнем.

Смилуйся, пожалуй!

Повести XVII века

Повесть об Азовском осадном сидении донских казаков

«Повесть об Азовском осадном сидении донских казаков» — замечательное поэтическое произведение конца XVII в. В языке этой повести заметно влияние изобразительных средств устно-поэтического творчества; слова и выражения народной речи органически вливаются в ткань повествования, придавая ему колорит сказовости: *леса темные, степь чистая; земля под ногами татарских конных полчищ под Азовом потряслася и погнулася; и уста наша кровию запеклись не пиваючи и не едаючи; и нам те языки в роспросе и с пыток говорили.*

Отрывки даются по изданию: Воинские повести Древней Руси. М.; Л., 1949.

Лета 7150-го году октября в 28 день приехали к Москве к государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии самодержьцу з Дону из Азова города донския казаки, атаман Наум Васильев да ясаул Федор Иванов, а с ними казаков приехало 24 человека, которыя сидели в Азове городе от турок в осаде, и своему осадному сиденью привезли роспись, и тое роспись подали на Москве в Посолском приказе печатнику и думному дьяку Федору Федоровичю Лихачеву, а в росписи их пишет.

В прошлом де во 149-м году июня в 24 день прислал турецкой царь Ибрагим салтан под нас, казаков, своих 4 паши, да 2 своих полковников; им же имена: Капитана, да Мастафу, Иусейна, да Ибреима, да ближние своей тайные думы верного своего слугу Ибреима скопца над ними уже над пашами смотреть вместо себя, царя турецкаго, бою их и промыслу, как станут паши и полковники над Азовым городом промышляти и над нашими казачими головами. А с ними, пашами, прислал турецкой царь под нас многую свою собраную силу и бусурманскую рат[ь], совокупя на нас всех подручников своих: нечестивых царей и королей, и князей, и владетелей — 12 земель! Воинских людей переписанной своей рати из-за моря, по спискам его, боевово люду браново 200 000, кроме поморских и кафинских черных мужиков, которые у них на сей стороне моря собраны и которые со всех орд их, и крымские и нагайские, с лопаты и з заступы на загребение наше, чтоб нас, казаков, многолюдством своим в Азове городе живых загрести и засыпати бы им горою великою, как они загребают своими силами людей в городех перситцкаго шаха, а себе бы им тем, царю своему турецкому, нашею смертью слава залесть вечная во всю вселенную, а нам бы, христианом, учинить укоризну вечную. Тех-то людей собрано на нас, черных мужиков, многие тысячи без числа, и писма им нет, — тако их множество. Да с ними ж, пашами, пришел ис Крыму крымской царь, да брат ево нарадым и Крым Гирей царевичь и калга, со всею своею крымскою и нагайскою ордою, да крымских и нагайских князей и мурзь и татар, ведомых писменных людей 8000, оприч тех неведомых людей. Да с тем же царем пришло горских князей и черкас

из Кабарды 10 000. А с пашами было наемных людей немецких 2 полковника, а с ними 6000 салдатов. <...>

В тот 2 день боя у нас с ними не было. Отбирали они свой побитой труп целой день до вечера; выкопали они яму побитому своему трупу, глубокой ров, от города за 3 версты, а засыпали его горою высокою и поставили над ними признаки многия бусурманския и подписали на них языки многими разными.

И после того в 3 день опять к нам они, турки, под город пришли со всеми своими силами. Толко уже стали они вдали от нас, а приступу к нам не было. Зачали люди их пеши в тот день весть гору высокою, земляной великой вал, выше многим Азова города. И тою горою высокою хотели нас живых накрыть и засыпать в Азове городе великими турецкими силами. И привели ту гору к нам в три дни. И мы, видя ту гору высокою, горе свое вечное, што от нее наша смерть будет, попрося у бога милости и пречистыя богородицы помощи и у предтечева образа заступления, и призывая на помощь чюдотворцы московские, учиня мы меж собою последнее надгробное прощание друг з другом и со всеми православными крестьяне, малою своею дружиною 5000 пошли к ним из города на прямой бой против 300 000. <...>

И всего нашего сиденья в Азове от турок в осаде было июня с 24 числа 149 году до сентября по 26 день 150 году. И всего в осаде сидели мы 93 дни и 93 ночи. А сентября в 26 день в нощи от Азова города турецкие паши и с турки и крымской царь со всеми своими силами за четыре часа до свету, возметясь окоянны и вострепетась, побежали никем нам гоними с вечным позором.

Пошли паши турецкие к себе за море, а крымской царь пошел в орду к себе, черкасы пошли в Кабарду, свое-то нагаи пошли в улусы.

И мы как послушали отход их с табор,— ходило нас, казаков, в те поры на таборы их 1000 человек. И взяли мы у них на их таборех в тое пору языков турок и татар живых 10 человек. А болных и раненых застали мы 2000. И нам те языки в роспросе и с пыток говорили все единодушно, от чево в нощи побежали от града паши их и крымской царь со всеми своими силами: «В нощи де в той с вечера было нам страшное видение. На небеси над нашими полки бусурманскими шла великая и страшная туча от Руси, от вашего царства Московского. И стала она против самого табору нашего, а перед нею, тучею, идут по воздуху два страшные юноши, а в руках своих держат мечи обнаженные, а грозятся на наши полки бусурманские. В те поры мы их всех узнали. Тою нощию [и] страшные воеводы азовские во одежде ратной выходили на бой в приступи наши и [з] Азова града,— пластали нас и в зрубях наших надвое. От того-то страшного видения [побежали мы] без пашей наших и царя крымского с таборов».

А нам, казаком, в ту ночь в вечере видение всем виделось: по валу бусурманскому, где их наряд стоял, ходили тут два мужа леты древними, на одном власяница мохнатая. А сказывают [сни] нам: «Побежали, казаки, паши турецкие и крымской царь ис табор и пришла на них победа от Христа, сына божия, с небес от силы божии».

Да нам же сказывали языки те про изрон людей своих, что их побито от рук наших под Азовым городом. Писменнова люду убито одних у них мурзь и татар и янычан 96 000, кроме мужика черного. А нас всех, казаков, в осаде было в Азове граде толко пять тысяч 307 человек, а которые остались мы, холопи государевы, [от] осады той, и те все переранены. Нет у нас человека целова ни единого, кой бы не пролил крови своея, в Азове сидячи, за имя божие и за веру христианскую.

А топер мы Войском всем Донским государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа России просим милости, сиделцы азовские и которые по Дону и в горотках живут, холопей своих [чтоб пожаловал], чтоб велел у нас принять с рук наших свою государеву вотчину Азов град для светов предтечина и николина образа, [потому] что им, светом, [у] годно тут всем Азовым градом заступити. И он, государь, от войны от татар [безопасен будет] и во веки, как сядут [его ратные люди] в Азове граде.

А мы, холопи его, которые остались у осады азовские,— все уж мы старцы увечные: с промыслы и боя уж не будет нас. И се обещание всех нас у предтечева образа в монастыре ево постричься принять образ мнишеский. За нас же государь станет бога молить до веку. А за ево государьскою тою к богу верою и ево государьскою высокою рукою обороною оборонил нас бог от таких великих турецких сил, а не нашим молодецким мужеством и промыслом.

А буде государь нас, холопей своих далных, [не] пожалует, не велит у нас принять с рук наших Азова града,— заплакав, нам его покинути. Подыдем мы, грешные, икону предтечеву, да пойдем с ним, светом, где нам он велит. А атамана поставим у ево образа,— тот у нас будет игуменом, а ясаула пострижем,— то [т] нам будет строителем. А мы, бедные, хотя дряхлые все, а не отступим ево, предтечева образа,— помрем все тут до единого! Будет во веки слав [н] а лавра предтечева.

Повесть о Горе и Злочастии

«Повесть о Горе и Злочастии» — памятник русской культуры и литературного языка середины XVII в.; в ней использованы речевые средства устно-поэтической традиции: употребление народнопоэтических слов, постоянных эпитетов, своеобразная расстановка слов в составе предложения, характер ритмики и рифмовки. Фрагменты текста даются по изданию: *Симони П.* Памятники старинного русского языка и словесности XV—XVIII столетий. Спб., 1907. Вып. 1, 7.

Повесть о горе и злочасти, как горе-злочастие довело молотца во иноческий чин

〈...〉 Тако рождение человеческое от отца и от матери,
Будет молодец уже в разуме, в беззлобии,
и возлюбили его отец и мать,
учить его учили, наказывать,
на добрыя дела наставлять:
«Милое ты наше чадо,
послушай учения родительскаго,
ты послушай пословицы
добрыя, и хитрыя, и мудрыя, —
не будет тебе нужды великия,
ты не будешь в бедности великой.
Не ходи, чадо, в пиры и в братчины,
не садися ты на место большее,
не пей, чадо, двух чар за едину!
еще, чадо, не давай очам воли,
не прелщайся, чадо, на добрых красных жен,
отеческия дочери.
Не ложися, чадо, в место заточное,
не бойся мудра, бойся глупа,
чтобы глупыя на тя не подумали,
да не сняли бы с тебя драгих порт,
не доспели бы тебе позорства и стыда великаго,
и племяни укору и поносу безделнаго!
не ходи, чадо, х костарем и корчемникам,
не знайся, чадо, с головами кабацкими,
не дружися, чадо, с глупыми, не мудрыми,
не думай украсти-ограбити,
и обмануть-солгать и неправду учинить.
Не прелщайся, чадо, на злато и серебро,
не збирай богатства неправаго,
не буди послух лжесвидетелству,
а зла не думай на отца и мать
и на всякого человека,
да и тебе покрывает бог от всякого зла.
Не бесчествуй, чадо, богата и убога,
и имей всех равно по единому.
А знайся, чадо, с мудрыми,
и [с] разумными водися,
и з други надежными дружися,
которыя бы тебя злу не доставили».
Молодец был в то время се мал и глуп,
не в полном разуме и несовершен разумом:
своему отцу стыдно покоритися
и матери поклонитися,
а хотел жити, как ему любо.

Наживал молодец пятьдесят рублей,
залез он себе пятьдесят друзей.
Честь его яко река текла;
друзовя к молотцу прибивались,
[в] род-племя причитались.
Еще у молотца был мил надежен друг —
назвался молодцу названой брат,
прелстил его речами прелесными,
завал его на кабацкой двор,
завел ево в ызбу кабацкую,
поднес ему чару зелена вина
и крушку поднес пива пьянова;
сам говорит таково слово:
«Испей ты, братец мой названой,
и радость себе, и в веселие, и во здравие!
Испей чару зелена вина,
запей ты чашею меду сладково!
Хошь и упьешься, братец, допьяна,
ино где пил, тут и спать ложися.
Надейся на меня, брата названова,—
я сяду стеречь и досматривать!
В головах у тебя, мила друга,
я поставлю крушку ишему сладково,
вскрай поставлю зелено вино,
близ тебя поставлю пиво пьяное,
зберегу я, мил друг, тебя накрепко,
сведу я тебя ко отцу твоему и матери!»
В те поры молодец понадеяся
на своего брата названого,—
не хотелось ему друга послушатца;
принимался он за питья за пьяныя
и испивал чару зелена вина,
запивал он чашею меду слатково,
и пил, он, молодец, пиво пьяное,
упился он без памяти
и где пил, тут и спать ложился:
понадеялся он на брата названого.
Как будет день уже до вечера,
а солнце на западе,
от сна молодец пробуждаетца,
в те поры молодец озирается,
а что сняты с него драгие порты,
чары и чулочки — все поснимано:
рубашка и портки — все слуплено,
и вся собина у его ограблена,
а кирпичек положен под буйну его голову,
он накинут гункою кабацкою,
в ногах у него лежат лопотки-отопочки,
в головах мила друга и близко нет. <...>

Повесть града Иерусалима

«Повесть града Иерусалима» — памятник литературного языка, возникший в период складывания общерусских речевых особенностей. Он представляет собой эпическое произведение, свидетельствующее о переходе от народной песни к народному прозаическому рассказу (стихотворная форма выступает лишь в виде вкраплений: рифмовка, ритмика и пр.).

Дается по изданию: Журнал летописи русской литературы и древности. М., 1860. Кн. 3.

В великую было субботу, съезжались к церкви к литургии 42 царя. Большой у них был царь Волот Волотовичь, 2 у них царь Моисей Моисевичь, трети у них был царь Елисей Елисеевичь, четверты у них был царь Давыд пророк Иессевичь. И оне те все цари к литургии приехали и отслуша литургию, рече им царь большой Волот Волотковичь: ой вы цари и князи благоверныя! скажите вы мне, не утайте: нечесь вам кому что и каков сон виделся? Не можете вы утаить от меня, мне поведайте. И цари молчат. И рече царь Волот: а мне начесь много виделось: и вы про тот сон скажите и добром ево судите. С тое страны восточныя восходит лучя солнца красного, осветила всю землю светорускую, а в другую сторону полуденную выросло древо кипарис, серебряное корение, и ветви у древа все золото бумажное; поверх того древа сидит птица кречет белой, на ногах у него колоколчик. Кто мне про сей сон может сказать и его отгадать? И тут цари умолчали все. Един от них выступал царь Давыд пророк Иесьевичь, и зговорит таково слово: Государь ты наш первый царь, Волот Волотовичь! Далече нам грешным до Рима и до Иякова, брата Господня! Тот бы сон свой отгадал, и аз тебе про него съкажу, и тот твой сон збудетца. Во втором надесять году у меня царя Давыда родитца сын Соломон, а у тебя родится дщерь Соломонида Волотовна, а еще ныне во утробе нет. А что с тое страны восточныя восходит лучь сонца красного, осветил всю землю светорускую, то будет на Руси град Иерусалим начяльныи; и в том граде будет соборная и апостолская церковь Софии Премудрости Божия, о семидесят верхах, си речь, Святая Святых. А что у древа ветвие золотое, то будет паникадилы поставлены, а ветвие бумажное, то свещы на поникадилах поставлены будут пречюдным образом. А что с тое страны полуденныя выросло древо кипарис, корение сребренное, то у меня будет сын царь Соломон премудры, и он сожиждет Святая Святых, то есть кречет белы; а что у кречета колоколчик золотой — у твоей царицы родитца дочь Соломонида, а моему сыну Соломону у тебя на твоей дочери женитца и твоим царством ему владеть будет. И отвеща ему царь Волот Волотович: исполать тебе, царь Давыд, что ты горазд сны загатки отгадывать и досуш доброе слово молвити. И рече ему царь Давыд: а ты мне большой царь Волот Волотовичь про то скажи: отчево у нас свет светитца, и отчево сонце сияет, и отчево заря занимаетца? на чем у нас небо ходит, на чем земля стоит? Отвеща болши царь Волот Волотовичь царю

Давыду: я тебе про то скажу: свет у нас светитца от господних очей <...>

Житие протопopa Аввакума, им самим написанное

Особое место в сфере литературно-художественного творчества XVII в. занимает «Житие» протопopa Аввакума (1621—1682) — талантливого писателя, мастера публицистического слова, поборника русского старообрядчества, непримиримого борца с церковными реформами патриарха Никона.

Это произведение автобиографично, своеобразно в жанровом отношении. Для создания ярких картин жизни и быта эпохи Аввакум использует обиходно-разговорную речь — просторечие (или «вяканье» — манера изложения, которая противопоставляется традиционной манере литературного повествования, так называемому риторическому стилю русской письменности).

Народно-разговорная речь в тексте «Жития» органично переплетается с элементами книжно-славянской речи, и это придает повествованию оттенки неодобрительной и обличительной экспрессии, эмоциональную напряженность и образность.

Изображение реальной действительности (скитания Аввакума, отношение к нему и его сторонникам представителей власти и официального духовенства) дается ярко, колоритно, непосредственно, пронизано пафосом обличения, средства русской речи в таком контексте сочетаются с церковнокнижными, свойственными языку проповедника, убеждающего читателя и склоняющего его к порицанию описываемого (*разжегся ревностию божественного огня, Никона порицая, а далее: в глаза Никону плевал*). Церковнославянизмы вовлекаются в атмосферу бытовой семантики и подвергаются эмоционально-смысловым преобразованиям. Торжественное слово церковнокнижной речи уступает место слову обиходно-разговорному, и все выражение насыщается иным, реально-жизненным содержанием (*держись за христовы ноги вместо припади к ногам христовым*). Церковнокнижная символика наполняется реальным содержанием, выступая в качестве средства обозначения предметов, явлений изображаемой действительности (*дождь, снег* и др.). Традиционные метафоры церковной книжности переключаются в сферу быденной речи, поэтому бранное слово церковных текстов обретает характерное осмысление (*собаки, кобели* — мучители, сторонники Никона).

Описание обиходно-бытовых сцен дается на базе народно-разговорной, устно-поэтической речи.

Отрывки даются по изданию историко-археографической комиссии: Русская историческая библиотека. Л., 1927. Т. 39.

<...> Рождение же мое в Нижегородских пределах, за Кудмою рекою, в селе Григоротец ми бысть священник Петр, мати — Мария, инока Марфа. Отец же мой прилежаше пития хмельнова; мати же моя постница и молитвенница бысть, всегда учаше мя страху божию. Аз же некогда видеу у соседа скотину умершу, и той нощи, возставше, пред образом плакався довольно о душе своей, поминая смерть, яко и мне умереть; и с тех мест обыкох по вся нощи молитися. Потом мати моя овдовела, а я осиротел молод, и от своих соплеменник во изгнании быхом. Изволила мати меня женить. Аз же пресвятей богородице молихся, да даст ми жену помощницу ко спасению. И в том же селе девица, сиротина-ж, безпрестанно обыкла ходить во церковь, — имя ей Анастасия. Отец ея был кузнец, именем Марко, богат гораздо; а егда умре, после ево вся истошилось. Она же в скудости живяше и

молящися богу, да же сочетается за меня совокуплением брачным; и бысть, по воли божии, тако. Посем мати моя отъиде к богу в подвизе велице. Аз же от изгнания преселихся во ино место. Рукоположен во диаконы двадесяти лет з годом, и по дву летех в попы поставлен; живой в попех осм лет, и потом совершен в протопы православныхъ епископы,— тому двадесеть лет минуло; и всего тридесять лет, как имею священство.

А егда в попах был, тогда имел у себя детей духовных много,— по се время сот с пять или с шесть будет. Не почивая, аз, грешный, прилежа во церквах, и в домех и на распутиях, по градом и селам, еще же и в царствующем граде, и во стране Сибирской проповедуя и уча слову божию,— годов будет тому с полтретьятцеть.

Егда еще был в попех, прииде ко мне исповедатися девица, многими грехми обремененна, блудному делу и малакии всякой повинна; нача мне, плакавшися, подробну возвещати во церкви, пред евангелием стоя. Аз же, треокаянный врач, сам разболелся, внутри жгом огнем блудным, и горко мне бысть в той час: зажег три свечи и прилепил к налою, и возложил руку правую на пламя, и держал, дондеже во мне угасло злое разжение, и, отпустя девицу, сложа ризы, помоляся, пошел в дом свой зело скорбен. Время же, яко полнощи, и пришед во свою избу, плакався пред образом господним, яко и очи опухли, и моляся прилежно, да же отлучит мя бог от детей духовных: понеже бремя тяшко, неудобь носимо. И падох на землю на лица своем, рыдаше горце и забыхся, лежа; не вем, как плачю; а очи сердечнии при реке Волге. Вижу: плвут стройно два корабля златы, и весла на них златы, и шести златы, и все злато; по единому кормщику на них сиделцов. И я спросил: «чье корабль?» И оне отвещали: «Лукин и Лаврентиев». Сии быша ми духовныя дети, меня и дом мой наставили на путь спасения, и скончались богоугодне. А се потом вижу третей корабль, не златом украшен, но разными пестротами,— красно, и бело, и сине, и черно, и пепелесо,— его же ум человек не вмести красоты его и доброты; юноша светел, на корме сидя, правит; бежит ко мне из-за Волги, яко пожрати мя хочет. И я вскричал: «чей корабль?» И сидяй на нем отвещал: «твой корабль! на, плавай на нем з женою и детми, коли докучаешь!» И я вострепетах, и седше разсуждаю: что се видимое? и что будет плавание? <...>

У вдовы началник отнял дочь, и аз молих его, да же сиротину возвратит к матери: и он, презрев моление наше, и воздвиг на мя бурю, и у церкви, пришед сонмом, до смерти меня задавили. И аз лежа мертв полчаса и болши, и паки оживе божиим мановением. И он, устрашася, отступился мне девицы. Потом научил ево дьявол: пришед во церковь, бил и волочил меня за ноги по земле в ризах, а я молитву говорю в то время.

Таже ин началник, во ино время, на мя разсвирепел,— прибежал ко мне в дом, бив меня, и у руки огрыз персты, яко пес,

зубами. И егда наполнилась гортань ево крови, тогда руку мою испустил из зубов своих и, покиня меня, пошел в дом свой. Аз же, поблагодаря бога, завертев руку платом, пошел к вечерне. И егда шел путем, наскочил на меня он же паки со двумя малыми пищальми и, близ меня быв, запалил ис пистолы, и, божиею волею, на полке порох пыхнул, а пищаль не стрелила. Он же бросил ея на землю, и из другия паки запалил так же, и божия воля учинила так же,— и та пищаль не стрелила. Аз же прилежно, идучи, молюсь богу, единою рукою осенил ево и поклонился ему. Он меня лает; а я ему рекл: «благодать во устнех твоих, Иван Родионович, да будет». Посем двор у меня отнял, а меня выбил, всего ограбя, и на дорогу хлеба не дал <...>

Егда приехали на Шаманской порог, на встречу приплыли люди иные к нам, а с ними две вдовы,— одна лет в 60, а другая и болши: пловут постричься в монастырь. А он, Пашков, стал их ворочать и хочет замуж отдать. И я ему стал говорить: «по правилам не подобает таковых замуж давать». И чем бы ему, послушав меня, и вдов отпустить, а он вздумал мучить меня, осердясь. На другом, Долгом, пороге стал меня из дощеника выбивать: «для-де тебя дощеник худо идет, еретик-де ты! поди-де по горам, а с казаками не ходи!» О, горе стало! Горы высокия, дебри, непроходимыя; утес каменной, яко стена стоит, и поглядеть — заломя голову! В горах тех обретаются змеи великие; в них же витают гуси и утицы — перие красное,— вороны черные, а галки серые; в тех же горах орлы и соколы, и кречеты, и курята индеевские, и бабы, и лебеди, и иные дикие,— многое множество,— птицы разные. На тех же горах гуляют звери многие дикие: козы и олени, и зубри, и лоси, и кабаны, волки, бараны дикие,— во очию нашу; а взять нельзя! На те горы выбивал меня Пашков, со зверми и со змиями, и со птицами вѣтать. И аз ему малое писанейце написал, сѣце начало: «Человече! убойся бога, сидящаго на херувимех и призирающаго в безны, его же трепещут небесныя силы и вся тварь со человеки, един ты презираешь и неудобство показуешь»,— и прочая; там многонько писано; и послал к нему. А се бегут человек с пятьдесят: взяли мой дощеник и помчали к нему,— версты три от него стоял. Я казакам каши наварил, да кормлю их; и оне бедные и едят и дрожат, а иные глядя плачют на меня, жалеют по мне. Привели дощеник; взяли меня палачи, привели перед него. Он со шпагою стоит и дрожит; начал мне говорить: «поп ли ты, или роспоп?» И аз отвещал: «аз есмь Аввакум протопоп; говори: что тебе дело до меня»? Он же рыкнул, яко дивий зверь, и ударил меня по щоке, также по другой, а паки в голову, и збил меня с ног, и чекан ухватя, лежачева по спине ударил трижды и, разбѣлокси, по той же спине семьдесят два удара кнутом. А я говорю: «господи, Исусе Христе, сыне божий, помогай мне!» Да то-ж, да то-ж безпрестанно говорю. Так горко ему, что не говорю: «пощади!» Ко всякому удару молитву говорил да осреди побой вскричал я к нему:

«полно бить-тово!» Так он велел перестать. И я промолыл ему: «за что ты меня бьешь? ведаешь ли?» И он паки велел бить по бокам, и отпустили. Я задрожал, да и упал. И он велел меня в казенной дощеник оттащить: сковали руки и ноги, и на беть кинули. Осень была, дождь на меня шел, всю ночь под капелию лежал. Как били, так не болно было с молитвою тою: а, лежа, на ум взбрело: «за что ты, сыне божий, попустил меня ему таково болно убить тому? Я веть за вдовы твои стал! Кто даст судию между мною и тобою? Когда воровал, и ты меня так не оскорблял; а ныне не вем, что согрешил!» Бытто добрый человек! — другой фарисей <...> со владыкою судитца захотел! Аще Иев и говорил так; да он праведен, непорочен, а се и писания не разумел, вне закона, во стране варварстей, от твари бога познал. А я первое — грешен, второе — на законе почиваю и писанием отвсяду подкрепляем, *яко многими скорбьми подобает нам внити во царство небесное*, а на такое безумие пришел! Увы мне! Как дощеник-от в воду-ту не погряз со мною? Стало у меня в те поры кости-те щемить и жилы-те тянуть, и сердце зашло, да и умирать стал. Воды мне в рот плеснули, так вздохнул да покаялся пред владыкою, и господ-свет милостив: не поминает наших беззаконий первых покаяния ради; и опять не стало ништо болеть.

Наутро кинули меня в лотку и напред повезли. Егда приехали к порогу, к самому болшему — Падуну, река о том месте шириною с версту, три залавка чрез всю реку зело круты, не воротами што поплывет, ино в щепы изломает,— меня привезли под порог. Сверху дождь и снег; а на мне на плеча накинута кафтанишко просто; льет вода по брюху и по спине,— нужно было гораздо. Из лотки вытаща, по каменью скована окол порога тащили. Грустко гораздо, да душе добро: не пеняю уж на бога вдругорят <...>

... - Посем привезли в Брацкой острог, и в тюрьму кинули, соломки дали. И сидел до Филипова поста в студеной башне; там зима в те поры живет, да бог грел и без платья! Что собачка в соломке лежу: коли накормят, коли нет. Мышей много было, я их скуфьею бил,— и батюшка не дадут дурачки! Все на брюхе лежал: спина гнила. Блох да вшей было много. Хотел на Пашкова кричать: «прости!» да сила божия возбранила,— велено терпеть. Перевел меня в теплую избу, и я тут с аманатами и с собаками жил скован зиму всю. А жена з детми верст з дватцетъ была сослана от меня. Баба ея Ксенья мучила зиму ту всю,— лаяла да укоряла. Сын Иван,— невелик был,— прибрел ко мне побывать после Христова Рождества, и Пашков велел кинуть в студеною тюрьму, где я сидел: начевал милой и замерз был тут. И наутро опять велел к матери протолкать. Я ево и не видал. Приволокся к матери,— руки и ноги ознобил.

На весну паки поехали впреть. Запасу небольшое место осталось: а первой разграблен весь: и книги, и одежда иная отнята была, и иное и осталось. На Байкалове море паки тонул. По

Хилке по реке заставил меня ляжку тянуть: зело нужен ход ею был,— и поесть было неколи, нежели спать. Лето целое мучился. От водяныя тяготы люди изгибали; и у меня ноги и живот синь был. Два лета в водах бродили; а зимами чрез волоки волочилися. На том же Хилке в третье тонул. Барку от берегу оторвало водою,— людские стоят, а мою ухватило, да и понесло! Жена и дети остались на берегу, а меня сам-друг с кормщиком помчало. Вода быстрая, переворачивает барку вверх боками и дном; аз на ней ползая, а сам кричу: «Владычице, помози! Упование, не утопи!» Иное ноги в воде, а иное выползу навёрх. Несло с версту и болши; да люди переняли. Все розмыло до крохи! Да што петь делать, коли Христос и пречистая богородица изволили так? Я, вышед из воды, смеюсь; а люде — те охают, платье мое по кустам развешивая, шубы отласные и тафтяные, и кое какие безделицы тое много еще было в чемоданах да в сумах, все с тех мест перегнило,— наги стали. А Пашков меня же хочет опять бить: «ты-де над собою делаешь за посмех!» И я паки свету-богородице докучать: «Владычице, уйми дурака тово!» Так она — надежа уняла: стал по мне тужить.

Потом доехали до Ирѣгеня озера: волок тут,— стали зимою волочитца. Моих работников отнял; а иным у меня нанятца не велит. А дети малы были; едоков много, а работать некому: один бедной горемыка — протопоп нарту зделал и зиму всю волочилъся за волок. Весною на плотах по Ингоде реке поплыли на низ. Четвертое лето от Тобольска плаванию моему. Лес гнали хоромной и городской. Стало нечева есть; люди учили з голоду мереть и от работныя водяныя бродни. Река мелкая, плоты тяжелые, приставы немилостивые, пальки болшия, батоги суковатые, кнуты острые, пытки жестокие,— огонь да встряска,— люди голодные: лишю станут мучить — ано и умрет! Ох времени тому! Не знаю, как ум у него отступился. У протопопицы моей однорятка московская была, не згнила,— по русскому рублев в полтретьяцеть, и болши по тамошнему: дал нам четыре мешка ржи за нея, и мы год-другой тянулися, на Нерче реке живучи, с травою перебиваючися. Все люди з голоду поморил, никуды не отпускал промышлять,— осталось небольшое место; по степям скитающесе и по полям, траву и корение копали, а мы — с ними же; а зимою — сосну; а иное кобылятины бог даст, и кости находили от волков пораженных зверей,— и что волк не доест, мы то доедим <...>

Еще вам побеседую о своей волоките. Как привезли меня из монастыря Пафнутьева к Москве, и поставили на подворье, и, волоча многажды в Чюдов, поставили перед вселенских патриархов,— и наши все тут же, что лисы, сидели,— от писания с патриархами говорил много; бог отверз грешные мое уста и посрамил их Христос! Последнее слово ко мне рекли: «что-де ты упрям? вся-де наша Палестина,— и серби, и альбанасы, и волохи

и римляне, и ляхи,— все-де трема персты крестятся, один-те ты стоишь во своем упорстве и крестисся пятью персты! — так-де не подобает!»! И я им о Христе отвещал сице: «вселенъстии училие! Рим давно упал и лежит невсклонно, и ляхи с ним же погибли, до конца враги быша християном. А и у вас православие пестро стало от насилия туръскаго Магмета,— да и дивить на вас нелзя: немощни есте стали. И впредь приезжайте к нам учителя: у нас, божиею благодатию, самодержство. До Никона отступника в нашей Росии у благочестивых князей и царей все было православие чисто и непорочно, и церковь немятежна. Никон волък со дьяволом предали трема персты креститца; а первые наши пастыри, яко же сами пятью персты крестились, такожде пятью персты и благословляли по преданию святых отец наших: Мелетия антиохийскаго и Феодорита Блаженнаго, епископа киринейскаго, Петра Дамаскина и Максима Грека. Еще же и московский поместный бывый собор при царе Иване так же слагая персты креститися и благословляти повелевает, яко-ж прежнии святии отцы, Мелетий и прочии, научиша. Тогда при царе Иване быша на соборе знаменосцы Гурий и Варсонофий, казанские чудотворцы, и Филипп соловецкий игумен, от святых русских». И патриаръси задумалися, а наши, что вольчонки, вскоча, завыли и блевать стали на отцев своих, говоря: «глупы-де были и несмыслили наши русские святые, не учоные-де люди были,— чем им верить? Оне-де грамоте не умели!»! О, боже святой! како претерпе святых своих толикая досаждения? Мне бедному горко, а делать нечева стало. Побранил их, колко мог, и последнее слово рекл: «чист есмь аз, и прах прилепший от ног своих отрясаю пред вами, по писанному: лутче един творяй волю Божию, нежели тмы беззаконных!»! Так на меня и пущи закричали: «возми его! — всех нас обезчестил!»! Да толкать и бить меня стали; и патриархи сами на меня бросились, человек их с сорок, чаю было,— велико антихристово войско собралось! Ухватил меня Иван Уаров, да потащил. И я закричал: «постой,— не бейте!»! Так оне все отскочили. И я толмачю — архимариту говорить стал: «говори патриархам: апостол Павел пишет: *таков нам подобаше архиерей, преподобен, незлобив* и прочая; а вы, убивше человека, как литоргисат станете?» Так оне сели. И я отошел ко дверям, да набок повалился: «посидите вы, а я полежу»,— говорю им. Так оне смеются: «дурак-де протопоп! и патриархов не почитает!»! И я говорю: «мы уроди Христа ради! вы славни, мы же безчестни! ви силни, мы же немощни!»! <...>

Памятники языка книжно-риторической письменности

Церковнокнижный язык в письменности Московской Руси противопоставлялся русскому разговорному языку и языку дело-

вой письменности. В эпоху «второго южнославянского влияния» этот язык обретает простор для своего развития; на нем создаются литературно-художественные произведения, историко-научные сочинения, публицистические произведения. Именно в XIV—XV столетиях усиливается разрыв между языком, базирующимся на народной речи, и церковнославянским языком, продолжающим традиции церковнокнижной письменности Древней Руси. Произведения, созданные на церковнокнижном языке, выделяются особой манерой литературного выражения, которую называют «плетением словес» или же «извитием словес» и квалифицируют как образец наивысшей литературности. Слово должно возвеличивать, прославлять изображаемое, придавать изложению пышность, цветистость.

В произведениях, ориентированных на риторический стиль письменности, широко использовались сложные слова (*миролюбообладатель, мздоприимство, высокопаривый*), отвлеченно-книжная лексика (*благочестие, бежание, изволение*), цветистые метафоры, каламбурное словоупотребление, экзотичные сравнения (*яко кедр в Ливане*), перифрастические построения, риторические вопросы, обращения и клишированные обороты речи, сложные синтаксические построения, включающие разнородные типы подчинительных придаточных предложений, концентрация однородных членов в структуре предложения, необычное словорасположение (инверсионный порядок слов).

Житие Стефана Пермского

«Житие Стефана Пермского» написано монахом Троице-Сергиева монастыря Епифанием, человеком для своего времени широко образованным и ученым, прозванным Премудрым. Данное произведение отражает литературный язык начала XV столетия: нарочито витиеватая манера повествования, опирающаяся на риторические средства книжного языка (сложные слова, отвлеченная лексика, слова-символы, цветистые метафоры, симметрично-перифрастические построения и т. п.).

Произведение известно в списках XVI, XVII столетий; отрывки из сочинения Епифания Премудрого «Месяца апреля в 26 день, преподобнаго в священноиноках отца нашего Епифания съчинено бысть слово о житии и учении святаго отца нашего Стефана, бывшаго в Перми епископа, благослови, отче» даются по изданию Археографической комиссии. Спб., 1897.

Коль много лет мнози философи еллинстии събирали и ставливали грамоту греческую, и едва уставили мноземи труды и многими времены, едва сложили; пермскую же грамоту, един чрънецъ сложил, един составил, един счинил, един калогер, един мних, един инок, Стефан глаголю, приснопомнимый епископ, един в едино время, а не по многа времена и лета, якоже и они, но един инок, един въединены и уединяся, един, уединены, един у единого бога помощи прося, един единого бога на помощь призываа, един единому богу моляся и глаголя: боже и господи,

иже премудрости наставниче и смыслудавче, несмысленным казателю и нищим заступниче: утверди и вразуми сердце мое, и дай же ми слово, отчее слово, да ты прославляю в веки веком. И сие един инок, к единому богу помоляся, и азбуку сложил, и грамоту сотворил, и книги перевел в малых летех, богу помагающе ему; а они мнози философи, многими леты, седмь философов, едва азбуку уставили, а 70 муж мудрец предложение предложили, перетолмачили <...>

Темже, епископе, добро дело съделал еси, достоин быть похвалы; тебе бо бог похвали, еже есть отец, и сын, и святой дух, егоже ты благословил еси, егоже ты проповедал еси, егоже ты прославил еси, и бог тебе прослави, възмездие подая тебе противу труд твоих. Бог бо прославляет угодники своя, служащаа ему верно, тебе и бог прослави, и аггели похвалиша, и человецы почтиша, и пермяне ублажиша, иноплеменницы покоришася, иноязычници устыдешася, погании посрамишася, кумири съкрушишася, беси исчезоша, идоли попрани быша. Да и аз многогрешный и неразумный, последуя словесем похвалении твоих, слово плетуши и слово плодящи, и словом почтити мнящи, и от словесе похваление събираа, и приобретаа, и приплетаа, паки глаголя: что еще ты нареку, вожа заблуждшим, обретателя погыбшим, наставника прелщеным, руководителя умом ослепленным, чистителя оскверненным, взискателя расточеным, стража ратным, утешителя печальным, кормителя алчущим, подателя требующим, наказателя несмысленным, помощника обидимым, молитвеника тепла, ходатаа верна, поганым спасителя, бесом проклинателя, кумиром потребителя, идолом попирателя, богу служителя, мудрости рачителя, философии любителя, целомудрия делателя, правде творителя, книгам сказателя, грамоте пермьстей писателя? Многа имена твоя, о епископе, много именитство стяжал еси, многих бо даров достоин бысть, многими благодатьми обогател еси. Да что ты еще прочее нареку, что еще требуеши именованый, что еще не стало на похваление прочих наречений твоих; аще и понудихся на приглашение, словесы похвалити ты недоуменно, аще и длъжен ти бых словесы послужити ти, аз окаянный грубый лишеник, многогрешный в человецех и недостойный во иноцех, како похваляю ты не веде, како изреку, не разумею, чим ублажу, недоумею <...>

Но доколе не остану много глаголати, доколе не оставлю похвалению слова, доколе не престану предложенаго и продлъжнаго хвалослова? Аще бо и многажды възхотел бых изъоставити беседу, но обаче любы его влечеть мя на похваление и на плетение словес, изволися мне, после же всех хужшу, паче же акы изъврагу мне написати, яже о преподобнем отци нашем Стефане, бывшем епископе иже в Перми. Аз бо есмь мнии бех в братии моеи, и хужшии в людех, и меншеи в человецех, последнии во христианех, неключимыи во иноцех, и невежа слову. Подобае же уже окончати слово, но прежде о сем всех молю, елико

в писмена сиа приницающих, и разгыбающих, и почитающих, и послушающих, и внимающих, и разсужающих: господие мои, не воздивите на мя окааного, не поклените мя грешнаго, молю братолюбие ваше, и, еже о господе любовь; елицы прочитаете грубаа сиа списателнаа писмена пролите за мя молитвы ваша к богу, понеже святых отец житиа похваляю, увый мне, а сам ленив живу. Горе мне глаголющу и не творящу, учашу и не чюющу; но бесплоднаа, увый мне, явихся смоковница, листвие токмо едино имею, листы книжное токмо обращаю, и листием книжным писаным токмо хвалюся, а плода добродетели не имею, вьскую токмо упразняю землю, и того ради боюся проклятиа с посечением, боюся реченаго: се уже секира при корени древа лежить; всяко древо, не творящее плода добра, посекаемо бывает, и во огонь вметаемо; боюся господа, рекшаго: всякую розгу, не творящую о мне плода, събирають и в огонь влагають и зга-рает; боюся апостолу глаголющу: не послушницы закона прави будутъ, но делатели. Того ради с доброглашением молю вы и с умилением припадаю, и с смиренумудрием мил ся дею, вьпиа: не презрите мене окааннаго, аще будет ми ся негде написала речь зазорна, и неудобрена, и неустроена, и не ухыщрена: мне же мнится, яко ни едино же слово доволно есть, или благопотребно и стройно, но худа суть и грубости полна. Но аще и не гораздо написана быша некая, но обаче возможно есть некоему добрейшему и мудрейшему о господе построити сиа и добре починити я, не удобренаа удобрити, и неустроенаа построити, и неухыщренная ухитрити, и несвершенная накончати <...> И молю спроста всех вас от мала и до велика, яко да сотворите о мне молитву к богу, яко до молитвами вашими окончаваа слово возмогу рещи: слава ти господи сътворившему вся; слава ти, съвершителю богу, слава давшему нам Стефана, и паки взявшему, слава вразумившему его и умудрившу, слава укрепившему его и наставльшу, слава иже тем посетившему и просветившему землю Пермьскую, слава спасающему род человеческый, слава хотящему вся человеки спасти в разум истинный привести, слава давшему ми живот, да сиа написах. Слава богу о всех. Слава отцу, и сыну, и святому духу, и ныне и присно, и въ веки веком, аминь.

Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго

Эта повесть XV в.— выдающееся произведение житийной литературы времени расцвета риторического стиля русской письменности. В нем прославляются жизнь и деяния московского князя Дмитрия Ивановича, одержавшего блистательную победу над полчищами Золотой Орды в битве на поле Куликовом в 1380 г.

Повеествование ведется на книжно-славянском языке, при этом отдается предпочтение риторическим, экспрессивно значимым средствам литературного выражения. Цветистость и украшенность изложения создается с помощью книжно-славянских, отвлеченных слов (*глаголати, живот, въздыхание, прилагание*), сложных существительных и прилагательных (*святолетие, плотоугодие, златопечатная грамота*), глагольных словосочетаний (*облещися в ризы*), тавтологических оборотов речи (*правоверная вера християньская*), образных сравнений (*блеснуша оружия яко молния в день дождя*). Эмоционально-оценочный колорит повествования усиливается перифрастическими построениями, антитезами, вопросно-ответной формой изложения и другими средствами книжной риторики.

Дается в сокращении по тексту «Полного собрания русских летописей». Спб., 1853. Т. 6.

Сий убо великий князь Дмитрий родися от благородну и от пречестну родителю, великого князя Ивана Ивановича и матере великие княгини Александры, внук же бысть князя великого Ивана Даниловича, собрателя Руськой земли, и корени святого, и богом сажденнаго саду отрасль благоплодна и цвет прекрасный царя Владимира, новаго Костянтина, крестившаго Русьскую землю, сродник же бысть новою чудотворцю Борису и Глебу: воспитан же бысть в благочестии и в славе со всяцemi наказаниями духовными, и от самех пелен бога възлюби. Отцю же его великому князю Ивану Ивановичю оставлешу житие света сего и приемшему небесная селения, си же оста млад сий, яко лет 9, с любимым си братом своим князем Иваном Ивановичем; потом же и матери его преставися великая княгини Александра, и пребысть един в области великого княжения, приемшу ему скипетр державы Русьския земля и настолование земнаго царства и отчину свою великое княжение, по данней ему благодати от бога, чести же и славе. Еще же млад сий възрастом, и о духовных прилежа делехсех, и пустошных бесед не творяше, и срамных глагол не любляше, злонравных человек отвращашеся, а с благими всегда беседоваше, божественных писаний всегда со умилением послушаше, о церквах божиих велми печашеся, а стражбу земли Русьския мужеством своим держаше, злобою отроча обреташеся, а умом свершен всегда бываше, ратным же всегда в бранех страшен бываше, и многы враги встающая на ны победы, и славеный град свой Москву стенами чудными огради, и во всем мире славен бысть, яко кедр в Ливане умножися и яко финик в древесех процвете. Сему же бывшу лет шестинадесять, приведоша ему на брак княгнью Овдотию, от земля Суздальская, дщерь великого князя Дмитрия Костянтиновича, от матери великие княгини Анны, и възрадовася вся земля Русьская о совкуплении брака ею; по браце же целомудрено живяста, с умилением смотряста своего спасения, и в чисте совести, крепоста разума предержа земное царство и к небесному присягая, плотиугодия не творяху, и акы кормчий крепок противу ветром волны минуя, направляем вышняго промыслом, яко пророк на страже божиа смотрения, тако смотряше своего царствия. И умножися слава имени его, якоже святого и великаго князя Владимира, въскипе земля Русьская в лета княжения его, якоже преже

обетованная Израилю; и страхом господства своего огради всю землю Русьскую, от востока и до запада хвално бысть имя его, от моря и до моря, от рек и до конец вселенныя превознесеса честь его. Царие земьстии слышаще его удивишася, врази же его взавидеша ему, живущии окрест его, и навадиша на нь нечестивому Мамаю, тако глаголюще: «великий князь Дмитрей Московский себе именуеть Руской земли царя, и паче честнейши тебе славою, супротивно стоять твоему царству». Он же наважен лукавными советники, иже християньскую веру держать, а поганых дела творяху; и рече Мамай князем своим и рядцем: «прииму землю Русьскую, и разорю церкви християньския, и веру их на свою преложю и велю кланятися своему Махметю; а идеже церкви были, ту ропати поставлю, а баскаки посажу по всем градом Русьским, и князи русьския избию». Акы прежде Агог, царь Васаньский, похвалися на кивот завета господня иже в Силоме, сице похвалився погибе сам прежде. И послав безбожный Мамай прежде себе на Русь ратию воеводу своего, окааннаго Бигича, с великой силою и со многими князи ординьскими. Се слышав великий князь Дмитрей Ивановичь, поиде в сретение ему со мною силою Русьския земля, и бися с погаными в Рязаньской земли, на реце на Воже, и поможе бог и святая богородица великому князю Дмитрею Ивановичю, а поганя агаряне посрамлени быша, овии изсечени быша, а инии побегоша; великий же князь Дмитрей Ивановичь възвратився с великою победою, тако заступаше свою отчину, Русьскую землю, от поганых противнаго нахождения. Безстудный же Мамай срама исполнися, в похвалы место безчестие прииде ему; и поиде сам на Русьскую землю, похвалився на великого князя Дмитрия Ивановича, исполни сердце свое злаго безакония. Слышав же се князь великий Дмитрей Ивановичь, въздохнув из глубины сердца своего к богу и пречистой его матери, и рече: «о пресвятая госпоже дево богородице, владычице, заступнице и помощнице миру! моли сына своего за мя грешнаго, да достоин буду главу и живот положити за имя сына твоего и за твое, иная помощница не имам, развие тебе, госпоже; да не порадуются враждующии ми без правды, ни ркуть погании: где есть бог их, на него же уповаша? да постыдятся вси являющии рабом твоим злая, яко аз раб твой есмь и сын рабыня твоя; испроси ми, госпоже, силу и помощь от святаго жилища сына твоего и бога моего, за злаго моего супостата и нечестиваго врага; постави ми, госпоже, столп крепости от лица вражия, възвеличи имя християньское над погаными агаряны и всегда посрами их».

И призва велможя своя и вся князи Русьския земля, сущая под властью его, и рече князем Русьския земля и велможам своим: «лепо есть нам, братие, положити главы своя за правоверную веру християньскую, да не прияти будутъ грады наши погаными, ни запустеють святяя божия церкви, и не разсеяни будем по лицу всея земля, да не поведени будутъ жены наша и

дети в полон, да не томими будем погаными по вся дни; аще за нас умолишь сына своего и бога нашего пречистая богородица». И отвещаша ему князи Русьстии и велможа его: «господине Русьскый царю! рекли есмя тебе живот свой положиши служа тебе; а ныне тебе ради кровь свою пролием и своею кровию второе крещение приемем». И възприим Аврамлю доблесть, помолвися богу, и помощника имуща святаго великаго святителя и чудотворца Петра, заступника Русьскыя земли, и поиде противу поганаго, акы древний великий князь Ярослав Володимировичь, на злочестиваго Мамаю, втораго Святополка; и срете его в Татарьскых полех, на Дону на реце, и съступишася акы силнии тучи, блеснуша оружия яко молния в день дождя, ратнии сечакуся за руки емлюшася, и по удолием кровь течаше и Дон река потечаше с кровию смесився, главы же Татарьскыя акы камене валяшася и трупия поганых акы дубрава посечена: мнози же достовернии видяху ангелы божия помагающе християном. И поможет бог великому князю Дмитрею Ивановичю и сродника его святая мученика Борис и Глеб, окаанный же Мамай от лица его побеже; треклятый Святополк в пропасть побеже, а нечестивый Мамай без вести погыбе. Великий же князь Дмитрий Ивановичь възвратися с великою победою, якоже преже Моисей Амелика победи, и бысть тишина в Русьской земли; и тако врази его посрамишася, иныя же страны слышаше победы, даныя ему от бога на враги, и все под руце ему поклонилася, расколници же и мятежници царства его вси погыбоша. Обычай же имевше великий князь Дмитрий Ивановичь, якоже Давыд богоотец и пророк Сауловы дети миловаше, и си великий князь неповинныя любляше, а повинныя прощаще; по великому Иеву, яко отець есть миру и око слепым, нога хромым, столп и стражь и мерило, известно к свету правя подвластныя, от вышняго промысла правление приим роду челоучю, всяко смятение мирское исправляше, высокопаривый орел, огонь попаляя нечестие, баня мыющимся от скверны, гумно чистоте, ветр плевелы развевая, одр трудившимся по Бозе, труба спящим, воевода мирный, венець победе, плавающим пристанище, корабль богатству, оружие на врагы, мечь ярости, стена нерушима, зломыслящим сеть, степень непоколеблема, зеркало житию, с богом все творя и по Бозе побарая, высокий ум, смиренный смысл, ветром тишина, пучина разуму; князя Русьскыя во области своей крепляше, велможам своим тихоуветлив в наряде бываше, никого же не оскорбляше, но всех равно любляше, младых словеса наказаше, и всем довол подаваше, к требующим руце простираше. Еще дерзну несрамно рещи о житии всего великаго князя и царя Русьского Дмитрия Ивановича, да се слышаше цари и князи научитесь тако творити; от уныя бо версты бога възлюби и духовных прилежаще делех, аще и книгам не учен сы добре, но духовныя книги в сердци своем имяше. И се едино повем от жития его: тело свое чисто схрани до женитвы, церковь себе святому духу съблюде нескверну, очима

зряше часто к земли, от нея же взят бысть, душу и ум прости-
раше к небеси, идеже лепо есть ему пребывати; и по браце сов-
купления тело свое чисто же соблюде, греху непричастно, Хри-
стова апостола Павла сбысться о нем реченое: братие, вы есте
церкви бога живаго, якоже рече: вселюся в ня и похожую. Цар-
ский убо сан держаше, ангелскы живяше, постом и молитвою,
и по вся нощи стояше, сна же токмо мало принимаше, и паки по
мале часе на молитву вставаше, и подобу благу творяше всегда,
в берньнем телеси безплотных житие свершаше; землю Русьскую
управляше, на престоле царьством сидя, яко пещеру в сердце дер-
жаше, царьскую багряницу и венець ношаше, а в чернечьскыя
ризы по вся дни желаше облещися, и по вся часы честь и славу
от всего мира принимаше, а крест христов на раму ношаше:
в божественныя дни поста в чистоте храняшеся, а по вся неделя
святых таин причащашеся, и преочистовану душу хотя предста-
вити пред богом, по истинне явися земный ангел и небесный че-
ловек. Поживе лет с своею княгынею Евдокеею 20 лет и два лета
в целомудрии, прижи сыны и дщери и възпита в благочестии;
в вотчину свою великое княжение держаше лет 29 и 6 месяць,
а всех лет от рождества его 30 и осмь и 5 месяць; многы же
труды и победы по правоверней вере показа, яко ин никтоже.
Потом разболеся и прискорбен бысть велми, и паки легчая бысть
ему, и възрадовашася великая княгини и сынове его радостию
великою и велможя его; и паки впаде в болшую болезнь, и стена-
ние прииде в сердце его, яко и внутреним его торзатися, и уже
приближися ко смерти душа его <...>

Книга степенная царского родословия

Этот памятник дает представление о языке исторических произведений, кото-
рые пополняли в XVI и XVII вв. фонд книг, создаваемых в духе церковнокнижной
риторики. В нем, как и в другом произведении того же направления («Временник
Ивана Тимофеева»), освещались события русской истории, давалась характери-
стика деятельности царя, князей, патриарха, митрополитов, военачальников и
других деятелей Русской земли, описывались жизнь, быт, утварь представителей
различных слоев общества.

Отрывки из текста даются по изданиям: Степенная книга. М., 1775; Времен-
ник Ивана Тимофеева. М.; Л., 1951.

**«Книга Степенная царского родословия,
содержащая историю Российскую с начала оныя
до времен государя царя
и великого князя Иоанна Васильевича,
сочиненная трудами преосвященных митрополитов
Киприана и Макария»,**

**О великом князе Игоре,
какo сочетася со блаженною Ольгою**

Игорю же юну сушу, и бывшу ему в Псковской области, яко
же нецыи поведаша, дивно сказание, яко некогда ему утешаю-

щуся некими ловитвами, и узре об ону страну реки лов желанный, и не бе ему возможно преити на ону страну реки, понеже не бяше ладийци, и узре некоего по реце пловуща в лодийце, и призва пловущаго ко берегу, и повеле себя превести за реку, и пловущим им возре на гребца онаго, и позна яко девица бе сия блаженная Ольга, вельми юна суши, доброзрачна же и мужественна, ея же иногда никогдаже не зная, и уязвися видением, якоже писано есть: очи лакоме и некасаемых касахуся, и разгореся желанием на ню, и некие глаголы глумлением претворяше к ней. Она же уразумевши глумления коварство, пресекая беседу неподобнаго его умышления, не юношески, но старческим смыслом, поношая ему глаголаше, «что всеу смущаешися, о княже! срам притворяя ми, всякую неподобная во уме совещевая, студная словеса износиши; не прельщайся, видев мя юну девицу и удивлену, и о сем не надейся, яко не имаши одолети ми; аще и невежа есмь, и вельми юна, и прост обычай имам, якоже мя видиши; но обаче разумех, яко поругати ми ся хочещи, и глаголеши нелепая, его же не хочу ни слышати; прочее же внимай себе и останися таковаго умышления, дондеже юн еси, блюди себе, да не одолеет ти неразумие, и да не постраждеши зло некое, останися и всякого безакония и неправды. Аще сам уязвен будещи всякими студодеянии, то како можещи инем неправду возбранити, и праведно судити державе твоей: разумно же да будет ти, аще и паки ныне не престанеши, соблажняся о моем сиротстве, туне ми есть, яко да примет мя глубина реки сея, да не буду тебе на соблазн и сама поругания и поношения угрозу, ты же прочее не смущаешися о мне; «и ина многа премудренно о целомудрии глаголя. Се начаток благ и удивления достоин юношскаго целомудрия блаженныя Ольги, еще не ведущи бога, ни заповеди его не слыша, такову премудрость и чистоты хранение обрете от бога, яко удивитися Игорю, мужу умному, смыслу ея, и благо разумным словесем ея. И абие Игорь отложи юношское мудрование свое; наипаче же со стыдением и с молчанием преиде реку, внимая себе от таковых до времени, и оттоле паки иде в Киев. Внегда же прииде время, и повелению его бывшу, изобрести ему невесту на брак, взысканию же бывшу, якоже есть обычай государству и царстей власти, и о мнозех не бреже, но воспомяну дивную в девицах Ольгу, юже виде своима очима мужественну сущу и благообразну, и еже от уст ея слыша хитростные глаголы, и целомудренный нрав ея виде; и посла по нея сродника своего прежереченнаго князя Ольга; и приведе ю с подобающею честью, и тако сочетана бысть ему законом брака.

Временник Ивана Тимофеева

О царице Анастасии Романовне и о чадех

Не безженно бо ни бесплодно житие жити: свенечницу же своему царствия высоты не от стран призва, ниже благородием

сторонну себе потребова, но своєю его земли дому изобрел, от синклитска роду избрав дщерь, душевными добродетельми телеснаго благородия пребольшу же, яко ряснами некако украшену всю, Анастасию, Російска жребия мирови царицу, с нею си царством венчан быв и сопрестольну си во царствии утверди. И паче по еже к родитию ей, она бо, яко маслина доброплодна, ему устрои царским того прижитием пяторице по числу отраслем сия бе родительница, от них же сына три и дщери две. Сии же о господа млади почиша, и брат сих Димитрие некако, якоже прилучися, иже все наследницы быти нами чаеми; от них же единому по первом не толико по плоти <...>

О патриархе Ермогене

Егда убо всем одержательная градом, идеже венченоснии мои присно водворяхуся, конечно тех обезглави за безмерие безгрешное от главы царя и до ногу по вселенней, в того ото обстояний всяцех теснот вкупоименныя Латыном и сосожительныя им Литовы страхом смерти и нуждами, яко удавою некоею, вся люди удавиша в ней, по сих обстоянием вся тамо держимыя и самого верха освященнаго всему Російску жребию Ермогена, глаголю, верховнаго в преподобии главу всесветлую, патриарха православнаго, мужа апостолаобразнаго, надо всеми честь крайняя, по Павлу же, носило херувимское плотное и уста, иже добре огненосного ревнителя,— ревностию за христову веру противлением любви он паче огня разжизался,— многовременно не послабляя, противу Латыне добльствовавшего, онем же яко же антихристовех способников, иже от християн в тожде с'ынославными противление претворшемся,— он на сих крепце храбрствова, языком единым токмо со усты, яко мечем, противныя немилости — вне посекая и подати тех без ответы пред ногама си сотворяя; богоотступных же, яко идолов бездушных, возгнушався отвращаяся, не повинувшихся того поучению и наказанию многому, ниже восхотевших благословением, но самоизвольне того удалшемся. <...>

Стихотворения Симеона Полоцкого

Симеон Полоцкий (Самуил Емельянович Петровский-Ситнианович) (1629—1680) — известный стихотворец и драматург, полемист и проповедник, переводчик и педагог. Симеон — его монашеское имя, а Полоцкий — прозвище по месту рождения и начала литературной деятельности.

Произведения созданы на книжно-славянском языке, который ко времени деятельности С. Полоцкого в значительной мере был модифицирован; в области литературно-художественного творчества он становится средством создания торжественных, сугубо книжных контекстов и выступает в роли «высокого» славянского диалекта книжной речи.

Стихотворные произведения С. Полоцкого должны были отвечать высокому назначению: быть средством поучения, наставления читателя на путь истинный, обличения пороков рода людского — невежества, пьянства, обжорства, мошенничества, жестокости.

В арсенале украшающих средств литературного повествования С. Полоцкого встречаются: книжно-славянские слова, противопоставленные обиходно-бытовой лексике (*град, драгий, грядите, монаси, волци, в струзах*), падежные формы имен существительных, не имеющие соответствий в русском склонении (*мужеви — мужу*), сложные слова (*дароимец, доброцветущий*), формы перфекта (*явил есть*), усеченные формы прилагательных и причастий (*сокрушенну быти*). Книжно-славянские средства используются для изображения даже обиходно-бытовых явлений.

Отрывки из произведений даются по изданию: *Полоцкий Симеон. Избранные произведения*. М.; Л., 1953.

Из предисловия к «Рифмологиону»

Делатель всякий плоды своя любит,
хранит, яко да все не погубит,
Да бы ся теми напредь ползовати,
нужде пришедшей их употреблять.
Домовит бодрый вся нести в дом тщится,
что либо земных прижити случится,
Да в нужды время возможет имети
им же бы скудость скорбну одолети.
Сеятель класы в жатву собирает,
блюдет, да ничто вотще погибает;
Прягает в гумне, потом возьмет себе
на пищи нужду, елико есть тебе.
И трудолюбный мравий зело тщится,
да в лето брашно к зиме готовится,
Им же ся, хладу пришедшу, питает.
Благо есть убо, кто плод собирает
Не токмо земный, но паче духовный,
ибо есть лучший плода вещна словный;
Трудники слова Павел почитает,
честь им сугубу дати увещает.
Сию ми ползу дадеся познати,
по щедрой бога жива благодати,
В юности версте, егда отрекохся,
мира и в ризы черны облекохся.
Темже что писах, тщахся то хранити,
зная, яко впредь может в ползу быти.
Бых же аз инок в четвертой седмицы
лет моих, токмо кроме единицы;
Негли же две их языком учихся,
даже дидаскал быти сподобихся.
Писах в начале по языку тому,
иже свойственный бе моему дому.
Таже увидев многу ползу быти
славенскому ся чистому учити,
Взях грамматику, прилежах читати,
бог же удобно даде ми ю знати;

К тому странная сущи ей подобна,
в знания ползу бяше ми удобна.
Тако славенским речем приложихся,
елико дал бог знати научихся;
Сочинение возмогох познати
и образная в славенском держати.
Писах книжная, яко же ветии
пишут и яко от ветий вящшии,—
Яже возможно будет созерцати,
елма бог даст я миру показати.
Днесь не являю ради завидящих,
их же не знают пред людми хулящих,
Иже в то время не будут хулити,
егда ми даст бог мир духом лишити.
Тогда бо ревность и зависть престанет,
а каждо суду божию предстанет
За рвение си должну мзду прияти.
Но ты даждь, боже, zde всем ся каяти,
Да о зависти сей никто судится,
но всяк во любви сущь тебе явится.
Писах и рифмы многи, той я знает,
кто «Многоцветный вертоград» читает,
Мною сложенный, и псалмы святыя,
яже сведох вся в метры славенския.
Особно сия книга есть списанна,
не во едино лето начертанна;
В различных летех многи нужды быша,
яже ми сия писати бедиша,—
Яже в старости могут в ползу быти,
егда не леть ми будет ся трудити;
От труд готовых мощно будет взяти,
аще ми даст бог старости дождати <...>

Из сборника «Вертоград многоцветный»

Труд

Чрез лето пчелы тощно работают,
сладкий из цветов мед людем собирают;
Аще не хошет кая работати,
не дадут в рои своем пребывати:
Огрызше криле, вон ю извергают,—
гражданом мира образ проявляют,
Да праздных людей не имеют в себе,
ибо комуждо трудитися тебе,
Да своим трудом питаем бывает,
а не чуждая труды поглощает.
Не хотящим же трудов полагати,

не подобает хлеба подаяти:
«Праздный да не яст»,— апостол сказаше,
иже от Христа правде учен бяше.
Подобает же вон я изгонити,
да научат ся в трудех выну быти.

Дароимство

Судия некто дароимец бяше,
от прю имущих дары восприяше;
Сосуд елея взя от единаго,
а вепра тучна прия от другаго,
И сего судом своим оправдил есть,
онаго паки винна сотворил есть.
Пришедшу же в дом иже елей дал есть,
судия кривый сице отвещал есть:
«Прости мя,— рече — забых благодати,
яко ты елей изволи ми дати.
Вина же тому вепр питанный бяше,
иже вшед в дом мой елей пролияше»,
Оле судии! Ниже усрамися,
яко от правды вепром отлучися.

Пиянство

Человек некий винопийца бяше,
меры в питии хранити не знаше,
Темже многожды повнегда уписа,
в очию его всяка вещь двоися.
В едино время прииде до дому
и вся сугуба зрешася оному.
Име два сына, иже предстояста
ему четыре во очию стапта.
Он нача жену абие мучити,
да бы ей правду хотела явити,
Когда два сына новая родила
и с коим мужем она приبلудила.
Жена всячески его увещаше,
вино виновно быти сказоваше.
Но он никакo хоте веры яти,
муку жестоку нача умышляти;
Взял есть железо, огнем распалаше,
ко жене бедней жестоко вещаше;
«Аще ты инем мужем не блужденна,
сим не будеши огнем опаленна;
Аще же с инем блуд еси творила,
имать ожещи тя огненна сила».

Бедная жена в люте беде бяше,
обаче умно к нему глаголаше:
«Рада железо огненное взяти,
невинность мою тебе показатьи,
Токмо потщися своею рукою
подати оно ты на руку мою».
А все железо распаленно бяше,
чесо пьяный во ум не прияше.
Ятся железа, люте опалися,
болезни ради в мале отрезвися.
И се два сына точию видяше,
невинность жены, свою вину знаше;
Срамом исполнен, но печали был есть
и прощения у жены просил есть,
Тако пьянство ум наш помрачает; —
всяк убо того верный да гонзает.

Язык

Малая часть телесе язык человека,
но не виде злейшия никто же от века,
Ибо аще малое слово изпускает,
хулно или клеветно, многи убивает.
Легко оно исходит, но язву велику
и зело тяжку в сердце дает человеку;
Мягко аер проходит, но в сердце жестоко
вонзает ся и рану творяет глубоко;
Из уст, яко же птенец малый, излетает,
но яко велбуд с горбом абие бывает.
И ни кими мерами может ся сокрити,
весть же сердца человек многих озлобити.
Убо разумно слово всякое пушайте,
да не будет стрелою, прилежно смотряйте;
Аще бо яко стрела пойдет, то вратится
не к языку, но в сердце и в смерть приложится.

Монах

Монаху подобает в келии седети,
во посте молитися, нищету терпети,
Искушения врагов силно побеждати
и похоти плотския труды умерщвляти,—
Аще хочет в небеси мзду вечную взяти,
неоскудным богатством преобилувати.
Пагубно же оному по граде ходити,
из едина в другий дом преходяще пити.
Но увы бесчиния! Благ чин погубися,
иночество в безчинство в многих преложися.

О честных несть зде слово: тыя почитаю,
безчинныя точию с плачем обличаю.
Не толико миряне чреву работают,
елико то монаси поят, насыщают.
Постное избравши житие водити
на то устремишася, дабы ясти, пити <...>

Памятники языка филологических сочинений

Сочинения Максима Грека

Максим Грек (1475—1556) — византийский деятель, прибывший в Москву в 1518 г. по просьбе московского князя для перевода греческих книг, в послании к московскому князю братия Афонского монастыря писала, что их инок (Максим) «и русскому языку борзо навыкнет».

Максим Грек — автор богословских и публицистических сочинений; он перевел целый ряд церковных книг, занимался текстологическими исследованиями, написал руководства риторико-грамматического содержания.

Текст сочинения «О пришельцах философех» дается по изданию Казанской духовной академии «Сочинения преподобного Максима Грека». Казань, 1861, 1862. Ч. 3.

Инока Максима Грека о пришельцах философех

Понеже мнози обходят грады и земли овы убо куплею, овы художеством всяким и ремесством, ини же и книжным искусством, или греческим или латынским, еже есть римским, и овы убо совершени суть, овы же исполу, ини же и отнюдь не вкусивше художнаго ведения книжнаго, рекше грамотийскаго и риторскаго и прочих чюдных учительств еллинских, обаче хвалятся ведети вся, корыстовати желающе и кормыхатися, праведно разсудих оставити вам господам моим мало срок, списанных мною еллинским образом мудрым на искушение всякого хвалящагося. Аще некто по моем умертвии будет некто пришед к вам, иже аще возможет превести вам срок тех по моему преводу, имите веры ему, добр есть и искусен, аще ли не умеет совершенно превести по моему преводу, не имите веры ему, хоти и тмами хвалится, и первое вопросите его, коею мерою сложени суть сроки тии, и аще речет: иройскою и елигийскою мерою, истинен есть; аще рцыте ему: коликими ногами обоя мера совершается? и аще отвещает, глаголя; яко иройска убо шестию, а елегийска пятию, ничтоже прочее сомнитися о нем, предобр есть; примите его с любовию и честию и, елико время у вас жити произволяет, жалуйте его нещадно, и егда же хошет возвратитися во свояси, отпустите его с миром, а силою не держите у себе таковых; несть бо похвально ниже праведно, но ни полезно земли вашей, якоже и Омир глаголет премудрый, законополагая страннолюбю: лепо есть, рече, любити гостя у нас живуща, а хотяще отъити, пустити.

Донат в русском переводе

Имя римского грамматика Доната, жившего в IV в., было нарицательным в средневековой Европе; учебники латинского языка назывались «Донат», «Донатус». Учебник такого рода был переведен на русский язык Дмитрием Герасимовым, принимавшим участие в посольствах великого князя Василия III (1505—1533) в Швецию, Данию, Пруссию, Вену, Рим и вошедшим в историю под именем Дмитрия Толмача. Списки перевода Дмитрия Толмача изданы акад. И. В. Ягичем.

Отрывки даются по изданию: *Ягич И. В.* «Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке»//Исследования по русскому языку. Спб., 1895. Т. 1.

Книга глемя донатус меншей, в ней же беседует о осми частех вещания, сиреч о имени, о проимении, о слове, о предлозе слова, о причастии слова и имени, о соузе, о представлении, и о различии, еяже учат ученицы новоначалнии после азбуки. занеже то есть основание первое и подошва мудрости граматичной, а граматикия есть основание и подошва всем свободным мудростем. в сеи же настоящей книзе беседует, и первое о вышереченных осми частех вещания поставлены вопросы аки в лице учителя, и отвещания аки в лице учениче. и потом о количествах имен и о качествах и о родах и о уклонениях, и о падениях и о числах и о видах и образах и о лицах и о степенях и о собьствех и о обществах, и о прочих пристоящих к сим. потом о временах и чинех и о прочих. Господи благослави.

Беседа первая. о осми частех вещания или речи, вопросы и ответы. слово и реч за одно стоит и вещание кое хочешь то рцы. И в Дамаскине имя, речь, причастие, различие, место имени, предлог, наречие, союз. Вопрос учителей.

Вс. Части вещания, или речи колицы суть; **от.** осмь.

Вс. Кой; **от.** имя, проимение, слово или реч, предлог слову, причастие, союз, представление, различие.

Вс. Имя что есть; **от.** часть вещания с падением, тело или вещь собьствене или обще знаменуя. собьствене, яко. рим, тивер. обще, яко, град, река.

Вс. Имени колицы пристоят или нападают; **от.** шесть.

Вс. Котории; **от.** качество, прилагание, род, число, образ, падение.

Вс. Качество имен в чом есть; **от** двоючашно есть.

Вс. Како же; **от.** или бо единое вещи имя есть и собьственное или сущее глет ся, или многих и есть нарицательное.

Вс. Прилагание степенем колицы суть; **от.** три.

Вс. Кои; **от.** положительная, яко. учен. прилагателная, яко. ученее или ученеише. надприлагателною или превышнею, яко. преученеише.

Вс. Кои имена првлагаются; **от.** нарицательные токмо, качество или количество знаменующие. качество, яко блг, или добр, или зол. количество, яко. велик или мал.

Вс. Прилагательная степень коему падению служит; **от.** отрицательному обоим числ без представления.

Вс. Како же; (**от.**) глем бо. учителнее онаго, или учителнее инех.

Вс. Превыспренняя надприлагательная или превышняя степень коему падению служит; **от.** родственному токмо сножественному.

Вс. Како; **от.** глем бо. преученнейшии мудрецов беаше виргии, или нарочитейши [от] народа. <...>

Беседа о причастии слова и имени

Вс. Причастие что есть; **от.** часть вещания, часть приемля имени и часть слова и часть от обоего приемлет бо от имени роды и падения, от слова же времена и знаменования, от обоего же число и образ. **Вс.** причастью колицы пристоят; **от.** шесть. **Вс.** кои; (**от.**) роды, падения, времена, знаменование, число и образ. **Вс.** роды причастием колицы суть; **от.** четыре. **Вс.** котории; (**от.**) мужеский, яко. сеи чтен. женский, яко. сиа чтена посредний, яко. сие чтено. всяческий, яко. сеи и сиа и сие чтомо.

Вс. падения причастием колицы суть; **от.** шесть.

Вс. кои; (**от.**) именователное, яко. сеи и сиа и сие чтыи [правое, яко. сеи атуш и сиа чтуща и сие чтуще]. родственное, яко. сего чтущаго. дателне, яко. сему чтущему. виневне, яко. сего и сию чтущаго или чтущую и сие чтущее. звателне, яко. от чтущи и, чтущее. отрицательное, яко. от сего и от сея и сего чтущаго или чтуща и или чтущаго.

Вс. времена причастиям колицы суть; **от.** три.

Вс. кои; **от.** настоящее, яко. чту. минувшее, яко. чтох. грядущее или будущее, яко. чести ми (или яко чести), или яко чести мам.

Вс. знаменования причастием колицы суть; **от.** зане от делнаго слова два причастия исходят или грядут. настоящее и грядущее, яко. чтущи и чести мам.

Вс. от страдалнаго колицы; **от.** два, минувшее и грядущее, яко. чтен, чтен будет.

Вс. от посредняго колицы; **от.** два [и], яко делнаго настоящее и грядущее, яко. стоящ, станет.

Вс. от отложнаго колицы; **от.** три.

Вс. кои; **от.** настоящее, (минувшее) и грядущее, яко. гла, глаголавыи и иже глаголати имат.

Вс. от общаго колицы; **от.** четыре, настоящее, минувшее, и два грядущее, яко. безчестни, безчестнованыи, безчестнован будет или безчестен будет.

Вс. числа причастиям колицы суть; **от.** два.

Вс. кои; **от.** единственное, яко сеи чтушь. множественное, яко. сии чтущи.

Вс. образы причастиям колицы суть; **от.** два.

Вс. кои; **от.** единорядныи, яко. чтущ сложныи, яко. не радящ или небрегущ.

Русская грамматика Лудольфа

Голландец Генрих Лудольф, будучи в Москве, собрал материалы для грамматики русского языка. Грамматика Лудольфа была издана в Оксфорде в 1696 г. под названием: *Henrici Wilhelmi Ludolfi grammatica russica quae continet non tantum praecipua fundamenta Russicae linguae verum etiam manuductionem quandam ad grammaticam slavonicam*. Перевод грамматики Г. Лудольфа принадлежит Б. А. Ларину: *Русская грамматика*. Переиздание, перевод. Вступительная статья и примечание Б. А. Ларина. Л., 1937.

В грамматике Г. Лудольфа явственно противопоставляются формы живой русской речи и книжного, славянского языка. В ней даются образцы церковно-книжной и русской речи: *нощь — ночь, глава — голова, немощь — немочь, хоцет — хочет, любих — любил, единного — одново, глаголю — говорю, рекл — сказал, дняс — севодни, истина — правда, туне — даром*.

Грамматика Г. Лудольфа включает в свой состав сведения о буквах, произношении и написании: парадигмы имен существительных, прилагательных, местоимений, материалы о личных формах глагола, о наречиях, предлогах и т. п., образцы разговоров (обиходные выражения), переводные церковные тексты (несколько отрывков), таблицы порядковых числительных, небольшой перечень слов и выражений в виде тематических групп:

а) цвет: *серебоинои цвет, гвоздичнои цвет, ландишнои цвет* и т. д.; б) пряние зеле: *перец, инбер, корица* и т. д.; в) семя: *боб, горчица, мак, овес, жито, рож* и т. д.; г) огородной плод: *агурцы, земланица, малыны, бусовие ягоды, вишни, орехи, яблоки* и т. д.; д) древо: *липа, сосна, ел, береза, дуб*; е) черв: *паук, вошь, блоха, муха, пчела*; ж) рыба: *осетр, белуга, семга, щука, окунь, пескари, селд, тряска, рак* и т. д.; з) камень: *кремень, магнит, кирпич* и т. д.; и) трава: *кропива, петрушка, мятя, палын*; к) корен: *репа, свекла, ретка, честнок, лук* и т. д.; л) птица: *курица, петух, утка, гусь, ластичка, орел, сова* и т. д.; м) дворовие звери: *лошадь, бык, корова, осел, боран, овца* и т. д.; н) дикие звери: *барс, крыс, заяц, рыс, волк, велблюд, песца, медвед, собол, лисица, слон, лос, елен*.

Ниже даются отрывки из этой грамматики.

Caput II

De Nominibus

Singularis		Pluralis
Nominativus	жена	жены mulier, ихог
Genitivus	жены	жен
Dativus	жене	женам
Accusativus	жену	жены
Vocativus	жена	жены
Ablativ. Instw.	женою	женами
Ablativus	жене	женах
Nomin.	город urbs	города
Genit.	города	городов
Dat.	городу	городом
Accus.	город	города

Vocat. similis est

Nominativo

Ablat. Instr.

Ablat

городом

городе

городами

городех

Caput IV

De Verbo

Praesens

сплю

спиш

спит

спим

спите

спят <...>

Verba impersonalia

кажет ся мне

кажет ся мне,

дожд идет <...>

gremit, grom idet <...>

грезит ся мне

videtur mihi

paenitet me,

pluit

tonat

somnio

Образцы разговоров

Cap. 1

О сочинении предлога

De Constructione

Praepositionum

Где ты был.

У брата моего, у сестре твоей.

Откуда придешь.

От батушки, от матушки.

Из агленской земли привозят сукно.

Давно ли с Москвы.

Вчера он от Новагорода приехал.

Куди идешь, поедиш.

К брату моему, к сестре моей.

Скажи ему челобитие от меня.

Приди завтра к нам.

Приведи твоего друга к мне.

Он уже говорил сомною про тебя.

Изволиш гулять сомною, с нами.

Ubi fuisti?

Apud meum fratrem, apud sororem tuam.

Unde venis?

à patre, à matre.

Ex Anglia advehunt pannum.

Diune è Moscovia discessisti?

Heri ille Novogorodio advenit.

Quorsum tendis?

Ad fratrem meum, ad sororem meam.

Luta eum meo nomine.

Veni eras ad nos.

Adduc amicum tuum ad me.

Illi jamtum locutus est mecum de te.

Placetne tibi ambulare mecum, nobiscum?

Стоит при дверех.
 При свече писат не могу.
 Не знаю по руски, по немецки,
 по французски.
 По той цене продавать не могу.
 Почему ты знаешь.
 Я послал по лошадей.
 Отнеси крушку в погреб, в гор-
 ницу.
 Я хранил сыр в погребе, в гор-
 нице.
 Постав штекан на стол, на
 лавку.
 Вот, там лежит твоя шапка на
 столе, на лавке.
 Собака бежала под стол, под
 лавку.
 Кошка спряталась под столом,
 под лавкою.
 За такую цену не сделают буш-
 маки.
 Он за город пошел.
 Живет за городе.
 Поди за реку.
 Смотри за рекою продажная
 ли дрова там.
 Етая деревня за свицким ко-
 родем.
 Моя сестра уже три лета за
 мужем.
 Поди за ним.
 Он за мною ехал.

Stat ante januam.
 Juxta candelam non possum
 scribere.
 Wescio linguam Russicam, Ger-
 manicam, Gallicam.
 Pro hoc pretio non possum ven-
 dere.
 Quomodo tu scis.
 Jussi adduci equum.
 Aufer cantarum in cellam, in
 triclinium.
 Servavi caseum in cella, in tric-
 linio.
 Pone poculum in mensam, in
 scamnum.
 Ecce mitra tua jacet in mensa,
 in scamno.
 Canis ausugit sub mensam, sub
 scamnum.
 Felis abscondit se sub mensa,
 sub scamno.
 Pro hoc pretio non consiciunt
 calceos.
 Exiit urbe.
 Habitat extra urbem.
 Abi trans fluvium.
 Vide trans fluvium num lignum
 ibi venale fit?
 Pagus hic in ditioe Regis Su-
 eciae est.
 Soror mea jamtum tres annos
 in matrimonio vixit.
 Sequere illum.
 Ille à tergo meo vectus est.

Cap. 2

Различные речи простие

Здравствуй!
 Как тебя бог милует.
 Спасибо, я не гораздо здоров.
 Я давно тебя не видал.
 Тяпер меня видиш.
 Для чево ты вчерас не ку мне
 пришол.
 Не досуг мне было.

Variae expressiones communes.

Salve.
 Quomodo vales?
 Gratias ago, non admodum
 valeo.
 Diu te non vidi.
 Jam me vides.
 Quare heri non ad me venisti.
 Non vacabat mihi.

Пожалуи садися.
Челом бью, я не устал.
Пожалуи приди чаще к нам в
предки.
Я рад буду часто свидат ся
стобою.
Откуда придеш.
Из слободы.
Куда думаеш?
Домои.
Домали твои хосяин?
Не знаю, он здвора ехат хотел
Где он живет.
На болшой улице где он всегда
жил.
Бог помоч.
Опотчиваи здоров.

Sedeas quaeso.
Gratias ago, non sum lassus.
Quaeso imposterum frequentius
nos visites.
Jucundum mihi erit saepe te
frui.
Unde venis?
E suburbio.
Quorsum tendis?
Domum.
Domi ne est herus tuus?
Nescio, exire voluit.
Ubi ille habitat?
In platea majori ubi semper
habitavit.
Deus te juvet.
Dormi quiete.

Сар. 3

О еством и питии
Завтракал ли ты.
Я поздно ужинал вчерас, сверх
того я редко ям прежде обе-
да.
Изволиш с нами хлеба кушит
Челом бью, дело мне.
Точас обед готов будет, девка
стели скатрет.
Мы не дожидали ся гости, не
суди что я смел за прост те-
бя держат здес.
Болши приготовлено неже на-
добе.
Пожалуи куши, не побрезгуи
нашим кушением.
Я дожидаю ся твою семью,
жену.
Она еще в поварне.
Право я не стану есть пока-
мест она не пришла.
Барен, малец поди в поварну
и позови иванону.
Она идет <...>

De cibo et potu.
Sumsistine jentaculum?
Sero heri coenavi, praeterea ga-
ro ante prandium edo.
Placente tibi nobiscum comede-
re?
Gratias ago, aliquid mihi agen-
dum est.
Statim prandium paratum erit.
ancilla sterne mensam.
Non expectavimus convivias,
aequi bonique consule, quod
more familiari te excipere
ausus sim.
Major apparatus factus, quam
necesse est.
Quaeso comedas, noli dedignari
nostrum cibum.
Expecto tuam uxorem.
Illa adhuc in culina est.
Certe non manducabo antequam
illa veniat.
Puer, abi in culinam et advoca
uxorem meam.
Statim adveniet.

«Лексикон славеноросский» Памвы Берынды

«Лексикон славеноросский и имен тлъкование» — выдающееся произведение лексикографии XVII в. Этот словарь был подготовлен монахом Памвой Берындой и издан в 1627 г. В словаре отражаются речевые явления того времени: слова, традиционные в области письменности (церковнокнижные), и слова разговорные, восточнославянские, принадлежащие русской и украинской речи.

Ниже даются извлечения из словаря Памвы Берынды по изданию: Лексикон словенороський Памви Беринди. Київ, 1961.

Прихожу в себе: збираюся з розумом.

Прицепился еси: привязался ся еси, стоиши. ти.

Прицепляю: привешаю.

Прицепляюся: привешены бываю, прилучаюся, причеплею.

Приязнь: любовь. цм.

Приятие: принятье.

Прийде: пришол, приселися.

Продрезатель: смелый.

Продрезость: наглость.

Прозорливец: вперед видяче.

Произволение: зизволенье, добрая воля.

Пролетие: весна.

Пронырливый: скрытый, злосник, потаемный, здрадца.

Пронырство: лукавство, лесть.

Простый: простак, щирый, едностраный, невежда.

Птица: птах, воробец. або потя. зря куря.

Путь: дорога.

Путник: подорожный человек.

Пучина: глубокост морская.

Пущеница: отогнаная жона.

Раздрешение: розвязанье, отпушченье, зопсованье.

Ратный: валечный, менжный.

Рета, или рота: словная присяга.

Ритор: речеточец, ветия, хитрословец, красомовца, оратор.

Сапог: чобот (черевик).

Сапожник: чоботар.

Свеща: свеча, лампа, каганец: походня.

Скудель: глиняный збан, или горнец.

Хлебница: пекарня.

Хлеботворец: пекар.

Художник: ремесник.

Чародей: чаровник.

Чесоради: для чого.

Что: што, що.

Юнота: младенец, албо девчина, панянка.

Юнотка: молодиця.

Юность: молодсть.

«Грамматика» Мелетия Смотрицкого

Мелетий Смотрицкий (1578—1633) — автор знаменитой грамматики церковнославянского языка; эта книга под названием «Грамматики славенския правильное синтагма» вышла в свет в 1619 г. В XVII столетии произведение М. Смотрицкого пользовалось большой популярностью; оно неоднократно переиздавалось и помогало деятелям культуры приобщаться к нормам литературного языка. Поэт Симеон Полоцкий при переезде своем в Москву (1663) писал в виршах предисловия к «Рифмологиону»:

Писах в начале по языку тому,
иже свойственный бе моему дому.
Таже увидев многу ползу быти
славенскому ся чистому учити,
Взях грамматику, прилежах читати,
бог же удобно даде им ю знати <...>
Тако славенским речем приложихся;
елико дал бог знати научихся;
Сочинение возмогах познати
и образная в славенском держати.

В 1648 г. грамматика Смотрицкого была переиздана в Москве; она была несколько переработана и дополнена фактами русского языка.

Отрывки данной грамматики даются по указанному московскому изданию.

Что есть грамматика.

Есть известное художество, благо и глаголати и писати учащее.

Колико есть части грамматики:

Четыри.

Орфография.

Этимология.

Синтаксис.

Просодия.

Чесому учат сия четыре части:

Орфография учит право писати, и гласом в речениях право ударяти.

Этимология учит речения в своя им части точне возносити.

Синтаксис учит словеса сложне съчиняти.

Просодия учит метром или мерою количества стихи слагати.

О орфографии.

Что есть орфография;

Есть часть грамматики первая, естество писмен, свойство их, слог, речение, и слово со припетием и препинанием знати учащая.

Орфография трое в себе
содержит.

Естество писмен.

Ударяние гласа.

Препинание словес.

Что есть писмен естество;

Есть коегождо писмене достолепное начертание.

Что есть ударяние гласа;

Есть речений просодиею верхнею знаменованье.

Что есть словес препинание;

Есть речи, начертанием различных в строце знамен, разделение.

О этимологии.

Этимология есть часть грамматики вторая, речения разделяти, и к своей кождо слова части сразсуждением отнести учащая;

О осми частех слова`

Части слова суть осм. Имя: Местоимение: Глагол: Причастие: Различие: Наречие: Предлог: Союз;

Разделение частей слова

Разделяются слова части на Скланяемая, и Нескланяемая: Скланяемая суть пять. Имя: Местоимение: Глагол: Причастие: Различие: Нескланяемая три. Наречие: Предлог: Союз;

О имени

Имя есть часть слова вещи наречение. падежьми скланяющая, временеже действо, или страдание знаменующаго, не имущая;

Разделение имене

Имя есть сугубо собственное, и нарицательное.

Собственное имя есть, еже собственныя и известныя вещи знаменует, яко, петр, анна, иордан, фавор, палестина, москва, и прочая; Наричательное имя есть, еже общия и безвестныя вещи знаменует: яко, отец, царь, дева, град, древо, конь, и прочая;

Разделение имене нарицательнаго

Наричательное имя есть существительное
трегубо, собирательное, и
прилагательное.

Существительное имя есть, емуже приложено быти не может, мужь, жена, древо, или что отсицевых: яко, конь, весь, село, и прочая. Собирательное имя есть, еже единственным числом множество знаменует: яко, сонм, спира, лик, камене, братия, стеблие, зелие, и прочая.

Прилагательное имя есть, емуже приложено быти может, мужь, жена, древо, или что отподобных; яко, честный мужь, честная жена, честное древо; и прочая...

О глаголе

Глагол есть часть слова склоняемая, сразличными наклонении и времени, действо, или страсть или среднее что знаменующая.

Глагол есть четверогуб, личны
безличны
стропотныи и
лишаемыи.

Личныи есть, иже вся лица всех трех числ имать: яко, бию, биеши, биет, биема, биета, биета, бием, биете, биют. Безличныи есть, иже перваго и втораго лица всех трех числ многих же, и третияго множественнаго лишается.

Сей сугуб есть

ов действенаго и знаменованя
и спряжения; яко, подобает,
достоит, лет есть, и прочая.
ов страдательнаго: яко, ключа-
ется, мнится, глаголется, и
прочая.

Стропотный есть, иже по правилу личных неспрягается: яко, есмь, несмь, вемь, и прочая.

Лишаемый есмь, иже наклонении или времен лишается: яко, рех, усну, и прочая...

О залозе

Залог есть случай, иже глагол окончание сознаменованием являет.

Залози глагола суть пять

действительныи.
страдательныи.
среднии.
отложительныи, и
общии.

Действенныи залог есь, иже действо знаменует. и слога, ся, приложением, страдательныи из себе творит; яко, бию, творю, и прочая.

Страдательныи есть, иже страдание знаменует, и заотложением, ся, слога, действительныи бывает; яко, боюся, творюся, и прочая.

Среднии есть, иже ни действо знаменует, ни страдание, и во-страдательное не прилагается; яко, стою, здравствую, теплею, и прочая.

Отложительныи есть, иже окончание убо страдательнаго имать, знаменоване же или действительнаго самого, яко, боюся или самого средняго, яко, труждаюся, и прочая.

Общии есть, иже окончание страдательнаго имать, знаменоване же действительнаго вкупе и страдательнаго, яко, касаюся, и прочая.

Литературный язык Российского государства

С начала XVIII в. начинается новый этап в истории русского литературного языка, связанный с изменениями в общественном укладе Российского государства.

Первые десятилетия XVIII в. — время интенсивных процессов в жизни литературного языка. В сфере книжной письменности используются самые разнородные языковые средства: отживающие и вновь возникшие, узкоспециальные и широкоупотребительные, обиходно-бытовые и книжно-славянские, исконно русские и иноязычные.

Язык произведений разных жанров (деловой, публицистической, научной, художественной литературы) усваивает слова, выражения, грамматические конструкции, которые прежде являлись принадлежностью либо только книжно-славянской, либо народно-литературной письменной речи.

Предпринимаются попытки найти пути и формы объединения разнородного речевого материала в единую систему средств литературного языка (А. Д. Кантемир, В. К. Тредиаковский).

В середине XVIII в. начинают складываться единые нормы общепринятого употребления средств литературного выражения.

В филологических трудах М. В. Ломоносова определяются пути стилистического совершенствования форм литературного языка. Стилистическая теория Ломоносова устраняла пестроту и неупорядоченность в употреблении разнородных языковых средств. Различные жанры письменности прикреплялись к определенным разновидностям литературного языка, которые в основе восходили к русской речи и предусматривали в своем составе определенное соотношение сугубо книжных и разговорных средств общения. Литературный язык стал представлять собой систему литературных норм, которые регламентировали существование различных функциональных стилей: высокого, среднего и низкого.

Стилистическая теория Ломоносова упорядочила систему литературного словоупотребления и тем самым стабилизировала язык русской письменности середины и первых десятилетий второй половины XVIII в.

Однако развитие общества в последующие десятилетия вызвало потребность более свободного использования речевых средств, приписанных к тому или иному жанру письменности. Писатели, деятели культуры в своих произведениях допускают отступления от стилистических регламентаций учения М. В. Ломоносова. Система трех стилей становится нежизнеспособной, она не в состоянии удовлетворить потребности многообразных форм литературной деятельности, обнаруживает схематизм и в известной мере сдерживает процесс словесного творчества.

Все более широкое употребление в литературных произведениях просторечных и иных средств общения способствует сужению системы трех стилей, а впоследствии приводит к разрушению высокого стиля, к стиранию границ между средним и низким стилями.

Стремление преодолеть узость системы трех стилей в литературных произведениях конца XVIII в. принимает самые различные формы. Появляются новые приемы использования живой народно-разговорной речи в различных жанрах письменности, связанные с характером реализации определенного содержания, но не обусловленные тем или иным жанром. Народно-разговорная речь смелее вторгается в контексты литературной речи и тем самым теснит традиционно-литературные средства письменной речи. Изменяется роль и значение традиционных средств литературного выражения в языке художественной литературы и публицистики. Все это приводит к тому, что отбор и организация языковых средств начинают подчиняться задачам либо реалистического отражения действительности (произведения Г. Р. Державина, Н. И. Новикова, А. Н. Радищева и др.), либо сентиментального, романтического изображения внутреннего мира человека (Н. М. Карамзин, В. А. Жуковский и др.).

Памятники языка письменности первой трети XVIII века (Петровская эпоха)

В начале XVIII в. складывается новая языковая ситуация: становится явной противоречивость тенденций, связанных с характером употребления средств литературного языка. Намечается процесс разрушения системы средств церковнокнижной речи. Архаичные средства книжно-славянского языка (слова, обороты речи, грамматические конструкции) становятся непопулярными, утрачивают былую употребительность в языке повествовательной, эпистолярной, научной литературы. Становится все более глубоким разрыв между средствами письменности, ориентированными на церковно-богослужebную и светскую литературу. В ли-

тературном языке одновременно используются традиционные церковнокнижные средства (правда, менее широко, чем раньше), элементы живого разговорного языка (которые значительно активизируются), а также появляются уже заимствования из западноевропейских языков. Пестрота и неупорядоченность письменной речи вызывают потребность в регламентации средств литературного выражения. В качестве образца литературного выражения пытаются рассматривать язык делопроизводства Посольского приказа. Тенденция на доступность, понятность письменной речи становится ведущей, и это способствует вовлечению в сферу литературного языка средств общерусской речи.

В языке светской литературы происходит нейтрализация элементов книжной и разговорной речи: интенсивное взаимодействие книжно-славянской и русской лексики, при котором славянизмы утрачивают былую активность, оттесняются и заменяются русскими словами.

Памятники языка письменности первой трети XVIII в. свидетельствуют о начале преобразования литературного языка, о формировании средней нормы литературного выражения в сложном взаимодействии единиц языка в структуре контекста. При этом продолжает оставаться актуальной задача по устранению неупорядоченности в употреблении элементов церковнокнижных, русских и иноязычных.

«Книга о скудости и о богатстве» И. Т. Посошкова

Иван Тихонович Посошков [1652 (53) — 1726] — известный публицист конца XVII — начала XVIII в. В сочинениях И. Т. Посошкова (докладные и книги о государственном правлении, о системе образования, об упорядочении форм гражданского состояния, о военной службе) отражено состояние литературного языка, свойственное официально-деловой письменности и произведениям публицистического направления. В «Книге о скудости и о богатстве» народно-разговорная речь занимает ведущее место; средства этой речи реализуют оттенки публицистической экспрессии: осуждение, неодобрение, неприятие описываемого, стремление к утверждению нового (*облыжка* — обман; *поноровка* — поблажка; *торгаш*; *харч*; *пашни ему непахать*; *семьянист и лошади*; *ябедовать и нахаловать*; *бояре не ставили купечества ни в яичную скорлупку*). Изложение отчасти ритмизовано, приближено к поговорочным речениям и присловьям (*правителю... не надобно много пить и в прохладу жить, и по лесам зайцов ловить*). Синтаксические конструкции более непринужденные, более гибкие по сравнению с традиционными построениями деловой речи.

Отрывки приводятся по изданию: Сочинения Ивана Посошкова. М., 1842.

Книга о скудости и о богатстве, сие есть изъявление, от чего приключается напрасная скудость, и от чего гобзовитое богатство умножается <...>

Первее же предложим расположение о духовном правлении, потом о воинском и протчих мирских делех, и о здоровом и гобзовитом и постоянном собрании интереса его императорского величества. <...>

2. Военный люд — стена и твердое забрало царству, а командиры их и судии военного правления не имут попечения о них, чтобы они ни голодни, ни холодны были, но всем бы довольны; зело бо о них слышно, что от недостатку великую нужду подьмлют; ибо иным солдатам на месяц и по десяти алтын не приходит, то чем ему прожить, где ему взять шуба или рукавицы и иныя потребности, такожде и харча на что ему купить? и в такой скудности живучи, как ему и не своровать, и как ему из службы не збежать? нужда не токмо к бежанию принудит, но и изменить готов будет; а изменя и ратником на своих будет. О солдатах и о драгунах надлежит весьма великое попечение иметь, и силно того смотрити, дабы они пищею и одеждою были нескудны, а егда тем будут доволни, то они и в службе будут исправнее; и сего ради, яко главных полков, так и последних и нововыбранных полков, вси не были бы не голодни, ни холодни.

А и сие едва право ли учинено по немецкомуль артикулу, или наших командиров вымысел, еже солдату или драгуну мундир дадут, а последи за весь тот мундир из жалованья и вычтут, и того ради вычету иным солдатам и по десяти алтын на месяц не приходит, и мню я, что его императорскому величеству не весьма известно, и всем пространнее речется в настоящей главе о воинстве.

Глава I

О духовности

В духовном чину аще будут люди неученые, в писании неискусные, и веры христианския всесовершеннаго основания неведущие, и воли божией неразумееущи, ктому же аще будут пьяницы и инаго всякаго безумия и безчинства наполнены, то благочестивая наша христианская вера вся исказится и весьма испразнитися, и вместо древняго, единосогласнаго благочестия, вси разыдутся в разногласные расколы и во иныя еретические веры. <...> Ныне есть напечатано в Москве тысяч пять-шесть грамматик, да бог весть какия; на печатном дворе командиры напечатали ее толь просто, что без учителя и орфографии не можно разтолковать и научиться, чтоб по ней правописание разуметь. К тому же еще и бумагу положили в них самую плохую, коя ни куда, кроме черных писем по нужде, что разве на такой бумаге календари печатать, потому что они на один только год печатаются, а грамматика — дело высокое и прочное: и того ради и печатать ее надлежит на самой доброй бумаге, чтобы она прочна была.

И во всех епархиях построить бы школы пространныя, и в те школы собрать всех поповых и дьяконовых и дьячковых и пономарских детей, от градских и от уездных, от десяти-летних даже до двадцати-пяти летних; и буде которые отцы добром их в школы отпустить не похотят, то брать бы их и неволею, и учить грамматике и всякаго книжнаго разума.

И положить о сем недвижимый предел: буде кой человек школьного учения не принес, и грамматического разумения не научился, таковых бы отнюдь во пресвитеры и диаконы не посвящати: то кии причетники церковные пожелают пресвитерства, то будут и тридцати-летные в школы и без понуждения прихода учиться и учением своим будут поспешать. И таковые люди годы в два-три научиться могут; понеже себя ради будут поспешати и со охотою учиться имут. И который из них учение грамматическое твердо примет, а летами своими еще млад, то таковых надлежит и риторике поучить, или и философии; и тии не токмо во пресвитерский сан, но и во архиерейство будут годны и учителями могут застати. <...>

Глава 2

О воинских делах

В военном деле аще люд будут военного артикула не весьма навькли, и в ружье силы неразумеющие, к тому же аще и стрелять цельно неумеющие, то весьма таковые в военном деле будут неспоры и неприятелю нестрашны; а еще же к тому и пищу будут неизобильны, то и напаче плоха будет у таковых служба. Есть слух, что иным солдатам и по десяти алтын денежного жалованья не приходит на месяц, а о таковой их скудости, чаю, что никто великому государю не донесет, но чаю, доносят, будто бы вси сыты и всем довольны. Годов тому с шесть или с семь назад в Вышнем Волочке новобранному солдату за вычетом досталось на месяц две гривны, и он приняв деньги, вынял нож, да брюхо у себя и порезал. И сие яве есть, еже не от радости тако он учинил, что и живот свой ему не смилился. И о таковой причине командиры прямо о том не донесут, что он от великия своея скудости в жалованье так над собою учинил.

И от такова порядка и от безкормицы служба вельми неспора; потому что голодной идучи и за солому защемляется, а не то что ему неприятеля гнать и через колоды и через ручьи скакать: голодный человек, подобен осиновому листу, и от малаго ветра шатается; у голоднаго и работа худа, а не то что служба.

А истинно слыхал я от солдат и такую речь, что ради смерти своей; и от таковых какая спорина в службе, что не желает неприятеля убить, но желает сам убиен быти; дабы ему вместо здешния нужды тамо какое либо успокоение за принятие смерти своея прияти.

А аще всем довольны и военному делу, научены будут добре, а дана им будет воля и потачка яко рядовым, тако и офицером их, то паки дело военное неспору у них будет <...>

Глава 3

О правосудии

И подьячим всем надлежит приказать с крепким подтверждением, чтобы челобитников отнюдь долго не волочили; и о сем всякой судья за подьячими смотрел бы прилежно, чтобы они без подлинного повеления ничего бы не делали. И буде кому надлежит выписка, или и иное какое дело делать, то всякой бы подьячий своему делу срок положил, и челобитчику велел на положенной срок приходиться к себе; а до срока отнюдь бы в приказе не шатался; и для верности давал бы подьячий челобитчиком расписные ярлыки, и в тех ярлыках писал бы именно, к какому числу то его дело он изготавит. И буде на тот срок он не сделает, и челобитчик придет перед судию с срочным ярлыком, и по тому ярлыку судье надлежит призывать подьячего, и спросить, чего ради он того дела по слову своему не сделал? И буде какое принесет о себе оправдание явное и приличное, а не самовольное медление, и тому надлежит дать сроку; и буде и к тому сроку не сделает, то уже надлежит дать ему наказание и со штрафом.

И аще во коей канцелярии тако устроено будет, то в том приказе никогда людей много шататься не будет. А челобитчики вместо излишних волокиты будут управляться; купецкие люди — купечеством, а мастеровые — за рукоделием своим; и от того в народе пополнение будет. <...>

Глава 4

О купечестве

И ради всенародного охранения надлежит не одних иноков, но и купечество от лишнего пьянства и от роскошного жития повоздержать; наипаче надлежит запретить от заморских питей, чтобы сами не пили и в гостинцы никому бы не носили; а чаю, не худо бы и приказным людям и служивым и прочим всякаго чина людям прикрепить, чтоб и они в заморских питеях не касались, и денег бы напрасно нетеряли. Буде кто похочет прохладиться, то может и русскими питеями забавиться, а не тоб что покупаючи пить, но и приносяго никакого заморскаго питея не поваживались бы пить.

<...> А самага ради лучшаго царственнаго пополнения надлежит и прочие заморские товары с рассмотрением покупать, ибо те токмо надлежит товары покупать, без которых нам пробыть не мочно, а иныя их немецкия затейки и прихоти их мочно и приоставить, дабы, напрасно из Руси богатства не тащили; на их мягких лестных басни и на всякия их хвасти нам смотреть не для чего. Нам надлежит свой ум держать, и что нам к пополнению царственному потребно и прибыльно, то надлежит у них поку-

пать, а кои вещи нам не к прибыли, или кои и непрочны, то тех отнюдь у них не покупалиб. <...>

Глава 5

О художестве

И кои мастера будут именитые, и домами мастерскими владеть будут, то всем им, коемуждо иметь у себя клеймо свое особое, а и надзиратели такожде имели бы свои особливьяж клеймы.

И когда кой мастер сделает своего мастерства какую вещь, то мастер положил бы на той вещи свое мастерское клеймо. И буде кое мастерство будет в свидетельстве пред надзирателем, а буде оно добро, то бы на той вещи приклеймил и он своим надзирательским клеймом.

И те бы именитые мастера за учениками своими, за наимниками, смотрели накрепко, чтобы на мастерство его похулки какой не навели; потому что те дела будут за его клеймом, и аще какая вина в той вещи, в материи или в мастерстве явится, то оштрафован будет тот мастер, чье клеймо на нем будет. <...>

И аще мастеровым людям без свидетельства и без гражданского управления не повелено будет своевольно делать, то все художники добрые обогатятся и прославятся, якоже и иноземцы; иноземцы такие же люди, что и мы, да они гражданским уставом тверды и в мастерстве добры, а егда и у нас гражданской устав будет тверд, то могут наши художники и превышители их. <...>

Глава 7

О крестьянстве

Крестьянское житие скудно ни от чего инаго, токмо от своя лени, а потом от неразсмотрения правителей, и от помещичья насилия, и от небрежения их.

Аще бы царского величества поборы были расположены по владению земли их, колико кой крестьянин на себя пашет, и поборы собирали бы с них в удобное время, а помещики их лишнего ничего с них неимали, и работы бы лишняя не накладывали, но токмо и подать свою и работу налажали по владению земли их, и смотрели бы за крестьянами своими, чтоб они кроме недельных и праздничных дней не гуляли, но всегда б были в работе, то никогда крестьянин весьма не оскудеет. А буде кой крестьянин станет лежбочить, то бы таковых жестоко наказывали, понеже кой крестьянин изгуляется, в том уже пути не будет, но токмо уклонится в разбой и во иныя воровства.

Крестьянину надлежит летом землю управлять неоплошно, а зимою в лесу работати, что надлежит про домашний обиход или на люди, от чего бы какой себе прибыль учинить. <...>

Аще бы крестьяне жили все в одну душу, друг друга береглиб, и друг за друга стоялиб, тобы разбойникам и помыслить на них никак было, ежебы их нагло приехав разбивать и огнем жечь. И аще бы и между собою крестьяне жили союзно, и друг другу обид не чинили, тобы все крестьяне были сыты, и было житие их святое.

Паки немалая пакость крестьянам чинится и от того, что грамотных людей у них нет. Аще в коей деревне дворов двадцать и тридцать, а грамотнаго человека ни единого у них нет, и какой к ним не приедет с каким указом, или и без указа, да скажет, что указ у него есть, то тому и верят, и от того приемлют себе излишние убытки; потому что все они слепые, ничего не видят, ни разумеют. И того ради многие и без указа приехав пакости им чинят великия, а они оспорить не могут; а и в поборех много с них излишних денег емлют, и от того даровой приемлют себе убыток. <...>

Из документов времени царствования Петра I

Письма и документы (деловые бумаги различного содержания: военные, административные, дипломатические и т. п.) эпохи Петра I фиксируют противоборствующие тенденции в языке русской письменности: устаревание грамматических форм (флексии существительных во множественном числе — дательный падеж *солдатом*, творительный падеж *с солдаты*, предложный падеж *в солдатех*; инфинитивы на *-ти* и др.) и становление новых форм как отражение нормализации грамматического строя литературного языка; оттеснение элементов церковно-книжной речи на позиции средств, обслуживающих потребности церковного богослужения; проникновение народно-разговорной лексики и слов иноязычного происхождения в систему письменности начала XVIII в. (произведения деловые, научные, публицистические, литературно-художественные).

Настоящие материалы включают «Прелестное письмо атамана Никиты Голого в русские города, села и деревни», содержащее информацию о движении под руководством Кондратия Булавина (1707—1708). Тексты даются по изданию: Письма и бумаги императора Петра Великого. Спб., 1887—1918. Т. 1—7. Слова и фразы, вписанные рукою Петра в документы, которые были представлены ему на подпись, взяты в кавычки.

Письма и бумаги

К ЦАРИЦЕ НАТАЛИИ КИРИЛЛОВНЕ

Вселюбезнейшей и паче живота телесного дражайшей моей матушьке, гасударыни царице и великой княгине Наталии Кириловне, сынишка твой, в работе пребывающей Петрушка благословения прошу, а о твоём здравии слышать желаю. А у нас молитвами твоими здорово все; а озеро все вскрылось сего 20-го числа, и суды все кроме большого корабля в отделке, тол [ко] за канатами станет, и о том милости прошу, чтоп те канат [ы] по семисот сажен ис Пушкарского приказу не мешкоф присланы были; а за ними дело станет, и житье наше продолжитца. По сем паки благословения прошу.

Ис Переславля, апреля 20 д. 1689.

К НЕЙ ЖЕ

Гей о здрави слышать желяю и благословения прошу. А у нас все здорово; а о судах паки потвержаю, что зело хороши все, и о том Тихан Микитич сам известит.

Недостойный Petrus.
(1689 г.)

К НЕЙ ЖЕ

Радость моя! По писму твоему ей-ей зело опечалился, потому тебе печаль, а мне какая радость. Пажалуй, зделай меня беднова без печали тем: сама не печалься, а истина не заживусь. А словесно о нашем пребывани известит Федор Чемаданоф. А у нас по се время все здорова малитвами тваими.

(1693 г.)

НАКАЗНЫЕ СТАТЬИ ГРИГОРИЮ ГРИГОРЬЕВИЧУ ОСТРОВСКОМУ

(2 октября 1697 г.)

1

Ехать из Гаги¹, розведав подлинно на которые земли и места ближе и податнее, до Славенской или до Словацкой и до Шклявонской земли. А на которые места поедет, и чрез чьи земли и государства и волные города, и что от которого города до которых мест верст и миль, и какова дорога, и в подводах и в кормах довольство есть ли, о том о всем, розведав и рассмотря подлинно, записать имянно.

¹ Город Гаага в Нидерландах.

7

А будет Словаки язык свой употребляют не против Руского языка, и узнать ево, что они говорят, Рускому человеку будет не мочно, и таких вышеписанных начальных людей нет, и ему ехать в Венецию. А приехав в Венецию проведать: есть ли в Венеции вышеписанные начальные люди: капитаны, порутчики, подпорутчики, шиперы, штюрманы, боцманы, которые б умели Словенскаго языка и морского искусства, и много ли там того языка и иных языков таких людей, и буде их наймать в государеву службу, и такие люди в Московское государство в службу поедут ли и по чему похитят? о том с ними поговорить например. Также

и о том проведать: того Словенского языка и иных языков вышние начальные люди есть ли, и кто имяны, и какие чины, и в которых флотах служат, и какое о себе имя и похвалу в воинских морских делах имеют? И то все проведав подлинно, записать о всем имянно, и с тою запискою ехать в Амстрадам, не мешкая нигде.

К ФЕДОРУ МАТВЕЕВИЧУ АПРАКСИНУ

(1707 января 3)

Господин адмиралитейц.

Уже вам то подлинно извесно, что сия война над одними нами осталась; того для ничто так надлежит хранить, яко границы, дабы неприятель или силою, а паче лукавым обманом не впал [и хотя еще и не думает из Саксонии итти, однакож все лутче заранее управить] и внутреннего разорения не принес. Того для ничем так чаю сему забежать, что от границ «на двесте верст поперег, а в длину от Пскова чрез Смоленск до Черкасских городоф» указ дать, дабы в начале весны хлеб ни у кого явно не стоял, ни в житницах, ни в гумнах, також и сена, но в лесах или в ямах, или инак как [а лутче в ямах] спрятан был; також для скота и своего людем собрания в лесах же и болотах заранее не в ближних местах от болших дорог каждой место себе уготовал, того для: ежели неприятель [как выше написано] похочет, обшед войско, впасть внутрь, тогда везде ничего не найдет, а потом войском ззади будет захвачен, тогда сам не рад будет своему начинанию. Сие надлежит заранее людем объявить, понеже сие людем не без сумнения или страха [как и прошлого году от линейнаго дела было] будет, аднакож когда заранее уведают, то в несколько недель обмыслятца, и ни во что страх тот будет; тогда хотя и впрямь [чево еще и не чаем за помощь Божию] то впадение будет, тогда не так будет людем страшно, понеже уже давно ведали, к тому же и убытку такого не понесут от неприятеля, «и сие несколким персоном, кому надлежит ведать и котория имеют разсуждение, объяви [а не въсем] и чтоб о том указы послать в первых числах апреля».

Piter

К КНЯЗЮ ФЕДОРУ ЮРЬЕВИЧУ РОМОДАНОВСКОМУ

«Siir»

Изволь объявить при съезде в полате всем министром которые в конзилию съезжаютца, чтоб они всякие дела, о которых советуют, записывали, и каждой бы министр своею рукою подписывали, что зело нужно надобно, «и без того отнюдь никакого дела не определяли, ибо сим всякого дурость явлена будет».

К АНИСЬЕ КИРИЛЛОВНЕ ТОЛСТОЙ И ЕКАТЕРИНЕ АЛЕКСЕЕВНЕ

Тетка и матка сама друга (а скоро будеш и сама третья), здрафствуйте, а мы, слава Богу, здорово.

Письмо Ваше купно и с презентом принял, и за оныя благодарствую; а что пишете, чтоб к вам всегда добрыя ведомости писать, и то я от сердца рад, да какие Бог даст. Я чаю, что сие мое письмо вам при самом времени выезда Ганскина из Кельдера достанетца, о чем зело слышать желаю; что дай, Боже, в радости не толко слышать, но и видеть. О езде вашей в Питербурх еще не могу писать, понеже неприятель ближитца, и не знаем еще, куды его обороты будут; о чем немедленно буду писать, увидеф время, куды вам быть, понеже горазда без вас скучило.

Еще ж объявляю свою нужду сдешнею: отыть и обмыть некому, а вам ныне вскоре быть, сами знаете, что нельзя. А здеш[н]им поверить боюсь Екимовой причины. Того ради изволте то исправить, о чем Вам донесет доноситель сего писма. За сим предаю Вас в сохранение Божие и желаю вас в радости видеть, что дай, дай, Боже. Прошу отдать должной поклон сестре.

На частыя писма, для Бога, не подивуйте: истинно недосуг. Из Вильни, в 29 д. генваря 1708.

Piter

P. S. При сем посылаю Вам презент: тетке — лимонную материю, матке — по желтой земле да колцо, маленькой — поласатую; дай, Боже, насыть на здоровье.

«ПРЕЛЕСТНОЕ ПИСЬМО» АТАМАНА НИКИТЫ ГОЛОГО В РУССКИЕ ГОРОДА, СЕЛА И ДЕРЕВНИ

В руские Великого Гсдря Городы
столником и воеводам и приказ
ным людем а в' селъх и в' деревнях за
казным головам и десятником
и всеи черни никита Голои совсем
своим походным войскам челом бьем
стою я в' кулаковом стан и полаз
нои асамною силы сем тысячъ
козакав данских датысеча запа
рожцев казаковж и хотим итти
подробной а семен драной пошел своею
силою подызюм ас' ним силы
сорок тысячъ а некрасов по
шель (н) асаратов и наказлов асним
силы сорок тысяч а сам наш
войскавои атаман кондратеи
афонасевич Булавин пошел подазов

иподтаган а сним силы ворон
тысечи кубанцов и за
парожцов и наших козаков а нам
да черни дела нет нам дело
да бояр икаторые неправду дела
ют авы голотьва ився идите
изовсех городов конные и пешие
нагие и босые идите не опосаите
ся будутъ вам кони и руже
и платье и денежное жаловане
а мы стали застарую веру
изадом пресвятые Бдцы иза
вас завсю чернь и чтобы нам
невпасть въелнинскою веру а вы
столники ивоеводы ивякие
приказные люди и заказные голо
вы недержите черни иподорогом
нехватаит. и пропускаите вы их
к' нам в' донецкие городки ахто буде
т держать чернь и небудут про
пускать итем людем будет
смерноя казнь ахто сие писмо ста
нетъ всебе держать и будет то
ит или хто издерет тем
людем будет смерноя казнь за
сим писавы и челом бьем.

Первые русские ведомости

Первая русская печатная газета «Ведомости (Московские)» стала выходить с начала 1703 г. (указ Петра I «О печатании газет для извещения оными о заграничных и внутренних происшествиях» был издан 16 декабря 1702 г.).

Первоначально «Ведомости» печатались церковнославянским шрифтом, но с 1 февраля 1710 г. старая кириллица по указу Петра I была заменена новым (гражданским) шрифтом.

В языке первой печатной газеты отражается факультативность литературных норм как следствие значительных преобразований в системе речевых средств в начале XVIII в. Отмечается активизация слов иноязычного происхождения, слов разговорных, обиходных; последние иногда заменяют слова церковнокнижного языка (ср.: *подушка* и *возглавие*, *няня* и *детоводница*).

Ниже даются отрывки по изданию: Ведомости Петра Великого. М., 1903—1906. Вып. 1, 2.

18 июля 1703 года (отрывок)

⟨...⟩ Из новыя крепости питербурга, пишут, что нынешняго Иуля в 7 день. Господин генерал чамберс с четырьми полками конных, да с двома пеших, ходили на генерала крониорта, которой со многими людьми и с тринацатью пушки стояль на жестокой переправе. И пожестоком с обоих стран огне бжиею помо-

цию наше войско мост и переправу овладели, и неприятель узким и трудным путем версты с две бегучи ушел на гору, откуда наша конница прогнала его в лес, и порубили неприятелей с тысящу человек в которых многие были велми знатные офицеры, а болше того раненые от тяжких ран по лесам померли, а наших побито 32 члка, да несколько ранено.

В прежних ведомостях объявлено о сыскании железа в сибире, и ныне иуля в 17 день привезли к москве из сибиря, в сороке дву стругах триста дватцать три пушки великих, двенадцать мартиров, 14 гоубиц, из того железа зделанных, да с темиж пушками привезено железа, стали, укладу, немалое число, и еще ожидаем другаго коравана вскоре, а в сибиря велми умножается, железной завод, и такова добраго железа в свейской земле нет <...>

28 января 1704 года

Из сантпитербурга генваря в 25 день.

Комендант рек генваря в 11 день посылал на шведские заставы к новой кирке и во иные места, ратных людей конницы и пехоты с триста человек, и те посылные люди у новой кирки на заставе, крепость окопом и рогатками укрепленую всю разорили и выжгли, и на том бою 17 члвек шведов в полон взяли, а началник шведской которой стоял крепко на заставе с тремя стами члк рейтары и драгуны, из окопа подбежали, и московские люди за беглыми гоня версты с 4 многих побили и ранили, а наших трое ранено легкими ранами.

Взятые полоненики сказали, генерал де крониорт взят был в городе елчин и тамо умре. В генералство его под правлением генерала мейделя стоит в выборге.

В олонецком уезде, в шуйском и в толвонском погостех, и в шекшинской волости найдена железная руда.

И двои заводы заведены великие, и всяких запасов к железному делу надлежащих приготовлено многое число явилося изрядно в деле.

В нынешнем же генваре мсце против 25 го числа. На москве салдатская жена родила женска полу младенца мертва о дву главах, и те главы ат друг друга атделены особь и со всеми своими составы и чувства совершенны, а руки и ноги и все тело так, как единому человеку природно имети. и по анатомии усмотрены в нем два сердца соединены, две печени два желудка и два горла. о чем и ат ученых многие удивляются.

22 августа 1704 года

И з н а р в ы пишут августа в 21 день. Нынешняго августа в 9 день, славный и крепкий город нарва (ругодев) с бжиею помощию воинством блгочестивейшаго ншего Гсдря взят в три

четверти часа приступом, хотя неприятель подкопом наших некую часть и подорвал, однакожь салдатов тем устрашить не мог, потом в другую старую крепость неприятель вбежал и бил шамад (здачу) да бы окорд (договор) или хотя бы пардон (млсть) получить, но салдаты наши того и слышать нехотели, и в тот час, и во оную крепость ворвались, а потом и в самый замок, где неприятелю такой трактамент (подчивание) учинили, что и младенцев не много на сей свет пустили. Сей штурм млстию вышняго дивно окончился, потому что наших на всем штурме меньше трех сот члк упало. А чего кольцо в сем городе завоевано, и кольцо неприятельских людей побито, и о том будет впредь ведомость.

28 июля 1705 года

В доношении,

Гсдина генерала фельд маршалка и кавалера шереметева, к его црскому величеству, иулиа 16 дня написано.

Пресветлейший и державнейший Црь всемлстивейший Гсдрь: во всепокорности вашему величеству доношу.

С полками кавалерии вашей пришел я к реке немену, которая ат нитавы в 4 милях, в 11 день иуля. И как начал тое реку переправливаться, атправил в партии к нитаве генерала маеора боура, и с ним командарованных драгун из разных полков тысяча четыреста члк. И та наша партия с бжиею помощию одержав над неприятели победу, сегоже иулиа во 12 м числе возвратилася к нам блгополучно.

А именно: Пришед та наша партия к нитаве, в ночь незадолго до свету, и как начал быть свет, спеша драгуны пришли к посаду, где была неприятельская рота на карауле, и разорвав рогатки, тое роту збили, и пошли тем посадом до валу земляные крепости, где шведов обреталося с тысячу члк. И пришед ко оной крепости с превеликим боем ворвались чрез вал в тое крепость, и на улицах где утверждены были рогатки, и поставлены пушки, и в палатах у курлянчиков заведены были солдаты, (ат которых войска стрельбою нашим чинилася некоторая пакость).

Млстию бжиею тех неприятельских людей побили, и мало что не всех в труп положили, и в реке потопили, едва и сам комендант за охранением тутошних курлянчиков убрався в платье мешанское в замок ушел. Такожде и в палатах затаенные утех же курлянчиков неспаслися, все удоволствованы вечным сном. Дай бже и впредь вашего величества оружию счастье.

Роспись что при том от неприятеля взято

2 пушки полковые, трех фунтовые, при которых на станках утвержены с обе стороны по мартирцу что картечами стреляют. осмь знамен пехотных шведских, разных цветов, знамя драгунское тавтяное, и при нихе барабаны.

В полон взято, офицеров.

3 капитанов.

3 порутчиков.

урядников

1 фелть вебел.

1 ундер офицер.

3 фурнеров

3 капралов.

1 профос.

1 правианской писарь.

3 ротных писарей.

45 солдат

3 барабанщиков

1 пушкарь.

всего с офицеры 78 человек.

при том наших побито.

10 драгунов.

Ранено

1 капитан

21 драгун

На москве Лета Гсдня 1705, иулиа в 28 день.

«Лексикон треязычный» Федора Поликарпова

Федор Поликарпович Поликарпов-Орлов (умер 12 января 1731 г.) окончил Московскую славяно-греко-латинскую академию. В этом учебном заведении он впоследствии преподавал грамматику, риторику и пиитику на греческом языке. Значительную часть своей жизни он посвятил работе над рукописями и переводному делу, будучи вначале справщиком, а затем начальником Печатного двора в Москве (1698—1722, 1726—1731). Перу Ф. Поликарпова принадлежат переводы с греческого и латинского языков; им опубликованы книги: «Букварь», «Лексикон треязычный», «Историческое известие о Московской Академии» и др.

В «Лексиконе треязычном» широко представлены слова общеупотребительные, специальные, церковнославянские, иноязычные. В нем 19 712 словарных статей. Русские слова сопровождаются греческими и латинскими эквивалентами; иногда к словам даются синонимы.

Ниже даются отрывки из «Лексикона треязычного» (М., 1704).

Лексикон треязычный

Сиречь

Речений славенских еллиногреческих и латинских

Сокровище

Из различных древних и новых книг

собрание

и по славенскому алфавиту в чин разположеное

Читателю блгоразумному, увещательное извещение.

Узрев сию книгу (любезный читателю) мним яко помыслиши. что се ныне видим невиденное, новое, ненужное и неполезное, что пользуют нам языцы иностраннии, не доволен ли един наш

славенский ко гланию. Сия и сим подобна непшуметь ты размышляти имуща. но молю ты умолкни мало, и развеши такова негодования облак <...>

А еже разны языки знати, сие воистинну прехвално, и дар дха стаго, о котором даре в славеногреколатинском алфавите стаго писания словеса предъизъяснивше, zde за краткость оставляем <...>

яко самый славенский наш диалект, тако славный и пространный от толиких веков, не токмо под державою блгочестивых наших монархов расширяемый, но и по иным премногим странам употребляемый, даже до днесь словоположницы, или источника себе не имяше, откуда бы наши природнии славяне, и приходящие иноземци во обилие себе беседы славенския непримесныя почерпнули, чрез яже иновернии негли мнози и в блгочестие приходили быша. и того ради от разных стран приходящие, своею речением в разговоры, и в книги привнесоша, на приклад, сербская, польская, малоросская, и тако речность и чистота славенская засыпая чужестранных языков в пепел. здесь же елико всемогущая бжия десница, немощи нашей дарова силу и время: из разных книг присобравше славенское свойство, в подобающий чин положихом, его же прежде не бе где видети толико пространно, яко и малоученый детищ, не токмо совершенный муж еже хочет речение, удобь обрести возможет, по славенском же вчинихом еллиногреческаго диалекта речи, того ради, яко православная наша вера произрасте от восточнаго греческаго блгочестия <...> приложися же и третий язык латинский того ради, яко ныне по кругу земному сей диалект паче иных, во гражданских, и школьных делех обносится.

такожде и о всяких науках и художествах ко члчскому жителству нужных, книги приемноги с иных языков преведены, и вновь сочинены на сем языке обретаются. вкратце рещи, несть кому лишиться обрести, егоже бы пожелал имети ко своей потребе, тако художник, яко и военных дел искусный ратоборец <...>

Блгразумный читателю!

отдажд твою сумнительную мысль, несмыслящим разсудити день от ноши, и тму от света, а книгу сию потребную, от лжи и клевета.

ты же разумно разсмотрев сию, не малу почерпнеша разуму твою пользу, первее убо познаеши славенска языка свойство и пространство каково и колико. второе же яко на греческий и латинский с росскаго превода, и что либо наименовати не зная <...>

потребна же сия книга и грамматическаго сочинения тщателем, без нея же аки пчеле без крил, и острому ученику в прекрасном еллиногреческаго и латинска учения верте облетати трудно, еже и наипаче нас возпери к делу сему многотрудному, яко да поможем немощи детстей, славенороссийских отроков: несаи же и иностранных тесныя стези иноязычных наук проходящей. не кичася же, дело сие назвах трудным: ибо ведать искуснии в язы-

цех, колик труд и пот, еже и своего единого кому природного языка обтещи поле, и обравшу вся речения, изяснити оных силу, и в чин разположити <...>

Агнец, αμνοσ, αρνιον, agnellus
Адамант, алмаз, οασαμασ, adamas
Аер, воздух, οαυρ, aer
Артерия, жилка въздухоблюстителная, αρτηρια, arteria
Асфалт, клей, ασφαλτοσ, bitumen
Барыш, зри прибыльток
Барыш приемлю, зри прибыточествую
Барыш наддаю, зри наращаю.
Босыми ногами хожду, nudis pedimus incedo, nudor pedes
Боса творю, разубаю, discalceo
Брада растет у мене, barbam emitto
Браду ращу, barbam purrio
Вем, зри ведаю
Груди, зри перси
Дозреваю, зри созреваю
Дозрелый, зри созрелый
Дозорщик, зри дозоратай
Досмотреный, зри насмотреный
Досмотритель, зри надсмотритель
Достаток, зри довольность
Достаю, зри досязаю
Доход, зри корысть
Дохожу, зри прихожду
Дручу, зри удручаю
Дед, зри праотец
Дедич, зри праотеческий
Детель, зри дело
Детелствую, зри делаю
Жалатель, зри желатель
Жаледба, зри жалость
Захапляю, зри похищаю
Защита, зри заступа
Звяцаю, зри звоню
Корм, зри пища
Кормлю, зри питаю
Корова, зри крава
Короватый, зри користый
Корона, зри венец
Куриво, зри курение
Курица, зри кокошь
Курю, зри дымлю
Куча, зри громада <...>

«Фрагменты из «Букваря»
Ф. Поликарпова (М., 1701 г.)

ПРАВИЛЬНОЕ ОБУЧЕНИЕ ЧИННАГО ЧТЕНИЯ И ПИСАНИЯ

Учащему, чтущему, и пишущему, должно свойство произношения, ударения, препинания, и правописания в книгах знати, ибо всякаго языка особое обыкновение в сих зрится. и перво убо коегождо сих языка книги читати, и писати достоин речь от речи разделно.

За запятыми отдыхати, а точками цел разум определяти.

Просодии или ударенми чинно разум речений являти, ино бо мѹка, ино мукá, ино бѹди, и ино будѹи, и прочая.

Вместо *e* не гли *ие*, яко *егда* не *иегда*, вместо *ф* не глаголи *х*: яко *филипп*, а не *хвилипп*, *фараон*, а не *хвараон*...

О РАЗДЕЛЕНИИ ПИСМЕН СЛАВЕНСКИХ ВКРАТЦЕ ПО ГРАММАТИЦЕ

Писмена славенская по первому разделению разделяются на гласная и согласная.

Гласная суть десять, *а, е, и, ѳ, о, ъ, ѵ*, (ять), (омега), (ижица).

Разделяются же гласная, на самогласная, и припряжногласная. Самогласная убо осмь, *а, е, и, ѳ, о*, (ять), (омега), (ижица).

Припряжногласная же суть два, *ъ, ѳ*.

Сим последуют и двогласная четыре, *я* или (юс малый), *ю, ѵ, у* или (ук).

Гласная нарицаются, понеже бе приложения согласнаго писмене сами от себе глас издают, якоже *а, и* и прочая.

Согласная славеном двадесять четыре писмен, яко *б, в, г, д, ж, с, з, к, л, м, н, п, р, с, т, ф, х, ц, ч, ш, щ*, (кси), (пси), (фита).

Путешествие стольника Петра Андреевича Толстого 1697—1699 гг.

Наблюдения П. А. Толстого, одного из приближенных Петра I, изложенные в его путевых записях, представляют большой интерес для изучения словарного состава литературного языка на рубеже XVII — XVIII столетий. Здесь встречаются западноевропейские слова, которые в более позднее время войдут в активный фонд литературной лексики; фиксируется потребность русского языка к восприятию некоторых слов иноязычного происхождения для выражения тех понятий, которых не было ранее в жизни русских людей. В ряде случаев иноязычные слова комментируются русскими, к ним даются эквиваленты русского образования (*машкара* — по-славянски *харя*, *палаты округлые* «называют итальяне *театрум*»).

Печатается в сокращении по изданию: Путешествия русских людей за границу в XVIII в. М., 1914.

Мая в 24-й день. Ходил я гулять в ряды, и товаров в рядах изрядных всяких множество, а паче много зело серебра, изрядных великих вещей чеканной и резной, и сканной и гладкой предивной работы. Во время бытности моей в Вене была ярманка, на трех пляцах торговали, где я видел на малых прилавках множество дорогих товаров: алмазов, яхонтов и жемчугу изрядного и иных многих драгоценных вещей золотых с разными каменьями дивной работы. Из тех помяненных трех пляц на одном пляце или площади монастырь есть езуитский; близко того монастыря среди площади сделан столп мраморной, на нем поставлен образ пресвятыя богородицы резной, одеян в солнце и луну под ногами, как пишет апостол святой Иоанн Богослов в Апокалипсисе. На той же площади сделаны две фонтаны изрядные, из которых текут изрядные чистые воды. Из тех же помяненных трех площадей на другой площади сделан столп и две ж фонтаны. На третьей площади сделана ратуша великая каменная, к ней сделаны две лестницы каменные широкие, изрядные; на середине у стены той ратуши поставлено подобие девицы, вырезано из белого камня с покровенными очми во образ Правды, якобы судить, не зря на лицо человеческое праведно. На той же площади сделан столп каменный, на том столпе повешано со всех сторон катское оружие. В том месте у этого столпа бывает испытание и казнь винного.— Того же числа обедал у меня московский посланник, иноземец Адам Вейт, и по обеде поехали мы с ним гулять в цесарский сад. Он Адам поехал в своей карете, а я себе нанял карету на весь день, дал за то один ефимок, в которой карете заложены были два возника изрядные. Тот помяненный цесарский сад от города Вены расстоянием меньше московской полуверсты и суть зело велик и устроен изрядно; травы в нем и цветы изрядные посажены дивными штуками, и дерев плодовых в том саду разных родов множество и посажены по пропорции, также иные деревья плетены ветвми многие, и листья на них обрываются по пропорции ж, а померанцевые и лимонные деревья в великих изрядных горшках каменных и поставлены по местам. Прешпектива зело изрядна. Также многие травы и цветы сажены в горшках разных изрядных и ставлены архитектурально.

В том же саду вместо столпов поделано подобий человеческих мужеска и женска пола из меди изрядною работою много.

Среди того сада сделана фонтана изрядная каменная, из которой течет вода чистая из восьми мест по пропорции; в середине той фонтаны сделано пять подобий Сирина, т. е. до пояса человек от головы, а от пояса хвост подобием рыб. Те Сирины сделаны из белого камня, и из них всех вода ж течет.

Также около той фонтаны много из белого камня подобий разных гадских, из которых изо всякого подобия истекает вода, по сторонам той фонтаны другие две великие и стройные фонтаны, из которых кверху из 9-ти мест исходит вода. По сторонам тех помяненных двух фонтан по две фонтаны малых; тут же

близко стены сделана фонтана изрядною штукаю; в той помяненной стене поделаны семь мест, в которых во всяком месте возможно сесть одному человеку, а против всякого места сделано по фонтане, из которых в те места брызжет вода. В том же саду на одной стороне сделана площадь выше того сада, на которую площадь входят по лестнице; та лестница каменная великая, сделана изрядною работою. Кругом той помяненной площади посажены деревья плодовые изровненные изрядно. На стороне той площади сделана стена каменная изрядною и дивною работою, какой работы во всем свете мало обретается; убрана та стена ценными не великими камениями и раковинами и иными разными всякими вещами; из той стены из одного места истекает вода изрядными фонтанами. От того места сделана гора немалая, на той горе сделан пруд в длину 50 сажен, поперек 12 сажен; выкладен весь белым камнем. Тут же сделан дом цесарский великий каменного строения четвероуголен, со всех сторон огорожен палатами изрядными; длинные стены того дома сажен по 100, поперечные сажен по 50, и перегорожен тот дом на три палаты. На том дворе в высоту три жилья; внизу тех палат одна великая палата, что называется театрум, в которой для увеселения цесарского бывают комедии.

Мая в 26-й день. Был я в шпитале, то есть в больнице или в больничном доме. Тот шпиталь сделан вне города Вены, на другой стороне проливы реки Дуная; в том шпитале сделана палата зело дивная, в той палате против дверей поставлены под стеклом в киоте кости человеческие, собраны по подобию и связаны проволокою медною. <...>

В Венеции во всех домах в палатах жилых печей нет, только делают в жилых палатах камины, где раскладывается огонь, а печи имеют только в харчевнях, где пекут хлеб и пироги и всякие на пищу потребности. <...>

Венециане мужеский пол одежды носят черные, также и женский пол любят убираться в черное ж платье, а строй венецкого мужского платья особый. <...>

Головы и бороды и усы бреют и носят волосы накладные великие и зело изрядные, а вместо шляп носят шапки черные ж суконные, опушены овчинами черными и никогда их на головы не надевают, только носят в руках. <...>

В Венеции близко костела св. Марка с двух сторон великие площади вымощены кирпичом изрядно, также вся Венеция имеет в себе улицы и переулки все мощеные кирпичом. Тому зело дивно, что от дождей и от морских вод тот кирпич не размокнет. <...>

Около той площади много лавок, в которых делают и продают волосы накладные; тут же делают и продают кожи золоченые. На тех же площадях бывает часто поучение народу: приходят законники из монастырей и сказывают казания на кафедре, которая кафедра на той площади всегда стоит высокая. <...>

На той же площади многие бывают во вся дни забавы: куклы выпускают, собаки ученые пляшут, также обезьяны пляшут, а иные люди бандерами, т. е. знаменами играют и иные блюдами медными играют на одной палке зело изрядно и штучно: высоко мечет то блюдо палкою вверх, и сверху паки упадет то блюдо на ту же палку, и иные люди огонь едят, иные люди камня немалые глотают и иные всякие штуки делают для забавы народу и за то берут себе деньги от тех, которые их смотрят. <...>

На той же площади при море бывают построены анбары великие и сараи; в тех анбарах танцуют люди на веревках мужеска полу и женска преудивительно. также и девицы, между которыми я видел одну жену беременную уж близ рождения, и та там танцевала по веревке зело удивительно. В других анбарах делают комедии куклами власно как живыми людьми; в иных анбарах показывают удивительные вещи, между которыми видел я человека, имеющего две головы, одна на своем месте, где надлежит быть, и называется Яков, а другая на левом боку и называется Матвей; также и та которая на боку имеет волосы длинные и глаза и нос и рот и зубы, только не говорит и не ест, а временем глядит. <...>

В Венеции бывают оперы и комедии предивныя, которых в совершенство описать никто не может и нигде на всем свете таких предивных оперов и комедий нет и не бывает. В бытность мою в Венеции были оперы в пяти местах. Те палаты, в которых те оперы бывают, великия, округлыя, и называют их итальяне театрум. В тех палатах поделаны чуланы многие в пять рядов вверх, и бывает в одном театруме чуланов 200, а в ином 300 и больше, а все чуланы изнутри того театрума поделаны предивными работами золочеными, иные оклеиваны толстою чеканною бумагою, так что невозможно познать, чтоб не сницарская была работа дивная, и вызолочено все в том театруме, пол сделан мало на-кось, чтоб одним из-за других было видно, которые в те стулы для смотрения садятся; и за те стулы и скамьи дают платы, а кто хочет сидеть в особом чулане, тот повинен дать за чулан болшую плату, а за пропуск в тот театрум особая со всех равная плата, и с одной стороны к тому театруму бывает приделана великая зело длинная палата, в которой чинится опера. В той палате бывают времена преспективы дивныя, и людей бывает в одной опере в наряде мужеска и женска полу человек по 100 и по 150 и больше. <...>

А начинают в тех операх играть в первом часу ночи, а кончают в 5-м и 6-м часу ночи, а в день никогда не играют. И приходят в те оперы множество людей в машкарах, по-славянски в харях, чтоб никто не познавал, ито в тех операх бывает, для того что многие ходят с женами, также и приезжие иноземцы ходят с девицами; и для того надевают мушины и женщины машкары и платье странное, чтоб друг друга не познавали. Так и все время карнавала ходят все в машкарах мушины, жены и

девицы, и гуляют все невозбранно, кто где хочет, и никто не узнает. И так всегда в Венеции увеселяются и не хотят быть никогда без увеселения, в которых своих веселостях и грешат много и, когда сойдутся в машкарах на площадях к собору св. Марка, тогда многия девицы берут в машкарах за руки иноземцев приезжих и гуляют с ними и забавляются без стыда. <..>

Повесть о Василии Кориотском

«Гистория о российском матросе Василии Кориотском и о прекрасной королевне Ираклии Флоренской земли» — популярнейшая повесть Петровского времени. В этом произведении отражены те изменения, которые переживал язык русской письменности на рубеже двух столетий — XVII и XVIII; здесь встречаются слова и выражения народно-разговорной и устно-поэтической речи (*записался в матросы, в услужении полюбился, и слава об нем велика прошла, стежка*), слова иноязычного происхождения (*персона, маршировать, пароль, кавалер*); в то же время широко используются устаревающие слова и грамматические формы (*восприять науки, корабли разбишася, Василий утопоша, отыде во Францию, нача просити, убрався с товары, велми много*).

Печатается в сокращении по изданию: Русская повесть Петровского времени Спб., 1880.

Гистория о российском матросе Василии Кориотском и о прекрасной королевне Ираклии Флоренской земли

В Российских Европиях некоторый живяще дворянин, имяше имя ему Иоанн, по малой фамилии Кориотской. Имел у себя сына Василия, лицом зело прекрасна. А оной дворянин (в) великую скудость прииде и не имеяше у себя пищи. Во едино же время оной его сын рече отцу своему: «Государь мой батюшко! Прошу у тебя родительскаго благословения, изволь мене отпустить в службу,— то мне будет в службе даваться жалованья, от котораго и вам буду присылать на нужду и на прокормления». Выслушав же отец его и даде ему благословение, отпусая от себя. Василий же, взяв от отца своего благословение, прииде в Санктпетербурх и записался в морской флот в матросы. И ото-слали его на корабль по определению; на корабле призываше (его) по обыкновению матросскому зело нелестно и прочих всех матросов; в науках пребываше и (у) всех персон знатных в услужении полюбился, котораго все любили и жаловали без меры. И слава об нем велика прошла за его науку и услугу, понеже он знал в науках матросских велми остро, по морям где острова и пучины морския и мели, и быстрины, и ветры, и небесныя планеты, и воздуха. И за ту науку на кораблях старшим пребывал и от всех старших матросов в великой славе прославлялся.

Во едино же время указали маршировать и добирать младших матросов за моря в Галандию, для наук арихметических и разных языков; токмо онаго Василия в старшие не команди-

ровали с младшими матросами, но оставлен бысть в Кранштате; но токмо он по желанию своему просился, чтоб его с командированными матросами послать за моря в Голландию для лучшаго познания наук. По его прошению был командирован с прочими матросами, отпущен за моря в Голландию с младшими матросами. По отбытии из Кранштата, по некоторых днях прошедших прибыли в Голландию матросы на кораблях, и с ними Василей Кориотской. В Голландии учинили им квартиры и поставлены были все младшие матросы по домам купецким, а ему, Василию, за его услуги и за старшинство — к знатному и богатому гостю в дом поставили равно (со) Штатами. И оной матрос Василей у гостя стоял велми смиренно и слушал его во всем. И оной голландской гость усмотрел его в послушании и в науках зело остра и зело возлюбил и послал его на своих кораблях с товарами в Англию, которому лучше всех своих прикащиков стал верить и во всем ему приказывал и деньги и товары ему вручил. <...>

И как он Василей от Великаго ужеса, лежа на острове, очнулся и взыде на остров, и велие благодарение воздав богу, что его бог вынес на сухое место живаго: «Слава тебе, господи боже, небесный царю и человеколюбче, яко не остави мя грешнаго за грехи моя погубити, в водах морских погрызнутися!»

Потом стоящу ему на острове, много мысляще и осматривающе семо и овамо, в которыя страны принесло и какой остров; токмо хотя и много время по морям ходил, а такого острова не видал, понеже на оном острове великой непроходимой лес и великия трясины и болота, что от моря никуды и проходу нет; а уже ему есть зело хотелось, и хотя у него червонцы были защиты в клиньях в кафтане, токмо негде и не у кого было (купить), и помощи ему в них никакой не было. И ходя по берегу на многие часы, усмотрел как бы ему куда пройтись к жилищу и ходя нашел малинку тропку в лес, яко хождение человеческое, а не зверское. И о том размышлял, какая та стежка: ежели поидти, то даидти неведомо куда; и потом размышлял на долг час, и положась на волю Божию, пошел тою стежкой в темный лес тридцать верст к великому буераку. Виде великой, огромной двор, поприща на три, весь кругом стоящим тыном огорожен. И подошел ко двору близко к воротам, те ворота крепко заперты; и хотел посмотреть на двор, токмо скважины не нашел, и страхом обдержим и убоялся. Помышлял потом, что конечно зашел к разбойникам, и думал, как сказаться: ежели добрым человеком, то убьют; ежели сказаться разбойником, то в разбоях не бывал. А в том дворе великой шум и крик, и в разныя игры играют. И вздумал сказаться разбойником, и нача у ворот крепко толкаться; то оныя услышали, в скорости ворота отворяли и спроша его: что за человек и откуда. Видев же Василей, что разбойники и множество их народа стояще и играюще в разныя игры и музыки пьяных, то ответствовал им Василей: «Аз есмь сего острова разбойник, един разбивал плавающих по морю». И оныя разбойники взяша и

приведоша его ко атаману. Атаман же, видев его молодца удалого и остра умом и зрачна, лицом прекрасна и осанкою добра зело, нача его вопрошати: «Чего ради пришел к нам?» Василей же рече, яко: «Единому мне жити скушно, и слышав вас в сем острове живущих и весело играющих, того ради к вам приидох и прошу, чтоб вы меня в товарищи приняли». И атаман приняв его и определил к разбойникам в товарищи.

Минувшу же дни по утру рано прибежал от моря есаул их команды и объявил: «Господин атаман, изволь командировать партию молодцов на море, понеже по морю едут галеры купецкия с товары». Слышав то, атаман закричал: «Во фрунт!» То во едину часа минуту все вооружишася и сташа во фрунт. Токмо российской матрос Василей един стоит без ружья особо, понеже не определен. Тогда разбойники реша атаману: «Что наш новоприменной товарищ стоит без ружья и не в нашем фрунте; извольте приказать оружия выдать». И атаман вскоре повеле ему оружия выдать и во фрунт встать. И оной матрос хотя того не желал, но токмо чрез боязнь взяв оружия, и стал во фрунт. И при командировании стал Василей просить атамана: «Господин атаман и вы все, молодцы товарищи, прошу вас, пожалуйста уволте меня одного на добычу, понеже я извык один разбивать и хочу вам прибыль принести». То слышав, атаман и все разбойники реша: «Отпустим его одного и посмотрим прибыли от него». И по командировке разбойники поехали на три партии, а Василей одинаго отпустили. Тогда матрос Василей пошел на морскую пристань и не желаше разбивать, но токмо смотрел того, как бы ему путь сыскать; и пришел на берег моря, взираше семо и овамо, не идут ли паки суда, чтоб ему уехать. И смотрев ходя по берегу весь день, токмо никого не видал и в великую печаль впаве, нача горко плакати и рыдати, господа бога на помощь призывати, чтоб его господь вынес из рук разбойнических; и в том размышлении и великой печали уснул крепким сном на берегу моря. И сном крепким спал, что уже ночь; и нача думати — с чем ему показаться, что добычи никакой не получил. И вспомнив, что у него в кафтане в клиньях зашиты червонцы, и распоров, вынул сто червонцев и завезал в платок шелковой; и пришел ко атаману и предложил пред него червонцы и сказал, что «некоторые люди в малом судне плыли и толко у них было, которыя вам предъявляю». Видев же атаман и вси разбойники зело тому начаша дивитися и вси же его хвалили. И после того еще его отпускали одного на разбой дважды, и он к ним приносил по двести червонцев, которыя его добычи как атаман и вси разбойники зело дивились, что счеслив.

Во едино же время соидошася вси разбойники и начаша думать о российском матросе, чтоб его поставить во атаманы понеже видев его молодца удалого и остра умом. И приидоша вси ко атаману к старому и начаша ему говорить: «Господин наш атаман, изволь свое старшинство сдать новоприменному нашему то-

варищу, понеже твое управление к нам худо; изволь с нами быть в рядовых, и которая наша казна изволте с рук сдать». Тогда атаман им отвечал: «Братцы молодцы, буди по воли вашей». И вси единогласно российскому матросу Василию реша: «Буди нам ты атаман, изволь нашу казну всю принять и нами повелевать». Тогда отвеща им Василей: «Братцы молодцы, пожалуйста оставте меня от такого дела, понеже я атаманом не бывал; рад бы с вами в товарищах быть, а атаманского управления не знаю». И нача пред ними горко плакати <...>

Слова и речи Феофана Прокоповича

Феофан Прокопович (1681—1736) — известный писатель, блестящий оратор, крупнейший общественный и политический деятель первой трети XVIII в., страстный защитник петровских преобразований. Ф. Прокопович окончил Киево-Могилянскую академию, где позднее стал преподавателем; выпустил в свет руководства по ряду учебных дисциплин (пиитика, риторика, философия, богословие). Перу Ф. Прокоповича принадлежат многочисленные сочинения: юридические, законодательные, богословские, публицистические, педагогические, художественные.

Язык произведений Ф. Прокоповича базируется на средствах книжно-славянской письменности, но он лишен той архаичности, которая была свойственна произведениям такого типа. Средства книжно-славянской речи придают произведениям Ф. Прокоповича торжественность, риторичность, публицистический пафос, оценочную экспрессию. Используются традиционные формы речи: причастия (*хотяй ити, умершу ему*), книжная лексика, вопросно-ответные построения, метафоры и другие средства риторического стиля. Но книжные средства сближаются с элементами разговорной речи. Встречаются синонимизированные сближения (*сказати — глаголати — реци, платие — одежда — одеяние — ризы*). При описании бытовых сцен используются исконно русские слова (*венник, лапти, лучина, солома*). Употребляются и средства иноязычной речи: *баталия, виктория, редут, империя, кодекс, сенат* и др. В языке произведений Ф. Прокоповича наблюдается сближение элементов книжно-славянской письменности с выразительными средствами русского разговорного языка, намечается объединение разностильных элементов. Отрывки даются по изданию: *Прокопович Ф. Слова и речи*. Спб., 1761. Ч. 1, 2.

Слово похвальное о баталии Полтавской, проповеданное в Санктпетербурге июня в 27 день 1717 года

Достохвалное дело, Слышателие, дело воистинну достохвалное, с радостию и веселием, и с должным всесилному Богу благодарением, летнюю творити память преславных Полтавския виктории, сиесть: всемирных рода нашего славы, крайнего супостат наших постыждения, и Божих к нам благодеений неописанных. Аще бо и не может не памятовати сего всяк сын Российский, яко не забвеннаго своего благополучия, аще и неприятель забыти не может, яко язвы своя не исцелныя; однакоже да не неблагодарни вознимся быт тако нам благодеевшему Господу, достохвальне наворачаем праздненственное сие толикакия победы воспоминание.

Буди нам не в пример древний Еллинских и Римских и прочих славлюбных людей обычай, который великим иждивением сооружали столпы, и врата, и обелиски, и пирамиды, и иныя трофеи, или победоносныя знаменья, еже бы в них оставити не умирающую славных дел своих память последним веком: хотя и нам такового попечения никтоже возбраняет; но и вопреки, человек о славе отечества своею нерадящий всегда у мужей мудрых в не дорогой цене ходит, яко малодушный и грубый; однакоже, буди не во образец нам, яко Христианом, и к вышшей, и несуетной небесной бо славе простирающимся, не во образец, не в приклад нам глаголю, буди обычай язык славы истинныя непознавших <...>

Достохвальное убо дело есть летняя сия, юже днесь совершаем, память победы Полтавския. Умолчим ли убо, и не вспомняем, что виде день сей восемь лет назад на Полтавском поле? да молчит и снедается в себе врагов наших зависть, нам же не молчно о сем восклицати подобает. И за благополучие себе вменияю, яко повеление имам толикой славе словом моим послужити. Аще бо и весь мир о сем во всех ближних и дальних странах гласит, аще и произошли на различных уже языках Истории, аще и наше каковое либо похвальное о том было слово; однакоже дело сие толикое есть, яко и повторения достойно, и к многоречию довольно обретается.

В сем бо едином увидиши Славенороссийский народ дивное твое, аки от готовой погибели, избавление, врагом твоим студное их попрание, славы и державы твоя умножение. В сем едином увидиши Россию отрожденную, возмогшую, и совершенно возрастшую. Увидиши же то, аще рассмотрим, коликая супостатская лютость и сила уготована была на нас, и како она оружием Российским сломлена на Полтавской баталии, и кия плоды толь преславной виктории родилися нам. Точию не стужим слышаще сие, яко повесть нашего истаго благополучия.

Да познаем в первых лютость и силу супостатскую, сие предлежит разсудити, что иныя в народех брани обычне бывают от правосуднаго гнева за нанесенныя обиды, а сия брань на нас Шведская възъярилася от зависти рвеня. Шведская рех, аще не паче рещи, многогородная: мнози бо Шведом, ово железом, ово серебром, ово делом, ово словом и советом против государства Российскаго содействовали <...>

Родися зависть на нас от соседей наших от самой близкости. Родится всяка зависть от гордыни, егде человек не весело зрит другаго себе или сравняема, или и преуспевающа, однакоже гордыня не родит зависти к дальним, но к ближним: к ближним, глаголю, или по чину гражданскому, или по делу воинскому, купеческому, художескому, или по крови и племени, или по державе верховной и прочая <...> Кто же не видит, аще не тако деется и в ближних себе народех? аще не тожде содеяся и в соседах наших? Просияла в лютых временах Царская в России

корона, воспламенился тот час в ближнем сем и иных народех зависть от гордыни, от гордыни глаголю; в той бо стороне зависть живет, в которой и матерь ея гордость. Чтож? Россия ли возгородилася на сосед своих; не могла и мыслити того, рада о своем по многих бедствиях освобождении; но соседи наши не могут извиниться от гордости, осуетившиися бо высокоумием своим, яко народи суть мнимыи себе сильнии и умнии, народ наш яко немощный и грубый презирал. Как же они весело глядети могли на поднесенную державу Российскую, будучи нам близкии, инии рубежами владения, инии же сверх того и единством корене Славенского?

Возгремели по том брани, с ними за Карелию и ингрию, с другими за Смоленское княжение, с обоими за Ливонию: еще и за ложных Димитриев, и за пресечение высокия надежды Владиславу Польскому, и Короля Шведскаго Принцом. Кто же скажет, что супостатская zde зависть не умножилася безмерною яростию? Когда многократно потщавшиися или сломити, или похитити Российский Скипетр, принуждена воспятитися, аки бы распаленнаго железа коснувшимся, а сие то было зависти оной разъярение. Якоже бо медведь, чией крови челюстями своими захватит, на того лютнее мещется, тако и человек завистный вкусивши а не пожерши ближняго, умножает в себе рвение.

Чтож? егда державу Российскую от нападений неприятельских сохранив Бог, и еще к тому миром, изобилием, благолепием, расширением области благословити изволил: егда и малая Россия исторгнувшиися от ига Пльскаго, под крепкую десницу Монархов своих наследных возвратися: егда славу и утварь царскую, угасшую на Константинопольских, на наших Самодержцах блистающую увиде мир, не то ли было разъярение зависти сосед наших? Известно любопытным естества взыскателем есть, что магнит камень силу свою, которою влекомь есть к железу, питает, силою железа себе обложеннаго: тако воистину и зависть кормится и растет чуждым благополучием себе близким: в том только не равность, что магнит таковым способом идет в болший союз, а зависть в большую вражду зажигается <...>

Но что прочее на бою деется? Виктория творя, о Россие! виктория! Два часа жестокий огонь вытерпели Шведы и повинилися, не удержали оружия своего, не стерпели нашего: множество в плен захвачены, и с ними оныи прехитрыи министры, и оныи величавии и именем страшнии генералы с нестерпимым студом достались в руки Руския: множество в невозвратный бег себе вдавшие, и тии под Переволочною себе и оружие свое предали победителем. Где твоя бодрость, промысл, и разум особенныя похвалы требуют, Римскаго и Российскаго государства Светлейший Княже. Сам державный супостат, который Государю нашему мирный в Германию путь воспящал, не нашел пути возвратитися к своему отечеству <...>

Кия же плоды аки от плодовиатаго корене от сея победы израсли? ниже бо победа сия довольствуется одною оною обыкновеню прибылюю, сиесть славою, аще и сама слава сия не малая России есть корысть, яко не одну или другую соседскую землю, но вся мира сего страны наполнившая. Ниже то виктории сея обилие только есть, яко супостаты наши вся своя имения нещадно по различным Государствам награбленная оставили нам. Ниже и на сем определяется благополучие Российскаго оружия, что отечество наше от толиких бед, от хищения, работы, крови и крайняго своего падения освобождено есть; но множайшия, кроме сих всех издаде нам плоды поле Полтавское; Полтавская бо победа многих иных мати есть. Не она ли виновна есть, что Рига со всею Ливониею, Выборг и Кексгоlm со всею Карелиею, Абов с непобедимою (якоже словяще) Финиею, Ревель к тому и Пернав, и Елбинг, и Динамент, и Штетин, и Стралзунд, и иныя крепости славныя, аки сломленная власти Российской покорилися, и в малом времени толикое совершилося дело, которое многолетних и кровавых трудов требовало. Вем что новии, кроме Полтавских труды zde были, однако оныи от Полтавской виктории имели силу свою: под Полтавою, о Россиане! под Полтавою сеяно было все сие, что после благоволи нам Господь пожати. Стены еще только помянутых градов стояли, а духи и сердца оных под Полтавою были уже сокрушены. Есть ли истинно или ни, что натуральнии историки повествуют, будто от блистания молниина маргариты зачинаются: а се известно есть нам, что все сии державы Российской прибыли и корысти, аки дражайшия царскаго венца маргариты от молний и громов на поле Полтавском бывших зачаты и рождены суть. И кто уже не видит, что виктория сия и отроди, и укрепи, и в совершенный возраст приведе благополучную Россию? <...>

Слово на погребение Петра Великого, проповеданное марта 1 дня 1725 года

Что се есть? до чего мы дожили, о Россиане? что видим? что делаем? *Петра* великаго погребаем! Не мечтание ле се? не сонное ли нам привидение? ах как истинная печаль! ах как известное наше злосключение! Виновник безчисленных благополучий наших и радостей, воскресивший аки от мертвых Россию, и воздвигший в толикую силу и славу, или паче, рождший и воспитавший, прямой сый отечествия своего отец, которому по его достоинству добрии Российстии сынове безсмертну быти желали; по летам же и составу крепости, многолетно еще жити имущаго вси надеялися: противно и желанию и чаянию скончал жизнь, и, о лютой нам язвы! тогда жизнь скончал, когда по трудах, безспокойствах, печалех, бедствиях, по многих и многообразных смертех, жити нечто начинал. Довольно же видим, коль прогневили мы тебе, о,

Боже наш! и коль раздражили долготерпение твое! О недостойных и бедных нас! О грехов наших безмерия! Не видяй сего, слеп есть, видяй же и не исповедуяй, в жестокосердии своем окаменен есть. Но что нам умножати жалости, и сердоболия, которая утоляти, елико возможно, подобает. Как же то и возможно? понеже, естли великия его таланты, действия и дела воспомянем, еще вящше утратою толикаю добра нашего уязвимся и возрыдаем. Сей воистину толь печальной траты разве бы летаргом неким, неким, смертообразным сном забыти нам возможно. Кого бо мы, и каковаго, и коликаго лишились?

Се оный твой Россие Сампсон, каковый да бы в тебе могл явится, никто в мире не надеялся, а о яввшемся весь мир удивилися. Застал он в тебе силу слабую, изделал по имени своему каменную, Адамантову: застал воинство в дому вредное, в поле не крепкое, от супостат ругаемое, и ввел отечеству полезное, врагом страшное, всюду громкое и славное. Когда отечество свое защищал, купно и возвращением отъятых земель дополнил, и новых провинций приобретением умножил. Когда же востающыя на нас разрушал, купно и зломыслящих нам сломил и сокрушил духи, и заградив уста зависти, славная проведати о себе всему миру повелел.

Се твой первый, о Россие! Иаафет: неслыханное в тебе от века дело совершивший, строение и плавание карабельное: новый в свете флот, но и старым неуступающий, как над чаяние, так выше удивления всея селенныя, и отверзе тебе путь во вся концы земли, и простре силу и славу твою до последних Океана, до предел пользы твоея, до предел правдою полагаемых, власть же твоя державы, прежде и на земли зыблющуюся, ныне и на море крепкую и постоянную сотворил.

Се Моисей твой о Россие! не суть ли законы его яко крепкая забрала правды, и яко нерешимыя оковы злодеяния? не суть ли уставы его ясныя, свет стезям твоим, высокоправительствующий Сигклит, и под ним главныя и частныя правительства от него учрежденныя не светила ли суть тебе к поисканию пользы, и к отражению вреда, к безопасности миролюбных, и ко обличению свирепых? Воистину оставил нам сомнение о себе, в чем он лучший и паче достохвалный любимь и лобызаемь, или яко от нераскаянных льстецов и злодеев ненавидимь был.

Се твой Россие Соломон, приемший от Господа смысл и мудрость многу зело. И недовольно ли о сем свидетельствуют многообразная философская искусства, и его действием показанная, и многим подданным влияющая, и заведенная различная, прежде нам и неслыханная учения, хитрости и мастерства: еще же и чины, и степени, и порядки гражданския, и честныя образы житейскаго обхождения, и благоприятных обычаев и нравов правила: но и внешний вид и наличие краснопретворенное, яко уже отечество наше, и от внутрь и от вне, не сравненно от прежних лет лучшее, и весьма иное видим и удивляемся.

Се же твои о и церкви Российская! и Давид и Константин: его дело, правительство Синодальное, его попечение пишемая и глаголемая наставления. О коликая произносило сердце сие воздыхания о невежестве пути спасеннаго! коликия ревности на суеверия, и лестническия притворы, и раскол гнездящийся в нас безумный, враждебный и пагубный! Коликое же в нем и желание было и искание вящшаго в чине пастырском искусства, прямейшаго в народе богомудрия, изряднейшаго во всем исправления.

Но о многоименитаго мужа! кратким ли словом объедем безчисленные его славы, а простирати речи не допускает настоящая печаль и жалость, слезити токмо и стенати понуждающая. Негли со времен нечто притупится терн сей, сердца наша бодущий, и тогда пространнее о делах и добродетелех его побеседуем. Хотя и никогда довольно, и по достоинству его возглаголати не можем: а и ныне кратко воспоминающе, и аки бы токмо воскреслий риз его касающиеся, видим Слышателие, видим беднии мы и несчастливи, кто нас оставил, и кого мы лишились.

Не весьма же, Россиане! изнемогаим от печали и жалости, не весьма бо и оставил нас сей великий монарх и отец наш: оставил нас, но не нищих и убогих: безмерное богатство силы и славы его, которое вышеименованными его делами означилося, при нас есть. Какову он Россию свою сделал, такова и будет: сделал добрым любимую, любима и будет: сделал врагом страшную, страшная и будет: сделал на весь мир славную, славная и быти не престанет. Оставил нам духовная, гражданская, и воинская исправления. Убо оставляя нас разрушением тела своего, дух свой оставил нам. <...>

Язык писателей середины XVIII века

В середине XVIII в. набирает силу движение за упорядочение литературного языка. В 30—40-е годы нормализация литературного языка принимает формы, ориентирующие деятелей культуры на такое словоупотребление, которое в большей мере направлено на сближение с разговорной речью. Многие сделали в этой области А. Д. Кантемир и В. К. Тредиаковский. Решающий вклад в становление системы стилистических норм литературного языка внес М. В. Ломоносов. Литературно-художественные произведения этих писателей, филологические труды и сочинения лингвистического профиля содействовали решению важнейшей задачи этого времени — устранению пестроты и неупорядоченности средств литературного выражения в различных жанрах русской письменности.

А. Д. Кантемир

Антиох Дмитриевич Кантемир (1708—1744) — видный просветитель первой половины XVIII в., автор эпиграмм, басен, поэтических творений (сатиры, поэма «Петрида»). Перу Кантемира принадлежат многочисленные переводы книг по различным вопросам истории, литературы, философии.

Литературно-художественная деятельность Кантемира содействовала упорядочению словоупотребления, обогащению литературного языка словами и выражениями народно-разговорной речи. А. Д. Кантемир давал простор элементам русской речи в контекстах своих художественных произведений, ратовал за освобождение письменной речи от ненужных слов иноязычного происхождения, а также от архаичных элементов книжно-славянского языка.

Отрывки печатаются по изданию: Сочинения, письма и избранные переводы кн. А. Д. Кантемира. Спб., 1867.

Сатира 1

К уму своему (на хулящих учение)

Уме незрелый плод недолгой науки!
Покойся, не понуждай к перу мои руки:
Не писав летящи дни века проводи
Можно, и славу достать, хоть творцем не слыти.
Ведуть к ней нетрудные в наш век пути многи,
На которых смелыя не запнутся ноги:
Всех неприятнее тот, что босы проклали
Девять сестр. Многи на нем силу потеряли
Не дошед; нужно на нем потеть и томиться,
И в тех трудах всяк тебя, как мору, чужится,
Смеется, гнушается. Кто над столом гнется,
Пяля на книгу глаза, больших не добьется
Палат, ни разцветенна мраморами саду;
Овцу не прибавит он к отцовскому стаду.

Правда в нашем молодом монархе надежда
Всходит Музам немала; со стыдом невежда
Бежит его. Аполлин славы в нем защиту
Своей не слабу почул, чтяща свою свиту
Видел его самого, и во всем обильно
Тщится множить жителей парнасских он сильно:
Но та беда, многие в царе похваляют
За страх то, что в подданом дерзко осуждают.

Расколы и ереси науки суть дети,
Больше врет, кому далось больше разумети,
Приходить в безбожие, кто над книгой тает.
Критон с чотками в руках ворчит и вздыхает,
И просит свята душа с горькими слезами
Смотреть, сколь семя наук вредно между нами:
Дети наши, что пред тем тихи и покорны

Праотческим шли следом к божией проворны
Службе, с страхом слушая, что сами не знали,
Теперь к церкви соблазну библию честь стали;
Толкуют, всему хотят знать повод, причину,
Мало веры подая священному чину;
Потеряли добрый нрав, забыли пить квасу,
Не прибьешь их палкою к соленому мясу;
Уже свечек не кладут, постных дней не знают;
Мирскую в церковных власть руках лишну чают;
Шепча, что тем, что мирской жизни уж отстали,
Поместья и вотчины вовсе не пристали.

Силван другую вину наукам находит:
Учение, говорит, нам голод наводит;
Живали мы преж сего, не зная латыне,
Гораздо обильнее, чем мы живем ныне,
Гораздо в невежестве больше хлеба жали,
Переняв чужой язык, свой хлеб потеряли.
Буде речь моя слаба, буде нет в ней чину,
Ни связи, должно ль о том тужить дворянину:
Довод, порядок в словах, подлых то есть дело,
Знатным полно подтверждать иль отрицать смело.
С ума сошел, кто души силу и пределы
Испытает; кто в поту томится дни целы,
Чтоб строй мира и вещей выведать премену
Иль причину; глупо он лепит горох в стену.
Приростет ли мне с того день к жизни, иль в ящик
Хотя грош? могу ль чрез то узнать, что прикащик,
Что дворецкий крадет в год? как прибавить воду
В мой пруд? как бочек число с виннаго заводу?
Не умнее, кто глаза, полон безпокойства,
Коптит, печась при огне, чтоб вызнать руд свойства
Ведь не теперь мы твердим, что буки, что веди;
Можно знать различие злата, сребра, меди.
Трав, болезней знание, голы все то враки;
Глава ль болит? тому врач ищет в руке знаки;
Всему в нас виновна кровь, буде ему веру
Дать хочешь. Слабеем ли, кровь тихо чрезмеру
Течет; если спешно — жар в теле, ответ смело
Дает, хотя внутрь никто видел живо тело.
А пока в баснях таких время он проводит,
Лучший сок из нашего мешка в его входит.
К чему звезд течение числить, и ни к делу,
Ни к стати за одним ночь пятном не спать целу?
За любопытством одним лишиться покою,
Ища, солнце ль движется, или мы с землею?
В часовнике можно честь на всякий день года
Число месяца, и час солнечнаго восхода.
Землю в четверти делить без Евклида смыслим;

Сколько копеек в рубле без алгебры счислим.
Силван одно знание слично людям хвалит,
Что учит множить доход, и расходы малит;
Трудиться в том, с чего вдруг карман не толстеет,
Гражданству вредным весьма безумством знать смеет
Румяный, трожды рыгнув, Лука подпеваает:
Наука содружество людей разрушает;
Люди мы к сообществу Божия тварь стали,
Не в нашу пользу одну смысла дар прияли.
Что же пользы иному, когда я запрუსя
В чулан; для мертвых друзей живущих лишуся?
Когда все содружество, вся моя ватага
Будет чернило, перо, песок да бумага?
В весельи, в пирах мы жизнь должны провождати;
И так она недолга, на что коротати,
Крушиться над книгою, и повреждать очи?
Не лучше ли с кубком дни прогулять и ночи? <...>

К стихам своим

Скучен вам, стихи мой, ящик, десять целых
Где вы лет тоскуете в тени за ключами!
Жадно воли прòсите, льстите себе сами,
Что примет весело вàс всяк гостей веселых,
И взлюбит свою ищà пользу и забаву;
Что многу и вам и мнè достанете славу.
Жадно волю прòсите, и ваши докуки
Нудят меня дозволять то, что вредно знаю
Нам будет; и не хотjà вот уж дозволяю
Свободу. Когда из рùк пойдете уж в руки,
Скоро вы раскàетесь, что сносить не знали
Темноту, и что себè лишно вы ласкали.
Славы жадность, зная я, многим нос разбила;
Пока в вас цвет нòвести лестной не увянет,
Народ, всегда к нòвести лаком, честь вас станет
И умным понрàвится голой правды сила.
Пал ли тот цвет? больша чàсть чтецов уж присудит
Что продерзостный мой ùм в вас беспутно блудит.
Бесстройным злослòвием назовут вас смело,
Хоть гораздо рàзнится злословие гнусно
От стихов, кои злой нрàв пятнают искусно,
Злонравного охранjà имя весьма цело.
Меня меж бодлйвыми причислят быками;
Мало кто склонен смотрèть чистыми глазами.
Другие, что в таком я труде упражнялся,
Ни возрасту своему приличном, ни чину,
Хулить станjà; годен всяк к похулке причину
Сыскать, и не пощадjàт того, кто старался

Прочих похулки открыть. Станете напрасно
Вы вкушать, и доводить слогом своим ясно,
Что молодых лет плоды вы не ущербили
Ни малой мне к делам час важнейшим и нужным;
Что должность моя всегда нашла мя досужным;
Что полезны иногда подобные были
Людям стихи. Лишней час, скажут, иметь трудно,
И стихи писать всегда дело безрассудно.

Зависть, вас пошевеля, найдет, что я новых
И древних окрал творцов, и что вру по русски
То, что по римски давно, уж и по французски
Сказано красивее. Не чудно с готовых
Стихов, чаает, здравого согласно с законом
Смысла, мерны две строки кончить тем же звоном.

Когда уж исцаленным время ваше пройдет,
Под пылью, молям на корм кинуты, забыты
Гнусно лежать станете, в один сверток свиты
Иль с Бовою, иль с Ершом; и наконец дойдет
(Буде пророчества дух служит мне хоть мало)
Вам рок обернуть собой иль икру, иль сало.
Узнаете вы тогда, что поздно уж сети
Бойтся рыбка, когда в сеть уже попалась;
Что, сколь ни сладка своя воля им казалась,
Не без вреда своего презирают дети
Советы отцовские. В речах вы признайте
Последних моих любовь к вам мою. Прощайте.

В. К. Тредиаковский

Василий Кириллович Тредиаковский (1703—1768) — автор большого числа работ по филологии, литературе, истории. В. К. Тредиаковский пытался решить актуальные и сложные проблемы своего времени: нормирование литературного языка (предисловие к переводу книги Поля Тальмана «Езда в остров Любви»), подготовку обстоятельной грамматики и полного словаря русского языка (речь, произнесенная 14 марта 1735 г. «О чистоте русского языка»), упорядочение правописания («Разговор между чужестранным человеком и российским об орфографии старинной и новой и о всем что принадлежит к сей материи», 1745), преобразование русского стихосложения («Новый и краткий способ к сложению российских стихов с определениями до сего надлежащих знаний», 1735).

Отрекаясь от церковнокнижных выражений, Тредиаковский стремился заложить основы литературного языка на базе народной речи. Но следует подчеркнуть, что опыты в этой области не дали желаемых результатов, поскольку В. К. Тредиаковский опирался только на разговорную речь, не зная к тому же в полной мере языка русского народа (с детства он был приобщен к церковнокнижному языку). Некоторые слова и выражения из сочинений В. К. Тредиаковского все же стали фактом русской письменности.

Отрывки из произведений даются по изданиям: Сочинения Тредьяковского. Спб., 1849. Т. 1, 3., *Тредиаковский В. К.* Разговор между чужестранным человеком и российским об орфографии старинной и новой. Спб., 1748.

Езда в остров Любви

ПЕРЕВЕДЕНА С ФРАНЦУЗСКОГО НА РУСКОЙ.
ЧЕРЕЗ СТУДЕНТА ВАСИЛЬЯ ТРЕДИАКОВСКОГО

К читателю.

Хотя ныне много искусных читают предисловия при книгах за весьма непотребной придаток: Однако мне *доброжелательный читателю*, ни по какой мере обйтися было невозможно, чтоб, дая новую Россиискому свету сию книжку, не донести вам о том, что до оныя касается, и что вам ведать всячески надлежит.

Оная выдана на Французском языке в Париже в 1713 году, и учинила великую своему творцу славу, (которая всем охотникам и в мою бытность была памятна) по тому что он весьма разумно ея выдумал, и могу после всех доборазсудных сказать смело, что она еще Первая в своем роде такова нашлась.

Будучи в Париже я оную прочел с великим удовольствием моего сердца усладившись весьма как разумным ея вымыслом, стилем коротким, так и виршами очюнь сладкими и приятными, а наипаче мудрым нравоучением, которое она в себе почти во всякой строке замкнула так, что я в тож самое горячее возымел желание перевести оную на наш язык. <...>

В протчем я ей не чиню ни каких похвал по обыкновению купцов с совестной ревностию и худой свои товар похваляющих, ибо всяк меня самохвалом может за то назвать. А по чему бы? веть я оныя не творец. Правда, да я лих оную переводил; а переводчик от творца только что именем рознится. Еще донесу вам болше- жлв твкред замысловат был, то переводчику замысловатее надлежит быть. (я не говорю о себе, но о добрых переводчиках). А буде кто тому неверить, тому я способно могу доказать еще Математическим Методом, что я правду сказал. А у! я недумая по Философски уж и ссорюсь низачто! *но полно бранитца, пора помиритца.*

И тако вы сами прочтете, *доброжелательный читателю*, изволите узнать какову сия книга подает утеху, сладость, и ползу нравоучительную, и уповаю, буде не обманываюсь, что и другим ту имеете хвалить.

На меня, прошу вас покорно, неизволте погневаться, (буде вы еще глубокословныя держитесь славенщизны) что я оную неславенским языком перевел, но почти простым Руским словом, то есть каковым мы меж собою говорим. Сие я учинил следующих ради причин. Первая: язык славенской, у нас есть язык церковной; а сия книга мирская. Другая: язык славенской в нынешнем веке у нас очюнь темен, и многия его наши читая неразумеют; А сия книга есть *сладкая любви*, тогоради всем должна быть вразумительна. Третья: которая вам покажется может быть самая легкая, но которая у меня идет за самую важную, то есть, что

язык славенской ныне жесток моим ушам слышится, хотя прежде сего не толко я им писывал, но и разговаривал со всеми: но зато у всех я прошу прощения, при которых я с глупословием моим славенским особым *речеточцем* хотел себя показывать.

Ежели вам, *доброжелателнии читателю*, покажется, что я еще здесь в свойство нашего природного языка не уметил, то хотя могу толко похвалиться, что все мое хотение имел, дабы учинить; а колиже не учинил, то безсилie меня к тому недопустило, и сего, видится мне, довольно есть к моему оправданию.

Я много сам в себе молча славлюсь и для того толко, что я мог как нибудь оную перевести: ибо она *хотя не велика да мудра*, и в том могут мне все те поверить, которая чли ея на Французском, а наипаче оныя, которая для справки похотят ея отведать перевести. К тому ж, в чом со мною всяк не может не согласиться, переводя вирши Французския на наши, великую я трудность имел: ибо надлежало непотерять весма разума Французскаго сладости и силы, а всегда иметь русскую *рифму*. Может статья, что вы не будете довольны разумом моих виршей. Того ради, прошу, хотя оных *рифмы* за благо принять, ибо они весма во всем прямья руския, в чом я ссылаюсь на *всехъспасскаго моста* стихотворцев, даром что они не много мне могут ползы учинить чрез свое освидетелствование в мере стоп, в количестве слогов, в пресечении, и в роде стихов, для того что они излагая свои *рацеи* на те правила не смотря, а чтоб *сказать да не солгать*, может быть и не знают. Но я уповаю, что знающия имеют мне в том справедливость учинить.

Теперь, *доброжелателнии читателю*, сами изволте разсуждать чего мой труд достоин, и потому смотря ласково или с презрением его принять; а лучше бы было, восприемлю смелость мое мнение *вам* предложить, ежелиб желали *вы* видеть оной благоприятным оком: ибо тем, без сумнения, имеете меня ободрить за другое полезнейшее дело взяться, а учтивостию вашею всегда хвалиться.

Езда в остров Любви.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

К ЛИЦИДЕ.

Я за справедливое нахожу, любезныи мои *лициды*, чтоб вам известие учинить о мне, и по отсутствовании такожде через целыи год дабы наконец вас освободить от нетерпеливаго беспокойства, в которое вас привело безъизвестие о моем состоянии. Я во многих перебивал чужестранных краях от того времени, как я с вами разлучился. Но не можно мне вас уверить в состоянии, в котором я ныне нахожусь, что будуль я довольно иметь силы к описанию вам моего пути. Сие еще умножит настоящее

мое несчастье, ежели мне надобно будет возновить в памяти моеи то, которое уже прошло, и так же сие не имеет как возрастить мою болезнь, ежели мне надлежит мыслить о оных роскошах, от которых мне неосталось как горкое токмо воспоминание. Однако я уповаю что сие мне имеет быть к великому моему утешению, ежели я учиню вам наилучшему от моих друзей ведение о моих печалех, и о моих веселениях, ибо печальная жалоба не малую чинить пользу злочастным. Тогоради я имею показать всю скорбь рассказывая вам мою Гисторию, и хотя на малое время, однако потщуся також перестать частыя и глубокия испускать воздыхания.

Душа моя, спрячь всю мою скорбь хоть на время,
умальте, мои очи, слезных поток бремя;
Перестань жаловаться на несчастье, мои глас;
позабудь, и ты сердце, кручину на мал час.
Знаю что вы в несчастьи, и то чрез жестоту
варварскои и несклонной судьбины в долготу.
Будьте в малои роскоши, хоть и все постылы,
и помните что долго вы щастливы были.

Уже тому целый год, как вы сами ведаете, отнележея, сел в карабль на Окиане со многими лицами всякаго возраста и всякаго чина, из которых многия были забияки, и поехал в одну землю, которая называется *роскошь*.

Наше плавание тихое весьма было чрез многия дни; но когда мы хотели пристать к одному острову, где мы думали отдохнуть и повеселиться, тогда встала превеликая буря, и ветер так силнои, что он нас бросил с великою наглостию к другому берегу на против того, на которой мы хотели вытти. Нас там било чрез четыре или пять часов, но потом оная буря затихла, и Солнце появилось на Небе так красно, что оно таково никогда небывало; А мы нашлися близко одного острова, у котораго берега украшены были очюнь прекрасными садами. Мы возымели тотчас любопытство, чтоб нам ведать, как онои остров называется; а по щастию нашолся один человек в нашем карабле, которой бывал в том острове и онои нам следующее сказал:

Нас близко теперь держать при себе Африка,
около мест прекрасных моря Атлантика.
А сеи остров есть *любви*, и так он зовется,
куды всякой человек в свое время шлется.
Стары и молодыя Князья и подданны,
дабы видеть сеи остров, волили быть странны.
Здесь на земли со времям все что уж нибыло,
то в сих местах имело желание мило.
Разно сухои путь сюды ведет также водныи,
и от всех стран в сеи остров есть вход пресвободныи.

Стать, любовность, прикраса, приязнь с красотою,
имеют все пристани сия за собою.

И привлекая всяка чрез любовны средства,
никто их не убежит вышедчи из детства.

Когда оной человек нам сказывал сие, мы в то время час от часу все ближе подъезжали к оному острову. А когда он перестал говорить, тогда уже мы близко его так были, что мы могли все видеть в нем без всякой трудности.

В сем месте море не лихо,
как бы самой малой поток.
А пресладки Зефир тихо,
дыша от воды не высок
Чинит шум приятной весма
во играни с волнами.
И можно сказать что сама,
там покоится с вещами
Натура, дая всем покой.
премногия красят цветы
Чрез себя прекрасны брег той.
и хотя чрез многи леты,
Но всегда не увядают. <...>

Из речи «О чистоте российского языка <...>»

<...> Великая потребность в сем деле! Однако, с другой стороны, коль ни полезно есть Российскому народу возможное дополнение Языка, чистота, красота, и желаемое потом его совершенство; но мне толь трудно быть кажется, что не нестрашит, уповаю, и вас, Господа, трудностию и тягостию своею. Не об одном здесь чистом Переводе степенных старых, и новых Авторов дело идет; что и одно, и само собою, колико проливает пота, известно есть тем, которые прежде вас трудились в том, и вам самим, кои упражняетесь ныне: но и о Грамматике доброй и исправной, согласной во всем мудрых употреблению, и основанной на том, в которой коль много потребности, толь немалая ж и трудность; но и о Лексиконе полном и доволном, кой в вас еще больше силы потребует, нежели в баснословном Сизифе превеликий оный камень, который он на высокую гору один токмо хотя вскатить, с самага почитай верьха на низ его не хотя опускает; но и о Реторике и Стихотворной науке, а сие все безмерно утрудить вас может.

Чувствуя сие толь тяжкое бремя, и видя в собрании нашем толь малое нас число, сомневаюсь, отпустите моему малодушию, чтоб нами одними толикое дело могло получить верьх совершенства. Впредь, твердо надеюсь, когда малый, узкий, и мелкий наш поток, наполнився посторонними струями, возрастет в превели-

кую, пространную и глубокую реку, то есть, когда число наше искусными людьми умножится, и прибавится; когда можно будет благополучного сему ожидать совершения, и вновь к старому приумножения. Довольно с нас ныне и сея единыя славы, что мы начинаем, что начинаем под назрением нынешняго главнаго нашего Командира. <...>

Где ж я, и слово мое? Извините меня, Господа, что толь далеко отступил я в сей моей речи от намереннаго предложения: истинно всегда в живое прихожу чувство, сколько крат ни размышляю о неизмеримой, и никогда достойно прославляемой милости, которую Государыня наша имеет. Не знаю, благодарность ли моего сердца (ибо и я, Господа, довольно оною, кто б поверил? насладился) к тому меня приводит, или чудное ея величие уму моему есть ужасно и дивно. Но к намеренной возвращаюсь речи.

Не забыл я, Господа, что оставил вас при великих трудностях полагаемаго на нас дела. Бесспорно, сия трудность есть превелика; однако она не из таких, что б не возмогла быть преодоленна. Всегдашнее тщание, непрестанное размышление, неуспынный труд и на презыблующемся Океане строит города, и на превысокие горы возводит реки, и в преглубоких безднах достает Маргариты. Знаю, что трудно будет начало; но своя есть честь и начатую. Ведаю, что скучно будет продолжение; но и с тем громкая сопряжена слава. А из полезнаго окончания коликая похвала, коликая благодарения, и коликая прославления произойти могут, кто сего не предусматривает, и кто сего уразуметь не может? Одно б разве сие токмо отвратить от предприятия нас могло, что не надеемся мы быть щасливы в окончании, и что другим сей преславный жребий готовится, а не нам предпринявшим. Правда; но, Господа, для себя ль единыя Пчела слаткий мед собирает, а и не для нас? Для себя ль единого Соболь драгоценную носит одежду, а и не для нас. Не для себя и прекрасныи Цветы благовонны, но для нас. На что нам завидовать щастию и славе других в окончании, когда довольно всего того с нас будет в начатии и в продолжении. Но хотя нас и устрашают трудности; однако начнем, а по начатии нечто из того произойдет, по крайней мере, побуждение других к подобному делу: не начиная ж ничего, ничего и не будет. Сверх того, первые ль мы в Европе, которым сие не токмо трудно, но почитай и весьма неприступно быть кажется? были, были такии, которые не боясь того, не смотря на будущую из сего пользу, начали, продолжали, и некоторыя с похвалою окончили. На пример: не нетрудно было, в самом начале, Флорентийской Академии старание приложить о чистоте своего языка; приложила. Не страшно было, мню, предпрять также Французской Академии, чтоб совершеннейшим учинить свойство там употребляемаго диалекта; предпрയാла. Невозможно, чаю, сперва казалось Леипцигскому содружеству подражать толь благоуспешно вышереченным оным Академиям,

коль те начавши окончили щасливо; подражает и подражало благополучно.

Нас, Господа, что могло б не допустить к начатию толь полезнаго, и толь нужнаго дела? Не помышляете ль вы, что нам Язык не в состоянии быть украшаем? Нет, нет, Господа; извольте отложить толь неосновательное мнение. Посмотрите, от Петра Великаго лет, на многия прошедшии годы; то размысливши увидите ясно, что совершеннейший стал в Петровы лета язык, нежели в бывшия прежде. А от Петровых лет толь отчасу приятнейшим во многих писателях становится оный, что нимало не сомневаюсь, чтоб достославныя Анны в лета, к совершенной не пришел своей высоте и красоте.

Украсит его в нас двор ея величества в слове учтивейший и великолепеннейший богатством и сиянием. Научат нас искусно им говорить и писать благоразумнейшии ея министры, и премудрыи священноначальники, из которых многии, вам и мне известны, у нас таковы, что нам за господствующее правило можно б их взять было в Грамматику, и за краснейший пример в Реторику. Научит нас и знатнейшее и искуснейшее благородных сословие. Утвердят оный нам и собственное о нем рассуждение, и восприятое употребление от всех разумных: не может общее, крсное, и пишемое обыкновение не на разуме быть основано, хотя коль ни твердится употребление, без точныя Идеи об употреблении. Сие положив, не великий ли приступ, не великая ль удобность к начатию Грамматики? Что ж еще страшит нас? Реторика? Помогут вам в ней премногии творцы Греческии и Римскии; а наипаче хитрый и слаткий в слове Марк-Туллий-Цицерон. Помогут Францусскии Балзаки, Костарды, Патрю и прочии бесчисленнии. Помогут многии преславныи Немецкии, а особливо здесь его превосходительство главный наш командир, котораго в сем каково есть искусство, уже объявилось ученому свету некоторым его словом, и речию, которую он говорил в здешней Императорской Академии Наук к господам профессорам. Из основательныя Грамматики и красныя Реторики не трудно произойти восхищающему сердце и разум слову Пиитическому, разве только одно сложение Стихов неправильностию своею утрудить вас может: но и то, Господа, преодолеть возможно, и привести в порядок: способов не нет; некоторыи ж и я имею. Вся трудность состоит в Лексиконе.

Не противлюсь вам, великое и трудное дело есть Лексикон, и Лексикон такой, какому быть ему надлежит, а именно, полному и совершенному. Однако, не сие есть свойство Лексикона, как повествуется об истинном, или и ложном лучше Фениксе, что б единожды в пять сот лет был созерцаем: тысящи есть издавна разных Лексиконов, и на многих языках. Сие самое доказывает непреоборимо, что и Лексикон не выше сил человеческих; а сего здесь и довольно. Излишно б упомянул я о Переводе: некоторыи и из нас самих, и не без похвалы, пускают и пустили в Свет свои

Переводы. Того ради, хотя и труден Перевод, но бывает, и производится: хотя он и скучен? но к окончанию своему приходит. Труд, господа, труд прилежный все преопобеждает. <...>

Из книги «Разговор между чужестранным человеком и российским об орфографии старинной и новой и о всем, что принадлежит к сей материи»

<...> Однако понеже сие праведно, по Квинтилианову правилу, так писать надлежит, как звон требует и по моему, каждая буква собою изъявляет ту причину, (то есть, определенный знак точно сего, а не того звона) по какой требует ея сие наипаче, нежели другое место склада: то, какое сопротивление мнеб ни предлагаемо было, я всегда ответственность буду, что *праведнее и правильнее писать по звону*, не взирая ни на какия затруднения. Что мне нужды, что произведения корень виден не будет? Стараются ли о корнях все общество пишушчих, которым невозможно писать без правил орфографических; а основательнейшия и лехчайшия орфографическия правила на одном токмо звоне утверждаются. Вся польза происходит от корней ученым людям, которые оными иногда доказывают прямое знаменование слова, во время случающихся споров. Но ученый человек, при таком случае, может оное слово написать однажды и по произведению, ежели уже оно пишется по звону, и тем доказать прямую его силу. Сверх того, звон выговора нашего толь блиско от произведения отлучается, что почитай с ним непосредственно вместе стоит. Всегда в таких случаях вместо *б*, выговаривается *п*; вместо *в*, *ф*; вместо *д*, *т*; вместо *ж*, *ш*; вместо *з*, *с*; но *б*, *в*, *д*, *ж*, *з*, *с*, *п*, *ф*, *т*, *ш*, *с*, кровное родство, так казать, имеют, длятого что каждая пара одним и темже органом произносится, как *б*, *с*, *п*, а так и прочие пары. Тогоради, едваль можно сказать, что в наших производных трудно будет находить корень ученому человеку, ежели писать их по звону.

Признаваюсь, вторая часть сопротивления сильная, и стоит твердо против звона. Ибо иное есть *плод* (fructus), а иное *плот* (ratis). Но многоль найдется таких слов? Можно уверить, что считая их в лексиконе нарощно, никто не обочтется; а сколькоб кто и мыслию хотел их придумать, не надеюсь чтоб он вышел из десятков. Однако, находятся такие слова. Тогоради, пускай они пишутся, для различия, не по звону. Сие не нарушит общаго правила, которое твердит, по самому своему большому распространению, чтоб писать по звону; а не нарушится оно длятого, что не много таких слов, и потому, хотя и не могут они включены быть в нем, но не могут же ему и чувствительнаго зделать ушчерба: нельзя сказать, чтоб не целое было море, когда из него возмется боченок воды. Чтож делать, когда и наш язык как все прочии, некоторыя имеет изъятия в рассуждении орфографии.

С другой стороны, можно также и сии слова, кажется, писать по звону: ибо не одно токмо пишется какое слово, но всегда и прежде его, и после находится их несколько в круге содержания. Так, не имеет, кажется, быть никакова замешания в содержании, когда напишется слово *плод* по звону: *плот, который в моем саду вырос сего лета, я сам оный и съел; а плот бревен сплоченный на охте, сплавлен рекою до десятиа linee.*

Видите, г. м., что сильное оное сопротивление органической орфографии, не такова есть состояния, чтоб оно отражено быть не могло. Но я думаю, что вся сила всех сопротивлений может лучше в следующую нужду превратиться, и предлагать, что многия слова, написанныя по звону, дики будут сначала очам российским, привыкшим оныя видеть не по звону изображенныя. Так например как в старой, так и в новой печати, сии слова пишут, *общий*, а не *опшчий* по звону; *указ* а не *укас*; *предпочитаю*, а не *претпочитаю*; *средство*, а не *сретство*; *сродство*, а не *сротство*; и прочия подобныя и многия. И понеже нужда сия утверждается на угождении, и снисходительстве токмо; то и я не весьма толь груб, чтоб всему обществу не хотел угождать; однако не так, чтоб я сию орфографию почитал праведною: я ея отдаю на волю каждому писателю, да и сам себе подобныяж прошу вольности, для того что я и сам многия ещще слова пишу не по звону, но по обыкновению. Сие токмо содержу во всем распространении, что *та орфография совершенно правильная, которая одни только наблюдает звоны.* Впрочем, много уже я таких слов, которыя в новой печати изображаются по звону: а отмала помалу, будет и то, надеюсь, что все слова имеют писаться также. Не давно ещще, как и пишемыя ныне по звону в гражданской печати слова, начали так писаться: ежели к сим введенным придадутся ещще, а к тем ещще прибавятся некоторыя; то со временем и все не будут дики глазам нашим, как уже не дики те стали, которыя ныне в употреблении. Правду сказать, ежелиб у нас несколько господ зделались авторами; (как то Франция хвалится Скудерию, Дациерю, дела Сюзою и другими; Голландия Марию Шурманною; древняя Греция своею Сапфою) тоб скоряе правильнейшая сия орфография ввелась, а не исправная древняя вывелась: ибо я заметил из некоторых дамских писем, что оне больше наблюдают звоны в составлении своих слов, хотя некоторые из них и производят за надлежащии пределы сии звоны тем что звоны ставят точноа подлинно своего выговора, каким они составляют некоторыя слова но составление сие бывает иногда неисправное, например, *миласливая* вместо *милостивая*, и прочия.

Теперь намерился я вам, г. м., предложить о некоторых орфографических обыкновениях, которыя токмо один я употребляю, и так что не токмо не в указ всем прочим инако сие самое пишущим, но ещще и предаю в полную волю каждого писателя.

1) Я пишу ныне все те склады двумя токмо согласными, которыи

по произведению состоят тремя пред гласною, или двугласною: ибо тем образом мы их точно все выговариваем. Например, *шчасливый*, вместо *шчастливый*; *срoгий*, вместо *строгий*, да и слово сие, будучи польское, происходит от словенскаго *суровый*.

2) В сложных, а не в простых словах, которых сложение начинается предлогами, или надглаголями какими, кончащимися на гласную, и самое слагаемое слово также с тоя точно гласная начинается, гласную букву у предлога, или у надглаголия отнимаю. Например, *вoбщe*, вместо *вообщe*, *сoбщeннe*, вместо *сообщение*, *пeрвoбрaзный* вместо *первообразный*: ибо сим образом слова без раззевания выговариваются легче и приятнее; а знаменования, и вся своя силы лишены не бывают. Но и кто у нас ныне выговаривает *приидите*, вместо *придите*? 3) Глаголы, кончащиеся на *ся*, а особливо отложительные, ежели в сих глаголах последняя буква пред *ся* есть гласная, или двугласная, пишу на *сь*, например, *надеюсь*, вместо *надеюся*; *боюсь*, вместо *боюся*: сие распространяю я токмо до деепричастий, как *надеясь*, *боясь*, а до причастий нимало не касаясь, как *надеющийся*, *боявшийся*. Причину сему моему употреблению не иную могу привести, как токмо приятность выговора. Впрочем, все такие глаголы в стихах можно вполне писать, ежели мера того требует.

4) Предлоги сказательного падежа, *о*, *об* так употребляю, что первый ставлю пред словами начинающимися согласными буквами, а другой пред такими, которые начинаются гласными. Например, *о небе*, *об ангелах*; *о земле*, *об Египте*. Причина сему, убеждение от неприятнаго зевания. Однако пред словами, *не*, *ней*, *них*, должно ставить *об*, для того что в сих словах буква (н) находится неприродная, но ради приятнаго слуху звона: сии слова поприроде должныствовали быть, *ем*, *ей*, *их*. 5) Глаголы отрицательные, и многии други слова, имеющие пред собою предлоги, или какие другие части слова, и по общему обыкновению, отсылающии ударение на те предлоги, или другие части слова, так что буттоб они сложные были, будучи однако несложные, пишу сим образом, тоест, ставлю силу над отрицающею, или другою какою частицею, а между частицами, и самым словом, провожу горизонтально коротинькую палочку, в изъявление того, что сии слова несложные, а выговариваются как сложные, с одним ударением. Например: *не-был*, *на-избу*, *под-гору*, вместо, *не был*, *на избу*, *под гору*. <...>

М. В. Ломоносов

Михаил Васильевич Ломоносов (1711—1765) — великий деятель русской культуры, поэт и ученый, решивший в области языка важнейшую задачу своего времени: задачу установления разумного соотношения средств книжной и разговорной речи в различных жанрах русской письменности.

В теоретических трудах и в литературно-художественных произведениях М. В. Ломоносова преодолевается архаичность речевых средств литературной

традиции, закладываются основы системы литературных норм, которая ориентируется на выразительные средства языка русского народа. Устное и книжное слово возводится Ломоносовым в ранг словесного искусства. «Российская грамматика» и руководства по красноречию реализуют теоретические позиции Ломоносова и содействуют упрочению литературно-нормированной речи.

В лингвистических трудах Ломоносова получает теоретическое обоснование истинное направление в развитии речевой культуры русского народа. Учитывая наметившееся к началу XVIII в. противопоставление высокого («красного», риторического) и низкого («подлого») в различных жанрах письменности, он выдвигает знаменитое учение о «трех стилях».

Стилистическая теория Ломоносова строится на основе речи русского народа: книжно-риторическое, обиходно-разговорное, нейтральное, просторечное как разновидности средств выражения обретают стилистическую значимость в контекстах жанрово-маркированных подсистем (стилей) русского литературного языка.

Стилистическая система М. В. Ломоносова устраняла противопоставление прежних типов литературного языка (славянизированного, церковнокнижного и обиходного, разговорного), а также содействовала осознанию стилевых контекстов как экспрессивно значимых форм единой русской речи.

Язык поэтических произведений М. В. Ломоносова дает наглядное представление о своеобразии речевых средств, присущих высокому, среднему и низкому стилям литературного языка эпохи классицизма.

Стихотворные и филологические произведения даются по изданиям: Собрание разных сочинений в стихах и в прозе Михайла Ломоносова. Спб., 1751. Кн. 1; Сочинения М. В. Ломоносова. Спб., 1891. Т. 1.; Спб., 1893. Т. 2. Спб., 1898. Т. 4; «Российская грамматика» — по первому изданию (Спб., 1755).

Ода на день восшествия на <...> престол <...> Елисаветы Петровны, 1747 года

Царей и царств земных отрада
Возлюбленная тишина,
блаженство сел, градов ограда,
Коль ты полезна и красна!
Вокруг тебя цветы пестреют
И класы на полях желтеют;
Сокровищ полны корабли
Дерзают в море за тобою;
Ты сыплешь щедрою рукою
Твое богатство по земли.

Великое светило миру,
блистая с вечной высоты
На бисер, злато и порфиру,
На все земныя красоты,
Во все страны свой взор возводит;
Но краше в свете не находит
Елисаветы и тебя.

Ты, кроме той, всего превыше,
Но дух ея зефира тише,
И зрак приятнее рая.

Когда на трон она вступила
Как вышний подал ей венец:
Тебя в Россию возвратила,
Войне поставила конец;
Тебя прияв облобызала;
Мне полно тех побед, сказала,
Для коих крови льется ток.
Я россов щастьем услаждаюсь,
Я их спокойством не меняюсь
На целый запад и восток. <...>

О вы, которых ожидает
Отечество от недр своих,
И видеть таковых желает,
Каких зовет от стран чужих,
О ваши дни благословенны!
Дерзайте ныне ободренны
Раченьем вашим показать,
Что может собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов
Российская земля рождать.

Науки юношей питают,
Отраду старым подают,
В щастливой жизни украшают,
В несчастной случай берегут;
В домашних трудностях утеха,
И в дальних странствах не помеха,
Науки пользуют везде,
Среди народов и в пустыне,
В градском шуму и на едине;
В покое сладки и в труде.

Тебе, о милости источник,
О ангел мирных наших лет!
Всевышний на того помощник,
Кто гордостью своей дерзнет,
Завидя нашему покою
Против тебя восстать войною;
Тебя зиждитель сохранит
Во всех путях беспреткновенну,
И жизнь твою благословенну
С числом щедрот твоих сравнит.

Гимн бороде

1

Не роскошной я Венере,
Не уродливой Химере

В имнах жертву воздаю:
Я похвальну песнь пою
Волосам, от всех почтенным,
По груди распространенным,
Что под старость наших лет
Уважают наш совет.
Борода предорогая!
Жаль, что ты не крещена,
И что тела часть срамная
Тем тебе предпочтена. <...>

10

Ах, куда сдобром деваться?
Все уборы не вместятся:
Для их многого числа
Борода не доросла.
Я крестьянам подражаю
И как пашню удобряю.
Борода, теперь прости,
В жирной влажности расти!
Борода предорогая!
Жаль, что ты не крещена,
И что тела часть срамная
Тем тебе предпочтена.

1756—1757

* * *

Мышь некогда любя святыню
Оставила прелестной мир,
Ушла в глубокую пустыню
Засевшись вся в Голланской сыр.

1757—1759 (?)

Вечернее размышление о божием величии, при случае великаго севернаго сияния

Лице свое скрывает день;
Поля покрыла влажна ночь;
Взошла на горы черна тень;
Лучи от нас склонились прочь;
Открылась бездна звезд полна;
Звездам числа нет, бездне дна.

Песчинка как в морских волнах,
Как мала искра в вечном льде,
Как в сильном вихре тонкий прах,
В свирепом как перо огне,
Так я, в сей бездне углублен
Теряюсь, мыслями утомлен!

Уста премудрых нам гласят:
Там разных множество светов;
Несчетны солнца там горят,
Народы там и круг веков:
Для общей славы божества
Там равна сила естества.

Но где ж, натура, твой закон?
С полных стран встает заря!
Не солнце ль ставит там свой трон?
Не льдисты ль мещут огонь моря?
Се хладный пламень нас покрыл!
Се в ночь на землю день вступил!

О вы, которых быстрой зрак
Пронзает в книгу вечных прав,
Которым малый вещи знак
Являет вещества устав:
Вам путь известен всех планет;
Скажите, что нас так мятет?

Что зыблет ясный ночью луч?
Что тонкий пламень в твердь разит?
Как молния без грозных туч,
Стремится от земли в зенит?
Как может быть, чтоб мерзлой пар
Среди зимы раждал пожар?

Там спорят жирна мгла с водой;
Иль солнечны лучи блестят,
Склонясь сквозь воздух к нам густой;
Иль тучных гор верьхи горят;
Иль в море дуть престал эфир,
И гладки волны бьют в эфир.

Сомнений полон ваш ответ
О том что окрест ближних мест.
Скажитеж, коль пространен свет?
И что малейших дале звезд?
Несведом тварей вам конец?
Скажитеж, коль велик творец?

1743

Письмо о пользе стекла
... > камергеру Ивану Ивановичу Шувалову
1752 года

Неправо о вещах те думают, Шувалов,
Которые Стекло чтут ниже Минералов
Приманчивым лучем блистающих в глаза:
Не меньше польза в нем, не меньше в нем краса.
Не редко я для той с Парнасских гор спускаюсь;
И ныне от нея на верх их возвращаюсь,
Пою перед тобой в восторге похвалу,
Не камням дорогим, ни злату, но Стеклу.
И как я оное, хваля, воспоминаю,
Не ломкость лживаго я щастья представляю.
Не должно тленности примером тое быть,
Чего и сильный огонь не может разрушить,
Других вещей земных конечный разделитель:
Стекло им рождено; огонь — его родитель. ...

Исполнен слабостями наш краткий в мире век:
Нередко впадает в болезни человек!
Он ищет помощи, хотя спастись от муки,
И жизнь свою продлить, врачам дается в руки.
Нередко нам они отраду могут дать,
Умеv приличныя лекарства предписать;
Лекарства, что в Стекле хранят и составляют;
В Стекле одном оне безвредны пребывают.
Мы должны здравия и жизни часть Стеклу:
Какую надлежит ему принести хвалу! <...>

Зубницкому

Безбожник и ханжа, подметных писем враль!
Твой мерзкий склад давно и смех нам и печаль.
Печаль, что ты язык российский развращаешь,
А смех, что ты тем злом затмить достойных чаешь.
Но плюем мы на страм твоих поганых врак:
Уже за тридцать лет ты записной дурак;
Давно изгага всем читать твои синички,
Дорогу некошну, вонючие лисички;
Никто не поминай нам подлости ходуль
И к пьянству твоему потребных красоуль.
Хоть ложной святостью ты бородой скрывался,
Пробин на злость твою взирая, улыбался:
Учения его и чести и труда
Не можешь повредить ни ты, ни борода.

Притча

Лишь только шум дневной замолк,
Надел пастушье платье волк,
И взял пастушей посох в лапу,
Привесил к поясу рожок,
На уши вздел широку шляпу,
И крался тихо сквозь лесок,
На ужин для добычи к стаду.
Увидел там, что Жучко спит,
Обняв пастушку, Фирс храпит,
И овцы все лежали сряду.
Он мог из них любую взять;
Но не довольствуясь убором,
Хотел прикрасить разговором
И именем овец назвать.
Однако чуть лишь пасть разинул,
Раздался в роще волчей вой.
Пастух свой сладкой сон покинул,
И Жучко бросился с ним в бой;
Один дубиной гостя встретил,
Другой за горло ухватил;
Тут поздно бедной волк заметил,
Что через чур перемудрил,
В полах и в рукавах связался,
И волчьим голосом сказался.
Но Фирс недолго размышлял,
Убор с него и кожу снял.
Я притчу всю коротким толком
Могу вам, господа, сказать:
Кто в свете сем родился волком,
Тому лисицей не бывать.

1748

О произношении буквы Г

Бугристы берега, благоприятны влаги,
О горы с гроздами, где греет юг ягнят.
О грады, где торги, где мозгокружны браги,
И деньги, и гостей, и годы их губят.
Драгие ангелы, пригожия богини,
Бегущия всегда от гадкия гордыни,
Пугливы голуби из мягкаго гнезда,
Угодность с негою, огромные чертоги,
Недуги наглые и гнусные остроги,
Богатство, нагота, слуги и господа,
Угрюмы взглядами, игрени, пеги, смуглы,

Багровые глаза, продолговаты, круглы,
И кто горазд гадать и лгать, да не мигать,
Играть, гулять, рыгать и ногти огрызать,
Ногаи, Болгары, Гуроны, Геты, Гунны,
Тугия головы, о иготи чугуны,
Гневливые враги и гладкословный друг,
Толпыги, щеголи, когда вам есть досуг.
От вас совета жду, я вам даю на волю:
Скажите, где быть га, и где стоять глаголю?

О пользе книг церьковных в российском языке

В древния времена, когда Славенский народ не знал употребления письменно изображать свои мысли, которые тогда были тесно ограничены, для неведения многих вещей и действий, ученым народам известных; тогда и язык его не мог изобиловать таким множеством речений и выражений разума, как ныне читаем. Сие богатство больше всего приобретено купно с Греческим Христианским законом, когда церьковныя книги переведены с Греческаго языка на Славенский для славословия Божия. Отменная красота, изобилие, важность и сила Еллинскаго слова, коль высоко почитается; о том довольно свидетельствуют словесных наук любители. На нем, кроме древних Гомеров, Пиндаров, Демосфенов и других в Еллинском языке Героев, витийствовали великие христианския церькви учителя и творцы, возвышая древнее красноречие высокими богословскими догматами и парением усерднаго пения к богу. Ясно сие видеть можно вникнувшим в книги церьковныя на Славенском языке, коль много мы от переводу ветхаго и новаго завета, поучений отеческих, духовных песней Дамаскинских и других творцев канонов видим в Славенском языке Греческаго изобилия, и оттуду умножаем довольство Российскаго слова, которое и собственным своим достатком велико и к приятию Греческих красот посредством Славенскаго сродно. Правда что многия места оных переводов не довольно вразумительны; однако польза наша весьма велика. Присем хоть нельзя прекословить, что с начала переводившие с Греческаго языка книги на Славенский не могли миновать и довольно остеречься, чтобы не принять в перевод свойств Греческих Славенскому языку странных; однако оныя чрез долготу времени слуху Славенскому перестали быть противны, но вошли в обычай. И так что предкам нашим казалось не вразумительно, то нам ныне стало приятно и полезно.

Справедливость сего доказывается сравнением Российскаго языка с другими ему сродными. Поляки преклонясь издавна в Католицкую веру, отправляют службу, по своему обряду, на Латинском языке, на котором их стихи и молитвы сочинены во времена варварския, по большей части от худых авторов, и потому

ни из Греции, ни от Рима не могли снискать подобных преимуществ, каковы в нашем языке от Греческаго приобретены. Немецкой язык по то время был убог, прост и бессилен, пока в служении употреблялся язык Латинской. Но как Немецкой народ стал священныя книги читать и службу слушать на своем языке; тогда богатство его умножилось, и произошли искусные писатели. Напротив того в Католических областях, где только одну Латынь, и то варварскую, в служении употребляют, подобнаго успеха в чистоте Немецкаго языка не находим.

Как материи, которыя словом человеческим изображаются, различествуют по мере разной своей важности; так и Российский язык чрез употребление книг церковных по приличности имеет разныя степени: *высокой, посредственной и низкой*. Сие происходит от трех родов речений Российскаго языка.

К первому причитаются, которыя у древних Славян и ныне у Россиян обще употребительны, например: *Бог, слава, рука, ныне, почитаю*.

Ко второму принадлежат, кои хотя обще употребляются мало, а особливо в разговорах; однако всем грамотным людям вразумительны, например: *отверзаю, Господень, насажденный, взываю*. Неупотребительныя и весьма обетшалыя отсюда выключаются, как: *обаваю, рясны, овогда, свене* и сим подобныя.

К третьему роду относятся, которых нет в остатках Славенскаго языка, то есть в церковных книгах, например: *говорю, ручей, которой, пока, лишь*. Выключаются отсюда презренныя слова, которых ни в каком штиле употребить не пристойно, как только в подлых комедиях.

От рассудительнаго употребления и разбору сих трех родов речений раждаются три штиля: *высокой, посредственной и низкой*.

Первой составляется из речений Славенороссийских, то есть употребительных в обоих наречиях, и из Славенских Россиянам вразумительных и не весьма обетшалых. Сим штилем составляться должны Героическия Поэмы, Оды, прозаичныя Речи о важных материях, которым они от обыкновенной простоты к важному великолепию возвышаются. Сим штилем преимуществует Российский язык перед многими нынешними Европейскими, пользуясь языком Славенским из книг церковных.

Средний штиль состоять должен из речений больше в Российском языке употребительных, куда можно приять некоторыя речения Славенския в высоком штиле употребительныя, однако с великою осторожностью, чтобы слог не казался надутым. Равным образом употребить в нем можно низкия слова; однако остерегаться, чтобы не опустился в подлость. И словом, в сем штиле должно наблюдать всевозможную равность, которая особливо тем теряется, когда речение Славенское положено будет подле Российскаго простонароднаго. Сим штилем писать все театральныя сочинения, в которых требуется обыкновенное человеческое

слово к живому представлению действия. Однако может и первого рода штиль иметь в них место, где потребно изобразить геройство и высокия мысли; в нежностях должно от того удаляться. Стихотворныя дружеския письма, сатиры, еклоги и элегии сего штиля больше должны держаться. В прозе предлагать им пристойно описания дел достопамятных и учений благородных.

Низкий штиль принимает речение третьяго рода, то есть которых нет в Славенском диалекте, смешивая со средними, а от Славенских обще неупотребительных вовсе удаляться, по пристойности материй, каковы суть комедии, увесилительныя эпиграммы, песни; в прозе дружеския письма, описание обыкновенных дел. Простонародныя низкия слова могут иметь в них место по рассмотрению. Но всего сего подробное показание надлежит до нарочнаго наставления о чистоте Российскаго штиля.

Сколько в высокой Поезии служат одним речением Славенским сокращенныя мысли, как причастиями и деепричастиями, в обыкновенном Российском языке неупотребительными; то всяк чувствовать может, кто в сочинении стихов испытал свои силы.

Сия польза наша, что мы приобрели от книг церковных богатство к сильному изображению идей важных и высоких, хотя велика, однако еще находим другия выгоды, каковых лишены многие языки; и сие вопервых по месту.

Народ Российский по великому пространству обитающий, не взирая на дальное расстояние, говорит повсюду вразумительным друг другу языком в городах и в селах. Напротив того в некоторых других государствах, например, в Германии Баварской крестьянин мало разумеет Мекленбургскаго или Бранденбургской Швабскаго, хотя все того же Немецкаго народа.

Подтверждается вышеупомянутое наше преимущество живущими за Дунаем народами Славенскаго поколения, которые Греческаго исповедания держатся. Ибо хотя разделены от нас иноплеменными языками; однако для употреблениа Славенских книг церковных, говорят языком, Россиянам довольно вразумительным, которой весьма много с нашим наречием сходнее, нежели Польской, не взирая на безразрывную нашу с Польшею пограничность.

По времени ж рассуждая, видим, что Российский язык от владения Владимирова до нынешняго веку, больше семи сот лет, не столько отменился, чтобы стараго разуместь не можно было: не так как многие народы не учась не разумеют языка, которым предки их за четыреста лет писали, ради великой его перемены случившейся через то время.

Рассудив таковую пользу от книг церковных Славенских в Российском языке, всем любителям отечественнаго слова беспристрастно объявляю, и дружелюбно советую, уверясь собственным своим искусством, дабы с прилежанием читали все церковныя книги, от чего к общей и к собственной пользе воспоследует.

1) По важности освященнаго места церкви Божией и для

древности чувствуем в себе к Славенскому языку некоторое особое почтение, чем великолепная сочинитель мысли сугубо возвысит.

2) Будет всяк уметь разбирать высокия слова от подлых, и употреблять их в приличных местах по достоинству предлагаемой материи, наблюдая равность слога.

3) Таким старательным и осторожным употреблением сродного нам коренного Славенского языка купно с Российским отвратятся дикия и странная слова нелепости, входящая к нам из чужих языков, заимствующих себе красоту из Греческаго, и то еще чрез Латинской. Оныя неприличности ныне небрежением чтения книг церковных вкрадываются к нам нечувствительно, искажают собственную красоту нашего языка, подвергают его всегдашней перемене, и к упадку преклоняют: Сие все показанным способом пресечется; и Российский язык в полной силе, красоте и богатстве переменам и упадку неподвержен утвердится, коль долго церковь Российская славословием Божиим на Славенском языке украшаться будет.

Сие краткое напоминание довольно к движению ревности в тех, которые к прославлению Отечества природным языком усердствуют, ведая, что с падением онаго без искусных в нем писателей немало затмится слава всего народа. Где древней язык Ишпанской, Галской, Брианской и другие с делами оных народов? Не упоминаю о тех, которые в протчих частях света у безграмотных жителей во многие веки чрез преселения и войны разрушились. Бывали и там Герои, бывали отменные дела в обществах, бывали чудныя в натуре явления; но все в глубоком неведении погрузились.

Гораций говорит:

Герои были до Атрида;
Но древность скрыла их от нас:
Что дел их не оставил вида
Бессмертный стихотворцев глас

Счастливы Греки и Римляне перед всеми древними Европейскими народами. Ибо хотя их владения разрушились, и языки из общенародного употребления вышли; однако из самых развалин, сквозь дым, сквозь звуки в отдаленных веках, слышен громкий голос писателей, проповедающих дела своих Героев, которых люблением и покровительством ободрены были превозносить их купно с отечеством. Последовавшие поздные потомки, великою древностию и расстоянием мест отделенные, внимают им с таким же движением сердца, как бы их современные одноземцы. Кто о Гекторе и Ахиллесе читает у Гомера без рвения? Возможно ли без гнева слышать Цицеронов гром на Катилину? Возможно ли внимать Горациевой Лире, не склонясь духом к Меценату, равно как бы он нынешним наукам был покровитель?

Подобное счастье оказалось нашему Отечеству от просвещения *Петрова*, и действительно настало и основалось щедротою

Великия *его* дочери. Ею ободренная в России словесная наука не дадут никогда притти в упадок Российскому слову. Станут читать самые отдаленные веки великия дела *Петрова* и *Елисаветина* веку, и равно, как мы, чувствовать сердечныя движения. Как не быть ныне *Виргилиям* и *Горациям*? Царствует *Августа Елисавета*; имеем знатных и *Меценату* подобных предстателей, чрез которых ходатайство Ея отеческий град снабден новыми приращениями наук и художеств. Великая Москва, ободренная пением новаго *Парнасса*, веселится своим сим украшением, и показывает оное всем городам Российским как вечный залог усердия к Отечеству своего Основателя; на котораго бодрое попечение и усердное предстательство твердую надежду полагают Российския музы о высочайшем покровительстве.

Российская грамматика

Наставление первое

О человеческом слове вообще

Глава 1

О ГОЛОСЕ

№ 1

По благороднейшем даровании, которым человек протчих животных превосходит, то есть правителе наших действий разуме, первейшее есть слово, данное ему для сообщения с другими своих мыслей. Польза его толь велика, коль далече ныне простираются происшедшия от него в обществе человеческом знания; которыя весьма бы тесно ограничены были, есть ли бы каждой человек воображенный себе способом чувств понятия только в собственном своем уме содержал сокровенны. Когда к сооружению какой либо махины приготовленныя части лежат особливо, и ни которая определеннаго себе действия другой взаимно не сообщает; тогда все бытие их тщетно и бесполезно. Подобным образом естли бы каждой член человеческого рода не мог изъяснить своих понятий другому; то бы не токмо лишены мы были сего согласнаго общих дел течения, которое соединением разных мыслей управляется; но и едва бы не хуже ли были мы диких зверей разсыпанных по лесам и пустыням.

Глава 4

О ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫХ ЧАСТЯХ ЧЕЛОВЕЧЕСКАГО СЛОВА

§ 39

Взирая на видимый сей свет, двоякаго рода бытия в нем находим. Перваго рода суть чувствительныя в нем вещи; втораго рода суть оных вещей разныя деяния.

§ 40

Слово дано для того человеку, чтобы свои понятия сообщать другому. И так понимает он на свете и сообщает другому идеи вещей и их деяний. Изображения словесных вещей называются *имена*: напр. *небо, ветер, очи*; изображения деяний, *глаголы*: напр. *синеет, веет, видят*. И так понеже они всегда вещь или деяние знаменуют; по справедливости *знаменательные части слова* названы быть могут.

§ 45

Из сего всего явствует, что имя и глагол суть части человеческого слова необходимо нужные, в изображении самих наших главных понятий; Местоимение, Причастие, Наречие, Предлог, Союз и Междуметие в сношении и в сокращении оных служат. И так по справедливости первая должно именовать *главными*, другая *служебными* частями слова.

§ 46

По сему слово человеческое имеет восемь частей знаменательных. 1) *Имя*, для названия вещей. 2) *Местоимение*, для сокращения именованных. 3) *Глагол*, для названия деяний. 4) *Причастие*, для сокращения соединением имени и глагола в одно предложение. 5) *Наречие*, для краткого изображения обстоятельств. 6) *Предлог*, для показания принадлежности обстоятельств к вещам или деяниям. 7) *Союз*, для изображения взаимности наших понятий. 8) *Междуметие*, для краткого изъявления движений духа.

Наставление второе

О чтении и правописании Российском

Глава 5

О ПРАВОПИСАНИИ

§ 108

В правописании наблюдать надлежит, 1) Что бы оно служило к удобному чтению каждому знающему Российской граммате. 2) Что бы не отходило далече от главных Российских диалектов, которые суть три: Московской, Северной, Украинской. 3) Что бы не удалялось много от чистаго выговору. 4) Что бы не закрылись со всем следы произведения и сложения речений.

§ 111

Московское наречие не токмо для важности столичнаго города, но и для своей отменной красоты протчим справедливо предпочитается; а особливо выговор буквы *о* без ударения, как *а*, много приятнее; но от того Московские уроженцы, а больше те, которые немного и невнимательно по церьковным книгам читать учились, в правописании часто погрешают, пишучи *а* вместо *о*: *хачу*, вместо *хочу*, *гавари* вместо *говори*. Но ежели положить, чтобы по сему выговору всем писать и печатать; то должно большую часть России говорить и читать снова переучить насильно.

Наставление третье

О имени

Глава 3

СОДЕРЖАЩАЯ ОСОБЛИВЫЯ ПРАВИЛА СКЛОНЕНИЙ.

§ 167

Происшедшия от глаголов употребительнее имеют в родительном *у*, и тем больше оное принимают, чем далее от Славенскаго отходят; а Славенския, в разговорах мало употребляемая, лутче удерживают *а*: *размах*, *размаху*; *чес*, *чесу*; *взгляд*, *взгляду*; *визг*, *визгу*; *груз*, *грузу*; *попрек*, *попреку*; *перенос*, *переносу*; *возраст*, *возрасту* и *возраста*; *вид*, *виду* и *вида*; *трепет*, *трепета*.

§ 168

Сие различие древности слов и важности знаменуемых вещей весьма чувствительно, и показывает себя нередко в одном имени. Ибо мы говорим: *святаго духа*; *человеческаго долга*; *ангельскаго гласа*; а не *святаго духу*; *человеческаго гласу*. Напротив того свойственнее говорится: *розоваго духу*; *прошлогодняго долгу*; *птичья голосу*; нежели *розоваго духа*; *прошлогодняго долга*; *птичья голоса*.

Наставление четвертое

О глаголе

Глава 2

О ПЕРВОМ СПРЯЖЕНИИ ПРОСТЫХ ГЛАГОЛОВ

§ 337

Причастия настоящего времени суть действительныя, страдательныя и средня. Первыя и последныя кончатся на *щий*, вто-

рыя на *емый*; действительныя составляются из перваго лица настоящего единственнаго и из слога *щй*, напр.: *пишущий*; *торжествующий*. Страдательное раждается от перваго лица множественнаго числа времени настоящего, чрез пременение буквы *ъ* на *ый*, напр.: *даем*, *даемый*; *пишем*, *пишемый*.

§ 338

Присем примечать надлежит, что сии причастия только от тех Российских глаголов произведены быть могут, которые от Славенских как в произношении так и в знаменовании никакой разности не имеют. Употребляются только в письме, а в простых разговорах должно их изображать чрез возносительныя местоимения: *которой*, *которая*, *которое*. Весьма не надлежит производить причастий от тех глаголов, которые нечто подлое значат, и только в простых разговорах употребительны: ибо причастия имеют в себе некоторую высокость, и для того очень пристойно их употреблять в высоком роде стихов. Которые Российский язык не очень твердо знают, а притом мало или ничего Славенских книг не читали, и затем прямаго употребления причастий понять не могут, те безопасно поступят, ежели вместо причастий глагол с возносительными писать будут.

Наставление пятое

О вспомогательных или служебных частях слова

Глава 1

О МЕСТОИМЕНИИ

§ 431

Различие рода во множественном не весьма чувствительно, так что без разбору один вместо другаго употребляются; однако лутче в среднем и в женском *оне*; а в мужеском *они*. *Ее* в просторечии, *ея* в штиле употреблять пристойнее.

Глава 2

О ПРИЧАСТИИ

§ 441

Прошедшия неопределенныя страдательныя причастия весьма употребительны, как от новых Российских, так и от Славенских глаголов произведенныя: *питанный*, *венчанный*, *писанный*, *виденный*, *качаной*, *мараной*. Разницу один от другаго ту имеют, что от Славенских происшедшия лутче на *ый*, нежели на *ой*, простыя Российския приличнее на *ой*, нежели на *ый*, кончатся. Первыя

склоняются как настоящая (§ 445), другия в родительном единственном мужеском и среднем приличнее *ого*, нежели *аго*, принимают. Также и на конце один *н* имеют.

Наставление шестое

О сочинении частей слова

Глава 3

О СОЧИНЕНИИ ГЛАГОЛОВ

§ 466

Весьма погрешают те, которые по свойству чужих языков деепричастия от глаголов личных лицами разделяют. Ибо деепричастие должно в лице согласоваться с главным глаголом личным, на котором всей речи состоит сила: *идуци в школу, встретился я с приятелем; написав грамотку, посылаю за море*. Но многие в противность сему пишут: *идуци я в школу, встретился со мною приятель; написав я грамотку, он приехал с моря; будучи я удостоверен о Вашем к себе дружестве, вы можете уповать на мое к вам усердие*; что весьма неправильно и досадно слуху, чувствующему правое Российское сочинение.

О нынешнем состоянии словесных наук в России

Коль полезно человеческому обществу в словесных наук [ах] упражнение, о том свидетельствуют древние и нынешние просвещенные народы. Умолчав о толь многих известных примерах, представим одну Францию, о которой по справедливости сомневаться можно, могуществом ли больше привлекла к своему почитанию другие государства или науками, особливо словесными, очистив и украсив свой язык трудолюбием искусных писателей. Военную силу ее чувствуют больше соседние народы, употребление языка не токмо по всей Европе простирается и господствует, но и в отдаленных частях света разным европейским народам, как единоплеменным, для сообщения их по большей части служит. Посему легко рассудить можно, коль те похвальны, которых рачение о словесных науках служит к украшению слова и к чистоте языка, особливо своего природного. Противным образом коль вредны те, которые нескладным плетеньем хотят прослыть искусными и, охуждая самые лучшие сочинения, хотят себя возвысить; сверх того, подав худые примеры своих незрелых сочинений, приводят на неправый путь юношество, приступающее к наукам, в нежных умах вкореняют ложные понятия, которые после истребить трудно или и вовсе невозможно. Примеров далече искать нет нам нужды: имеем в своем отечестве. Красота, великолепие, сила и богатство российского языка явствует до-

вольно из книг, в прошлые века писанных, когда еще не токмо никаких правил для сочинений наши предки не знали, но и о том едва ли думали, что оные есть или могут быть.

Краткое руководство к красноречию

Блаженство рода человеческого коль много от слова зависит, всяк довольно усмотреть может. Собраться рассеянным народам в общежития, созидать грады, строить храмы и корабли, ополчаться против неприятеля и другие нужные, союзных сил требующие дела производить как бы возможно было, если бы они способа не имели сообщать свои мысли друг другу? Того ради всевышняя премудрость к дарованию разума присовокупила человеку и слова дарование, в котором остроумные люди уже в древние времена приметили, что оное искусством увеличено и тем с вящею пользою употреблено быть может, и для того многое старание и неусыпные труды полагали, чтобы слово свое учением возвысить и украсить, в чем они великие успехи имели и в обществе показывали знатные услуги. В нынешние веки хотя нет толь великого употребления украшенного слова, а особливо в судебных делах, каково было у древних греков и римлян, однако в предложении божия слова, в исправлении нравов человеческих, в описании славных дел великих героев и во многих политических поведениях коль оное полезно, ясно показывает состояние тех народов, в которых словесные науки процветают.

Язык писателей второй половины XVIII века

Во второй половине XVIII в. нарастает кризис в сфере письменной речи: становится все более явным отход от требований стилистической системы Ломоносова. Писатели, журналисты, ученые не соблюдают нормы словоупотребления, намеченные Ломоносовым. Изображение всей полноты жизненных явлений не укладывается в рамки ограничений, предопределяющих употребление речевых средств в пределах того или иного жанра письменности.

Преодоление узости, недостаточности системы «трех стилей» принимает самые разнообразные формы в языке произведений выдающихся писателей: книжные и разговорные речевые средства употребляются более свободно, намечаются пути освоения выразительных возможностей элементов обиходно-бытовой речи.

А. П. Сумароков

Александр Петрович Сумароков (1717—1777) — известный драматург и стихотворец; его перу принадлежат 9 трагедий и 12 комедий. В языке его произведений нашло свое выражение движение, связанное с преодолением узости

системы «трех стилей». Автор ориентируется на «живое употребление» — на обыденную устную и письменную речь столичного дворянства; при этом ограничивает роль церковнославянизмов, не обладающих, по его мнению, должной выразительностью в сфере высокого стиля, а также выражает отрицательное отношение к засилью канцеляризм как выразительного средства языка деловой письменности. Поэт протестует против неразумного употребления иноязычных слов, особенно галлицизм (стихотворение «О французском языке»). Отход от стилистики Ломоносова приводит к тому, что в произведениях Сумарокова намечается своеобразная деформация высокого стиля: он утрачивает былую книжность, пышность, возвышенность и все более сближается с разговорной речью образованного общества. Слова просторечные, обиходно-бытовые втягиваются в контекст книжной речи, что содействует расширению границ низкого стиля и противоречит стилистической традиции классицизма. Отступления от стилистических норм поэтики классицизма проявляются в нарушении чистоты стиля: смешиваются формы высокого и среднего, среднего и низкого стилей.

Отрывки из произведений даются по изданию: *Сумароков А. П.* Полное собрание всех сочинений. М., 1787. Ч. 6.

Рогоносец по воображению

КОМЕДИЯ

Действующие лица:

Викул, дворянин.

Хавронья, жена его.

Флориза, бедная дворянка.

Касандр, граф.

Дворецкой.

Ниса, служанка Хавроньи.

Егер графа Касандра.

Действие первое

ЯВЛЕНИЕ 5

Викул (*один*). Не за тем ли уже граф ко мне хочет пожаловати, чтобы за женою моею поволочиться? Мне его не очень полезно; а ты граф на чужое добро напрасно зубы скалишь, за ету честь я ваше сиятельство покорно благодарствую.

ЯВЛЕНИЕ 6

Викул и Хавронья

Хавронья. Какова ето енарала адъютант у нас был?

Викул. Не адъютант, егер был: по нашему слуга, которой стреляет ходя птиц.

Хавронья. Какой слуга; весь в позументах.

Викул. Ныне у господ такой манер; ето был егер от графа Касандра: ево сиятельство к нам заехать изволит.

Хавронья. Его сиятельство!

Викул. А что? — разве он тебе знаком?

Хавронья. Да, я ево высокой милости, покуль душа в теле, не позабуду: и коли бы он такую мне многогрешной показал

отеческую милость, и велел бы маляру красками написать персону свою, я бы ее у себя поставила пред кроватью и не спустила бы с нее глаз.

В и к у л (*особливо*). Как будто слышало это мое сердце! Да почему ты знаешь ево, и какую зделал он тебе милость?

Х а в р о н ь я. А вот, сердечушко, я тебе донесу: как я нынешнею зимою была без тебя в Москве, так расхвалили мне какую то интермецию, и уговорили меня туда съездить. Бывает и на старуху проруха: поехала: вошла я в залу: заиграли и на скрипицах, и на габоях и на клевикортах: вышли какия то, и почали всякую всячину говорить; и уж махали руками, как самыя куклы: потом вышел какой то, а к нему какую то на цепи привели женщину, у которой он просил не знаю какова письма: а она отвечала что она ево изодрала: вышла: ему подали золоченой кубок, а с каким напитком, етова я не знаю: етот кубок отослал он к ней: и все было хорошо: потом какой то еще пришел, поговорили не много, и что то на него нашло: как он, батька закричит: шапка с него полетела: а он и почал метаться, как угорелая кошка: да выняв нож, как прыснул себя: так я и обмерла. А граф етот сидя тогда со мною в одном чулане, и разговорився прежде еще интермеции, что я ево соседка, меня тогда мунгальской водкой, как я от страха обмерла, от смерти избавил.

В и к у л. А хорош граф ат?

Х а в р о н ь я. Такой пригожий, преузорочной и обходительной, что вот табе.

В и к у л. Жена! хотя бы ты ево поменьше хвалила.

Х а в р о н ь я. Как не хвалить? Да едакой молодец и старикам не впамять.

В и к у л. Жена! мне ето не понутру.

Х а в р о н ь я. И! моя ласточка! уж не ревнуешь ли ты к нему? Да я тебя и на Бову королевича не променяю.

В и к у л. Жена! не знаю что меня по коже подирает! пойти да полежать.

Х а в р о н ь я. А я о кушаньи, да о закусках прикажу.

ЯВЛЕНИЕ 7

Х а в р о н ь я (*одна*). За милость ево высоко-реис-графскаго сиятельства надобно ево полутче угостить; для милова дружка, серошка из ушка.

ЯВЛЕНИЕ 9

Х а в р о н ь я (*одна*). На один ат день станет нас! а тебе графское сиятельство, нашей хлеба соли можно не постыдно покушать: даром ето что хоромы наши не цветны: не красна изба углами, красна пирогами.

Викул, Хавронья, Флориза и Ниса.

Хавронья. Фу, батька! Как ты бога не боишься? Какие тебе на старости пришли мысли; как это сказати людям, так они нахохочутся! К статели ты это надумал.

Викул. Как тово не опасаться, что с другими бывает людьми.

Хавронья. Я уже баба не молодая; так чево тебе опасаться.

Викул. Да есть пословица, что гром ат гремит не всегда из небесной тучи: да иногда и из навозной кучи.

Хавронья. Типун бы тебе на язык; какая навозная у тебя куча?

Флориза. Что это, сударыня, такое?

Викул. Жена, держи это про себя.

Хавронья. Чаво про себя? это стыд да сором?

Викул. Не болтай же мое сокровище, алмазный мой камышек.

Хавронья. Да это не хорошо вишневая моя ягодка.

Викул. Жена перестань же.

Хавронья. Поцелуй же меня, сильный могучий богатырь.

Викул. Поцелуемся подсолнечная моя звездочка.

Хавронья. Будь же повеселяе, и так светел как новый месяц: да не ревнуй же.

Викул. Жена, кто говорит о ревности.

Хавронья. Что это меня прорвало! Да полно конь о четырех ногах, да и тот спотыкается, а я баба безграмотная: так как не промолвиться.

Викул. Да ты в слове да в деле промолвилася.

Хавронья. Я батька деревенская, и не знаю что слово, что дело.

Викул. Дело больше, а слово меньше.

Хавронья. А я думала, что слово больше, а дело меньше; мне это подьячий сказывал, бывший лет пятьдесят во сыскном приказе.

Викул. Не то ты поешь, а только бредишь.

Хавронья. Я впредь о твоей к сабе ревности ко графу Касандру не скажу ни полуслова.

Викул. Дурища, с ума ты сошла: кто тебе о графе Касандре говорит?

Хавронья. Бы баешь ... ахти! вить я и в правду заболталась.

Викул. Теперь уже что хочешь то ври.

Флориза. Под летами уже, сударь, ей любиться с другими, а вам ревновати к ней.

Викул. Любовь лет не исчисляет.

ЯВЛЕНИЕ 14

Касандр и Хавронья

К а с а н д р. Изрядно сударь: а ехав уже сюда добыли мы медведя, да чудь было я ему в лапы не попался: бросился на меня, и чудь я от него увернулся.

Х а в р о н ь я. Статное ли это дело.

К а с а н д р. А для чево не статное, сударыня?

Х а в р о н ь я. Да как он смеет бросаться на ваше сиятельство.

К а с а н д р. Да вить они сударыня, в лесах рожатся и в лесах вырастают: так они не знают никакова учтивства.

Х а в р о н ь я. Так бы ты мой красавец, лутче изволил потравить ручнова медведя: а из них инья и нас деревенских дворян учтивяе; потому что не только политично кланяться да и тонцовать умеют.

Действие второе

ЯВЛЕНИЕ 1

Викул, Хавронья, граф и дворецкой.

Х а в р о н ь я. А я выпила за здоровье нашева высокосиятельства чашечку кофию; да штота на животе ворчит, да полно это ото вчерашнева вечера: я поела жареной платвы и подлещиков, да ботвиньи обожралася: а пуще всево от гороху это: а горох был самой легкой; и на тарелочки тертой мне подали: да и масло к нему было ореховое; а не какое другое.

ЯВЛЕНИЕ 4

Г р а ф. А из тово то, что бы вы были мне жена.

Ф л о р и з а. Не ужели в Москве вы себе невесты не сыскали, не забываете ли вы тово, что я девка самая бедная.

Действие третье

ЯВЛЕНИЕ 4

В и к у л. Я бы и развелся с нею, да много с нею детей и внучат нажил: а скоро и правнучата будут: да и ее люблю я страстно, и хотя она уже и за шестьдесят лет: а когда примахнется; так и двадцати-летнюю женщину за пояс заткнет.

Мать совместница дочери

КОМЕДИЯ

Действующие лица:

Корнилий.

Минодора, жена ево.

Олимпия, дочь их.

Тимант, жёнх ея.

Палестра, служанка Олимпии.

Барбарис, слуга Тиманта.

Действие первое

ЯВЛЕНИЕ 5

Минодора. Ты досаждати мне вздумала и не думаешьли ты, что я ево люблю? Ето реприманды и апроши! Естьли бы я в него и влюблена была; так вить не вечно мне с ним жить... А в верности моей ко твоему отцу свидетельствуюся им самим. Он за меня присягнуть не отречется, и благородным моим сантимаентам инфиделите со всем не свойственна.

Олимпия. Кто вас обвиняет, сударыня?

Минодора. Я вижу, что у тебя о мне худая идея.

Олимпия. Ни как сударыня ... А Тиманта я люблю и почитаю; а чтобы Тимант в бога не веровал, етова о разумном человете, и помыслить не можно.

Минодора. Ныне молодцы и многия таковы: все де нашура.

Олимпия. Ета тварь всякой гадины хуже.

Минодора. Полно мать моя! Ныне ето в моде.

Олимпия. У дураков, севодни они атеисты а взавтра суеверное будут: а Тимант ни атеистом ни суевером никогда не будет; он кое чему учился: и как о божестве так и о естестве, основательное понятие имеет. А как молодые люди говорят; ему какое за тово дело?

Минодора. Очень ты за нево вступаешься.

Олимпия. И очень ево много почитаю.

Минодора. А я тебя за нево не выдам ... Я давно приметила, что ты к нему имеешь деклинацию, и что ты к нему аташирована.

Олимпия. Я к нему подлинно склонность имею.

Минодора. Какую склонность? Со всем таки деклинацию имеет.

Олимпия. Матушка да ето все равно, что инклинация, что склонность.

Минодора. Нет, склонность, то и ко другу иметь можно, а деклинация то к одному амуру надлежит.

Олимпия. Инклинация моя к нему конечно велика...

Минодора. Не инклинация, худо иметь и инклинацию: а ты имеешь деклинацию.

Олимпия. Ин пускай я к нему и деклинацию имею.

Минодора. Девице ето не годится: ей паендонер помнити должно и амбицию.

О л и м п и я. Я, сударыня, ни какова бесчестия не принесу.
М и н о д о р а. Так разве я бесчестие дому делаю? Я и себя и отца
твоего манжирую.

ЯВЛЕНИЕ 6

М и н о д о р а. Что это за емпертиненция!
К о р н и л и й. Пестиленция или юриспруденция: а мне так надобно.
Опомнись Минодорушка!.. А он тебя и по французски научит,
без труда, одним только обхождением: а ты еще не перестарок.
Соглашайся душенька!
М и н о д о р а. Я и уши заткну.
К о р н и л и й. Хоть и рот себе замаж; да только согласись наперед.
М и н о д о р а. Замаж рот!.. Едакая кумплеменция даме.
К о р н и л и й. Сердце мое! Да ты меня с ума сводишь.
М и н о д о р а. Я не хочу, не хочу, не хочу.

Действие второе

ЯВЛЕНИЕ 2

К о р н и л и й (*один*). Жена то моя, диво в полной ли ныне памяти!
Худо это когда люди то с лишком и исполитичают. Для бесед
она женщина добрая: а для меня становится час от часу чуд-
ные: да и говорит таким языком, которова я не разумею. Де-
ды наши не знали едаких слов; да вить жилиж. Это чудно;
будь русской, и говоря с руским, же по руски же, ево не разу-
мей! Екой ныне обычай завелся!

ЯВЛЕНИЕ 5

М и н о д о р а. Я едакова рекомпанса за все мои куплементы от
вас не ожидала.
Т и м а н т. Чем я вас раздражал?
М и н о д о р а. Я имею честь иметь к вашему патрету, или к вашей
персоне отличной решпект, и принимала вас безо всякой цере-
мониальности и без фасоний. А вы мне изменяете.
Т и м а н т. Я вам измены ни какой не зделал; был вам друг,
друг и теперь.
М и н о д о р а. Ты слов моих и понять не хочешь... Или ты не узнал
еще, какую я к тебе мой манифик деклинацию имею.
Т и м а н т. Я благодарствую, что вы меня жалуете.
М и н о д о р а. Ты так голубчик со мною говоришь фасонно, что уж
невозможно. Я тебя... Ах мой миниион... Я тебя... Ах мой ба-
гатель... Я мешаюсь, и не знаю сама что я болтаю.
Т и м а н т. И я не ведаю чево от меня требуете. <...>

И. И. Хемницер

Иван Иванович Хемницер (1745—1784) — известный баснописец. Он стремится связать поэзию с жизнью и тем самым приобщиться к выразительным средствам разговорной речи. В языке басен Хемницера намечается разумный подход к использованию средств обиходно-бытовой и книжной речи: сугубо книжные слова и выражения используются там, где даются отвлеченные рассуждения. Все это сглаживало неупорядоченность употребления средств книжной и разговорной речи, которая была свойственна языку басен А. П. Сумарокова. Язык басен Хемницера более легкий, непринужденный, стилистически уравновешенный.

Басни даются по изданию: Сочинения и письма И. И. Хемницера. Спб., 1873.

Конь верховый

Верховый гордый конь, увидя клячу в поле
В работе под сохой
И в неге не такой,
И не в уборе, и не в холе,
Какую гордый конь у барина имел,
С пренебрежением на клячу посмотрел,
Пред клячею крестьянскою бодрился
И хвастал, чванился, и тем и сем хвалился.
«Что», говорит он кляче той:
«Бывал ли на тебе убор когда такой.
Каков убор ты видишь мой?
И знаешь ли, меня как всякий почитает:
Всяк, кто мне встретится, дорогу уступает;
Всяк обо мне твердит и всякий похваляет.
Тебя же кто на свете знает?»
Несносна кляче спесь коня;
Пошел, хвастун! — ему на это отвечает: —
Оставь с покоем ты меня.
Тебе ль со мной считаться
И мною насмехаться?
Не так бы хвастать ты умел,
Когда бы ты овса моих трудов не ел.

Волчье рассужденье

Увидя волк, что шерсть пастух с овец стрижет,
«Мне мудрено, сказал: и я не понимаю,
Зачем пастух совсем с них кожу не дерет.
Я, например, так я всю кожу с них сдираю,
И то ж в иных дворах господских примечаю.
Зачем бы и ему не так же поступать?»
Слон, волчье слыша рассужденье,
Я должен, говорит, тебе на то сказать:
Ты судишь так, как волк, а пастухово мненье —
Овец своих не убивать.

С тебя, да и с господ иных примеры брать,
Не будет, наконец, с кого и шерсть снимать.

Стрекоза

Все лето стрекоза только и жила,
 Что пела;
 А как зима пришла,
Так хлеба ничего в запасе не имела.
И просит муравья: «Помилуй, муравей,
 Не дай пропасть мне в крайности моей.
Нет хлеба ни зерна, и как мне быть не знаю,
Не можешь ли меня хоть чем-нибудь ссудить,
 Чтоб уж хоть кое-как до лета мне дожить?»
А лето как придет, я, право, обещаю
 Тебе все вдвое заплатить.—
 Да как же целое ты лето
Ничем не запаслась? Ей муравей на это.
«Так, виновата в том; да что уж, не взыщи.
 Я запастися все хотела,
 Да лето целое пропела.—
«Пропела? Хорошо! поди ж теперь, свищи».
 На это только в поученье
 Ей муравей сказал,
 А сам на прокормленье
 Из жалости ей хлеба дал.

Обоз

Шел некогда обоз;
А в том обозе был такой пристрашный воз,
Что перед прочими казался он возами,
Какими кажутся слоны пред комарами.
Не возик и не воз, возище то валит.
 Но чем сей барин — воз набит?
 Пузырями.

Н. И. Новиков

Николай Иванович Новиков (1744—1818) — выдающийся просветитель, журналист, автор смелых сатирических произведений и научных сочинений, крупнейший книгоиздатель.

Сочинения Н. И. Новикова написаны простым, метким, образным языком, свободным от речевых средств традиционной книжности. Элементы народно-разговорной речи придают языку его журнальной прозы выразительность, яркость и содействуют усилению обличительной экспрессии.

В «Письмах к Фалалею» народно-разговорные средства помогают автору дать наиболее полное представление о жизни и быте дворянского сословия, о жестокости, грубости и духовной нищете обитателей помещичьих усадеб. Пословицы, поговорки, ходячие выражения способствуют организации повествования: они занимают определенное место в произведении и выступают в качестве подытоживающей части того или иного сюжета, конденсируя оценочный потенциал определенной части текста.

В своих произведениях Новиков обличает так называемую модную речь (или женский слог) русских галломанов. Такая речь столичного дворянства выдавалась за образцовую, но была весьма далека от речи русского народа. Иноязычные слова и слова русского происхождения, но в жаргонном осмыслении сочетались по законам чужого языка (см. «Опыт модного словаря щегольского наречия», помещенный в журнале «Живописец»). Деятельность Н. И. Новикова была направлена на повышение культуры русской речи.

Отрывки приводятся по изданию: *Новиков Н. И. Избранные сочинения.* М.; Л., 1951.

Из журнала «Трутень»

Лист XIV. Апреля 6 дня

Господин издатель Трутнев!

Я ужесть как на тебя зла: я табой взбещена, ах! радость, какой ты несносный человек; па чести етова я не вабражала, възможноли, што тебя ништо не может удержат а т такой склонности, какая тебе не делает чести, ты мне кажешься пахожим в етам на женьщину, из наших сестер: неуймешь какетку от амуров, манерщицу от нарядов; а тебя от переправок чужих сочинений. Ето, радость, очень гадка! простила бы я твою переправку, когда бы ею сочинение мае было исправлено; а то позволь себе сказать: оно испорчено! ты, радость, невыразумел мысли живаписицы: она в первой картине изобразила толька пранырства подлова человека, какой, может, не выше секлетаря был, а ты ево пажаловал судьею. Другая испорченаж, да еще таи с милости. А в третей у ней представлен Худасмысл с надписью: каков был с'молоду худой резолут в делах приказных, таков по ныне, такаву, видна, и умереть ему, что и есть пряма Худасмысл. А ты ево назвал: худым человекам и худым судьею; из чево разуметь можна: бессовеснова, грабителя и неправосуднова... Худасмысл правда что судья; да он толька ета имя на себе носит; а дела делает ево секлетарь и другие судьи таварищи. Ты, радость, поумничал, да не к стате. А ином уж я и не гаворю: што из женскава слога сделал ты подьяческой, наставил ни к чему: обаче, иначе, дондеже, паче. Мы едаких речей ничуть не пишем, у мушин они в употреблении; а у женщин нет. А, я чаю, как в последних трех картинах, так и падавно нечева ждать доброва, каких, я думаю, наставил ты там жучек в епанечках.

В етам письме нет прежней маеи ласки; да кто виноват, ты своими переправками сделал ету во мне перемену. Уймис, радость! в противном случае напишу я на тебя сатиру и буду жаловаться твоей пробабке.

Государыня моя, госпожа Молодая сочинительница!

Ежели бы получил я ваше письмо вчера, то бы дошло у нас до превеликой ссоры. Вы чрезвычайно горячи, да и я также: сверх того, я взбешен был одною женщиною, так немудрено, ежели бы и вам сделал грубый ответ, чего по справедливости вы и достойны. Но нынче я весел, и ваше письмо попалося мне в добрый час, и так читайте следующий ответ.

Я, сударыня, не ведал, что вы самолюбивы, хотя и ведал из письма вашего, что вы женщина. Вы объявили себя молодою сочинительницею, и так за нужное почел малые ваши погрешности исправить. Вы жалуетесь, что я женский ваш слог испортил и сделал подьяческий.— Уведомьте меня, сударыня, что вы разумеете под словом *женский слог*; то ли, что женщинам и в писаниях погрешности прощать надлежит, или только то, что ваше письмо написано слогом женщины, неправильно говорящей и, с позволением вашим, свойств и правил русского языка не знающей. На то вам скажу: что вы, поразгорячась, сказали лишнее. Другое ваше письмо я издаю в печать точно так, как его получил. Наконец, сказываете, что я лишился вашей ласки.— Неудивительно, сударыня я знаю ваш пол. Есть между вами особый род, называемый *кокетки*: они, сударыня, поминутно,— нет, не скажу. Вы, конечно, их сами знаете. Я опасюсь, не из числа ли их и вы: ибо никто так скоро рассердиться не может, как *кокетка*, когда при ней другую женщину хвалить станут или скажут, что она не к лицу одета. И так, сударыня, ежели вы из числа их, то я, лишась вашей ласки, тужить о ней не стану. Окончание вашего письма состоит в угрозах, что вы, написав на меня сатиру, будете жаловаться моей пробабке,— но у меня ее нет; а если написать вам будет нужно, то сообщите ко мне, я ее, верю, напечатаю.

Из журнала «Живописец»

Опыт модного словаря щегольского наречия

А

Ах! в щегольском наречии совсем противное от прежнего приняло знаменование. Прежде сие словцо изъявляло знаки удивления, сожаления и ужаса. Первое его знаменование было всем полезно; старики показывали им свою досаду и удивление, любовники свою страсть, а стихотворцы более всех употребляли его во свою пользу, наполняя почасту одними ахами целое полустышие. Но щеголихи всех их лишили сего междометия, переменяв его употребление. В их наречии *ах* большею частию преследуется смехом, а иногда говорится в ироническом смысле; итак, удиви-

тельный и ужасный *ах* переменился в шуточное восклицание, да это и давно пора было сделать: непросвещенные наши предки охотники были плакать, а мы больше любим смеяться; старинные наши девушки и под венцом стоя рыдали, а нынешние смеются; да притом же старый *ах* поплакал довольно, так пора ему и посмеяться.

Примеры употребления старого и нового *ах*

Ах, какой он негодный человек! он не любит свою жену, несмотря на то, что она разумна, добронравна, домоводна, хороша и сама его любит. Ах, как жалка его бедная жена!

*Ах, как я сожалею об этом мальчишке! покойный его отец был мне друг и честный человек! он воспитал его по долгу родительскому очень хорошо, научил его всему, вкоренил в него благонравие, честность и учтивость; да труды его были и не напрасны, покуда находился он под его присмотром. Я и теперь еще помню, как, бывало, плакивал этот старичок от радости, что имел столь завидного сына. Но нынешнее обхождение совсем его испортило и сделало наглым и дерзким повесою. Я и сам прежде радовался, когда бывал он у меня, а ныне и в дом его к себе не пускаю. Ах, как портит молодых людей худое сообщество, если они по несчастию в него попадают. Ну, если б бедный мой друг воскрес и увидел ныне своего сына,— *ах*, сколько бы он пролил слез! Но не от радости, а с печали!*

*Ах, я погиб! моя жена изменяет мне... она меня больше не любит! Ах, в каком я мучительном нахожусь состоянии! Каким опытам, каким доказательствам и каким клятвам поверить можно, когда ее были ложны? Любовь ее ко мне была беспредельна; ежечасно видел я умножающуюся ко мне ее горячность, поминутно видел новые ласки; и я вкушал наисладчайшее удовольствие быть любиму страстно.— Но *ах!* все это миновалось, и осталось мучительное только одно напоминание моего блаженства. О проклятое вольное обхождение! ты одно могло отнять у меня жену! Ах, как я несчастлив, что не могу позабыть сию неверную!.. О женщины, женщины, вы меня больше не обманете! <...>*

Ах, мужчина, как ты забавен! Ужесть, ужесть; твои гнилые взгляды и томные вздохи и мертвого рассмешить могут. Ах, как ты славен: бесподобный болванчик! — Ну, если б сказала я тебе: люблю; так вить бы я пропала с тобою. По чести: ты бы до смерти меня залюбил,— не правда ли? Перестань, радость, шутить, это ничуть не славно.

Ха, ха, ха! Ах, монкьор, ты уморил меня! Он живет три года с женою и по сую пору ее любит! Перестань, мужчина, это никак не может быть: три года иметь в голове своей вздор! — Ах, как это славно! ха, ха, ха: необретаемые болванчики! — Ах, как он славен; с чужою женою и помахаться не смеет — еще и за грех ставит! Прекрасно! Перестань шутить: по чести у меня от этого делается теснота в голове.— Ах, как это славно! ха, ха, ха. Они до смерти друг друга залюбят.— Ах, мужчина, ты уморил меня!

Б

Бесподобно, беспримерно. Оба сии слова то имели знаменование у предков наших, как и у нынешних щеголих; с тою только разницею, что употребляют их не одинаково, или, лучше сказать, и совсем в противном смысле. Из приложенных здесь примеров усмотреть можно, что оба сии слова в русском наречии употребляются в одном прямом, но в щегольском наречии они часто говорятся и в ироническом смысле. Итак, употребление сих слов сделалось гораздо обширнее; да это и не худо: предки наши во всем очень были скупы; они всему, так, как и умствованию своему, полагали пределы: но благодаря бога мы избавились от сего гнусного порока. С того времени как начали думать, что познаем себя, мы во всем стали тороватее наших предков. Тесные пределы нам не нравятся, и мы во всем любим свободу, даже до того, что кафтанов и юбок узких не носим; а узкие *маньки* совсем брошены и оставлены для употребления простому народу. Ныне в превеликой моде все вольное, покойное и широкое.

Примеры

Я был вчерась в гостях у Дремова и там нашел многих из его соседей; и хотя беседа наша была немногочисленна, однакож весела: ибо там находились все люди разумные, степенные и веселые. Большую часть времени препроводили мы в разговорах; особливо рассуждали многие очень хорошо о худом воспитании детей; и я утверждал, что ежели у кого дети худы, так те должны жаловаться на самих себя, потому что или нерачиво их воспитали, или слепую любовь ко детям сами их избаловали. Дремов в этом был со мною согласен и сказывал в пример собственное свое с детьми обхождение. Все его хвалили за разумное так весело провели время, что я давно не чувствовал *подобного* увеселения. А притом хозяин и хозяйка столько были нам рады, что не знали, как нас употчевать; и нам всякое у них кушанье казалось сахаром: да на это и присловица есть: *был у друга, пил воду, но лучше неприятельского миду*. Пуще всего полюбилися мне дети Дремова: как они хорошо воспитаны! к родителям почтительны, к старшим и знатнейшим себя учтивы, к равным ласковы, к бедным снисходительны и милостивы; в разговорах их видно просвещенное науками рассуждение; и они так умели всем угодить и усладить беседу, что все гости смотря на них, не могли довольно нарадоваться; а я и теперь еще от того в восхищении! О, когда бы бог благословил меня воспитать так же и моего сына: какое бы в старости чувствовал я утешение! И мы единогласно заключили, что как сам Дремов *примерным* отцом, так и его дети по справедливости должны почитаться *примерными* молодцами.

Бесподобные люди! — Она дурачится по-дедовски и тем бесподобно его терзает; а он так темен в свете, что по сию пору не приметит, что это ничуть не славно и совсем не ловко; он так развязан в уме, что никак не может ретироваться в свет.

Редкие люди! Она любит его постоянно: а он совсем не знающ в щегольском обхождении и не понимает того, что постоянная любовь в щегольском свете почитается тяжкими оковами; он так глуп, что и сам любит ее равномерно.

Беспримерное маханье! Он посадил себе в голову вздор, а у нее вечный в голове беспорядок.

Б о л в а н ч и к. Предки наши, оставя прелесть идольского служения, из презрения ко своим кумирам называли их болванами; а деды наши, гнушаясь прежним суеверием, означали дураков наименованием болвана в таком смысле, что дурак, равно как и болван наружное только с человеком имеют подобие. Но ни первые, ни последние никогда не употребляли сего слова в уменьшительном степене, а всегда говаривали в положительном болван и в превосходительном болванище. Сия честь, чтобы грубые брани переделывать в приятные наименования, оставлена была почтенным нашим щеголихам. Они откинули положительный степенъ болвана и превосходительный болванища, а вместо тех во свое наречие приняли в уменьшительном степене *болванчика*; и чтобы более сие слово ввести в употребление, то рассудили сим наименованием почтить любовника и любовницу. Мужья и жены сим лестным названием не иначе могут пользоваться, как разве между собою будут жить по щегольскому нынешнему обыкновению. Сия благоразумная щеголих наших осторожность имела желаемый успех: ибо для получения лестного названия *болванчика* многие мужья и жены переменили старое обхождение на новое, щегольское; и от сего произросли уже желаемые плоды: чему примеров очень много. Напротив того, есть еще и такие пристрастные ко старым обычаям супруги, которые не позабывают изречения: *а жена да боится своего мужа*; и хотя они толкуют сие изречение неправильно и принимают оное совсем в противном смысле, однакож хотят лучше называться болванами, нежели *болванчиками*. Хотя, впрочем, *болванчик* слуху гораздо приятнее болвана. Трудно бы было сделать правильное заключение о произведении слова *болванчик*, если бы кто этого потребовал: ибо ежели произвестъ его от болвана, *кумира*, то это было бы согласно со французским употреблением, *idole de mon âme*: *кумир моя души*, так, как это употребляется во всех французских романах и любовных письмах; но это произведение весьма удалится от того смысла, в каком по щегольскому наречию любовь принимается. Итак, остается произвестъ его от последнего болвана, *дурака*. Сие произведение кажется гораздо свойственнее щегольскому наречию, потому что это гораздо ближе к дурачеству. См. *Дурачество*.

1. ПИСЬМО УЕЗДНОГО ДВОРЯНИНА К ЕГО СЫНУ

Сыну нашему Фалалею Трифоновичу, от отца твоего Трифона Панкратьевича, и от матери твоей Акулины Сидоровны, и от сестры твоей Варюшки, низкий поклон и великое челобитье.

Пиши к нам про свое здоровье: таки так ли ты поживаешь; ходишь ли в церковь, молишься ли богу и не потерял ли ты святцев, которыми я тебя благословил. Береги их; вить это не шутка: меня ими благословил покойник дедушка, а его отец духовный, ильинский батька. Он был болен черною немочью и по обещанию ездил в Киев: его бог помиловал, и киевские чудотворцы помогли; и он оттуда привез этот канонник и благословил дедушку, а он его возом муки, двумя тушами свиными да стягом говьяжьим. Не тем-то покойник свет будь помянут! он ничего своего даром не давал: дедушкины-та, свет, грешки дорогоньки становились. Кабы он, покойник, поменьше с попами водился, так бы и нам побольше оставил. Дом его был как полная чаша, да и тут процедили. Вить и наш батько Иван, кабы да я не таков был, так он бы готов хоть кожу содрать: то-то поповские завидливые глаза: прости господи мое согрешение! А ты, Фалалеюшка, с попами знайся, да берегись; их молитва до бога доходна, да убыточна... Как отпоешь молебен, так можно ему поднести чарку вина да дать ему шесть денег, так он и доволен. Чего ж ему больше: прости господи, вить не рожна? Да полно, нынече и виноцо-та в сапогах ходит: экое времечко; вот до чего дожили; и своего вина нельзя привезть в город: пей-де вино государево с кружала да делай прибыль откупщикам. Вот какое рассуждение! А говорят, что все хорошо делают: поэтому скоро и из своей муки нельзя будет испечь пирога. Да что уж и говорить, житье-то наше дворянское нынече стало очень худенько. Сказывают, что дворянам дана вольность: да чорт ли это слыхал, прости господи, какая вольность? Дали вольность, а ничего не можно своею волею сделать; нельзя у соседа и земли отнять: в старину-то побольше было нам вольности. Бывало, отхватишь у соседа земли целое поле; так ходи же он да проси, так еще десять полей потеряет; а вина, бывало, кури сколько хочешь, про себя сколько надобно, да и продашь на сотню места. Коли воевода приятель, так кури смело в его голову: то-то была воля-та! Нынече и денег отдавать в проценты нельзя: больше шести рублей брать не велят, а бывало, так бирали на сто и по двадцати по пяти рублей. Нет-ста, кто что ни говори, а старая воля лучше новой. Нынече только и воли, что можно выйти из службы да поехать за море; а не слыхать, что там делать? хлеб-ат мы и русский едим, да таково ж живем. А из службы тогда хоть и не вольно было выйти, так были на это лекари: отнесешь ему барашка в бумажке да судье другого, так и отставят за болезнями. Да уж, бывало,

как приедешь в деревню-та, так это наверстаешь: был бы только ум да знал бы приказные дела, так соседи и не куркай. То-то было житье! Ты, Фалалеюшка, не запомнишь этого. Сестра твоя Варя посажена за грамоту, батько Иван сам ей начал азбуку в ее именины. <...>

Эдакие люди, за себя не вступятся! Вить и бояре с мужиками-та своими поступают не по-немецки, а все таки также по-русски, и их крестьяне не богатеи наших. Да что уж и говорить, и они свихнулись. Недалеко от меня деревня Григорья Григорьевича Орлова; так знаешь ли, по чему он с них берет? стыдно и сказать: по полтора рубли с души: а угодьев-та сколько! и мужики какие богатые: живут себе, да и гадки не мают, богатеи иного дворянина. Ну, а ты рассуди сам, какая ему от этого прибыль, что мужики богаты; кабы перетаскал в свой карман, так бы это получше было: эдакий ум! то-то, Фалалеюшка, не к рукам эдакое добро досталось. Кабы эта деревня была моя, так бы я по тридцати рублей с них брал, да и тут бы их в мир еще не пустил; только что мужиков балуют. Эх! перевелись-ста старые наши большие бояре: то-то были люди, не только что со своих, да и с чужих кожи драли. То-то пожилы да поцарствовали, как сыр в масле катались: и царское, и дворянское, и купецкое, все было их; у всех, кроме бога, отнимали: да и у того чуть тако не отни ... А нынешние господа что за люди, и себе добра не хотят. Что уж и говорить: все пошло на немецкий манер. Нутка, Фалалеюшка, вздумай да взгадай да поди в отставку: полно, друг мой, вить ты уже послужил: лбом стену не проломишь; а коли не то, так хоть в отпуск приезжай. Скосырь твой жив и налетка; мать твоя бережет их пуще своего глаза; намнясь налетку укусила было бешеная собака; да спасибо, скоро захватили, ворожея заговорила. Ну, да полно и было за это людям. Сидоровна твоя всем кожу спустила: то-то проказница; я за то ее и люблю, что уж коли примется сечь, так отделает! Премаен двенадцать подадут: попросит небось воды со льдом; да это нет ничего, лучше смотрят. За сим писавый кланяюсь. Отец твой Трифон, благословение тебе посылаю.

2. СЫНУ МОЕМУ ФАЛАЛЕЮ

Так-то ты считаешь отца твоего, заслуженного и почтенного драгунского ротмистра? тому ли я тебя проклятого учил и того ли от тебя надеялся, чтобы ты на старости отдал меня на посмешище целому городу? Я писал к тебе окаянному в наставление, а ты это письмо отдай напечатать. Погубил ты, супостат, мою головушку! пришло с ума сойти. Слыханное ли это дело, чтобы дети над отцами своими так ругались? Да знаешь ли ты это, что я тебя за нечтение к родителям, в силу указов, велю высечь кнутом; меня бог и государь тем пожаловали: я волен и над животом твоим; видно, что ты это позабыл! Кажется, я те-

бе много раз толковал, что ежели отец или мать сына своего и до смерти убьет, так и за это положено только церковное покаяние. Эй, сынок, спохватись! не сыграй над собою шутики: вить недалеко великий пост, попоститься мне немудрено; Петербург не за горами, я и сам могу к тебе приехать. Ну, сын, я теперь тебя в последний раз прощаю по просьбе твоей матери; а ежели бы не она, так уж бы я дал себя знать. Я бы и ее не послушался, ежели бы она не была больна при смерти. Только смотри, впредь берегись: вить ежели ты окажешь еще какое ко мне непочтение, так уж не жди никакой пощады; я не Сидоровне чета: у меня не один месяц проохаешь, лишь бы только мне до тебя дорваться. Слушай же, сынок, коли ты хочешь опять прийти ко мне в милость, так просись в отставку да приезжай ко мне в деревню. Есть кому и без тебя служить: пускай кабы не было войны, так бы хоть и послужить можно было, это бы свое дело; а то вить ты знаешь, что нынече время военное; неровно как пошлют в армию, так пропадешь ни за копейку. Есть пословица: богу молись, а сам не плошись; уберись-ка в сторонку, так это здоровее будет. Поди в отставку да приезжай домой: ешь досыта, спи сколько хочешь, а дела за тобой никакого не будет. Чего тебе лучше этого? За честью, свет, не угоняешься; честь! честь! худая честь, коли нечего будет есть. Пусть у тебя не будет Егорья, да будешь ты зато поздоровее всех егорьевских кавалеров. С Егорьем-то и молодые люди частехонько поохивают; а которые постарее, так те чуть дышат: у кого руки перестреляны, у кого ноги, у иного голова: так радостно ли отцам смотреть на детей изуродованных? и невеста ни одна не пойдет. А я тебе уже и приискал было невесту. Девушка неубогая, грамоте и писать гораздо, а пуще всего великая экономка: у нее ни синей порох даром не пропадет; такую-то, сынок, я тебе невесту сыскал. Дай только бог вам совет да любовь, да чтобы тебя отпустили в отставку. Приезжай, друг мой: тебе будет чем жить и опричь невестина приданого; я накопил довольно. Я и позабыл было тебе сказать, что нареченная твоя невеста двоюродная племянница нашему воеводе; вить это, друг мой, не шутка: все наши спорные дела будут решены в нашу пользу, и мы с тобою у иных соседей землю обрежем по самые гумна: то-то любо: и курицы некуда будет выпустить! Со всем будем ездить в город: то-то, Фалалеюшка, будет нам житье! никто не куркай! Да полно, что тебя учить, ты вить уже не малый робенок, пора своим умком жить. Ты видишь, что я тебе не лиходей, учу всегда доброму, как бы тебе жить было попригоднее. Да и дядя твой Ермолай чуть так не то же ли тебе советует; он хотел писать к тебе с тем же ездоком. Мы с ним об этом поговорили довольно, сидя под любимым твоим дубом, где, бывало, ты в молодых летах забавлялся: вешивал собак на сучьях, которые худо гоняли за зайцами, и секал охотников за то, когда собаки их перегоняли твоих. Куда какой ты был проказник смолоду! Как, бывало, примешься пороть людей,

так пойдет крик такой и хлопанье, как будто за уголовное в застенке секут: таки, бывало, животики надорвем со смеха. Молись, друг мой, богу, нечего, правду сказать, ума у тебя довольно, можно век прожить. Не испугайся, Фалалеюшка, у нас не здорово, мать твоя Акулина Сидоровна лежит при смерти. Батько Иван исповедал ее и маслом особоровал. А занемогла она, друг мой, от твоей охоты: налетку твою кто-то съездил поленом и перешиб крестец; так она, голубушка моя, как услышала, так и свету божьего не взвидела: так и повалилась! А после как опомнилась, то пошла это дело розыскивать; и так насадила себя, что чуть жива пришла и повалилась на постелю. <...>

А. Н. Радищев

Александр Николаевич Радищев (1749—1802) — первый русский революционный писатель, передовой мыслитель, поднявший знамя борьбы с крепостничеством, деспотизмом, с тиранией государственного строя.

Для истории русского литературного языка представляют интерес попытки А. Н. Радищева своеобразно использовать выразительные средства книжной (церковнославянской) и русской разговорной речи. Эти опыты нашли свое выражение прежде всего в таких сочинениях, как «Путешествие из Петербурга в Москву», «Беседа о том, что есть сын отечества», «Житие Федора Васильевича Ушакова», «О человеке, о его смертности и бессмертии».

В языке его сочинений отражены речевые процессы, имевшие место в русской письменности на рубеже XVIII — XIX столетий: вычленение книжных, стилистически нейтральных слов (славяно-русская речь), активизация народно-разговорных слов и выражений (разговорно-обиходная, крестьянская речь), олитературивание некоторых форм разговорной речи, преобразование отдельных элементов книжной и разговорной речи в общеупотребительные средства литературного выражения.

Язык сочинений Радищева своеобразен: в одних случаях оказывается предпочтение разговорной речи (при изображении быта, труда, духовного мира русского человека-труженика), в других — сугубо книжной речи (при обличении автором пороков современного общества). Средства книжно-славянского языка используются для реализации общественно значимых идей и для выражения страстного протеста против общественного зла (*днесь, елень, зрак, лепота, ловитва, глагол, обесстудеть, рещи, убо, яко* и др.). Слова и выражения книжно-славянской речи служат важнейшим изобразительным средством в арсенале поэтики Радищева.

Отрывки из «Путешествия» печатаются по изданию 1790 г., сочинение «О человеке, о его смертности и бессмертии» — по изданию: *Радищев А. Н.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1938—1952. Т. 2.

Путешествие из Петербурга в Москву

«Чудище обло, озорно, огромно,
стозевно и лаяй».

«Тилемахида», т. II, кн. XVIII.
стих 514.

А. М. К.

Любезнейшему другу.

Что бы разум и сердце произвести ни захотели, тебе оно, О! сочувственник мой, посвящено да будет. Хотя мнения мои

о многих вещах различествуют с твоими, но сердце твое бьет моему согласно — и ты мой друг.

Я взглянул окрест меня — душа моя, страданиями человечества уязвлена стала. Обратил взоры мои во внутренность мою — и узрел, что бедствия человека происходят от человека, и часто от того только, что он взирает непрямо на окружающие его предметы. Уже ли, вещал я сам себе, природа толико скупа была к своим чадам, что от блудящего невинно, сокрыла истину на веки? Уже ли сия грозная мачиха произвела нас для того, чтоб чувствовали мы бедствия, а блаженство николи? Разум мой вострепетал от сея мысли, и сердце мое далеко ее от себя оттолкнуло. Я человеку нашел утешителя в нем самом, «Отъими завесу с очей природнаго чувствования — и блажен буду». Сей глас природы раздавался громко в сложении моем. Воспрянул я от уныния моего, в которое повергли меня чувствительность и сострадание; я ощутил в себе довольно сил, чтобы противиться заблуждению; и — веселие неизреченное! я почувствовал, что возможно всякому соучастником быть во благодетельности себе подобных.— Се мысль побудившая меня начертать что читать будешь. Но если, говорил я сам себе, я найду коголибо, кто намерение мое одобрит; кто ради благой цели, неопорочит неудачное изображение мысли; кто состраждет со мною над бедствиями собратии своей; кто в шествии моем меня подкрепит; не сугубой ли плод произойдет от поднятого мною труда?... . Почто почто мне искать далеко кого либо? Мой друг! ты близь моего сердца живешь — и имя твое да озарит сие начало.

Любани

Зимою ли я ехал или летом, для вас думаю равно. Может быть и зимою и летом. Не редко то бывает с путешественниками, поедут на санях а возвращаются на телегах.— Летом.— Бревешками вымощенная дорога замучила мои бока; я вылез из кибитки и пошел пешком. Лежа в кибитке мысли мои обращены были в неизмеримость мира. Отделяясь душевно от земли, казалось мне, что удары кибиточные были для меня легче.— Но упражнения духовныя не всегда нас от телесности отвлекают; и для сохранения боков моих пошел я пешком.— В нескольких шагах от дороги увидел я пашущаго ниву крестьянина. Время было жаркое. Посмотрел я на часы.— Перваго сорок минут. Я выехал в субботу.— Сего дня праздник.— Пашущей крестьянин принадлежит конечно помещику, которой оброку с него не берет.— Крестьянин пашет с великим тщанием.— Нива, конечно не господская.— Соху поворачивает с удивительною легкостью.

— Бог в помощь, сказал я, подошед к пахарю, которой не останавливаясь доканчивал зачатую борозду.— Бог в помощь, повторил я.

— Спасибо, барин, говорил мне пахарь, отряхая сошник и перенося соху на новую борозду.

— Ты конечно раскольник, что пашешь по воскресеньям.

Нет барин я прямым крестом крещусь, сказал он, показывая мне сложенные три перста. А бог милостив с голоду умирать не велит, когда есть силы и семья.

— Разве тебе во всю неделю нет времени работать, что ты и воскресенью не спускаешь, да еще и в самой жар?

— В неделе-то барин шесть дней, а мы шесть раз в неделю ходим на барщину; да под вечером возим оставшее в лесу сено на господской двор, коли погода хороша; а бабы и девки, для прогулки ходят по праздникам в лес по грибы да по ягоды. Дай бог, крестясь, чтоб под вечер, сего дня дождик пошел. Барин, коли есть у тебя свои мужички, так они, того же у господра молят.

— У меня мой друг мужиков нет и для того никто меня не клянет. Велика ли у тебя семья?

— Три сына и три дочки. Первьинькому то десятой годок.

— Как же ты успеваешь доставать хлеб, коли только праздник имеешь свободным?

— Не одни праздники и ночь наша. Не ленись наш брат, то с голоду не умрет. Видишь ли одна лошадь отдыхает; а как эта устанет, возмусь за другую; дело то и споро.

— Так ли ты работаешь на господина своего?

— Нет барин грешно бы было так же работать. У него на пашне сто рук для одного рта, а у меня две, для семи ртов, сам ты щет знаешь. Да хотя растянись на барской работе, то спасибо не скажут. Барин подушных не заплатит; ни барана, ни холста, ни курицы, ни масла не уступит. То ли житье нашему брату, как где барин оброк берет с крестьянина, да еще без прикащика. Правда, что иногда и добрые господа берут более трех рублей с души; но все лучше барщины. Ныне еще поверье заводится отдавать, деревни как то называется, на аренду. А мы называем это отдавать головой. Голой наемник дерет с мужиков кожу; даже лучшей поры нам неоставляет. Зимой не пускает в извоз, ни в работу в город; все работай на него, для того что он подушные платит за нас. Самая дьявольская выдумка, отдавать крестьян своих чужому в работу. На дурного прикащика хотя можно пожаловаться, а на наемника кому?

— Друг мой ты ошибаешься, мучить людей законы запрещают.

— Мучить? Правда; но небось барин, не захочеш в мою кожу.— Между тем пахарь запряг другую лошадь в соху и начав новую борозду со мною простился.

Разговор сего земледельца возбудил во мне множество мыслей. Первее представилось мне не равенство крестьянского состояния. Сравнил я крестьян казенных с крестьянами помещичьими. Те и другие живут в деревнях; но одни платят извест-

ное, а другие должны быть готовы платить то, что господин хочет. Одни судятся своими равными, а другие в законе мертвы, разве по делам уголовным.— Член общества становится только тогда известен правительству его охраняющему, когда нарушает союз общественный, когда становится злодей! Сия мысль всю кровь во мне воспалила.

— Страшись, помещик жестокосердый, на челе каждого из твоих крестьян вижу твое осуждение.— Углубленный в сих размышлениях, я нечаянно обратил взор мой на моего слугу, которой сидя на кибитке передо мной, качался из стороны в сторону. Вдруг почувствовал я быстрый мраз протекающий кровь мою, и прогоняя жар к вершинам нудил его разпростираться по лицу. Мне так стало во внутренности моей стыдно, что едва я не заплакал.

— Ты во гневе твоём, говорил я сам себе, устремляешься на гордаго Господина, изнуряющаго крестьянина своего на ниве своей; а сам не то же ли или еще хуже того делаешь. Какое преступление сделал бедной твой Петрушка, что ты ему воспрещаешь пользоваться усладителем наших бедствий, величайшим даром природы несчастному, сном — Он получает плату, сыт, одет, ни когда я его не секу ни плетьюми, ни батожем. (О умеренной человек!) — и ты думаешь, что кусок хлеба, и лоскут сукна тебе дают право поступать с подобным тебе существом, как с кубарем, и тем ты только хвастаешь, что не часто подсекаешь его в его вертении. Ведаешь ли, что в первенственном уложении, в сердце каждого написано? Если я кого ударю тот и меня ударить может.— Вспомним тот день, как Петрушка пьян был и не поспел тебя одеть. Вспомни о его пощечине. О есть ли бы он тогда, хотя пьяной опомнился, и тебе отвечал бы соразмерно твоему вопросу! — А кто тебе дал власть над ним? — Закон.— Закон? И ты смеешь поносить сие священное имя? Несчастный! ...Слезы потекли из глаз моих, и в таком положении почтовые клячи дотащили меня до следующего стана.

Вышний Волочок

Никогда не проезжал я сего нового города, что бы не посмотреть здешних шлюзов. Перьвой, которому на мысль пришло, уподобиться природе в ея благодеяниях, и сделать реку рукодельную, дабы все концы единыя области, в вящее привести сообщение, достоин памятника для дальнейшего потомства. Когда нынешния державы, от естественных и нравственных причин распадутся, позлащенные нивы их порастут тернием, и в развалинах великолепных чертогов, гордых их правителей, скрываться будут ужи, змеи и жабы; любопытный путешественник обрящет глаголющие остатки величия их в торговле. Римляне строили большия дороги, водоводы, коих прочности и ныне по справедливости удивляются; но о водяных сообщениях, каковыя есть в Ев-

ропе, они не имели понятия. Дороги, каковыя у Римлян бывали, наши не будут никогда; препятствует тому наша долгая зима и сильныя морозы, а каналы и без обделки нескоро заровняются.

Немало увеселительным было для меня зрелищем, вышневолоцкий канал, наполненный барками, хлебом и другим товаром нагруженными и приуготовляющимися к прохождению сквозь слюз, для дальнейшего плавания до Питербурга. Тут видно было, истинное земли изобилие, и избытки земледельца; тут явен был во всем своем блеске, мощный побудитель человеческих дияний, корыстолюбие. Но если при первом взгляде, разум мой усладился видом благосостояния, при раздроблении мыслей скоро увяло мое радование. Ибо вспомянул, что в России многие земледельцы недля себя работают; и так изобилие земли во многих краях России доказывает, отягченный жребий ея жителей. Удовольствие мое переменилося в равное негодование с тем, какое ощущаю, хотя в летнее время по таможенной пристани, взирая на корабли, привозящие к нам избытки Америки, и другия ея произрашения, как то сахар, кофе, краски и другия, неосушившиеся еще от пота, слез и крови их омывших при их возделании.

Вообрази себе, говорил мне некогда мой друг, что кофе налитой в твоей чашке, и сахар, распушенный в оном, лишали покоя тебе подобного человека, что они были причиною превосходящих его силы трудов, причиною его слез, стенаний, казни и поругания; дерзай жестокосердой, усладить гортань твою.— Вид прощения сопутствовавшей сему изречению, поколебнул меня до внутренности. Рука моя задрожала и кофе пролился.

А вы о жители Петербурга, питающиеся избытками изобильных краев отечества вашего, при великолепных пиршествах, или на дружеском пиру или на едине, когда рука ваша вознесет первой кусок хлеба определенной на ваше насыщение, остановитесь и помыслите. Не то же ли я вам могу сказать о нем, что друг мой говорил мне о произведениях Америки? Не потом ли, не слезами ли и стенанием утучнялися нивы, на которых оной возрос? Блаженны, если кусок хлеба, вами алкаемый, извлечен из классов родившихся на ниве, казенною называемой, или по крайней мере, на ниве оброк помещику своему платящей. Но горе вам, если раствор его составлен из зерна лежавшего в житнице дворянской. На нем почил скорбь и отчаяние; на нем знаменовалось проклятие всевышняго, егда во гневе своем рек: проклята земля в делах своих. Блюдитесь, да неотравлены будете, вожделенную вами пищею. Горькая слеза нищаго, тяжко на ней возлегают. Отрините ее от уст ваших; поститесь, се истинное и полезное может быть пощение.

Повествование о некотором помещике докажет, что человек корысти ради своей забывает человечество в подобных ему, и что за примером жестокосердия, неимеем нужды ходить в дальныя страны, ни чудес искать за тридевять земель; в нашем царстве они в очю совершаются.

Некто ненашед в службе, как то по просторечию называют, щастия, или нежелая онаго в ней снискать, удалился из столицы, приобрел небольшую деревню, на пример во сто или в двести душ, определил себя, искать прибытка в земледелии. Не сам он себя определял к сохе, но вознамерился наидействительнейшим образом, всевозможное сделать употребление, естественных сил своих крестьян, прилагая оные к обрабатыванию земли. Способом к сему надежнейшим, почел он уподобить крестьян своим орудиям, ни воли ни побуждения не имеющим; и уподобил их действительно в некотором отношении нынешняго века воинам, управляемым грудю, устремляющимся на бою грудю, а в единственности ничего не значущим. Для достижения своей цели, он отнял у них малой удел пашни и сенных покосов, которые им на необходимое пропитание дают обыкновенно дворяне, яко в воздаяние, за все принужденные работы, которые они от крестьян требуют. Словом сей дворянин некто, всех крестьян, жен их и детей заставил во все дни года работать на себя. А дабы они неумирали с голоду, то выдавал он им определенное количество хлеба, под именем месячины известное. Те, которые неимели семейств, месячины не получали, а пообыкновенно Лакедемонян пиروвали вместе: на господском дворе, употребляя, для соблюдения желудка, в мясоед пустыя шти, а в посты и постные дни, хлеб с квасом. Истинные розговины бывали разве на святой неделе. <...>

О человеке, о его смертности и бессмертии

Природа, люди и вещи суть воспитатели человека; климат, местное положение, правление, обстоятельства суть воспитатели народов. Но начальный способствователь усовершенствования рода человеческого есть язык...

Ничто для нас столь обыкновенно, ничто столь просто кажется, как речь наша; но в самом существе ничто с толь удивительно есть, столь чудесно, как наша речь. Правда, что радость, печаль, терзание имеют изъявляющие их звуки; но подражание оным было руководителем к изобретению музыки, а не речи; если мы помыслим, что звук, то есть движение воздуха, и звук произвольный изображает и то, что глаз видит, и то, что язык вкушает и обоняет нос, и что слышит ухо, и все осязания тела, и все наши чувствования, страсти и мысли; что звук сей не токмо может изразить все сказанное, всякую мысль, но что звук, сам в себе ничего не значащий, может возбуждать мысли и мысленности представить картину всего чувствуемого,— то в другом порядке вещей сие совсем показалось бы нелепым, невозможным, ибо рассмотри прилежнее служение речи. Время, пространство, твердость, образ, цвет, все качества тел, движение, жизнь, все деяния, словом: все...— и ты, о всещедрый дарователь, и ты, о всеильный, не изъемлем...— все преобразуем в малое движение

воздуха, и, аки неким волхвованием, звук поставлен на место всего сущего, всего возможного, и весь мир заключен в малой частице воздуха, на устах наших зыблющегося. О вы, любители чудес, внемлите произнесенному вами слову, и удивление ваше будет не чрезмерно, ибо чудесно есть, кто воззвал род человеческий к общежитию из лесов и дебрей, в них бы скитался, аки звери дубровни, и не были бы человеки? Кто устроил их союз? Кто дал им правление, законы? Кто научил гнушаться порока и добродетель сотворил любезную? Речь, слово; без нее онемелая наша чувствительность, мысленность остановившаяся пребыли бы недействующи, полумертвы, как семя, как зерно, содержащее в себе древо величайшее, которое и даст покоящемуся сень, и согреет охладевшего, и пищу даст прохладную утомленному, и покровом будет от зною и непогоды, и пренесет по валам морским жаждущего богатства или науки до концов вселенная, но которое без земли, без влажности мертвеет, ничтожествует. Но едва всеильный речь привитал к языку нашему, едва человек изрек слово единое и образ вещи превратил в звук, звук сделал мыслью, или мысль преобразил в чертоносное лепетание,— как будто окрест вращающегося среди густейшия мглы ниспадает мрак и темнота, очи его зрят ясность, уши слышат благогласие, чувственность вся дрожит, мысль действует, и се уже может он постигать, что истинно, что ложно; дотоле же чужд был и того и другого. Се слабое изображение чудес, речию произведенных. Мне кажутся аллегории тех народов весьма глубокомысленными, кои представляют первую причину всяческого бытия произведшее прежде всего слово, которое, одаренное всеилием всевышнего, разделило стихии и мир устроило...

Подражание, речь, рассудок были руководители его к изобретению и расширению наук и художеств. Да и в самом диком состоянии человека, в первенственном его состоянии, в состоянии естественном сии руководители его не оставляют. Сила мысленности его столь же могущественна, как живущего в просвещеннейших государствах, ибо, что язык одного народа искусственнее, изглаженнее другого, что мысленная округа его расширеннее, пространнее, обильнее, и из того не следует, что все особенники народа суть разумнее, в мысленности могущественнее наименее совершеннейших народов.

Д. И. Фонвизин

Денис Иванович Фонвизин (1745—1792) — прогрессивный общественно-политический деятель, передовой писатель конца XVIII в. Враг невежества, гирании и помещичьего произвола, страстный поборник русской культуры, он вошел в историю как лучший представитель интеллигенции екатерининского времени

«Недоросль», «Бригадир», «Всеобщая придворная грамматика», «Опыт российского сословника», «Вопросы к сочинителю «Былей и небылиц», «Письма из Франции» и другие его произведения содействовали развитию русского лите-

ратурного языка, обогащению его колоритными средствами народно-разговорной речи.

В язык своих произведений автор вводит отдельные элементы, находящиеся за пределами литературных норм того времени. Средства обиходно-бытовой речи в художественных произведениях Фонвизина содействуют типизации отрицательных персонажей; это способ живописного изображения неприглядных явлений своего времени.

В языке публицистических, научных сочинений своеобразно взаимодействуют элементы книжной и разговорной речи. В «Письмах из Франции» книжная лексика лишена ореола «высокости» и свободно сочетается со словами разговорной речи (книжные *праздность, изобилие, преклоняет, сему* выступают в одном ряду с разговорными *поссориться, потерять, девка, позорный*).

Отрывки даются по изданию: Полное собрание сочинений Д. И. Фонвизина. М., 1830. Ч. 1, 2.

Бригадир

КОМЕДИЯ В ПЯТИ ДЕЙСТВИЯХ

Действующие лица:

Бригадир	Советница, жена его
Бригадирша	Софья, дочь советника
Иванушка, сын их	Добролюбов, любовник Софьи
Советник	Слуга советника

Действие первое

ЯВЛЕНИЕ 3

Советница, Сын

Сын (*садится очень близко советницы*). Мне кажется, сударыня, что ваш сожитель не больше свету знает, сколько для отставного советника надобно.

Советница. Вы правду сказали: он ни с кем в жизнь свою не обходился, как с секретарями и подьячими.

Сын. Он, я вижу, походит на моего батюшку, которой во своей век разумных людей бегал.

Советница. Ах, радость моя! Мне мило твое чистосердечие. Ты не щадишь отца своего! Вот прямая добродетель нашего века.

Сын. Чорт меня возьми, ежели я помышляю его менажировать¹.

Советница. В самом деле, жизнь моя, мне кажется, он не умнее моего мужа, которого глупее на свете и бывают, однако очень редко.

Сын. Ваш резонеман справедлив. Скажите ж, сударыня, что вы думаете о моей матери?

Советница. Как, радость! В глаза мне это тебе сказать совестно.

- Сын. Пожалуй, говори, что изволишь. Я индифераң во всем том, что надлежит до моего отца и матери.
- Советница. Не правда ли, что она свет знает столько же, сколько ваш батюшка?
- Сын. Dieu!² Какой вы знаток в людях! Вы, можно сказать, людей насквозь пронцаете. Я вижу, что надобно об этом говорить без всякой диссимюляции³, (*вздыхнув*) и так, вы знаете, что я пренесчастьливой человек. Живу уже двадцать пять лет, и имею еще отца и мать. Вы знаете, какво жить и с добрыми отцами; а я, чорт меня возьми, я живу с животными.
- Советница. Я сама стражду, душа моя, от моего урода. Муж мой прямая приказная строка. Я живу несколько лет с ним здесь в деревне и клянусь тебе, что все способы к отмщению до сего времени у меня отняты были. Все соседи наши такие неучи, такие скоты, которые сидят по домам обнявшись с женами. А жены их, ха, ха, ха, ха, жены их не знают еще и до сих пор, что это — дезабилье, и думают, что будто можно прожить на сем свете в полшляфроке. Оне, душа моя, ни о чем больше не думают, как о столовых припасах; прямые свиньи...
- Сын. Pardieu!⁴ По этому мать моя годится в число ваших соседей; а давно ли вы живете с такою тварью?
- Советница. Муж мой пошел в отставку в том году, как вышел указ о лихоимстве. Он увидел, что ему в Коллегии делать стало нечего, и для того повез меня мучить в деревню.
- Сын. Которую, конечно, нажил до указа.
- Советница. При всем том он скуп как кремень.
- Сын. Или как моя матушка. Я без лести могу сказать о ней, что она за рубль рада вытерпеть горячку с пятнами.
- Советница. Мой урод при всем том ужасная ханжа, не пропускает ни обедни, ни заутрени и думает, радость моя, что будто бог столько комплезан⁵, что он за всеобщую простит ему то, что днем наворовано.
- Сын. Напротив того мой отец, кроме зари, никогда не маливался. Он, сказывают, до женитьбы не верил, что и чорт есть; однако, женися на моей матушке, скоро поверил, что нечистой дух экзистирует⁶.
- Советница. Переменим речь *je vous en pris* (—)⁷; мои уши терпеть не могут слышать о чертях и о тех людях, которые столь много на них походят.
- Сын. Madame! Скажите мне, как вы ваше время проводите?
- Советница. Ах, душа моя, умираю с скуки. И если бы поутру не сидела я часов трех у туалета, то могу сказать, умереть бы все равно для меня было; я тем только и дышу, что из Москвы присылают ко мне нередко головные уборы, которые я то и дело надеваю на голову.

- Сын. По моему мнению, кружева и блонды составляют голове наилучшее украшение. Педанты думают, что это вздор, и что надобно украшать голову снутри, а не снаружи. Какая пустота! Чорт ли видит то, что скрыто? а наружное всяк видит.
- Советница. Так, душа моя: я сама с тобою одних сантиментов; я вижу, что у тебя на голову пудро, а есть ли что в голове, того, чорт меня возьми, приметить не могу.
- Сын. *Pardieu!* Конечно, этого и никто приметить не может.
- Советница. После туалета лучшее мое препровождение в том, что я загадываю в карты.
- Сын. Вы знаете загадывать, *grand dieu!*⁸. Я сам могу назваться пророком. Хотите ли, чтоб показал я вам мое искусство?
- Советница. Ах, душа моя! Ты одолжишь меня чрезвычайно.
- Сын (*придвинув столик с картами*). Сперва вы мне отгадайте, а там я вам.
- Советница. С радостью. Извольте загадывать короля и даму.
- Сын (*подумав*). Загадал.
- Советница (*раскладывая карты*). Ах, что я вижу! Свадьба! (*Вздыхает*). Король женится.
- Сын. Боже мой! Он женится! Что мне этого несноснее!
- Советница. А дама его не любит...
- Сын. Чорт меня возьми, ежели и я люблю. Нет, нет сил более терпеть! Я загадал о себе. Ah, madame! Или вы не видите того, что я жениться не хочу?
- Советница (*вздыхая и жеманясь*). Вы жениться не хотите? Разве падчерица моя не довольно пленила ваше сердце? Она столько постоянна!
- Сын. Она постоянна!.. О, верх моего несчастья! Она еще и постоянна! Клянусь вам, что ежели я это в ней, женясь, примечу, то ту же минуту разведусь с нею. Постоянная жена во мне ужас производит. Ah, madame! Ежели б вы были жена моя, я бы век не развелся с вами.
- Советница. Ах, жизнь моя! Чего не может быть, на что о том терзаться? Я думаю, что и ты не наскучил бы мне лишними претензиями.
- Сын. Позволь теперь, madame, отгадать мне что-нибудь вам. Задумайте и вы короля и даму.
- Советница. Очень хорошо. Король трефовый и кёровая дама.
- Сын (*разложив карты*). Король смертно влюблен в даму.
- Советница. Ах! что я слышу! Я в восхищении. Я вне себя с радости.
- Сын (*посмотрев на нее с нежностью*). И дама к нему не без склонности.
- Советница. Ах душа моя! не без склонности. Скажи лучше, влюблена до безумия.
- Сын. Я бы жизнь свою, я бы тысячи жизней отдал за то, чтоб сведать, кто эта кёровая дама. Вы краснеете, вы бледнеете. Конечно, это ..

Советница. Ах! как несносно признаться в своей страсти!

Сын (с торопливостью). Так это вы ...

Советница (притворяясь, будто последнее слово дорого ей стоит). Я, я сама.

Сын (вздыхнув). А кто этот преблагополучной трефовый король, которой возмог пронзить сердце кёровой дамы?

Советница. Ты хочешь, чтоб я все вдруг тебе сказала?

Сын (встав). Так, *madame*, так. Я этого хочу, и ежели не я тот преблагополучной трефовый король, так пламень мой к вам худо награжден.

Советница. Как! И ты ко мне пылаешь?

Сын (кинувшись на колени). Ты кёровая дама!

Советница (поднимая его). Ты трефовый король! <...>

¹ Считаться с ним.

² Боже.

³ Без всякого притворства.

⁴ Черт возьми.

⁵ Снисходителен.

⁶ Существует.

⁷ У нас с вами одно мнение.

⁸ Боже мой!

Письма из Франции

Париж может по справедливости назваться сокращением целого мира. Сие титул заслуживает он по своему пространству и по бесконечному множеству чужестранных, стекающихся в него от всех концов земли. Жители парижские почитают свой город столицею света, а свет своею провинциею. Бургонию, например, считают близкою провинциею, а Россию дальнею. Француз, приехавший сюда из Бордо, и россиянин из Петербурга, называются равномерно чужестранными. По их мнению, имеют они не только наилучшие в свете обычаи, но наилучший вид лица, осанку и хватки... Возмечтание их о своем разуме дошло до такой глупости, что редкой француз не скажет сам о себе, что он преразумен.— Видя, что разум везде редок, и что в одной Франции имеет его всякой, примечал я весьма прилежно, нет ли какой разницы между разумом французским и разумом человеческим; ибо, казалось мне, что весьма унижительно б было для человеческого рода, рожденного не во Франции, если б надобно было необходимо родиться французом, чтоб быть неминуемо умным человеком. Дабы сделать сие изыскание, применял я к здешним умникам знаменование разума в целом свете. Я нашел, что для них оно слишком длинно; они гораздо его для себя поукоротили. Чрез слово разум, по большей части, понимают они одно его качество, а именно *остроту* его, не требуя отнюдь, чтоб она управляема была здравым смыслом. Сию остроту имеет здесь всякой

без исключения, следственно всякой без затруднения умным здесь признается. Все сии умные люди на две части разделяются: те, которые не очень словоохотны, и каких однако ж весьма мало, называются *philosophes*; а тем, которые врут неумолчно, и каковы почти все, дается титул *aimables*. Судят все обо всем решительно. Мнение первого есть мнение наилучшее; ибо спорить не любят, и тотчас с великими комплиментами соглашаются; потому что не быть одного мнения с тем, кто сказал уже свое, хотя бы и преглупое, почитается здесь совершенным *незнанием жить*: и так, чтоб слыть умеющим жить, всякой отказался иметь о вещах свое собственное мнение. Из сего заключить можно, что за истиною не весьма здесь гоняются. Не о том дело, что сказать, а о том, как сказать. Я часто примечал, что иной говорит целой час к удовольствию своих слушателей, не будучи ими вовсе понимаем, и точно для того, что сам себя не понимает...

Г. Р. Державин

Гаврила Романович Державин (1743—1816) — яркий представитель поэзии классицизма. Язык его произведений свидетельствует о значительных изменениях в характере употребления речевых средств, которые перестали отвечать установкам поэтики классицизма.

В языке стихотворных произведений Г. Р. Державина смешиваются речевые элементы высокого, среднего и низкого стилей. Ода как высокий жанр литературно-художественного творчества заметно отличается от классической, ломоносовской оды: в канву одического повествования включается «низкое» содержание, простонародное становится достоянием «забавного» слога; именно поэтому в оде Державина слова, выражения и грамматические формы обиходно-бытовой речи играют важную роль; более того, средства простонародной и даже диалектной речи смело смешиваются с элементами языка классической оды.

Традиционные средства изображения по-своему преломляются в языке Державина: втягиваются в экспрессивно-смысловые связи, опираются на смысловый потенциал обиходно-разговорной речи. Все это придает стихотворениям Державина необыкновенную живописность и образительность.

Стихотворения даются по изданию: *Державин Г. Р.* Стихотворения. М., 1958.

Фелица

Богородная царевна
Киргиз-Кайсацкия орды!
Которой мудрость несравненна
Открыла верные следы
Царевичу младому Хлору
Взойти на ту высокую гору,
Где роза без шипов растет,
Где добродетель обитает:
Она мой дух и ум пленяет,
Поддай, найти ее, совет.

Подай, Фелица! наставленье:
Как пышно и правдиво жить,
Как укрощать страстей волненье
И счастливым на свете быть?
Меня твой голос возбуждает,
Меня твой сын препровождает;
Но им последовать я слаб.
Мяжась житейской суетою,
Сегодня властвую собою,
А завтра прихотям я раб.

Мурзам твоим не подражая,
Почасту ходишь ты пешком,
И пища самая простая
Бывает за твоим столом;
Не дорожа твоим покоем,
Читаешь, пишешь пред налоем
И всем из твоего пера
Блаженство смертным проливаешь;
Подобно в карты не играешь,
Как я, от утра до утра.

Не слишком любишь маскарады,
А в клоб не ступишь и ногой;
Храня обычаи, обряды,
Не донкишотствуешь собой;
Коня парнаска не седлаешь,
К духам в собранье не въезжаешь,
Не ходишь с трона на Восток, —
Но, кротости ходя стезею,
Благотворящею душою
Полезных дней проводишь ток.

А я, проспавши до полудни,
Курю табак и кофе пью;
Преображая в праздник будни,
Кружу в химерах мысль мою:
То плен от персов похищаю,
То стрелы к туркам обращаю;
То, возмечтав, что я султан,
Вселенну устрашаю взглядом;
То вдруг, прельщаяся нарядом,
Скачу к портному по кафтан. <...>

Или великолепным цугом
В карете английской, золотой,
С собакой, шутком, или другом,
Или с красавицей какой

Я под качелями гуляю;
В шинки пить меду заезжаю;
Или, как то наскучит мне,
По склонности моей к премене,
Имея шапку набекрене,
Лечу на резвом бегуне.

Или музыкой и певцами,
Органом и волынкой вдруг,
Или кулачными бойцами
И пляской веселю мой дух;
Или, о всех делах заботу
Оставя, езжу на охоту
И забавляюсь лаем псов;
Или над Невскими берегами
Я тешусь по ночам рогами
И греблей удалых гребцов.

Иль, сидя дома, я прокажу,
Играя в дураки с женой;
То с ней на голубятню лажу,
То в жмурки резвимся порой;
То в свайку с нею веселюся,
То ею в голове ищуся;
То в книгах рыться я люблю,
Мой ум и сердце просвещаю,
Полкана и Бову читаю;
За библией, зевая, сплю.

Таков, Фелица, я развратен!
Но на меня весь свет похож.
Кто сколько мудростью ни знатен,
Но всякий человек есть ложь.
Не ходим света мы путями,
Бежим разврата за мечтами.
Между лентяем и брюзгой,
Между тщеславья и пороком
Нашел кто разве ненароком
Путь добродетели прямой. <...>

Осень во время осады Очакова

Спустил седой Эол Борея
С цепей чугуновых из пещер;
Ужасные криле расширя,
Махнул по свету богатырь;
Погнал стадами воздух синий,
Сгустил туманы в облака,

Давнул, — и облака расселись,
Пустился дождь и восшумел.

Уже румяна Осень носит
Снопы злагые на гумно,
И Роскошь винограду просит
Рукою жадной на вино.
Уже стада толпятся птичьи,
Ковыл сребрится по степям;
Шумящи красно-желты листья
Расстлались всюду по тропам.

В опушке заяц быстроногий,
Как колпик поседев, лежит;
Ловецки раздаются роги,
И выжлиц лай и гул гремит.
Запасшись крестьянин хлебом,
Ест добры щи и пиво пьет;
Обогащенный щедрым небом,
Блаженство дней своих поет.

Борей на Осень хмурит брови
И Зиму с севера зовет:
Идет седая чародейка,
Косматым машет рукавом;
И снег, и мраз, и иней сыплет
И воды претворяет в льды;
От хладного ее дыханья
Природы взор оцепенел.

Наместо радуг испещренных
Висит по небу мгла вокруг,
А на коврах полей зеленых
Лежит рассыпан белый пух.
Пустыни сетуют и доли,
Голодны волки воют в них;
Древа стоят и холмы голы,
И не пасется стад при них.

Ушел олень на тундры мшисты
И в логовище лег медведь;
По селам нимфы голосисты
Престали в хороводах петь;
Дымятся серым дымом дома,
Поспешно едет путник в путь,
Небесный Марс оставил громы
И лег в туманы отдохнуть. <...>

Лебедь

Необычайным я пареньем
От тленна мира отделиюсь,
С душой бессмертною и пеньем,
Как лебедь, в воздух поднимусь.

В двойком образе нетленный,
Не задержусь в вратах мытарств;
Над завистью превознесенный,
Оставляю под собой блеск царств.

Да, так! хоть родом я не славен,
Но, будучи любимец муз,
Другим вельможам я не равен,
И самой смертью предпочтусь.

Не заключит меня гробница,
Средь звезд не превращусь я в прах,
Но, будто некая цевница,
С небес раздамся в голосах.

И се уж кожа, зрю, перната
Вкруг стан обтягивает мой;
Пух на груди, спина крылата,
Лебязьей лоснюсь белизной.

Лечу, парю — и под собою
Моря, леса, мир вижу весь;
Как холм, он высится главою,
Чтобы услышать богу песнь.

С Курильских островов до Буга,
От Белых до Каспийских вод
Народы, света с полукруга,
Составившие Россов род.

Со временем о мне узнают:
Славяне, гунны, скифы, чудь,
И все, что бранью днесь пылают,
Покажут перстом — и рекут:

«Вот тот летит, что, строя лиру,
Языком сердца говорил
И, проповедуя мир миру,
Себя всех счастьем веселил».

Прочь с пышным, славным погребеньем,
Друзья мои! Хор муз, не пой!
Супруга! оденься терпеньем:
Над мнимым мертвецом не вой.

Водопад

Алмазна сыплется гора
С высот четыремя скалами,
Жемчугу бездна и серебра
Кипит внизу, бьет вверх буграми;
От брызгов синий холм стоит,
Далече рев в лесу гремит.

Шумит — и средь густого бора
Теряется в глуши потом;
Луч чрез поток сверкает скоро;
Под зыбким сводом древ, как сном
Покрыты, волны тихо льются,
Рекою млечною влекутся.

Седая пена по берегам
Лежит буграми в дебрях темных;
Стук слышен млатов по ветрам,
Визг пил и стон мехов подъемных:
О водопад! в твоём жерле
Все утопает в бездне, в мгле!

Ветрами ль сосны поражены? —
Ломаются в тебе в куски;
Грозами ль камни отторжены? —
Стираются тобой в пески;
Сковать ли воду льды дерзают? —
Как пыль стеклянна ниспадают.

Волк рыщет вокруг тебя и, страх
В ничто вменяя, становится;
Огонь горит в его глазах.
И шерсть на нем щетиной зрится;
Рожденный на кровавый бой,
Он воет согласясь с тобой.

Лань идет робко, чуть ступает,
Вняв вод твоих падающих рев,
Рога на спину приклоняет
И быстро мчится меж деревьев;
Ее страшит вокруг шум, бурь свист
И хрупкий под ногами лист.

Ретивый конь, осанку горду
Храня, к тебе порой идет;
Крутую гриву, жарку морду
Подняв, храпит, ушми прядет;
И подстрекаем быв, бодрится,
Отважно в хлябь твою стремится. <...>

Разные вина

Вот красно-розово вино,
За здравье выпьем жен румяных.
Как сердцу сладостно оно
Нам с поцелуем уст багряных!
Ты тож румяна, хороша,—
Так поцелуй меня, душа!

Вот черно-тинтово вино,
За здравье выпьем чернобровых.
Как сердцу сладостно оно
Нам с поцелуем уст пунцовых!
Ты тож, смуглянка, хороша,—
Так поцелуй меня, душа!

Вот злато-кипрское вино,
За здравье выпьем светловласых.
Как сердцу сладостно оно
Нам с поцелуем уст прекрасных!
Ты тож, белянка, хороша,—
Так поцелуй меня, душа!

Вот слезы ангельски вино,
За здравье выпьем жен мы нежных.
Как сердцу сладостно оно
Нам с поцелуем уст любезных!
Ты тож нежна и хороша,—
Так поцелуй меня, душа!

Русские девушки

Зрел ли ты, певец Тиисский!
Как в лугу весной бычка
Пляшут девушки российски
Под свирелью пастушка?
Как, склонясь главами, ходят,
Башмаками в лад стучат,
Тихо руки, взор поводят
И плечами говорят?
Как их лентами златыми

Челы белые блестят,
Под жемчугами драгими
Груды нежные дышат?
Как сквозь жилки голубые
Льется розовая кровь,
На ланитах огневые
Ямки врезала любовь?
Как их брови соболины,
Полный искр соколий взгляд,
Их усмешка — души львины
И орлов сердца разят?
Коль бы видел дев сих красных
Ты б гречанок позабыл
И на крыльях сладострастных
Твой Эрот прикован был.

Литературный язык первой трети XIX века

В языке литературно-художественных произведений, созданных в последние десятилетия XVIII в., нашла свое выражение языковая ситуация, сложившаяся под влиянием постепенного разрушения устоев стилистической теории М. В. Ломоносова.

Средства разговорной речи различных групп населения все шире проникают в язык художественных произведений, повышают выразительный потенциал авторского повествования.

В определенных жанрах литературно-художественного творчества средства книжной речи (историзмы, славянизмы) вступают в различные связи и смысловые ассоциации с тем языковым материалом, который традиционно находился за пределами письменной, литературной речи.

Сложная система использования различных языковых средств продолжает развиваться и своеобразно преломляется в языке русской литературы начала XIX в.

Подход к отбору и употреблению разговорных, книжных, иноязычных средств изображения определяется эстетической позицией писателя, установками литературной школы или литературного направления.

На рубеже XVIII — XIX столетий появляются новые приемы использования выразительных средств: так называемый «новый слог» — особая манера литературно-художественного изложения, которая нашла наиболее полное выражение в языке произведений Н. М. Карамзина и его последователей.

В начале XIX в. разворачивается дискуссия о «старом» (А. С. Шишков) и «новом» слоге русского языка, вызванная изменениями, которые имели место в употреблении средств книжной и разговорной речи. Участники дискуссии полагали, что отстаивают новые пути развития литературного языка. На самом деле обе стороны отстаивали определенную манеру литературного выражения: карамзинисты отвергали тенденции архаизации языка, а их противники — манерность, перифрастичность, излишнюю украшенность языка произведений Н. М. Карамзина и его последователей. Но ни те ни другие участники дискуссии не

преуспели в деле преобразования литературного языка в общенациональное средство общения.

Писатели-декабристы вслед за ними пытаются синтезировать жизнеспособные средства церковнославянского и древнерусского языков с живой народной речью. Но в полной мере эти попытки нашли свое воплощение только в литературно-художественной деятельности А. С. Пушкина.

В произведениях великого писателя формируются общенациональные нормы литературного языка (зарождению которых было положено начало в творчестве его предшественников — И. А. Крылова, А. С. Грибоедова). Стилистическая ориентация языковых средств меняется в корне: не жанр произведения, а содержание его определяет отбор и организацию единиц языка.

Нормы использования языковых средств, свойственные языку произведений А. С. Пушкина, становятся общеупотребительными, закрепляются в грамматиках и словарях последующего времени.

В языке произведений поэта были заложены основы современного русского литературного языка.

Н. М. Карамзин

Николай Михайлович Карамзин (1766—1826) — автор известных литературно-художественных и исторических произведений («Письма русского путешественника», «История государства Российского», «Бедная Лиза», «Наталья, боярская дочь», «Марфа-посадница»), видный представитель русского сентиментализма.

Литературная деятельность Карамзина была неразрывно связана с культурой русского слова, с развитием русского литературного языка. «Карамзин отметил своим именем эпоху в нашей словесности <...> Карамзин был одарен от природы верным музыкальным ухом для языка и способностью объясняться плавно и красно <...> Карамзин старался писать так, как говорится <...> Карамзин первый на Руси заменил мертвый язык книги живым языком общества <...> Карамзин создал на Руси образованный литературный язык»⁵⁰.

Н. М. Карамзин страстно любил русский язык и призывал деятелей русской культуры трудиться над его усовершенствованием, добиться того, чтобы он был пригоден для книг и беседы. «Язык наш выразителен не только для высокого красноречия, для громкой, живописной поэзии, но и для нежной простоты, для звуков сердца и чувствительности... Беда наша, что мы все хотим говорить по-французски, и не думаем трудиться над обработыванием собственного языка: мудрено ли, что не умеем изъяснять им некоторых тонкостей в разговоре... Язык важен для Патриота», — отмечал он в своей работе «О любви к отечеству и народной гордости» (1802).

Н. М. Карамзин советовал авторам литературных сочинений «выдумывать, сочинять выражения, угадывать лучший выбор слов, давать старым некоторый новый смысл, предполагать их в новой связи, но столь искусно, чтобы обмануть читателей и скрыть от них необыкновенность выражений» (см. его статью «Почему в России мало авторских талантов», 1802).

Язык произведений Н. М. Карамзина содействовал становлению единой нормы русского литературного языка нового времени.

Ниже даются отрывки из его произведений по изданию: Сочинения Карамзина. М., 1820.

Письма русского путешественника

Часть первая

Тверь, 18 мая 1789

Расстался я с вами, милые, расстался! Сердце мое привязано к вам всеми нежнейшими своими чувствами, а я беспрестанно от вас удаляюсь и буду удаляться!

О сердце, сердце! кто знает, чего ты хочешь? — Сколько лет путешествие было приятнейшею мечтою моего воображения? Не в восторге ли сказал я самому себе: наконец ты поедешь? Не в радости ли просыпался всякое утро? Не с удовольствием ли засыпал, думая: ты поедешь? Сколько времени не мог ни о чем думать, ничем заниматься, кроме путешествия? Не считал ли дней и часов?

Но — когда пришел желаемый день, я стал грустить, вообразив в первый раз живо, что мне надлежало расстаться с любезнейшими для меня людьми в свете и во всем, что, так сказать, входило в состав нравственного бытия моего. На что ни смотрел — на стол, где несколько лет изливались на бумагу незрелые мысли и чувства мои, на окно, под которым сиживал я подгорюнившись в припадках своей меланхолии и где так часто заставляло меня восходящее солнце, на готический дом, любезный предмет глаз моих в часы ночные — одним словом, все, что попадалось мне в глаза, было для меня драгоценным памятником прошедших лет моей жизни, не обильной делами, но за то мыслями и чувствами обильной.

С вещами бездушными прощался я, как с друзьями; и в самое то время, как был размягчен, растроган, пришли люди мои, начали плакать и просить меня, чтобы я не забыл их и взял опять к себе, когда возвращуся. Слезы заразительны, мои милые, а особливо в таком случае.

Но вы мне всего любезнее, и с вами надлежало расстаться. Сердце мое так много чувствовало, что я говорить забывал. Но что вам сказывать! — минута, в которую мы прощались, была такова, что тысячи приятных минут в будущем едва ли мне за нее заплатят.

Милой Птрв. провожал меня до заставы. Там обнялись мы с ним, и еще в первый раз видел я слезы его; — там сел я в кибитку, взглянул на Москву, где оставалось для меня столько любезного, и сказал: прости! Колокольчик зазвенел, лошади помчались ... и друг ваш осиротел в мире, осиротел в душе своей!

Все прошедшее есть сон и тень: ах! где, где часы, в которые так хорошо бывало сердцу моему посреди вас, милые? — Если бы человеку, самому благополучному, вдруг открылось будущее, то замерло бы сердце его от ужаса, и язык его онемел бы в са-

мую ту минуту, в которую он думал назвать себя счастливейшим из смертных!..

Во всю дорогу не приходило мне в голову ни одной радостной мысли; а на последней станции к Твери грусть моя так усилилась, что я, в деревенском трактире, стоя перед карикатурами королевы французской и римского императора, хотел бы, как говорит Шекспир, выплакать сердце свое. Там-то все оставленное мною явилось мне в таком трогательном виде.— Но полно, полно! Мне опять становится чрезмерно грустно.— Простите! Дай бог вам утешений! — Помните друга, но без всякого горестного чувства!

Берлин, 30 июня 1789

Вчера приехал я в Берлин, друзья мои; а ныне, к великому своему удовольствию, получил от вас письмо, которого ждал с таким нетерпением. Известие, что вы остались здоровы, меня утешило, успокоило. Но на что вы иногда грустите? Этого не было в уговоре. А естли вы и впредь будете так немилостивы к себе и к другу своему, который за несколько тысяч верст берет участие даже в минутной вашей неприятности, то он, в отмщение вам, сам будет грустить с утра до вечера. <...>

В некотором расстоянии от Берлина начинается прекрасная аллея из каштановых деревьев, и дорога становится лучше и веселее. О виде Берлина нельзя было мне судить потому, что беспрестанный дождь мешал видеть далеко вперед. У ворот мы остановились. Сержант вышел из караульни нас допрашивать: Кто вы? Откуда едете? Зачем приехали в Берлин? Где будете жить? Долго ли здесь пробудете? Куда поедете из Берлина? Судите о любопытстве здешнего правительства! — Наконец мы въехали в улицу прекрасного Берлина, где я надеялся отдохнуть в объятиях сердечной приязни, рассказывать русскому о России и другу о друзьях, говорить о наших веселых московских вечерах и философских спорах!.. Но судьба смеялась надо мною! <...>

Веймар, июля 20

В путешествии своем от Лейпцига до Веймара не заметил я ничего, кроме прекрасной долины, на которой лежит город Наумбург, и маленькой деревеньки, где ребяташки набросали множество цветов к нам в коляску — к нам, говорю, потому, что я ехал до Буттельштета с одним молодым французом, который был чем-то в свите французского посланника в Дрездене. Разумеется, что ребяташки хотели денег: мы бросили несколько грошей, и они громко закричали: спасибо! Француз, который не разумел ни одного слова по-немецки и которому я служил переводчиком, почти заплакал, когда нам пришлось расставаться. Впрочем, он был для меня совсем не занимателен.

На рассвете приехали мы в Буттельштет, где почтмейстер дал мне до Веймара маленькую колясочку. Я подарил постиллиону фарфоровую трубку, купленную мною на берлинской фабрике, а он из благодарности привез меня в Веймар довольно скоро.

Местоположение Веймара изрядно. Окрестные деревеньки с полями и рощицами составляют приятный вид. Город очень невелик, и кроме герцогского дворца не найдешь здесь ни одного огромного дома. У городских ворот меня допрашивали; после чего предложил я караульному сержанту свои вопросы, а именно: «здесь ли Виланд? здесь ли Гердер? здесь ли Гете?» «Здесь, здесь, здесь»,— отвечал он, и я велел постиллиону везти себя в трактир Слона.

Наемный слуга немедленно был отправлен мною к Виланду, спросить, дома ли он? Нет, он во дворце.— Дома ли Гердер? Нет, он во дворце.— Дома ли Гете? Нет, он во дворце.

Во дворце! во дворце! — повторил я, передражнивая слугу,— взял трость и пошел в сад. Большой зеленой луг, обсаженный деревьями и называемый звездою, мне очень понравился; но еще более понравились мне дикие, мрачные берега стремительно текущего ручья, под шумом которого, сев на мшистом камне, прочитал я первую книгу Фингала. Люди, которые встречались мне в саду, глядели на меня с таким любопытством, с каким не смотрят на людей, в больших городах, где на всяком шагу встречаются незнакомые лица. <...>

<...> Язык наш хотя и богат, однако ж не так обработан, как другие, и по сие время еще весьма немногие философские и физические книги переведены на русский. Надобно будет составлять или выдумывать новые слова, подобно как составляли и выдумывали их немцы, начав писать на собственном языке своем; но отдавая всю справедливость сему последнему, которого богатство и сила мне известны, скажу, что наш язык сам по себе гораздо приятнее. <...>

Да будет же честь и слава нашему языку, который в самородном богатстве своем, почти без всякого чуждого примеса, течет как гордая, величественная река — шумит, гремит — и вдруг, если надобно, смягчается, журчит нежным ручейком и сладостно вливается в душу, образуя все меры, какие заключаются только в падении и возвышении человеческого голоса!

Марфа посадница или покорение Новгорода (Историческая повесть)

Книга первая

Раздался звук вечего колокола, и вздрогнули сердца в Новгороде. Отцы семейств вырываются из объятий супруг и детей,

чтобы спешить, куда зовет их отечество. Недоумение, любопытство, страх и надежда влекут граждан шумными толпами на великую площадь. Все спрашивают; никто не отвечает. <...> Там, против древняго дому Ярославова, уже собрались посадники с золотыми на груди медалями, тысяцкие с высокими жезлами, бояре, люди житые со знаменами и старосты всех пяти концов Новгородских с серебряными секирами. Но еще не видно никого на месте лобном или Вадимовом (где возвышался мраморный образ сего витязя). Народ криком своим заглушает звон колокола и требует открытия веча! Иосиф Делинский, именитый гражданин, бывший семь раз степенным посадником и всякий раз с новыми услугами отечеству, с новою честью для своего имени, всходит на железные ступени, открывает седую почтенную свою голову, смиренно кланяется народу и говорит ему, что князь московский прислал в великий Новгород своего боярина, который желает всенародно объявить, его требования. Посадник сходит — и боярин Иоаннов является на Вадимовом месте с видом гордым, перепоясанный мечом и в латах. То был воевода князь Холмский, муж благоразумный и твердый — правая рука Иоаннова в предприятиях воинских, око его в делах государственных — храбрый в битвах, велеречивый в совете. Все безмолвствуют. Боярин хочет говорить, но юные надменные новгородцы восклицают: смирись пред народом! Он медлит — тысячи голосов повторяют: смирись пред великим народом! Боярин снимает шлем с головы своей — шум умолкает. «Граждане новгородские! — вещает он: — князь московский и всея России говорит с вами — внимайте! Народы дикие любят независимость, народы мудрые любят порядок, а нет порядка без власти самодержавной. Ваши предки хотели править сами собою и были жертвою лютых соседей или еще лютейших внутренних междоусобий. Старец добродетельный, стоя на праге вечности, заклинал их избрать владетеля. Они поверили ему, ибо человек при дверях гроба может говорить только истину <...> Новгородцы, быв всегда старшими сынами России, вдруг отделились от братьев своих; быв верными подданными князей, ныне смеются над их властью... Вольность!.. но вы тоже рабствуете. Народ! я говорю с тобою. Бояре честолюбивые, уничтожив власть государей, сами овладели ею. Вы повинуетесь — ибо народ всегда повиноваться должен. Но только не священной крови Рюрика, а купцам богатым. О стыд, потомки славян ценят златом права властителей. Роды княжеские, издревле именитые, возвысились делами храбрости и славы: ваши посадники, тысяцкие, люди житые, обязаны своим достоинством благоприятному ветру и хитростям корыстолюбия. Привыкшие к выгодам торговли, торгуют и благом народа, кто им обещает злато, тому они вас обещают. Так известны князю московскому их дружественные, тайные связи с Литвою и Казимиром. Скоро, скоро вы соберетесь на звук вечаго колокола, и надменный поляк скажет вам на лобном

месте: вы рабы мои!.. Но бог и великий Иоанн еще о вас пекутся. Новгородцы! земля Русская воскресает. Иоанн возбудил от сна древнее мужество славян, ободрил унылое воинство, и берега Камы были свидетелями побед наших... Но радость его не будет совершенна, доколе Новгород, древний, великий Новгород не возвратится под сень отечества. Вы оскорбляли его предков: он все забудет, если ему покоритесь. Иоанн, достойный владеть миром, желает только быть государем новгородским. Народ и граждане! да властвует Иоанн в Новгороде, как он в Москве властвует! или — внимайте его последнему слову, — или храброе воинство, готовое сокрушить татар, в грозном ополчении явится прежде глазам вашим, да усмирит мятежников... Мир или война? Ответствуйте!» С сим словом боярин Иоаннов надел шлем и сошел с лобного места.

Еще продолжается молчание. Чиновники и граждане в изумлении. Вдруг колеблются толпы народные, и громко раздаются восклицания: Марфа, Марфа! Она всходит на железные ступени, тихо и величаво; взирает на бесчисленное собрание граждан и безмолвствует... Важность и скорбь видны на бледном лице ее... Но скоро, осененный горестию, взор блеснул огнем вдохновения, бледное лицо покрылось румянцем, и Марфа вещала: «Вадим, Вадим! здесь лилась священная кровь твоя, здесь призываю небо и тебя во свидетели, что сердце мое любит славу отечества и благо сограждан, что скажу истину народу новгородскому и готова запечатлеть ее моею кровию. Жена дерзает говорить на вече: но предки мои были друзья Вадимовы; я родилась в стане воинском под звуком оружия, отец, супруг мой погибли, сражаясь за Новгород. Вот право мое быть защитницею вольности. Оно куплено ценою моего счастья...»

— Говори, славная дочь Новгорода! — воскликнул народ единогласно — и глубокое безмолвие снова изъявило его внимание.

«Когда Рюрик захотел самовольно властвовать, гордость славянская ужаснулась своей неосторожности, и Вадим Храбрый звал его перед суд народа. — Меч и боги да будут нашими судьями! — отвечивал Рюрик, — и Вадим пал от руки его, сказав: Новгородцы! на место, обогрешенное моею кровию, приходите оплакивать свое неразумие и славить вольность, когда она с торжеством явится снова в стенах ваших. Исполнилось желание великого мужа: народ собирается на священной могиле его свободно и независимо решать судьбу свою. Князь московский укоряет тебя, Новгород, самым твоим благоденствием — и в сей вине не можем оправдаться! Так конечно: цветут области новгородские, поля златятся класами, житницы полны, богатства льются к нам рекою; великая Ганза гордится нашим союзом; чужеземные гости ищут дружбы нашей, удивляются славе великого града, красоте его зданий, общему избытку граждан и, возвратясь в страну свою, говорят: мы видели Новгород и ничего

подобного ему не видали! Так конечно: Россия бедствует, ее земля обагряется кровию, веси и грады опустели, люди, как звери, в лесах укрываются; отец ищет детей и не находит; вдовы и сироты просят милостыни на распутьях. Так, мы счастливы — и виновны, ибо дерзнули повиноваться законам своего блага, дерзнули не участвовать в междоусобиях князей, дерзнули спасти имя русское от стыда и поношения, не принять оков татарских и сохранить драгоценное достоинство народное! Не мы, о россияне несчастные, но всегда любезные нам братья! не мы, но вы нас оставили, когда пали на колени перед гордым ханом и требовали цепей для спасения поносной жизни. Иоанн желает повелевать великим градом: не удивительно! Он собственными глазами видел славу и богатство его. Но все народы земные и будущие столетия не перестали бы дивиться, если бы мы захотели повиноваться. Какими надеждами он может обольстить нас? Одни несчастные легковверны, одни несчастные желают перемен — но мы благоденствуем и свободны! Благоденствуем оттого, что свободны! Да молит Иоанн небо, чтобы оно во гневе своем ослепило нас: тогда Новгород может возненавидеть счастье и пожелать гибели; но доколе видим славу свою и бедствия княжеств русских, доколе гордимся ею и жалеем об них, доколе права Новгородские всего святее нам по боге.

Я не дерзну оправдывать вас, мужи, избранные общою доверенностью для правления! Клевета в устах властолюбия и зависти недостойна опровержения. Где страна цветет и народ ликует, там правители мудры и добродетельны. Как вы торгуете благом народным? Но могут ли все сокровища мира заменить вам любовь сограждан вольных? Кто узнал ее сладость, тому чего желать в мире? Разве последнего счастья умереть за отечество! Но если Иоанн говорит истину; если в самом деле гнусное корыстолюбие более добродетели и славы, то скоро ударит последний час нашей вольности, и вечевой колокол, древний глас ее, падет с башни Ярославовой и навсегда умолкнет!.. Тогда мы позавидуем счастью народов, которые никогда не знали свободы. Ее грозная тень будет являться нам подобно мертвецу бледному и терзать сердце наше бесполезным раскаянием! Но знай, о Новгород, что с утратою вольности иссохнет и самый источник твоего богатства: она оживляет трудолюбие, изощряет серпы и златит нивы, она привлекает иностранцев в наши стены с сокровищами торговли, она же окрыляет суда новгородские, когда они с богатым грузом по волнам несутся... Бедность, бедность накажет недостойных граждан, не умевших сохранить наследие отцов своих! Померкнет слава твоя, град великий, опустеют многолюдные концы твои; широкие улицы зарастут травой и великолепие твое, исчезнув навеки, будет баснею народов. Напрасно любопытный странник среди развалин печальных захочет искать того места, где собиралось вече, где стоял дом Ярославов и мраморный образ Вадима: никто ему не укажет их. Он задумается

горестно и скажет только: здесь был Новгород!..» Тут страшный вопль народа не дал уже говорить посаднице. «Нет, нет! Мы все умрем за отечество!» восклицают бесчисленные голоса: «Новгород — государь наш! да явится Иоанн с воинством». <...>

И. И. Дмитриев

Иван Иванович Дмитриев (1760—1837), видный поэт и баснописец конца XVIII — начала XIX в., был ревностным помощником Н. М. Карамзина. «Дмитриев для стихотворного языка сделал почти то же, что Карамзин для прозаического, и сделал это таким же точно образом, как Карамзин»⁵¹. Язык его стихотворений представляет интерес для изучения тех преобразований, какие имели место в языке художественной литературы времени Карамзинской школы.

Тексты даются по изданию: Сочинения И. И. Дмитриева. М., 1818.

Муха

БАСНЬ

Бык с плугом на покой тащился по трудах,
А Муха у него сидела на рогах,
И Муху же они дорогой повстречали.—
Откуда ты, сестра? — от этой был вопрос.
А та, поднявши нос,
В ответ ей говорит: — Откуда? мы пахали!

От басни завсегда
Нечаянно дойдешь до были.
Случалось ли подчас вам слышать, господа:
«Мы сбили! мы решили?»

Горесть и скука

БАСНЬ

Бедняк, не евши день, от глада
Лил слезы и вздыхал;
Богач от сытости скучал,
Зеваючи средь сада.
Кому тяжелее? Чтоб это разрешить,
Я должен мудреца здесь слово приложить:
От скуки самое желанье отлетает,
А горести слезу надежда оттирает.

Петух, кот и мышонок

БАСНЬ

О дети, дети! как опасны ваши лета! —
Мышонок, не выдавший света,

Попал было в беду, и вот как он об ней
Рассказывал в семье своей:
«Оставляя нашу нору
И перебравшись чрез гору,
Границу наших стран, пустился я бежать,
Как молодой мышонок,
Который хочет показать,
Что он уж не ребенок.
Вдруг с розмаху на двух животных набежал:
Какие звери, сам не знаю;
Один так смирен, добр, так плавно выступал,
Так миловиден был собою!
Другой — нахал, крикун; теперь лишь будто с бою;
Весь в перьях; у него косматый крюком хвост;
Над самым лбом дрожит нарост
Какой-то огненного цвета,
И так, как две руки, служащи для полета;
Он ими так махал
И так ужасно горло драл,
Что я таки не трус, а подавай бог ноги —
Скорее от него с дороги.
Как больно! без него я верно бы в другом
Нашел наставника и друга!
В глазах его была написана услуга;
Как тихо шевелил пушистым он хвостом!
С каким усердием бросал ко мне он взоры,
Смиренны, кроткие, но полные огня!
Щерсть гладкая на нем, почти как у меня;
Головка пестрая, и вдоль спины узоры;
А уши, как у нас, и я по ним сужу,
Что у него должна быть симпатия с нами,
Высокородными мышами».
— А я тебе на то скажу —
Мышонка мать остановила —
Что этот доброхот,
Которого тебя наружность так прельстила,
Смиренник этот — кот!
Под видом кротости он враг наш, злой губитель;
Другой же был петух, смиренный кур любитель:
Не только от него не видим мы вреда
Иль огорченья,
Но сам он пищей нам бывает иногда.
Вперед по виду ты не делай заключенья!

Модная жена

Ах, сколько я в мой век бумаги исписал!
Той песню, той сонет, той лестный мадригал;

А вы, о нежные мужья под сединою!
Ни строчкой не были порадованы мною:
Простите в том меня; я молод, ветрен был,
 Так диво ли, что вас забыл?
А ныне вяну сам; на лбу моем морщины
 Велят уже и мне
Подобной вашей ждать судьбины,
 И о Питерской стороне
Лишь в сказках вспоминать; а были, небылицы,
Я знаю, старикам разглаживают лица:
Так слушайте меня, я сказку вам начну
 Про модную жену.
 Пролаз в течение полвека
 Все полз, да полз, да бил челом,
И наконец, таким невинным ремеслом
Дополз до степени известна человека,
То есть, стал с именем — я говорю ведь так,
 Как говорится в свете:
То есть, стал ездить он шестеркою в карете;
 Потом вступил он в брак
С пригожей девушкой, которая жить умела,
 Была умна, ловка,
 И старика
 Вертела, как хотела;
А старикам такой закон:
Что если кто из них вскружит себя вертушкой,
 То не она уже, а он
 Быть должен наконец игрушкой;
 Хоть рад, хотя не рад,
 Но поступать с женою в лад
 И рубль подчас считать полушкой.
Пролаз, хоть и Пролаз, но муж, как и другой,
И так же, как и все, ценою дорогой
 Платил жене за нежны ласки;
 Узнал и он, что блонды, краски,
Что креп, линобатист, тамбурна кисея.
Однажды быв жена — вот тут беда моя!
Как лучше изъяснить, не приберу я слова —
Не так чтобы больна, не так чтобы здорова,
А так... ни то, ни се... как будто не своя,
Супругу говорит: «послушай, жизнь моя!
 Мне к празднику нужна обнова:
Пожалуй у мадам Бобри купи тюрбан;
Да слушай, душенька: мне хочется экран
 Для моего камина;
 А от нее ведь три шага
 До английского магазина;
Да еслиб там еще... нет, слишком дорога!

А ужась как мила!» — Да что, мой свет, такое?
 «Нет, папинька, так, так, пустое...
 По чести, мне самой твоих расходов жаль». —
 Да что, скажи, откройся смело;
 Расходы знать мое, а не твое уж дело.
 «Меня... стыжусь... пленила ш а л ь;
 Послушай, ангел мой! она такая точно,
 Какую, помнишь ты, выписывал нарочно
 Князь для княгини, как у князя праздник был».
 С последним словом прыг на шею
 И чмок два раза в лоб, примолвя: как ты мил!
 «Изволь, изволь, я рад со всей моей душою
 Услуживать тебе, мой свет!» —
 Был мужнин ей ответ;
 Карету!.. только вряд поспеть уж мне к обеду!
 Да я... в Дворянский клуб оттоле заверну.
 «Ах, мой жизненочик! как тешишь ты жену!
 Ступай же, Ваничка, скорее». — Еду. Еду! —
 И Ваничка седой,
 Простясь с женою молодой,
 В карету с помощью двух долгих слуг втащился,
 Сел, крикнул, покатился.
 Но он лишь со двора, а гость к нему на двор —
 Угодник дамской, Миловзор,
 Взлетел на лестницу и прямо порх к уборной.
 «Ах! я лишь думала! как мил!» — Слуга покорной...

И. А. Крылов

Иван Андреевич Крылов (1769—1844) — знаменитый баснописец и автор многочисленных трудов литературно-критического, литературно-художественного и публицистического содержания: «Почта духов», «Пирог», «Модная лавка», «Урок дочкам», «Трумф», «Кофейница», «Илья Богатырь» и др.

В баснях И. А. Крылова, по словам В. Г. Белинского, «вся житейская мудрость, плод практической опытности и своей собственной, и завещанной отцами из рода в род. И все это выражено в таких оригинально русских, не передаваемых ни на какой язык в мире образах и оборотах; все это представляет собой такое неисчерпаемое богатство идиомов, руссизмов, составляющих народную физиономию языка, его оригинальные средства и самобытное, самородное богатство, — что сам Пушкин не полон без Крылова в этом отношении»⁵².

Современники указывали на то, что использование речи простого народа придает необыкновенную прелесть басенному языку И. А. Крылова: никто, по словам Н. В. Гоголя, «не умел сделать свою мысль так ощутительной и выражаться так доступно всем, как Крылов. Поэт и мудрец слились в нем воедино. У него живописно все, начиная от изображения природы пленительной, грозной и даже грязной, до передачи малейших оттенков разговора, выдающих живьем душевные свойства. Все так сказано метко, так найдены верно и так усвоено крепко вещи, что даже и определить нельзя, в чем характер пера Крылова. У него не поймашь его слога. Предмет, как бы не имея словесной оболочки, выступает сам собою, натурою перед глаза»⁵³.

В языке басен И. А. Крылова слова разговорной речи отличаются иным осмыслением по сравнению с параллельными литературными словами: *сырный дух*

(запах), волна (шерсть), натура (характер, свойства, повадки), затесаться (забрести). Иногда они синонимизируются: *Мешок завеличался, заумничал, зазнался, мешок заговорил...*; *Собака, Человек, да Кошка, да Сокол друг другу поклялись однажды в дружбе вечной. Нелестной, искренней, чистосердечной...*

В структуру басенного повествования вовлекаются слова народно-поэтической речи: *Попрыгунья Стрекоза лето красное пропела; оглянуться не успела, как зима катит в глаза. Помертвело чисто поле.*

Экспрессивная окрашенность авторского повествования и речи персонажей воссоздается употреблением слов с суффиксами субъективной оценки (*ларчик, кумушка, лисица, куманек, рыльце, голубушка, носок, голосок, перушки, хохлаточка, мушки, таракашки*), превосходной степени имен прилагательных (*презнатный, превеликой, преважный, предолгая, прежирного, прекрутого, прематерого*), междометных глаголов (*хватя друга камнем в лоб; поленом хватя; толк ногой; и вдруг из лесу шасть*), разговорных форм деепричастий (*живучи в богатых теремах*), синтаксических построений с участием частиц (*да только то беды; то-то сторона; нет гребню и цены, вот там-то прямо рай; не тут-то: море не горит*).

Простота и непринужденность изображения действительности достигаются посредством односоставных предложений с опорным словом *нет* (*сперва румянца нет; нет угомона на старуху*); употреблением предложений со сказуемыми, которые выражены наречиями (*та замужем давно*), формами косвенных падежей имени существительного (*другой без орденов, червонец был запачкан и в пыли, то идол стал болван болваном*), а также путем построений с повторяющимися предложениями:

Когда-то, в старину,
Лев с Барсом вел предолгую войну
За спорные леса, за дебри, за вертепы.

(«Лев и Барс»)

В баснях И. А. Крылова средства народно-разговорной речи сливаются с элементами книжной, превращаются в органическое целое, обладающее необычайной изобразительностью:

...Огонь не дремлет:
Бежит по ветвям, по сучкам;
Клубами черный дым несется к облакам,
И пламя лютое всю рощу вдруг объемлет.
Погибло все в конец, — и там, где в знойны дни
Прохожий находил убежище в тени,
Лишь обгорелые пеньки стоят одни!
И нечему дивиться:
Как дереву с огнем дружиться?

(«Роща и Огонь»)

Тексты даются по изданию: *Крылов И. А. Басни. М.; Л., 1956.*

Разборчивая Невеста

Невеста-девушка смышляла жениха:

Тут нет еще греха,
Да вот что грех: она была спесива.
Сыщи ей жениха, чтоб был хорош, умен,
И в лентах, и в чести, и молод был бы он
(Красавица была немножко прихотлива):
Ну, чтобы все имел — кто ж может все иметь?

Еще и то заметь,
 Чтобы любить ее, а ревновать не сметь.
 Хоть чудно, только так была она счастлива,
 Что женихи, как на отбор,
 Презнатные катили к ней на двор,
 Но в выборе ее и вкус и мысли тонки:
 Такие женихи другим невестам клад;
 А ей они на взгляд —
 Не женихи, а женишонки!
 Ну, как ей выбирать из этих женихов?
 Тот не в чинах, другой без орденов;
 А тот бы и в чинах, да жаль, карманы пусты;
 То нос широк, то брови густы;
 Тут этак, там не так;
 Ну, не придет никто по мысли ей никак.
 Посмолкли женихи, годка два перепали;
 Другие новых свах заслали:
 Да только женихи средней уж руки.
 «Какие простаки!»
 Твердит красавица: «по них ли я невеста?
 Ну, право, их затей не у места!
 И не таких я женихов
 С двора с поклоном проводила;
 Пойду ль я за кого из этих чудаков?
 Как будто б я себя замужством торопила;
 Мне жизнь девическа ничуть не тяжела:
 День весела, и ночь я, право, сплю спокойно;
 Так замуж кинуться ничуть мне не пристойно».
 Толпа и эта уплыла.
 Потом, отказы слыша те же,
 Уж стали женихи наворачиваться реже.
 Проходит год,
 Никто нейдет;
 Еще минул годок, еще уплыл год целой:
 К ней свах никто не шлет.
 Вот наша девушка уж стала девой зрелой.
 Зачнет считать своих подруг
 (А ей считать большой досуг):
 Та замужем давно, другую сговорили;
 Ее как будто позабыли.
 Закралась грусть в красавицыну грудь.
 Посмотришь: зеркало докладывать ей стало,
 Что каждый день, а что-нибудь
 Из прелестей ее лихое время крало.
 Сперва румянца нет; там живости в глазах;
 Умильны ямочки пропали на щеках;
 Веселость, резвости, как будто ускользнули;
 Там волоска два-три седые проглянули:

Беда со всех сторон!
Бывало, без нее собранье не прелестно;
От пленников ее вокруг ней бывало тесно:
А ныне, ах! ее зовут уж на бостон!
Вот тут спесивица переменяет тон.
Рассудок ей велит замужством торопиться:
Перестает она гордиться.
Как косо на мужчин девица ни глядит,
А сердце ей за нас всегда свое твердит.
Чтоб в одиночестве не кончить веку,
Красавица, пока совсем не отцвела,
За первого, кто к ней присватался, пошла:
И рада, рада уж была,
Что вышла за калеку.

Кот и Повар

Какой-то Повар, грамотей,
С поварни побежал своей
В кабак (он набожных был правил
И в этот день по куме тризну правил),
А дома стеречи съестное от мышей
Кота оставил.
Но что же, возвратясь, он видит? На полу
Объедки пирога; а Васька Кот в углу,
Припав за уксусным боченком,
Мурлыча и ворча, трудится над курченком.
«Ах, ты, обжора! ах, злодей!»
Тут Ваську Повар укоряет:
«Не стыдно ль стен тебе, не только что людей?
(А Васька все-таки курченка убирает).
Как! быв честным Котом до этих пор.
Бывало, за пример тебя смиренства кажут —
А ты... ахти, какой позор!
Теперя все соседи скажут:
Кот Васька плут! Кот Васька вор!
И Ваську де не только что в поварню,
Пускать не надо и на двор,
Как волка жадного в овчарню:
Он порча, он чума, он язва здешних мест!»
(А Васька слушает, да ест).
Тут ритор мой, дав волю слов теченью,
Не находил конца нравоученью.
Но что ж? Пока его он пел,
Кот Васька все жаркое съел.
А я бы повару иному
Велел на стенке зарубить:
Чтоб там речей не тратить попустому,
Где нужно власть употребить.

Гуси

Предлинной хворостиной
Мужик Гусей гнал в город продавать;
И, правду истинну сказать,
Не очень вежливо честил свой гурт гусиной:
На барыши спешил к базарному он дню
(А где до прибыли коснется,
Не только там гусям, и людям достается).
Я мужика и не виню;
Но Гуси иначе об этом толковали,
И, встретясь с прохожим на пути,
Вот как на мужика пеняли:
«Где можно нас, Гусей, несчастнее найти?
Мужик так нами помыкает,
И нас, как будто бы простых Гусей, гоняет;
А этого не смыслит неуч сей,
Что он обязан нам почтеньем;
Что мы свой знатный род ведем от тех Гусей,
Которым некогда был должен Рим спасеньем:
Там даже праздники им в честь учреждены!»
— «А вы хотите быть за что отличены?»
Спросил прохожий их. — «Да наши предки...» — «Знаю,
И все читал; но ведать я желаю,
Вы сколько пользы принесли?»
— «Да наши предки Рим спасли!»
— «Все так, да вы что сделали такое?»
— «Мы? Ничего!» — «Так что ж и доброго в вас есть?
Оставьте предков вы в покое:
Им по-делом была и честь;
А вы, друзья, лишь годны на жаркое».

Баснь эту можно бы и боле пояснить —
Да чтоб гусей не раздражить.

Крестьянин и Разбойник

Крестьянин, заводясь домком,
Купил на ярмарке подойник, да корову,
И с ними сквозь дуброву
Тихонько брел домой проселочным путем.
Как вдруг Разбойнику попался.
Разбойник Мужика как липку ободрал.
«Помилуй», всплачется Крестьянин: «я пропал,
Меня совсем ты доканал!
Год целый я купить коровушку собирался:
Насилу этого дождался дня».
— «Добро, не плачься на меня»,

Сказал, разжалобясь, Разбойник:
«И подлинно, ведь мне коровы не доить;
Уж так и быть
Возьми себе назад подойник».

Лев и Волк

Лев убирал за завтраком ягненка,
А собачонка,
Вертясь вокруг царского стола,
У Льва из-под когтей кусочек урвала;
И Царь зверей то снес, не огорчась ни мало:
Она глупа еще и молода была.
Увидя то, на мысли Волку вспало,
Что Лев, конечно, не силен,
Коль так смирен:
И лапу протянул к ягненку также он.
Ан вышло с Волком худо:
Он сам ко Льву попал на блюдо.
Лев растерзал его, примолвя так: «Дружок,
Напрасно, смóтря на собачку,
Ты вздумал, что тебе я также дам потачку:
Она еще глупа, а ты уж не щенок!»

Слон в случае

Когда-то в случай Слон попал у Льва.
В минугу по лесам прошла о том молва,
И, так как водится, пошли догадки,
Чем в милость втерся Слон?
Не то красив, не то забавен он,
Что́ за прием, что́ за ухватки!
Толкуют звери меж собой.
«Когда бы», говорит, вертя хвостом, Лисица,
«Был у него пушистый хвост такой,
Я не дивилась бы». — «Или, сестрица»,
Сказал Медведь: «хотя бы по когтям
Он сделался случайным;
Никто того не счел бы чрезвычайным:
Да он и без когтей, то всем известно нам». —
«Да не вошел ли он в случай клыками?»
Вступился в речь их Вол:
«Уж не сочли ли их рогами?»
— «Так вы не знаете», сказал Осел,
Ушами хлопая, «чем мог он полюбиться?
Послушайте ж меня, я рад божиться:
Не будь лишь у него таких больших ушей,
Так двор бы и не знал о нем, ей, ей!»

Нередко мы, хотя того не примечаем,
Себя в других охотно величаем.

Две Бочки

Две Бочки ехали: одна с вином,
 Другая
 Пустая.
Вот первая — себе без шуму и шажком
 Плетется,
 Другая вскачь несется;
От ней по мостовой и стукотня и гром,
 И пыль столбом;
Прохожий к стороне скорей от страху жметя
 Ее заслышавши издалека.
 Но как та Бочка ни громка,
А польза в ней не так, как в первой, велика.

Кто про свои дела кричит всем без умолку,
 В том, верно, мало толку.
Кто делов истинно, — тих часто на словах,
Великий человек лишь громок на делах,
 И думает свою он крепку думу
 Без шуму.

Крестьянин и Овца

Крестьянин позвал в суд Овцу;
Он уголовное взвел на бедняжку дело;
Судья — Лиса: оно в минуту закипело.
 Запрос ответчику, запрос истцу,
 Чтоб рассказать по пунктам и без крика:
 Как было дело, в чем улика?
Крестьянин говорит: «Такого-то числа,
Поутру, у меня двух кур не досчитались:
От них лишь косточки да перышки остались;
 А на дворе одна Овца была».
Овца же говорит: она всю ночь спала,
И всех соседей в том в свидетели звала,
Что никогда за ней не знали никакого
 Ни воровства,
 Ни плутовства;
А сверх того она совсем не ест мясного.
И приговор Лисы вот, от слова до слова:
«Не принимать никак резонов от Овцы.
 Понеже хоронить концы

Все плуты, ведомо, искусны;
По справке ж явствует, что в сказанную ночь —
Овца от кур не отлучалась прочь,
 А куры очень вкусны,
 И случай был удобен ей;
 То я сужу по совести моей;
 Нельзя, чтоб утерпела
 И кур она не съела;
И вследствие того казнить Овцу,
И мясо в суд отдать, а шкуру взять истцу».

Рыбы пляски

Имея в области своей
Не только что леса, но даже воды,
 Лев собрал на совет зверей:
Кого б над рыбами поставить в воеводы?
 Как водится, пошли на голоса,
 И выбрана была Лиса.
 Вот Лисынька на воеводство села.
 Лиса приметно потолстела.
У ней был мужичок, приятель, сват и кум;
 Они вдвоем взялись за ум:
Меж тем, как с бережку Лисица рядит, судит,
 Кум рыбку удит
И делит с кумушкой ее, как верный друг,
Но плутни не всегда удачно сходят с рук.
 Лев как-то взял по слухам подозренье,
Что у него в судах скривились весы,
 И, улуча свободные часы,
Пустился сам свое осматривать владенье.
Он идет берегом; а добрый куманек,
 Наудя рыб, расклат у речки огонек,
 И с кумушкой попировать сбирался;
Бедняжки прыгали от жару, кто как мог:
 Всяк, видя близкий свой конец, метался.
 На мужика разинув зев,
«Кто ты, что делаешь?» спросил сердито Лев.
— «Великий Государь!» отвечает плутовка
(У Лисыньки всегда в запасе есть уловка):
 «Великий Государь!
Он у меня здесь главный секретарь:
За бескорыстие уважен всем народом;
А это караси, все жители воды:
 Мы все пришли сюды
Поздравить, добрый Царь, тебя с твоим приходом».
— «Ну, как здесь идет суд? Доволен ли ваш край?»
— Великий Государь, здесь не житье им,— рай:

Лишь только б дни твои бесценные продлились». (А рыбки между тем на сковородке бились.)
— «Да отчего же», Лев спросил: «скажи ты мне, Хвостами так они и головами машут?»
— «О, мудрый Лев!» Лиса отвечает: «оне На радости, тебя увидя, пляшут».
Не могши боле тут Лев явной лжи стерпеть,
Чтоб не без музыки плясать народу,
Секретаря и воеводу
В своих когтях заставил петь.

Прихожанин

Есть люди: будь лишь им приятель,
То первый ты у них и гений, и писатель,
Зато уже другой,
Как хочешь сладко пой,
Не только, чтоб от них похвал себе дожидаться,
В нем красоты они и чувствовать боятся.
Хоть, может быть, я тем немного досажу,
Но вместо басни был бы на это им скажу.

* * *

Во храме проповедник
(Он в красноречии Платона был наследник),
Прихожан поучал на добрые дела.
Речь сладкая, как мед, из уст его текла.
В ней правда чистая, казалось, без искусства,
Как цепью золотой,
Возьмая к небесам все помыслы и чувства,
Сей обличала мир, исполненный тщетой.
Душ пастырь кончил поученье;
Но всяк ему еще внимал, и, до небес
Восхищенный, в сердечном умиленье
Не чувствовал своих текущих слез.
Когда ж из божьего миряне вышли дому,
«Какой приятный дар!»
Из слушателей тут сказал один другому:
«Какая сладость, жар!
Как сильно он влечет к добру сердца народа!
А у тебя, сосед, знать, черствая природа,
Что на тебе слезинки не видать?
Иль ты не понимал?» — «Ну, как не понимать!
Да плакать мне какая статья:
Ведь я не здешнего прихода».

Стрекоза и Муравей

Попрыгунья Стрекоза
Лето красное пропела;
Оглянуться не успела,
Как зима катит в глаза.
Помертвело чисто поле;
Нет уж дней тех светлых боле,
Как под каждым ей листком
Был готов и стол, и дом.
Все прошло: с зимой холодной
Нужда, голод настает;
Стрекоза уж не поет:
И кому же в ум пойдет
На желудок петь голодный!
Злой тоской удручена,
К Муравью ползет она:
— «Не оставь меня, кум милой!
Дай ты мне собраться с силой,
И до вешних только дней
Прокорми и обогрей!»
— «Кумушка, мне странно это:
Да работала ль ты в лето?»
Говорит ей Муравей.
— «До того ль, голубчик, было?
В мягких муравах у нас
Песни, резвость всякой час,
Так, что голову вскружило».
— «А, так ты...» — «Я без души
Лето целое все пела».
— «Ты все пела? это дело:
Так поди же, попляши!»

Писатели-декабристы

Любовь к героическому прошлому русского народа, безграничная вера в его духовные силы и прекрасное будущее определяли отношение декабристов к судьбам русского литературного языка. Они рассматривали исконно русскую, обиходно-бытовую речь русского народа в качестве основы литературного языка. Средства книжной речи (церковнославянизмы, традиционные элементы русской письменности), понятные русским людям, должны были содействовать выражению возвышенных идей, служить тем материалом, который усиливает страстность, полемичность ораторского слова.

К. Ф. Рылеев

Кондратий Федорович Рылеев (1790—1826) — яркий представитель поэзии декабристов, патриот и страстный борец с игом самодержавия.

В языке стихотворений К. Ф. Рылеева используются различные языковые средства, усиливающие пафос обличения (*льстец, тиран, злодей, подлец; подлый, коварный, хитрый*). Агитационный пафос стихотворений усиливается с помощью книжной лексики, при этом используются понятные русскому читателю слова книжно-славянского языка (*ослепленье, взирать, потщусь, народ разъяренный* и др.).

Печатается по изданию: *Рылеев К. Ф.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1934.

Гражданин

Я ль буду в роковое время
Позорить гражданина сан,
И подражать тебе, изнеженное племя
Переродившихся Славян?
Нет, неспособен я в объятях сладострастья,
В постыдной праздности влачить свой век молодой
И изнывать кипящею душой
Под тяжким игом самовластья!
Пусть юноши, своей не разгадав судьбы,
Постигнуть не хотят предназначенья века
И не готовятся для будущей борьбы
За угнетенную свободу человека.
Пусть с хладнокровием бросают хладный взор
На бедствия страдающей отчизны
И не читают в них грядущий свой позор
И справедливые потомков укоризны.
Они раскаются, когда народ, восстав,
Застанет их в объятях праздной неги,
И в бурном мятеже ища свободных прав,
В них не найдет ни Брута, ни Риеги.

Державин

(Н. И. Гнедичу)

С дерев валится желтый лист:
Не слышно птиц в лесу угрюмом;
В полях осенних ветров свист,
И плещут волны в берег с шумом.
Над Хутынским монастырем
Приметно солнце догорало,
И на главах золотых лучом,
Из туч прокравшись, трепетало.
Какой-то думой омрачен,
Младой певец бродил в ограде;
Но вдруг остановился он,

И заблестал огонь во взгляде:
«Что вижу я?.. на сих берегах,
Он рек,— для Севера священной,
Державина ль почует прах
В обители уединенной?» —
И засияли, как росой,
Слезами юноши ресницы,
И он с удвоенной тоской
Сел у подножия гробницы. <...>

В. К. Кюхельбекер

Вильгельм Карлович Кюхельбекер (1797—1846) — известный поэт и общественно-политический деятель, автор сочинений по вопросам русской словесности.

Ниже даются отрывки из его лекций: О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие (печатается по сборнику: Декабристы. М.; Л., 1951); О русской литературе и языке (печатается по изданию: Литературное наследство. М., 1954. Т. 59).

...Из слова же русского, богатого и мощного, силятся извлечь небольшой, благопристойный, приторный, искусственно тощий, приспособленный для немногих язык, un petit jargon de coterie. Без пощады изгоняют из него все речения и обороты славянские и обогащают его *архитравами, колоннами, баронами, траурами* — германизмами, галлицизмами и барбаризмами. В самой прозе стараются заменить причастия и деепричастия бесконечными местоимениями и союзами. О мыслях и говорить нечего. Печатью народности ознаменованы какие-нибудь 80 стихов в «Светлане» и в «Послании к Воейкову» Жуковского, некоторые мелкие стихотворения Катенина, два или три места в «Руслане и Людмиле» Пушкина.

Да создастся для славы России поэзия истинно русская; да будет святая Русь не только в гражданском, но и в нравственном мире первою державою во вселенной! Вера праотцев, нравы отечественные, летописи, песни и сказания народные — лучшие, чистейшие, первейшие источники для нашей словесности...

<...> наш язык по своей лексике в основном славянский; примесь иностранных слов, входящих в его состав, менее значительна, чем в любом другом языке Европы, и уменьшается с каждым днем.

Рассмотрим же сперва его славянские элементы, чтобы иметь возможность дать оценку языку, в котором славянские слова составляют основную массу. Славянский язык имеет в польском и в чешском (богемском) языках несколько звуков, которых недостает в русском; таковы *н* носовое, *дз* и другие. Однако из сопоставления языков явствует, что мы превосходим по своему богатству и разнообразию звуков не только все наречия латинского и германского происхождения, но и указанные славянские

наречия, так как число звуков, ими утраченных и сохранившихся только у нас, значительно больше. Русский язык так же богат гласными и дифтонгами, как и французский язык,— один из наиболее богатых в этом отношении, и я не знаю никакого другого языка, который бы ему был равен по удивительному разнообразию согласных...

В свою очередь, русская грамматика — одна из самых богатых по своим формам и знаменательным окончаниям. Однако надо признать, что она менее богата, чем грамматика славянского языка, который принято называть церковным. ...

Вы чувствуете, господа, что такое изобилие грамматических форм и знаменательных окончаний имеет своим естественным следствием большую свободу в порядке слов и в построении предложений и периодов нашего языка. По-русски вовсе нет нужды строго следовать аналитической конструкции и можно употреблять самые смелые инверсии. Однако существует определенное правило расположения слов, основанное на духе языка, и этим правилом нельзя пренебрегать, если хотят писать на чистом и правильном русском языке, а именно: сближать, посколькy возможно, члены предложения, теснейшим образом связанные между собой. Это правило меняется в зависимости от числа дополнений к подлежащему и сказуемому, и если оно несколько видоизменяется, то не знает исключений, по крайней мере, в прозе. Этому правилу мы обязаны ясностью, которая господствует в произведениях наших хороших прозаиков, число которых, однако, не очень велико, потому что многие не считаютя с правилом, нами изложенным, и по примеру Ломоносова — отца нашей современной литературы и весьма почтенного поэта — упорно продолжают следовать тяжелому строю немецкого и латинского языков, которые отодвигают основные члены своих периодов на самый конец. <...> Таково, господа, современное состояние русского языка: он богат, выразителен, свободен и гармоничен. Гений-хранитель, казалось, присутствовал при его рождении: он дал ему приют в его младенчестве в республике состоятельной, воинственной и непокоренной, в то время как остальная часть нашей несчастной родины стонала под игом Чингиз-хана и Тамерлана. На вечевой площади и на кораблях, в стенах и в летописях Великого Новгорода сохранился наш язык чистым, обогатился и смягчился употреблением в предприимчивом и просвещенном народе. Здесь он был залогом искупления Москвы, Киева, Суздаля и других княжеств, где жители, угнетенные татарами, понемногу очнулись от своего панического ужаса и начинали надеяться, ибо, говорили они, «в наших жилах течет кровь сынов великой республики, и мы говорим на языке питомцев свободы». Наконец тирания варваров была сокрушена, и Россия стала огромным государством. В результате этих событий Новгородская республика пала в слишком неравной борьбе с честолюбием Иванов, русских князей. Но судьба, без сомнения,

допустила это бедствие только для того, чтобы оплодотворить семенами свободы русский народ, так долго угнетенный. Эти воспоминания о независимости и о народном правлении остались в народе Новгорода и стали достоянием всей Руси.

...Возвратимся к предметам, которые обещают нам лучшее будущее. Нет, не может провидение одарить великий народ столькими талантами, чтобы затем он коснел и погибал в рабстве. Русские оставят в наследство истории другую славу, чем славу народа захватчика и разрушителя. У нашего языка, достойного соперника греческого, будут свои Гомеры, свои Платоны, свои Демосфены, как у народа — свои Мильтиады и свои Тимолеоны. Пусть это покажется суеверием, однако сохранение и совершенствование нашего языка сквозь века варварства, угнетения, гражданских войн было слишком чудесным, чтобы это суеверие, — если это действительно суеверие, — не было простибельным.

А. А. Бестужев-Марлинский

Александр Александрович Бестужев-Марлинский (1797—1837) — автор прозаических и литературно-критических произведений.

Отрывки из литературно-критической статьи даются по изданию: *Бестужев-Марлинский А. А. Собрание стихотворений*. Л., 1948.

Взгляд на старую и новую словесность в России

⟨...⟩ *И. Крылов* возвел русскую басню в оригинально-классическое достоинство. Невозможно дать большего простодушия рассказу, большей народности языку, большей осязаемости нравочению. В каждом его стихе виден русский здравый ум ... его каждая басня — сатира, тем сильнейшая, что она коротка и рассказана с видом простодушия. Читая стихи его, не замечаешь даже, что они стопованы — и это-то есть верх искусства. Жаль, что Крылов подарил театр только тремя комедиями. По своему знанию языка и нравов русских, по неистощимой своей веселости и остроумию он мог бы дать ей черты народные.

Русский поет за трудом и на досуге, в печали и в радости, и многие песни его отличаются свежестю чувств, сердечною теплотою, нежностью оборотов; но беды отечества и туманное его небо проливают на них какое-то уныние... Возвышенные песнопения старины русской исчезли, как звук разбитой лиры; одно имя соловья Бояна отгрянуло в потомстве, но его творения канули в бездну веков, и от всей поэзии древней сохранилась для нас только одна поэма о походе Игоря, князя Северского, на половцев. Там находим мы незаимствованные красоты, иную природу, отменный круг действия. Безыменный певец вдохнул русскую боевую душу в язык юный, но и самую странностию

привлекательный; он украсил его цветами мечты, вымыслом народной мифологии, разительными сравнениями и чувствами глубокими. Непреклонный, словолюбивый дух народа дышит в каждой строке. Драгоценная поэма сия, принадлежащая к XII веку, писана мерною прозою и языком, вероятно, южнорусским. Кажется, время сохранило ее, чтобы сильнее дать почувствовать потерю остального! В песне о битве Донской (XV века) нет того огня, той силы в очертании лиц, той самородной прелести, которые отличают песнь о походе Игоря. Впрочем, рассказ оной плавен и затейлив, и ее должно читать наравне со всеми древностями нашего слова, дабы в них найти черты русского народа и тем дать настоящую физиогномию языку.

А. С. Пушкин

Александр Сергеевич Пушкин (1799—1837) — родоначальник русской классической литературы, основоположник современного русского литературного языка.

В языке его нашли наиболее полное выражение характерные свойства русского языка как национально-культурного достояния русского народа.

В сферу литературно-художественного творчества вовлекаются жизнеспособные и наиболее выразительные средства разговорной, простонародной (крестьянской, мещанской) и книжной речи, поэтому литературный язык в произведениях Пушкина обретает истинно русский облик, — естественную живость, гибкость, благозвучность и удивительную изобразительность.

В языке произведений А. С. Пушкина нашли свое разрешение все противоречия, имевшие место в развитии русского литературного языка на рубеже XVIII — XIX столетий. В языке его произведений удачно сочетаются, гармонично объединяются лексические и грамматические средства, которые в языке писателей предшествующего времени рассматривались как несовместимые, как противостоящие друг другу: высокие и низкие, риторические и обиходно-бытовые, поэтические и прозаические.

Средства языка книжно-славянской письменности квалифицируются как необходимая составная часть литературной речи; при этом они весьма осторожно вводятся в различные типы литературного повествования.

Живая, разговорная речь широких слоев русского народа становится важным источником обогащения различных форм литературно-художественного выражения. Общерусские слова и обороты речи, обладающие предметно-смысловой определенностью, эмоциональной образностью и яркостью, включаются в общелитературный контекст и удачно смешиваются с элементами книжной речи. Выразительные средства русской, обиходно-бытовой речи получают доступ в сферу литературно-художественной речи и тем самым оказывают благотворное воздействие на все стороны сложного процесса, предопределяющего более высокий уровень демократизации литературного языка.

В языке произведений А. С. Пушкина формируется новая система стилей литературного языка, опирающаяся на систему литературных норм национальной речи: как письменной, так и устной, разговорной.

Пушкин обратил внимание на важность литературной обработки языка науки, политики, философии, то есть функциональных разновидностей общелитературного языка. Язык науки, философии, публицистики подвергнется дальнейшей обработке в произведениях Н. В. Гоголя, В. Г. Белинского и мастеров художественного и публицистического слова второй половины XIX в.

Отрывки из литературно-критических статей даются по изданию: *Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М., 1949. Т. 11.*

О прозе

〈...〉 Но что сказать об наших писателях, которые, почитая за низость изъяснить просто вещи самые обыкновенные, думают оживить детскую прозу дополнениями и вялыми метафорами? Эти люди никогда не скажут *дружба* — не прибавя: сие священное чувство, коего благородный пламень и пр. Должно бы сказать рано поутру — а они пишут: Едва первые лучи восходящего солнца озарили восточные края лазурного неба — ах как это все ново и свежо, разве оно лучше потому только, что длиннее〈...〉

Точность и краткость — вот первые достоинства прозы. Она требует мыслей и мыслей — без них блестящие выражения ни к чему не служат. Стихи дело другое (впрочем, в них не мешало бы нашим поэтам иметь сумму идей гораздо позначительнее, чем у них обыкновенно) водится. С воспоминаниями о протекшей юности литература наша далеко вперед не подвинется).

Вопрос, чья проза лучшая в нашей литературе. Ответ — *Карамзина*. Это еще похвала не большая.〈...〉

〈 Причинами, замедлившими ход нашей словесности... 〉

〈...〉 просвещение века требует важных предметов размышления для пищи умов, которые уже не могут довольствоваться блестящими играми воображения 〈...〉 ученость, политика и философия еще по-русски не изъяснялись — метафизического языка у нас вовсе не существует; проза наша так еще мало обработана, что даже в простой переписке мы принуждены *создавать* обороты слов для изъяснения понятий самых обыкновенных; и леность наша охотнее выражается на языке чужом, коего механические формы уже давно готовы и всем известны.

Но русская поэзия — скажут мне — достигла высокой степени образованности. Согласен, что некоторые оды Держ〈авина〉, несмотря на неровность слога и неправильность языка, исполнены порывами истинного гения, что в Душеньке Богдановича встречаются стихи и целые страницы, достойные Лафонтена, что Крылов превзошел всех нам известных баснописцев, исключая, мож〈ет〉 б〈ыть〉, сего же самого Лафонтена, что Батюшков, счастл〈ивый〉 сподвижник Ломоносова, сделал для русского языка то же самое, что Петрарка для италийского: что Жуковского перевели бы все языки, если б он сам менее переводил.

О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова

...Как материал словесности, язык славяно-русский имеет неоспоримое превосходство пред всеми европейскими: судьба его была чрезвычайно счастлива. В XI веке древний греческий язык вдруг открыл ему свой лексикон, сокровищницу гармонии, даровал ему законы обдуманной своей грамматики, свои прекрасные обороты, величественное течение речи; словом, усыновил его, избавя таким образом от медленных усовершенствований времени. Сам по себе уже звучный и выразительный, отселе заимлет он гибкость и правильность. Простонародное наречие необходимо должно было отделиться от книжного, но впоследствии они сблизились, *и такова стихия, данная нам для сообщения наших мыслей.*

Г. Лемонте напрасно думает, что владычество татар оставило ржавчину на русском языке. Чуждый язык распространяется не саблею и пожарами, но собственным обилием и превосходством. Какие же новые понятия, требовавшие новых слов, могло принести нам кочующее племя варваров, не имевших ни словесности, ни торговли, ни законодательства? Их нашествие не оставило никаких следов в языке образованных китайцев, и предки наши, в течение двух веков стоная под татарским игом, на языке родном молились русскому богу, проклинали грозных властителей и передавали друг другу свои сетования ... едва ли полсотни татарских слов перешло в русский язык. Войны литовские не имели также влияния на судьбу нашего языка; он один оставался неприкосновенною собственностью несчастного нашего отечества.

В царствование Петра 1-го начал он приметно искажаться от необходимого введения голландских, немецких и французских слов. Сия мода распространяла свое влияние и на писателей, в то время покровительствуемых государями и вельможами; к счастью, явился Ломоносов.

Г. Лемонте в одном замечании говорит о всеобъемлющем гений Ломоносова; но он взглянул не с настоящей точки на великого сподвижника великого Петра.

Соединяя необыкновенную силу воли с необыкновенною силою понятия, Ломоносов обнял все отрасли просвещения. Жажда науки была сильнейшею страстию сей души, исполненной страстей. Историк, ритор, механик, химик, минералог, художник и стихотворец, он все испытал и все проник: первый углубляется в историю отечества, утверждает правила общественного языка его, дает законы и образцы классического красноречия, с несчастным Рихманом предугадывает открытия Франклина, учреждает фабрику, сам сооружает махины, дарит художества мозаическими произведениями и наконец открывает нам истинные источники нашего поэтического языка.

Поэзия бывает исключительно страстию немногих, родившихся поэтами; она объемлет и поглощает все наблюдения, все усилия, все впечатления их жизни: но если мы станем исследовать жизнь Ломоносова, то найдем, что науки точные были всегда главным и любимым его занятием, стихотворство же — иногда забавою, но чаще должностным упражнением. Мы напрасно искали бы в первом нашем лирике пламенных порывов чувства и воображения. Слог его, ровный, цветущий и живописный, заемлет главное достоинство от глубокого знания книжного славянского языка и от счастливого слияния оного с языком просто-народным〈...〉.

Г. Лемонте, входя в некоторые подробности косательно жизни и привычек нашего Крылова, сказал, что он не говорит ни на каком иностранном языке и только понимает по-французски. *Неправда!* — резко возражает переводчик в своем примечании. В самом деле, Крылов знает главные европейские языки и, сверх того, он, как Альфиери, пятидесяти лет выучился древнему греческому. В других землях таковая характеристическая черта известного человека была бы прославлена во всех журналах; но мы в биографии славных писателей наших довольствуемся означением года их рождения и подробностями послужного списка, да сами же потом и жалуемся на неведение иностранцев о всем, что до нас касается.

В заключении скажу, что мы должны благодарить графа Орлова, избравшего истинно-народного поэта, дабы познакомить Европу с литературою Севера. Конечно ни один француз не осмелится кого бы то ни было поставить выше Лафонтена, но мы, кажется; можем предпочитать ему Крылова. Оба они вечно останутся любимцами своих единоземцев. Некто справедливо заметил, что простодушие (*naiveté, bonhomie*) есть врожденное свойство французского народа; напротив того, отличительная черта в наших нравах есть какое-то веселое лукавство ума, насмешливость и живописный способ выражаться: Лафонтен и Крылов — представители духа обоих народов.

〈 Опровержение на критики 〉

Кстати о грамматике. Я пишу *цыганы*, а не *цыгане*; *татары*, а не *татары*. Почему? Потому что все им.〈ена〉 сущ.〈ествительные〉, кончащиеся на *анин, янин, арин* и *ярин*, имеют свой род.〈ительный〉 во множ.〈естественном〉 на *ан, ян, ар* и *яр*, а им.〈енительный〉 множ.〈естественного〉 на *ане, яне, аре* и *яре*. Все же сущ.〈ествительные〉, конч.〈ащиеся〉 на *ан* и *ян*, *ар* и *яр*, имеют во множ.〈естественном〉 им.〈енительный〉 〈на〉 *аны, яны, ары* и *яры*, а род.〈ительный〉 на *анов, янов, аров, яров*.

Единственное исключение: имена собственные. Потомки г-на Булгарина будут гг. Булгарины, а не Булгаре...

Разговорный язык простого народа (не читающего иностр. <анных> книг и, слава богу, не выражающ<его>, как мы, своих мыслей на фр.<анцузском> языке) достоин также глубочайших исследований. Альфиери изучал итальянский язык на флорентийском базаре: не худо нам иногда прислушиваться к московским просвирням. Они говорят удивительно чистым и правильным языком.

Слова *усы, визжать, вставай, рассветает, ого, пора* казались критикам *низкими, бурлацкими*; [низкими словами я, как В.<ильгельм> К.<юхельбекер>, почитаю те, которые подлым образом выражают какие-нибудь понятия; например, нализаться вместо выпиться пьяным и т. п.]; но никогда не пожертвую искренностью и точностью выражения провинциальной чопорности и боязни казаться простонародным, славянофилом и тому под.

< Путешествие из Москвы в Петербург >

Узнав, что новая московская дорога совсем окончена, я вздумал съездить в Петербург, где не бывал более пятнадцати лет. Я записался в конторе поспешных дилижансов (которые показались мне спокойнее прежних почтовых карет) и 15 октября в десять часов утра выехал из Тверской заставы.

Катясь по гладкому шоссе, в спокойном экипаже, не заботясь ни о его прочности, ни о прогонах, ни о лошадях, я вспомнил о последнем своем путешествии в Петербург, по старой дороге. Не решившись скакать на перекладных, я купил тогда дешевую коляску и с одним слугою отправился в путь. Не знаю, кто из нас, Иван или я, согрешил перед выездом, но путешествие наше было неблагополучно. Проклятая коляска требовала поминутно починки. Кузнецы меня притесняли, рытвины и местами деревянная мостовая совершенно измучили. Целые шесть дней тащился я по несносной дороге и приехал в Петербург полумертвый. Мои приятели смеялись над моей изнеженностью, но я не имею и притязаний на фельдъегерское геройство, и, по зимнему пути возвратясь в Москву, с той поры уже никуда не выезжал <...> Радищев написал несколько отрывков, дав каждому в заглавие название одной из станций, находящихся на дороге из Петербурга в Москву. В них излил он свои мысли безо всякой связи и порядка. В Черной грязи, пока переменяли лошадей, я начал книгу с последней главы и таким образом заставил Радищева путешествовать со мною из Москвы в Петербург.

Москва

Москва! Москва!.. восклицает Радищев на последней странице своей книги, и бросает желчью напитанное перо, как будто мрачные картины его воображения рассеялись при взгляде на

золотые маковки Москвы белокаменной. Вот уже Всесвятское... Он прощается с утомленным читателем; он просит своего спутника подождать его у околицы; на возвратном пути он примется опять за свои горькие полу-истины, за свои дерзкие мечтания... Теперь ему некогда: он скачет успокоиться в семье родных, позабыться в вихре московских забав. До свидания, читатель! Ямщик, погоняй! Москва! Москва!...

Многое переменилось со времен Радищева: ныне покидая смиренную Москву и готовясь увидеть блестящий Петербург, я заранее встревожен при мысли переменить мой тихой образ жизни на вихрь и шум, ожидающий меня; голова моя заранее кружится. < ... >

Ломоносов

В конце книги своей Радищев поместил слово о Ломоносове. Оно писано слогом надутым и тяжелым. Радищев имел тайное намерение нанести удар неприкосновенной славе *Росского Пиндара*. Достоин замечания и то, что Радищев тщательно прикрыл это намерение уловками уважения и обошелся со славою Ломоносова гораздо осторожнее, нежели с верховной властью, на которую напал с такой безумной дерзостью. < ... >

Ломоносов был великий человек. Между Петром I и Екатериною II он один является самобытным сподвижником просвещения. Он создал первый университет. Он, лучше сказать, сам был первым нашим университетом. Но в сем университете профессор поэзии и элоквенции ничто иное как исправный чиновник, а не поэт, вдохновенный свыше, не оратор, мощно увлекающий. Однообразные и стеснительные формы, в кои отливал он свои мысли, дают его прозе ход утомительный и тяжелый. Эта схоластическая величавость, полу-славянская, полу-латинская, сделалась было необходимостью: к счастью Карамзин освободил язык от чуждого ига и возвратил ему свободу, обратил его к живым источникам народного слова. В Ломоносове нет ни чувства, ни воображения. Оды его, писанные по образцу тогдашних немецких стихотворцев, давно уже забытых в самой Германии, утомительны и надуты. Его влияние на словесность было вредное и до сих пор в ней отзывается. Высокопарность, изысканность, отвращение от простоты, и точности, отсутствие всякой народности и оригинальности — вот следы, оставленные Ломоносовым. Ломоносов сам не дорожил своею поэзиею, и гораздо более заботился о своих химических опытах...

Литературный язык в 30—40-е годы XIX века

Укрепляющиеся нормы литературного выражения, начало которым было положено в творчестве А. С. Пушкина, развиваются и обогащаются в литературных произведениях, в научных сочинениях, в политических трактатах деятелей 30—40-х годов XIX в.

В эти годы в язык произведений писателей и публицистов вовлекаются в большом объеме средства народно-разговорной речи, средства профессиональной речи; в некоторой мере используются даже слова и выражения узких областей речевой деятельности (диалектизмы, жаргонизмы). Вместе с тем продолжается борьба с традициями салонно-литературного словоупотребления, становятся активными слова и выражения, свойственные произведениям разночинной интеллигенции. Обретает право на более расширенное применение терминология различных сфер научного знания, становится активной и все более популярной проблема научного изложения, то есть встает во весь рост вопрос, поставленный в свое время А. С. Пушкиным, — формирование языка науки.

Язык научных сочинений складывается постепенно, вырастает на базе взаимодействия книжной и разговорной речи. Статьи, рецензии, литературно-критические выступления, принадлежащие перу Н. В. Гоголя, В. Г. Белинского и других деятелей культуры, продолжают дело, начатое Пушкиным. В контексты научных и публицистических сочинений втягиваются слова и выражения из области отвлеченных понятий (философия, эстетика, социология, естественнонаучные знания).

Совершенствование формы литературного выражения научных и публицистических сочинений рассматривается как настоятельная потребность дальнейшего развития литературного языка. «Теперь... внимание читателей, — отмечал Д. И. Писарев, — без-

Вот затрещали барабаны —
И отступили басурманы.
Тогда считать мы стали раны,
Товарищей считать.

(«Бородино»)

Выразительные средства народно-разговорной речи, устно-поэтического творчества уравниваются традиционными средствами литературного языка в контекстах стихотворной и прозаической речи.

В языке Лермонтова заметно возрастает выразительная значимость живого слова, ограничивается роль церковнославянизмов; весьма осторожно используются иноязычные слова, например, в роли экзотического средства используются слова, обозначающие реалии, характерные для быта кавказских народностей: *мцыри* — послушник, *кунак* — друг, приятель, *намаз* — молитва, *арба* — повозка, *джигит* — лихой, отважный наездник и др.

М. Ю. Лермонтов расширяет арсенал изобразительных средств, придает речи музыкальность, афористичность.

Лермонтов «создает новые формы литературного выражения, продолжает начатое Пушкиным дело образования национального русского языка»⁵⁵.

Отрывки из романа «Герой нашего времени» даются по изданию: Лермонтов М. Ю. Собр. соч.: В 4 т. Л., 1981. Т. 4.

Тихо было всё на небе и на земле, как в сердце человека в минуту утренней молитвы; только изредка набегал прохладный ветер с востока, приподнимая гриву лошадей, покрытую инеем. Мы тронулись в путь; с трудом пять худых кляч тащили наши повозки по извилистой дороге на Гуд-гору; мы шли пешком сзади, подкладывая камни под колеса, когда лошади выбивались из сил; казалось, дорога вела на небо, потому что, сколько глаз мог разглядеть, она всё поднималась и наконец пропадала в облаке, которое ещё с вечера отдыхало на вершине Гуд-горы, как коршун, ожидающий добычу; снег хрустел под ногами нашими; воздух становился так редок, что было больно дышать; кровь поминутно прилиwała в голову, но со всем тем какое-то отрадное чувство распространилось по всем моим жилам, и мне было как-то весело, что я так высоко над миром,— чувство детское, не спорю, но, удаляясь от условий общества и приближаясь к природе, мы невольно становимся детьми; всё приобретенное отпадает от души, и она делается вновь такую, какой была некогда и, верно, будет когда-нибудь опять. Тот, кому случалось, как мне, бродить по горам пустынным, и долго-долго всматриваться в их причудливые образы, и жадно глотать животворящий воздух, разлитой в их ущельях, тот, конечно, поймет мое желание передать, рассказать, нарисовать эти волшебные картины. Вот, наконец, мы взобрались на Гуд-гору, остановились и оглянулись: на ней висело серое облако, и его холодное дыхание грозило близкой бурей; но на востоке всё было так ясно и золотисто, что мы, то есть я и штабс-капитан, совершенно о нем забыли... Да, и штабс-капитан: в сердцах простых чувство красоты и величия природы сильнее, живее во сто крат, чем в нас, восторженных рассказчиках на словах и на бумаге.

— Вы, я думаю, привыкли к этим великолепным картинам? — сказал я ему.

— Да-с, и к свисту пули можно привыкнуть, то есть привыкнуть скрывать невольное биение сердца.

— Я слышал, напротив, что для иных старых воинов эта музыка даже приятна.

— Разумеется, если хотите, оно и приятно; только всё же потому, что сердце бьется сильнее. Посмотрите,— прибавил он, указывая на восток,— что за край!

И точно, такую панораму вряд ли где ещё удастся мне видеть: под нами лежала Койшаурская Долина, пересекаемая Арагвой и другой речкой, как двумя серебряными нитями; голубоватый туман скользил по ней, убегая в соседние теснины от теплых лучей утра; направо и налево гребни гор, один выше другого, пересекались, тянулись, покрытые снегами, кустарником; вдали те же горы, но хоть бы две скалы похожие одна на другую,— и все эти снега горели румяным блеском так весело, так ярко, что, кажется, тут бы и остаться жить навеки; солнце чуть показалось из-за темно-синей горы, которую только привычный глаз мог бы различить от грозовой тучи; но над солнцем была кровавая полоса, на которую мой товарищ обратил особенное внимание. «Я говорил вам,— воскликнул он,— что нынче будет погода; надо торопиться, а то, пожалуй, она застанет нас на Крестовой. Трогайтесь!» — закричал он ямщикам.〈...〉

Я взошел в хату: две лавки и стол, да огромный сундук возле печи составляли всю её мебель. На стене ни одного образа — дурной знак! В разбитое стекло врывался морской ветер. Я вытащил из чемодана восковой огарок и, засветив его, стал раскладывать вещи, поставил в угол шашку и ружье, пистолеты положил на стол, разостлал бурку на лавке, казак свою на другой; через десять минут он захрапел, но я не мог заснуть: передо мной во мраке всё вертелся мальчик с белыми глазами.

Так прошло около часа. Месяц светил в окно, и луч его играл по земляному полу хаты. Вдруг на яркой полосе, пересекающей пол, промелькнула тень. Я привстал и взглянул в окно: кто-то вторично пробежал мимо его и скрылся бог знает куда. Я не мог полагать, чтоб это существо сбегало по отвесу берега; однако иначе ему некуда было деваться. Я встал, накинул бешмет, опоясал кинжал и тихо-тихо вышел из хаты; навстречу мне слепой мальчик. Я притаился у забора, и он верной, но осторожной поступью прошел мимо меня. Под мышкой он нес какой-то узел.〈...〉

Н. В. Гоголь

Николай Васильевич Гоголь (1809—1852) — величайший художник русского слова, публицист и критик. В художественных произведениях он выразил думы и чаяния русского народа, воплотил их в меткое, бойкое, животрепещущее русское слово.

Н. В. Гоголь отстаивал чистоту русского языка, те традиции литературного выражения, которые обрели наиболее яркое воплощение в языке пушкинских произведений. В его творчестве уделяется должное внимание выразительности и меткости слова народно-разговорной речи, которое литературно обрабатывается, облагораживается и используется как средство художественного изображения

Лексика ремесленников, крестьян, горожан, торговцев получает широкий доступ в речь персонажей и в авторское повествование (*боров, пенька, пройдоха, подлец, шапочное знакомство, катать во весь дух, шлепнуться в грязь, засалиться, отсадить, трухнуть, мчаться во всю пропалую* и др.).

Именно слова и выражения такого рода занимают ведущее положение в объяснительном словаре русского языка, который составлялся Н. В. Гоголем; более того, они заносятся в «Записные книжки» как своеобразные заготовки для художественных произведений: *«хлеб пошел в трубку, в половину налила рожь, просо не колосится, а кистится, гречиху косят, лен и конопель берут...».*

Народно-разговорная лексика придает образность, точность и выразительность языку художественных произведений писателя и тем самым обретает право быть фактом литературного языка.

В канву литературно-художественного повествования искусно вводятся элементы украинской речи (*турнуть* — стремиться, *заступить* — заслонить). Широко используются экзотизмы (*бандура, галушки, гопак, парубок, рушник, черевички*). Книжная и разговорная лексика стилистически уравниваются, утрачивая при этом приметы книжности или разговорности.

Литературно-художественные и публицистические произведения Н. В. Гоголя оказали влияние на дальнейшее развитие литературного языка, содействовали сближению языка русской литературы с живой народной речью.

Отрывки из произведений даются по изданию: *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. М., Л., 1947—1952.

Из поэмы «Мертвые души»

Выражается сильно российский народ! и если наградит кого словцом, то пойдет оно ему в род и в потомство, утащит он его с собою и на службу, и в отставку, и в Петербург, и на край света. И как уж потом ни хитри и ни облагораживай свое прозвище, хоть заставь пишущих людишек выводить его за наемную плату от древнекняжеского рода, ничто не поможет: каркнет само за себя прозвище во всё свое воронье горло и скажет ясно, откуда вылетела птица. Произнесенное метко, всё равно что писанное, не вырубливается топором. А уж куды бывает метко всё то, что вышло из глубины Руси, где нет ни немецких, ни чухонских, ни всяких иных племен, а все сам-самородок, живой и бойкий русский ум, что не лезет за словом в карман, не высиживает его, как наседка цыплят, а вlepливает сразу, как паспорт на вечную носку, и нечего прибавлять уже потом, какой у тебя нос или губы — одной чертой обрисован ты с ног до головы!..

Виноват! Кажется, из уст нашего героя излетело словцо, подмеченное на улице. Что же делать? Таково на Руси положение писателя! Впрочем, если слово из улицы попало в книгу, не писатель виноват, виноваты читатели, и прежде всего читатели высшего общества: от них первых не услышишь ни одного порядочного русского слова, а французскими, немецкими и английскими они, пожалуй, наделят в таком количестве, что и не захочешь, и наделят даже с сохранением всех возможных произношений: по-французски в нос и картавя, по-английски произнесут, как следует птице, и даже физиономию сделают птичьей, и даже посмеются над тем, кто не сумеет сделать птичьей физиономии. А вот только русским ничем не наделят, разве из патриотизма выстроят для себя на даче избу в русском вкусе. Вот каковы читатели высшего сословия, а за ними и все причитающие себя к высшему сословию! А между тем какая взыскательность! Хотят непременно, чтобы всё было написано языком самым строгим, очищенным и благородным, словом, хотят, чтобы русский язык сам собою опустился вдруг с облаков, обработанный, как следует, и сел бы им прямо на язык, а им бы больше ничего, как только разинуть рот да выставить его. Конечно, мудрена женская половина человеческого рода: но почтенные читатели, надо признаться, бывают ещё мудренее.

Несколько слов о Пушкине

При имени Пушкина тотчас осеняет мысль о русском национальном поэте. В самом деле, никто из поэтов наших не выше его и не может более назваться национальным; это право решительно принадлежит ему. В нем, как будто в лексиконе, заключилось всё богатство, сила и гибкость нашего языка. Он более всех, он далее раздвинул ему границы и более показал всё его пространство. Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится чрез двести лет. В нем русская природа, русская душа, русский язык, русский характер отразились в такой же чистоте, в такой очищенной красоте, в какой отражается ландшафт на выпуклой поверхности оптического стекла. <...>

Он при самом начале своем уже был национален, потому что истинная национальность состоит не в описании сарафана, но в самом духе народа. Поэт даже может быть и тогда национален, когда описывает совершенно сторонний мир, но смотрит на него глазами своей национальной стихии, глазами всего народа, когда чувствует и говорит так, что соотечественникам его кажется, будто это чувствуют и говорят они сами. Если должно сказать о тех достоинствах, которые составляют принадлежность Пушкина, отличающую его от других поэтов, то они заключаются в чрезвычайной быстроте описания и в необыкновенном искус-

стве немногими чертами означить весь предмет. Его эпитет так отчетист и смел, что иногда один заменяет целое описание; кисть его летает. Его небольшая пьеса всегда стоит целой поэмы. Вряд ли о ком из поэтов можно сказать, чтобы у него в коротенькой пьесе вмещалось столько величия, простоты и силы, сколько у Пушкина. <...>

Собрание его мелких стихотворений — ряд самых ослепительных картин. Это тот ясный мир, который так дышит чертами, знакомыми одним древним, в котором природа выражается так же живо, как в струе какой-нибудь серебряной реки, в котором быстро и ярко мелькают ослепительные плечи, или белые руки, или алебастровая шея, обсыпанная ночью темных кудрей, или прозрачные гроздия винограда, или мирты и древесная сень, созданные для жизни... Слов немного, но они так точны, что обозначают всё. В каждом слове бездна пространства; каждое слово необъятно, как поэт. Отсюда происходит то, что эти мелкие сочинения перечитываешь несколько раз, тогда как достоинства этого не имеет сочинение, в котором слишком просвечивает одна главная идея. <...>

В. Г. Белинский

Виссарион Григорьевич Белинский (1811—1848) — пламенный публицист, литературно-художественный критик, страстный защитник идей революционной демократии.

Литературная деятельность В. Г. Белинского содействовала реализации задачи, поставленной А. С. Пушкиным: создать язык «учености» и отвлеченной прозы; продолжала дело, начатое великим поэтом в области литературного языка.

Средства книжной и разговорной речи в литературно-критических статьях Белинского разумно сосуществуют, достигается своего рода равновесие в стилевой ориентации контекста: снижается неопределенность, отвлеченность книжного слова и достигается точность, оценочность, реализуемая денотативным смыслом разговорного слова. Традиционные средства литературного языка (славянизмы, общественно-политические термины и др.) втягиваются в канву публицистического изложения, они придают повествованию пафос обличения, эмоциональную напряженность. В «Письме к Гоголю», например, книжная, торжественная лексика (*апостол, проповедник, панегирист, обскурантизм* и др.) включается в лексико-семантические связи со словами иного стилистического ряда (*кнут, невежество, мракобесие* и др.); таким образом достигается должный стилистический эффект: простой и ясной форме, в которую облачается содержание высказывания, придается страстность, полемический задор, повышается доходчивость и действенность публицистического повествования.

В произведениях Белинского играют значительную роль такие средства художественной изобразительности, как повторы слов, обращения, риторические вопросы, перифразы, метафоры, оценочные эпитеты, антитезные построения.

Литературная деятельность писателя содействовала включению научно-отвлеченных слов в сферу общелитературной, общеупотребительной лексики (*аскетизм, деспотизм, цивилизация, нетерпимость, равенство, справедливость* и др.); обогащению фонда философской, общественно-политической лексики иными, а вновь созданными на базе русского языка словами (*дифирамб, доктрина, гарантия, педантство, гуманность, сознание, сочинение, творение* и др.).

В своей статье «Русская литература в 1840 г.» он очерчивает круг слов и выражений, используемых в его публикациях и вызывающих обвинение со стороны идейных противников: *бесконечное, конечное, абсолютное, субъективное, объективное, индивидуум, индивидуальное, непосредственный, непосредственность, имманентный, созерцание, рефлексия, конкретность* и др.

Слова-термины из определенных областей знания не только вводятся в канву литературного изложения, но при этом нередко разъясняются, комментируются, раскрывается содержание выражаемого понятия. В статье «Взгляд на русскую литературу 1847 года» раскрывается содержание слова *гуманность*: «Гуманность есть человеколюбие, но развитое сознанием и образованием... Гуманность несколько не находится в противоречии с уважением к высоким общественным положениям и рангам; но она находится в решительном противоречии с презрением к кому бы то ни было, кроме негодяев и подлецов. . Чувство гуманности оскорбляется, когда люди не уважают в других человеческого достоинства, и еще более оскорбляется и страдает, когда сам человек в себе не уважает собственного достоинства».

Творчество В. Г. Белинского оказало влияние на дальнейшее развитие языка научно-критической, публицистической литературы, на развитие языка художественной литературы — всего русского литературного языка.

Отрывки из литературно-критических статей даются по изданию: *Белинский В. Г. Избранные сочинения. М., 1948.*

Литературные мечтания

Ломоносов — это Петр нашей литературы: вот, кажется мне, самый верный взгляд на него... На берегах Северного океана, в царстве зимы и смерти, родился у бедного рыбака сын. Ребенка мучит какой-то неведомый демон, не дает ему покоя ни днем, ни ночью, шепчет ему на ухо какие-то дивные речи, от которых сильнее трепещет его сердце, жарче кипит его кровь; на что ни взглянет этот ребенок, ему хочется знать: откуда это, почему и как; бесконечные вопросы давят и тяготят его юную душу — и нет ответов! Он выучивается как-то грамоте... И вот он оставляет отца своего и бежит в Москву Белокаменную. Беги, беги, юноша! Там узнаешь ты все, там утолишь в источнике знания свою мучительную жажду! <...> ...его «Грамматика» дивное, великое дело. Но для чего же он пялил и корчил русский язык на образец латинского и немецкого? Почему каждый период его речей набит без всякой нужды таким множеством вставочных предложений и заострен на конце глаголом? Разве этого требовал гений языка русского, разгаданный сим великим человеком? Создать язык невозможно, ибо его творит народ; филологи только открывают его законы и приводят их в систему, а писатели только творят на нем сообразно с сими законами. И в сем последнем случае нельзя довольно надивиться гению Ломоносова: у него есть строфы и целые стихотворения, которые по чистоте и правильности языка весьма приближаются к нынешнему времени.

...Державин — какое имя!.. Да — он был прав: только *Навин* могло быть ему под рифму! Как идет к нему этот полурусский и полутатарский наряд, в котором изображают его на портретах: дайте ему в руки лилейный скипетр Оберона, придайте к этой собольей шубе и бобровой шапке длинную седую бороду:

и вот вам русский чародей, от дыхания которого тают снега и ледяные покровы рек и расцветают розы, чудным словам которого повинует послушная природа и принимает все виды и образы, каких ни пожелает он! Дивное явление! Бедный дворянин, почти безграмотный, дитя по своим понятиям; неразгаданная загадка для самого себя; откуда получил он этот вещий, пророческий глагол, потрясающий сердца и восторгающий души, этот глубокий и обширный взгляд, обхватывающий природу во всей её бесконечности, как обхватывает молодой орел мощными когтями трепещущую добычу?.. Державин — это полное выражение, живая летопись, торжественный гимн, пламенный дифирамб века Екатерины, с его лирическим одушевлением, с его гордостью настоящим и надеждами на будущее, его просвещением и невежеством, его эпикуреизмом и жаждою великих дел, его пиршественною праздностию и неистощимою практическою деятельностью!

Похождения Чичикова или мертвые души

Гоголь первый взглянул смело и прямо на русскую действительность, и если к этому присовокупить его глубокий юмор, его бесконечную иронию, то ясно будет, почему ему ещё долго не быть понятным, и что обществу легче полюбить его, чем понять... И вдруг, среди этого торжества мелочности, посредственности, ничтожества, бездарности, среди этих пустоцветов и дождевых пузырей литературных, среди этих ребяческих затей, детских мыслей, ложных чувств, фарисейского патриотизма, приторной народности,— вдруг, словно освежительный блеск молнии среди томительной и тлетворной духоты и засухи, является творение чисто русское, национальное, выхваченное из тайника народной жизни, столько же истинное, сколько и патриотическое, беспощадно сдергивающее покров с действительности и дышащее страстною, нервистою, кровною любовью к плодовитому зерну русской жизни; творение необъятно художественное по концепции и выполнению, по характерам действующих лиц и подробностям русского быта — и в то же время глубокое по мысли, социальное, общественное и историческое... В «Мертвых душах» автор сделал такой великий шаг, что всё, доселе им написанное, кажется слабым и бледным в сравнении с ними...

Сочинения Александра Пушкина (статья вторая)

Карамзин имел огромное влияние на русскую литературу. Он преобразовал русский язык, совлекши его с ходуль латинской конструкции и тяжелой славянщины и приблизив к живой, естественной, разговорной русской речи. Своим журналом, своими статьями о разных предметах и повестями он распространял в русском обществе познания, образованность, вкус и охоту

к чтению. При нем и вследствие его влияния тяжелый педантизм и школярство сменялись сентиментальностью и светскою легкостью, в которых много было странного, но которые были важным шагом вперед для литературы и общества...

Деятельность Карамзина была по преимуществу деятельность литератора, а не поэта, не ученого. Он создал русскую публику, которой до него не было: под «публикою» мы разумеем известный круг читателей. До Карамзина нечего было читать по-русски, потому что всё немногое, написанное до него, несмотря на свои хорошие стороны, было ужасно тяжело и *торжественно* и годилось для одних «ученых», а не для общества. Карамзин умел заохотить русскую публику к чтению русских книг. Как мы заметили выше, в этом помог ему не новый, созданный им язык, а французское направление, которому подчинился Карамзин и которого необходимым следствием был его легкий и приятный язык...

Словарь

А

Абие — тотчас
Або — или, ли
Авантаж — выгода
Авантажнѳй — выгодный
Агньць — ягненок
Аграмант — украшение
Аер — воздух, атмосфера
Аже, ажь — если, так что
Ажно — тогда как, между тем как
Азеин — турецкий дуб, строительный материал
Аки — как
Алафа — финики
Алам — нагрудье (деталь платья)
Албанасы — албанцы
Алкать — чувствовать голод
А любо — или
Аманат — залогник
Амбиция — самолюбие, спесивость
Амброзия — пища богов, дарующая бессмертие
Амин — военный инспектор, интендант
Аминь — так, истинно
Ано — союз *a*
Анатомия — вскрытие
Арган, орган — музыкальный инструмент
Аркебузировать — расстрелять
Аркучи — говоря
Артикул — раздел; воинский устав; ружейный прием
Артифициальный — искусственный
Артус — квасный хлеб
Арцыбискуп — архиепископ
Аспида, аспид — ядовитая змея, метафорично: злой, коварный человек
Астрея — богиня справедливости, дочь Юпитера и Фемиды
Атлант — титан (мифологическое существо), поддерживающий на своих плечах небесный свод
Ать, ат — да, пусть
Афедрон — отхожее место
Ахерон — река в подземном царстве (по мифологии)
Аче — если
Аще — если

Б

Баба — птица, пень, столб, стрекоза
Бабити — принимать новорожденного
Багатырь, богатур — богатырь
Багинет — штык
Баграм, байрам — мусульманский праздник
Балясы — точеные столбики у перил, ограды
Бармы — оплечье великокняжеского облачения
Батман — мера веса
Батожок — палочка
Бебряныи — бобровый
Беда — насилие, несчастье
Бедный — лютый
Безатьщина — имущество, оставшееся после смерти владельца, у которого нет наследника
Безделнии — незаконный, наглый
Безженство — безбрачие
Безлепица — нелепость
Безнадежник — лишенный надежды
Белец — тот, кто живет в монастыре, но еще не стал монахом
Белий — беличий
Бель — монеты, слитки
Бельт — Балтийское море
Бердыш — топор, секира
Берньем — брэнном
Беседа — место сидения; праздничное собрание
Бесерменин — мусульманин
Бесныи — бесноватый
Беть — поперечно положенное бревно, скрепляющее борта барок
Биричь — полицейский чин
Блажить — прославлять
Блатина — болото
Блещаныи — сверкающий
Ближика — родственник
Близок — свойственник
Блонда — шелковые кружева с желтоватым отливом
Блюстися — остерегаться
Бо — же, ведь
Бога для — ради бога
Божьница — церковь

Болван — истукан
Болкатый — сильный
Болого — благо, добро
Больми — более, сильнее
Бор — лес, сосновый лес
Бора — сборка, складка
Борей — у древних римлян холодный северный ветер
Борзыи, бързыи — скорый
Боронити — возбранять, отказывать
Боронь — сражение, битва
Борть — дикий улей
Бортьник — пасека
Босув, босыи — нагой
Бости — колоть, пронзать
Бот — одномачтовое судно
Брань — битва, война
Братан — двоюродный брат
Братина — сосуд для питья
Браточадо, братучадо, братучад — племянник
Брашьно — кушанье, пища, хлеб
Брехати — лаять
Бродни — род обуви
Бугаи — верхняя одежда на меху
Буер — парусный баркас
Буи — дерзкий, смелый, ярый; глупый
Буиныи — храбрый, смелый
Буявый — смелый
Буса — род судна
Бут — идол
Быль — вельможа
Бытность — жизнь
Бычок — старинная пляска
Бърньныи — глиняный; грязный, бранный

В

Вар — жара, зной
Варя — варево
Вборзе — второпях
Вдругор — вдругорядь
Вед — ведьма
Ведати — управлять, знать
Ведовство — знахарство
Вежа — башня
Век — увечье; возраст, время, пора
Векша — белка; денежная единица
Велес, Волос — бог, покровитель скота (у славянских народов)
Венилеса — винился
Веновати — дать приданое
Вепр — кабан
Вервие — веревка
Верста — возраст
Верьхи Рифейски — Урал
Весець — весовщик
Ветиство — красноречие
Вече деяти — производить сговор

Вечер — вечером
Вечнии — вечевой
Взяток — плата
Взять на свои руки — взять на поруки
Видок — свидетель
Вилявый — хитроватый
Вина — причина, начало
Вино горячее — водка
Вино фряское (фряжское) — виноградное вино
Виноград — виноградник
Виссон — тонкая драгоценная ткань
Вира — денежный штраф за убийство свободного человека
Вкупе — вместе
Влечи — войти
Вмале — ненадолго
Возвитие — рост
Возворотити — вернуть
Возврещи — направить
Возгордить — гордиться
Возгнести — развести огонь
Вожь — провожатый
Возвыше — в высоту
Возживаться — разгораться
Возник — лошадь
Возносительный — указательный
Возмездие — награда, воздаяние
Вои — войско
Волость — власть
Вонность — благовоние
Воня — запах, благоухание
Воскрилие — край, пола верхнего платья
Вор — злодей, бунтовщик
Впадение — наступление
Впредки — впредь
Вратити ся — возвратиться
Вретище — одежда из грубой ткани
Вреять — пениться
Всеконечно — совершенно, абсолютно
Всеродно — всячески
Вскрай — до краев
Вслед — по розыску, по следам преступления
Вспятно — назад, обратно
Всток — восток
Втапоры — тогда
Втроскотати — вскричать
Въдле — вдоль
Въдоле — возле, подле
Възлелеяти — воспитать; прикачать, принести (о волнах)
Възмястися — взволноваться
Вънегда — когда
Въобчи — вообще, сообща
Въпросити — просить
Въступити — нарушить
Въшумети — зашуметь
Выбеглый — выбежавший

Выжлец, выжлица — собака гончей породы

Выну — всегда

Выньсти, выньзнути — обнажить

Выплощати — выполоскать

Вырез — резьба

Выринутися — вырваться, броситься энергично вперед

Выход — дань, налог

Выя — шея

Вьрвь — община

Вьршь — хлеб, клади хлеба, стог

Г

Гадание — загадка

Гадити — презирать, ненавидеть

Гады — пресмыкающиеся

Галерия — галерея

Гарип — странник, чужестранец

Гинути — гибнуть

Гистория — история

Глагол — слово

Гобзавитый, гобзовитый — изобильный

Гобзовати — увеличивать

Говор — шум

Год — время

Голова — человек; убитый, погибший

Головник — убийца

Голод — пост, голод

Гон — участок земли

Гонзати — избегать, бежать

Гордити, гърдити — гордиться

Горды — страшный, дерзкий

Горе — вверх

Горнии, горьнии — верхний, находящийся на горе

Городница, городьница — часть городской стены

Городок — укрытие во время сражения, башенка

Городьба — ограда, забор

Господство — знать; старшая дружина

Господчичь — господский сын

Гоститва — пир

Гостити — заниматься торговым делом

Гость — купец, торговец

Градокось — городок этот

Грамота, грамотица — письмо

Граяти — каркать

Гривьна — денежная единица

Гридь — княжеский воин

Гроза — угроза

Грустко — тяжело, жестоко

Грязивый — топкий

Гугнати — шептать

Гузно — зад

Гунка — истасканная одежда

Густыня — чаща, густой лес

Д

Давнии — древний

Даже — если

Дажь-бог — бог солнца (у древних славян)

Дар — подарок; подать

Датошный — несущий рекрутскую повинность

Двойчатка — кавычка

Дворянин божи — рыцарь духовного ордена

Дебрь Кисаню — дебрьски сани (лесные змеи)

Дебрьский — ущельный

Дезабилье — небрежная домашняя одежда

Делатель — земледелец

Деловый — полученный при дележе

Деместик, демьстик — церковный служащий, певчий

Деньга — денежная единица

Держати, държати — править, владеть

Держать за приставом — держать под надзором

Десный — правый

Дессимюляция — без всякого притворства

Десятина — десятая доля

Детель — добродетель

Детина — дитя, юноша

Детоумный — малоумный

Детьский — малолетний; служебный чин

Деяти — говорить

Деяти ся — происходить

Див — чудо, чудачище

Дивии — дикий, свирепый

Дидаскал — учитель

Доброта — красота

Доброзрачный — красивый

Довертет — на расстоянии брошенного камня

Довлеть — быть достаточным

Дозор — место, которое позволяет видеть отдаленные предметы

Дозрети, дозьрети — созерцать, видеть

Докончание — мирное соглашение

Докончати, доконьчати — совершить, заключить

Дондеже, доньдеже — пока, когда

Донележе — пока, пока не

Дорыскати — доскакать

Доспети — соорудить

Доспети ся — совершиться

Дотечи — достигать

Драбант — телохранитель

Дрочона — неженка

Дружина — община (Русск. Правда)

Дума — совет, совещание
Думьць — советник
Душевный отць — духовник
Дъждевыи — дождливый

Е

Еда — разве, или, ли; иначе, а то
Еже — если
Ез — устройство для ловли рыбы
Елень — олень
Елико — поскольку, несколько
Елма — когда, пока, так как, хотя бы
Елоквенция — красноречие
Ендова — сосуд с рыльцем
Епистолия — письмо
Етер — некий, некоторый
Ефимок — серебряная иностранная монета

Ж

Жадать — сильно желать
Жадныйи — жаждущий
Жаловати — печалиться, горевать
Жалость — сильное желание
Железа — оковы
Желя — скорбь, плач
Женчюг — жемчуг
Живот — имение, имущество; жизнь; животное
Животина — животное
Жир — богатство
Жирныйи, жирьныйи — богатый
Жита — хлеб на корню
Жребии — удел, наследие

З

Забороло, забрало — деревянная стена города; укрепление на городских стенах
Заднийи — будущий
Задница — наследство
Зазьрети — осудить
Закалати — приносить в жертву
Заключати — предназначать
Заключити — закрыть, обречь
Закон — вера, вероисповедание
Залавок — уступ, обрыв в реке
Залезти — найти
Замотчати — задержаться
Зане, занеже — потому что, так как
Запа — ожидание, подозрение
Запиратися — отказываться
Заповедати — велеть, приказывать
Заповедь — приказание
Заповесь — приказать, объявить
Запона — завеса
Заразитися — удариться, убиться
Заратитися — начать войну

Заручать — подписать
Засапожник — нож, носимый за сапогом
Засечи — вырубить, лесным завалом перерезать путь
Застение — место за городской стеной
Засыхати — засыхать, иссыхать
Заточныйи — пустынный, глухой; ссыльный
Затькнути — закрыть, заложить
Заутреня — церковная служба, совершаемая рано утром
Заяти — захватить, завладеть
Звено — кусок
Звон — звучание, произношение
Зговаривать себя — отречься
Зевание — зияние
Зегзица — кукушка
Земля — народ, племя
Землянин — тот, кто владеет землей
Зенденинное — шелковое, из шелковой ткани
Зеницы — зрачки, глаза
Зерцать — созерцать
Зетить — высматривать, метить
Знамение — доказательство; предзнаменование, чудо
Знатно — очевидно
Зобати — есть, насыщаться
Зыбать — колебать
Зябнути — произрастать
Зять — жених

И

Иготь — металлическая или каменная ступа
Игрений — светло-рыжий (цвет конской масти)
Иде, идеже — где
Извет — выговор, донос
Извещати — утверждать
Извинити ся — провиниться
Изволити — избрать
Изгладить — стереть, обработать
Изгои — люди, оказавшиеся вне своего прежнего социального положения (разорившиеся торговцы, обретшие вольность холопы)
Изимати — захватить, взять в плен
Измена — замена, перемена, превращение
Измясти — причинить помеху
Изношение — произношение
Изостати ся — остаться в живых
Изощрять — оттачивать, заострять
Изразить — изобразить, произвести
Изречение — произношение
Изронити — испустить
Изряда — измена

Изрядити — изготовить
Изрядный — прекрасный, хороший
Изрядьца, изрядьця — изменник
Изумети ся — сойти с ума, обезуметь
Изъвраг — отверженный
Изъглашение — произношение
Изымать — ловить
Имати — брать
Имение — имущество, добыча
Имянно — подробно, в точности
Имъже — поэтому
Инде, инъде — в ином месте, в иных случаях
Интерес — прибыль, выгода
Инстанция — настояние, просьба
Инфантерия — пехота
Инфлюенция — влияние
Иордан — прорубь в пруде
Искусить — испытать
Искусственный — искусный, совершенный
Исповедати — изъяснить
Исправа — судебное разбирательство, решение, наказание
Исправити — вести следствие
Испразднитися — погибнуть, исчезнуть
Испросити — требовать
Истець, истьць — истец, ответчик
Истина — законность, справедливость
Истовый — истинный
Истопка — баня
Истый — настоящий, подлинный
Истянути — укрепить, напрячь
Ишем — напиток, мед
Ищея — истец

К

Кабала — письменное долговое обязательство
Каган — господин, государь, князь, царь
Кадыи — духовный судья
Калный — грязный
Камка — парча
Камо — куда
Караул — стража
Квассы жженные — квасцы
Конфузия — замешательство
Капторга — застежка на поясе
Карна — плакальщица
Каторга — гребное судно
Катское — палаческое
Каяти — порицать
Керженцы — старообрядцы
Кикати, кыкати — кричать
Киндяк — бумажная ткань
Клада — бревно, колода
Класы — колосья
Клекът — птичий крик

Клусити — заниматься шутовством
Клюка — обман, хитрость
Ключь — руль, кормило
Кляпца — капкан
Кнес — потолочная балка
Кое — что же, где же
Кожух — шуба
Кола — повозка
Колодьник — пленный, арестант
Колпик, колпица — болотная птица
Колумб Российский — Беринг, морепла- ватель
Комонь — конь
Комплезан — снисходителен
Корета — экипаж, повозка для езды
Кормилець — дядька
Кормник — кормчий
Кормовой — служащий; тот, кто полу- чает жалованье
Кормьчи, кърмьчи — ведущий
Корреспонденция — письменные сно- шения
Корчага — большой глиняный сосуд
Короста — гроб
Коснеть — медлить
Котора — спор, распря
Коци — кочевники
Коць — епанча
Кощей — раб
Крава — корова
Крада — костер
Красныи — прекрасный
Крепостныи — твердый, сильный
Крин — сосуд
Кропиньныи — шелковый
Кругом пити — пить за здоровье при- сутствующих
Кручина — горечь
Куна — шкурка куницы; денежная еди- ница
Куничные деньги — побор с новобрач- ного в пользу помещика
Купно — вместе
Куранты — ведомости, газеты
Куща — шатер, шалаш
Къметь — крестьянин, хлебопашец, ис- пытанный воин
Кыижьдо — каждый
Кыкати — кричать

Л

Лагодити — потворствовать, злоупот- реблять
Лада — муж, супруг, возлюбленный
Ласкосердие — жадность
Ласкосердство — чревоугодие
Ле — еле, едва
Левица — левая рука
Лелеяти — колебать, качать (о волнах)

Леплии, лепей — лучший
Лепота — красота
Лестный — ложный, обманчивый
Лесть — обман, хитрость
Леторасль — росток, побег
Леть — можно
Лечьбное — пеня (штраф) на лечение раны
Лжица — ложка
Лик — собрание, хор
Лист — грамота
Лице — поличное
Лишеник — отверженный, несчастный
Лов — охота
Лодия — лодка, судно
Ложесна — утроба
Ложница — спальня
Лстивьи — лживый, хитрый
Лука — изгиб, кривизна
Лукавновати — обманывать
Лукавныи — обманщик, дьявол
Лутовяныи — лыковый
Лъжа — обман
Лъзе — можно
Лъстити — обманывать
Любодельныи — трудолюбивый
Людин — простолюдин
Лядина — молодой лес

М

Малакия — изнеженность, блуд
Малець — мальчик, слуга
Мало поноровя — немного погода
Мама — мамонт
Мамон — обезьяна
Манить — потворствовать
Манька — муфточка
Мармор — мрамор
Марс — бог войны у римлян
Мастика — ароматическая смола
Махина — машина, механизм
Машкара — маска
Менажировать — считаться с кем-либо
Метание — земной поклон
Мечник — княжеский дружинник
Мних — монах
Многовои — воинственный
Множество — делимое
Мовь — баня, омовенье
Могила — холм
Могута — возможность, сила
Молна — мулла
Молодой — незнатный
Монисто — ожерелье
Мотчанье — задержка
Мотвь — сеть
Мравий — муравей
Мрежа — сеть, невод
Мужь — свободный человек; именитый, почтенный

Мужьство — храбрость
Мутныи — неясный, смутный
Мухояр — бухарская ткань
Мушкет — тяжелое ручное огнестрельное оружие
Мыкати — метать, трепать
Мысь — мышь
Мыто, мыт — торговая пошлина
Мыть — время линьки у птиц (птицы роняют перья)
Мытьник — сборщик торговой пошлины
Мъсел — корысть, выгода, прибыль
Мясти ся — волноваться
Мятеж — смятение, смута, суета

Н

Набат — большой барабан
Навигатский — предназначенный для плавания
Наговаривать — убеждать
Надглаголие — наречие
Надмерно — чрезмерно
Надобет — надобно
На дозоре — на виду
Надолзе — впоследствии, потом
Надхнуть — разлиться, распространиться
Наем — плата
Наипаче — более того
Наклад — рост
Налести — отыскать, найти
Налога — обременение, тягость
Наложный — полагающийся по налогу
Наплечки, наплечьки — отложной воротник
На полы — пополам
Напрасныи — вспылчивый
Напуск — атака
Нарочитыи — знатный
Наряд — пушка, артиллерия
Наряживати — назначать
Насад — род судна
Населник — житель, туземец
Настолование — наследство
Нахилиться — наклониться
Началник — устроитель, зачинатель
Начаяти ся — надеяться
Небытныи — скверный
Невеглас — невежда
Негли — нежели, едва ли, может быть
Неготовыи — непроторенный
Неделя — воскресение
Недоуменно — неумело
Неизпранныи — невымытый
Неистовыи — безумный
Некамо — куда-либо
Неключимыи — недостойный
Немец — иностранец, европеец

Нелюбие — неприятность
Неподелно — обманно, незаконно
Непраздная — беременная
Нептун — морской бог у римлян
Нетии — племянник
Неточию — не только
Нетрудный — легкий
Неумытный — неподкупный
Нечестно — бесславно
Никула — Никола
Новина — новость
Нолны — вплоть, даже, уже, только уже
Носить, вынашивать — приучать птиц к ловчей охоте
Нужа — насиле
Нудить — заставлять
Няти — взять

О

Обавати — чаровать, ворожить
Обаче — однако
Обережатый — тот, кто охранял царский экипаж в пути
Обетшалый — устарелый
Обилие, обилье — хлеб на корню
Обирь — шелковая ткань
Обнести — оклеветать
Обносцы — кусочек материи, которым обертывают ноги ловчей птицы
Обнощь — всю ночь
Образ — пример
Оброчити — вознаградить
Обручь — запястье (часть воинского доспеха); женское украшение
Обоюдный — двусмысленный
Объезд — околица, окрестные места
Объяр — плотная шелковая ткань, отделанная золотыми и серебряными узорами
Обыкнути — привыкнуть
Обыск — следствие
Обыскати — произвести следствие
Ов — тот, **овъ** — **инь** — один — другой
Ово — **ово** — либо, или; то-то
Овогда — тогда
Овн — баран
Огорчити ся — оскорбиться
Оград — сад, огород
Одале — вдали
Одерень — совершенно, сполна
Одесную — направо
Однолишно — одинаково
Одрина — сеновал
Оже, оже ли — если
Оканьный — жалкий, несчастный
Окольничий — дворцовый чин
Оконити ся — сесть на коня
Оксамит — ткань рода бархата
Окуп — выкуп
Оли — даже, вплоть
Оле — о (*междометие*)
Он — тот
Онамо — в ту сторону
Онъде — там
Опас — охрана, защита; страх
Опасная грамота — охранная грамота
Опасный — бдительный
Оправляти — судить, расследовать
Опришенный — отдельный
Опусевати, опусневати — изменяться, искажаться, ослабевать
Опять — назад
Орамая земля — пахотная земля, пашня
Ордин — порядок, чин
Орудие, орудье — деяние, поступок, работа, сражение, тяжба, орудие; приспособление для чего-либо
Орьтма — покрывало
Оседети — осадить
Осенина — осеннее время
Осести — окружить
Осетити — опутать
Осмниче — торговая пошлина
Особенник — странный человек, избранник
Особь — особо, особенно
Останък — наследство
Острог — внешняя часть городского укрепления; тюрьма
Отаи — тайно
Отаинны — скрытый, тайный
Отворитися — открыться
Отекати — вспухать, раздражаться
Отень, отынь — отцовский
Отеребити — очистить
Отесък — осколок
Отирати — обтирать
Отишие — тишина
Отказати — ответить, сказать
Отложити — прекратить, снять
Отнеле — с тех пор как
Отнеле же — с тех пор как
Ото — вот
Отоварити — нагрузить, наполнить
Оток — остров, мыс, край, предел
Отороп — торопливость
Отписка — записка, извещение
Отправка — совершение чего-либо
Отравник — отравитель
Отравный — отравленный, ядовитый
Отрад — прощение
Отрада, отърада — отдых, успокоение
Отрадный — легкий
Отреби — сор, отребье
Отрез — удаление
Отринути — отогнать, отвергнуть
Отродие — порождение
Отрод — дитя, детеныш

Отроча — дитя
Отрочина — детство
Отчитати ся — отрекаться
Отълучати ся — отделяться
Отъпасти — лишиться
Отъпуст — прощение
Отъступити ся — отказаться
Отъметник — отщепенец, отступник
Охабити — оставить
Охабити ся — уклониться
Оцьт — укус
Оче — если
Ошибать — обдавать (запахом)

П

Паволока — ткань шелковая
Паендонер — поступать честно, соблюдать честь
Паки, паки — опять, снова, вновь
Паки ли — или же, в противном случае
Пакость — грабеж, разорение
Пакидытие — обновление, воскресение, возрождение
Пакыество — возрождение
Пакыпорождение — возрождение
Паполома — покрывало
Папорзи — наплечник, верхняя часть брони
Пардон — помилование
Пардус — барс
Партыкулярный — частный, отдельный
Пассия — любовь, страсть
Паства — печение, охрана
Паствина — пастбище
Пасти ся — упасть, обрушиться
Патожки — ножки, поддерживающие дуло мушкета
Патроль — патруль
Пахати — веять, взвиваться
Паче — более, лучше
Паша — военный генерал
Пельнь — польнь
Перебрести — перейти вброд
Перевары — право варить пиво
Перевесище — охотничья снасть для ловли птиц
Переем — вознаграждение за находку
Перевет — донос
Перевозник — перевозчик
Перегъб — наклонное положение тела
Переже — прежде
Перепрети — одержать верх в тяжбе
Перестрел — расстояние выстрела
Перетолмачити — истолковать
Переступити — нарушить
Пересуд — пересмотр дела
Персона — портрет
Персть — земля, пыль, прах
Перук — парик

Пестовать — оберегать, лелеять
Петиметр — щеголь
Печаловати — просить, хлопотать, опекать
Печальник — попечитель, заступник
Пипарда — стенобитное орудие
Пищаль — огнестрельное оружие
Плат — лоскут ткани
Платежь — пеня, штраф
Плевел — сорная трава
Племник — родственник
Племя — родня
Плищ — волнение, шум
Плододавец — тот, кто дает плодородие
Плотяныи — телесный
Плутон — бог подземного царства
Побарати — одолевать
Поболети — пострадать
Побратеник — названный брат
Побратенство — обряд братания, дружбы
Поварня — кухня
Повиниться — подчиниться
Поволить — разрешить
Поволно — позволительно, можно
Поганыи — языческий, нехристианский
Погнетати — опускать
Погост — поселение
Погрести — похоронить
Погружати — отягощать
Подвизати ся — задвигаться
Подлый — представитель низшего сословия
Поднесенный — поднятый, вознесенный
Подолие — измененность, подгорье
Подразити — подтолкнуть
Подъезд — военный разъезд
Пожигати — переплавлять
Пожрети — поглотить, истребить
Пожья — нива, пашня, луг, покос
Позорище — зрелище, представление
Позоровати — числиться, принадлежать
Покосныи — попутный
Пола, пол — половина
Полелеяти — укачивать
Ползкыи — скользкий
Полк, пълк — войско, отряд
Полма — пополам
Полоз — удав
Полоть — половина туши
Полстяныи — войлочный
Полтевыи — вяленый, мерзлый, разрубленный
Полуверие — половинная вера
Полунощныи — северный
Полюдие — поход князя за данью
Поне — хотя бы, по крайней мере
Понеже — потому что

Поновление — воспоминание
Поноровка — поблажка
Понт — море
Поохритати ся — посмеяться, насмеяться, бранить
Попел — пепел
Попродати — обложить налогами
Попустити — позволить
Поральский — то, что собирается с рала, плуга
Порода — рай
Порок — стенобитное орудие
Порох — пыль
Порт — одежда, платье
Портище — кусок ткани
Поруб — темница
Поручник — поручитель
Порядити ся — заключить договор
Порядня — домашнее хозяйство; домашняя утварь
Посельский — управитель вотчины
Поскепати — расколоть, расщепить
Поскочити — обратиться в бегство
Пословица — наставление, соглашение
По слогиам — по слогам
Послух — свидетель
Послушство — свидетельство
Поспех — усердие
Поспешити — помочь
Постоянно — порядочно
Поступити — приблизиться
Посул — взятка, поборы
Послать ся — обратиться с просьбой
Посылка — посланец, выполняющий разведывательное задание
Потеха — охота
Поток — ссылка, изгнание
Потребити — истребить
Потручати ся — бить, стучать
Потъптати — потоптать
Потъснути ся — поспешить
Потягнути — подвинуться
Потяти — убить, ударить
Похуление — упрек, укор
Почати — начать
Починок — выселки, новое поселение
Почюдитися — удивляться, восхищаться
Пояти — взять в жены
Правда, правьда — суд, присяга; договор, закон, свод постановлений
Правеж — взыскивание долга
Правити — разбирать тяжбу
Правый — праведный
Празный — свободный, нерабочий
Пре — парус
Превабляти — соблазнять
Предание — обычай, старина, устав
Преданство — преданность
Предбудущий — предстоящий

Предел — область
Пределение — разновидность
Предложение — представление, изображение
Предтеча — предвестник, предшественник
Прежние — предки
Презвутер — священник
Прейзлиха — обильно
Прелестный — искушающий, вводящий в заблуждение
Прелесть — соблазн
Преложение — перевод
Премудровато — сдержанно, скромно
Преношение — сдвиг в значении
Препитати — укреплять
Препущати — приводить
Прерыскати — перебежать
Пресъхнути — иссякнуть
Претыкание — злоумышление
Прещение — угроза, наказание
Привечати — приветствовать
Придавать — дарить
Придати — прибавить
Призрети — оказать милость
Приказати — поручить
Приказывати — поручать, передавать по завещанию
Прикуп — выгода, прибыль
Приклон — наклон
Приключая — случайно
Приламатися — сломиться
Приличие — улика
Приложити — склонить, положить
Примечатель — наблюдатель
Примучити — покорить
Примыслити — приобрести
Примышляти — прибавить
Припещати — подрезать крылья
Присно — всегда
Приснопамятный — незабываемый
Присный — истинный, постоянный
Приспех — варка, стряпня
Пристроити — украсить
Пристряпати — снарядиться
Притвор — паперть
Притомити — обессилеть
Приточник — автор притчей
Притрепати — разбить, сразить
Притча — притъча — изречение, басня
Притчина — беда
Причастие — связь, соотношение
Причинити ся — одеться, облечься
Провещати — провозглашать
Продажа — денежная пеня (штраф) за преступление
Проесть — расходы, затраты при тяжбе
Прозябати — произрастать, развиваться
Прозябение — произрастание
Прок — остаток

Прокудить — повредить
Промысел — попечение, забота; внезапное нападение на противника; назначение
Промыслити — постараться, проявить заботу
Просести ся — рассестись, разорваться, треснуть
Простирать речи — распространяться
Пространный — просторный, свободный, широкий
Противный, противный — противоположный, неприятный
Протор — судебные издержки
Прохлада — удовольствие, утеха
Прыскати — бросать, сыпать
Прыснути — заплескаться, заволноваться
Пря — спор, тяжба
Прямо — верно
Пуд — весы
Пуз — мера сыпучих тел
Пул — мелкая медная монета
Пуши — тяжелый, худший
Пытати — допрашивать, дознаваться
Първее — прежде всего
Пнь и колода — принадлежность бортнического промысла
Пърети — быстро проходить
Пърсь — грудь
Пърт — то же, что порт
Пятък — пятница

Р

Рабилица — рабыня
Работати — быть в рабстве, в неволе
Радикс — корень
Развевание — зияние
Развратити — извратить, изменить
Разврести — раскрыть, разъяснить
Разграбление — конфискация
Раздобар — растабары
Размыть — перелинять (о птице)
Разно — в раздоре
Разум — понятие, смысл
Рака — гроб
Рамене — лес по краю пашни
Рамо — плечо
Рамяно — сильно
Ранжир — расположение людей по росту в одну шеренгу
Раскропити — разбрызгать
Раслабети — ослабить
Распасти — устроить
Расути ся — рассеяться
Ратай — пахарь
Рать — война
Рачитель — приверженец
Рез — проценты
Резана — мелкая денежная единица

Резвец — удалец, храбрец
Респект — почтение, уважение
Реть — распря
Речение — слово, речь
Реяти — отталкивать, толкать
Риза — одежда
Ристати — быстро передвигаться, бегать
Ритель — всадник
Роба — раба
Робичичь, робичищ — сын рабыни
Ровнати, ровняти — выравнивать
Рождение — дитя, род, племя
Рожен — гвоздь, рогатина
Розгадати — определить, положить
Розыскивать — вести следствие
Рокотати — звучать, греметь
Роскошь — наслаждение, удовольствие
Росути ся — распространиться
Рота — присяга, клятва
Ротник — клятвопреступник
Рошет — раздел, распределение
Руб — рублище
Ругаться — насмеяться
Рудожелтый — желтый с ярко-красным оттенком
Рукоделие — ремесло
Рукописание — завещание
Ручница — пищаль, ружье
Рьль — заливной луг, пожня
Рыгать — извергать
Ряд — уговор, условие; завещание
Ряп — куропатка
Рясна — вышивка, оторочка на краю одежды
Рясы, рясина — женское украшение (обычно из золота и драгоценных камней)

С

Сагадак — чехол для лука и стрел
Сбодены — израненные
Свада — спор, ссора
Свадити — вызывать ссору
Сварити ся — ссориться
Свене — кроме, вне, сверх
Свенечница — соучастница
Сверстан — приравнен
Сверток — свиток, грамота
Свечати — согласиться
Свие — шведы
Свеиский — шведский
Свобода — поселок, слобода
Свычай — обычай
Сде, съде — здесь, в этом месте
Се — вот
Секва — река Сена (Франция)
Секундирование, сикундирование — взаимопомощь в бою

Секурс, сикурс — помощь, вспомога-
 тельное войско
Селико, селько — столько
Семо — сюда
Сибарит — человек, приверженный к
 роскоши и праздности
Сиделец — приказчик
Синглит — синклит
Сила — войско, воинство; ударение
Сиречь — то есть
Сице — так
Сицевый — такой, таковой
Сказка, скаска — свидетельское пока-
 зание при допросе
Скарлат — дорогая ткань
Скипетр — владение, царство
Склад — слог, изложение
Скоп — сборище людей для совместных
 действий, намерений
Скора — шкура, мех
Скрижаль — камень, плита; заповедь
Скудель — глиняный сосуд или его че-
 репок
Скудельница — общая могила
Скуджаишии — скуднейший
Скуфия — остроконечная шапочка пра-
 вославного священнослужителя из чер-
 ного или фиолетового бархата
Слезити — плакать
Слово — письмо, грамота, глагол
Словутичь — славный, знаменитый
Сложити — сопоставить
Случай — удача
Смага — огонь, пламя
Смеркати ся — темнеть
Сморк — смерч, туча
Смотрение — попечение
Смотритель — зритель
Смурый — темно-серый
Смутиться — заколебаться
Смясти ся — смещаться
Снести ся — пересилить
Собинка — имущество, приобретенное
 во время службы
Собинный — личный
Собрание — сборище, множество
Сол — посол
Солило — блюдо
Сомненный — сомневающийся
Сонм — народ, множество народа
Сороцица, сорочица — нижняя рубаха
Составление — создание, устройство
Спалати — зажечь
Спросить о спасенье — справиться
 о здоровье
Спроста — одним словом, вообще; воз-
 можно; имеющий право
Спускати — отправлять
Ссылка — дипломатические отношения,
 назначение послов и других лиц
Ставити — представлять
Стан — подставка на весах
Станица — небольшой отряд
 войска, разъезд
Становище — стоянка
Староста — старшина
Стафиля — изюм
Стень — тень
Стogna — площадь, улица в городе
Стопа — шаг
Сторожь — караульный, сторожевое ох-
 ранение
Страва — кушанье, пища, еда
Страдати — терпеть
Страдник — работник
Страстоположник — первый ученик
Страсть — пристрастие
Стратиг — военачальник
Стратилат — вождь, начальник
Стреха — свес кровли
Стрещи — стеречь
Стрибог — бог ветра у славян
Стружие — челка, древко
Стрыи — дядя по отцу, отцов брат
Студа, студ — стыд, срам, позор
Студословец — срамословец
Ступити ся, съступити ся — сойтись
Стяг — боевое знамя; шест, кол
Суд — управление
Судина — сосуд
Сулица — копьё
Сунути — бросить, метнуть
Сустуг — металлическая нагрудная
 пряжка, застежка
Сурож — Судак (в Крыму)
Сход — собрание
Съвод — очная ставка в судебном раз-
 бирательстве
Съимати — взять, получать
Съл — посол, посланник
Съняти ся — встретиться
Съпрягнути — соединить, скрепить
Съпьрети — замкнуть, свести
Съретение — встреча
Състояти ся — существовать
Съступити ся — начать бой
Съступ — схватка, сражение
Съсути — сыпать, насыпать
Съдетель — создатель
Съуз — путы, узы
Сыновць — племянник, сын брата
Сырица — невыделанная кожа

Т

Табель — перечень, список чего-либо
Тамга — печать, клеймо, вид подати;
 торговая пошлина
Тать — вор, грабитель
Татьба — воровство
Ташамент — отряд войска
Твърдь — крепость, укрепление
Тезоименитство — именины
Текот, текът — стук клюва

Темже — потому, того ради
Тенето — сеть
Терем — высокий дом, дворец; балдахин, зонт
Терлик — узкий исподний кафтан
Термин — срок
Тивун — должностное лицо при князе, боярине, епископе
Тимиан — благоухание, фимиам
Тмочисленни — многочисленный
Ток — место для молотбы; поток
Толмачить — толковать, разъяснять
Толстина — грубая ткань
Тольма, тольми — так, столь, настолько
Торг — базар, торговая площадь
Торжище — базар, площадь, собрание
Торок — ремешок у седла для крепления поклажи
Торткы — портки
Тот — то, тогда, в таком случае
Точию, тьчию — только
Тошии — напрасный, пустой
Трактамент — обхождение, обращение, пир
Траковать — рассуждать
Транжамент — окоп
Треба — жертва
Троскотати — стрекотать
Труд — горе, скорбь
Трудник — подвижник
Трудный — горестный
Трызна — торжественный обряд в честь умершего
Трясця — лихорадка
Туга — печаль, горесть
Туждый — чуждый
Тук — жир, сало
Тул — колчан
Туне — напрасно
Тутнути — гудеть, греметь
Туча — дождь
Тщатися — стараться, устремляться
Тържьник — торговец
Тыжьдень — неделя
Тылеснь — тупая сторона меча
Тюфяк — орудие, ведущее огонь картечью
Тягота — притеснение
Тяжати ся — вести тяжбу, судиться

У

Ублюсти — уберечь
Убо — усилительная частица
Убрус — полотенце
Убудити ся — успокоиться
Уветливый — приветливый
Угадати — уговориться
Угодити ся — доспеть
Угонзнуть — убежать, спастись, предаться
Уд — часть тела

Удеяти ся — произойти
Удържати — задержать
Уедие — пища, кормежка
Уживати — употреблять, пользоваться
Ужь — веревка
Узорочный — красочный, многоцветный
Узорочность — многоцветие
Узорочье — драгоценные вещи, ткани
Уй — дядя по матери
Уклад — дань; сорт стали
Уклюдити — ужалить
Улус — селение
Улучати — достигать, получать
Умирити ся — примириться
Уне — лучше
Унеин — просящий
Унець, уньць — молодой бык
Уполошити ся — бояться
Уречище — естественная разграничительная линия; урочище
Урна — ваза
Урок — назначение; подать
Урядити ся — договориться, уладить дело
Ускорити — поспешить
Усечьки — опилки
Успити — усыпить, усмирить
Устав — постановление
Устье — уста
Утерпнути — уменьшаться
Утьрь — внутри
Утьрийи — внутренний
Утьльи — дырявый, ненадежный
Утягнути — успеть
Утяти — ударить, ранить, убить
Учан — лодка, речное судно
Учредити — расставить
Ущекотати — воспеть, восславить
Ухание — благовоние
Ухо — свидетельское показание
Уязвити — ранить
Уяти — взять, убавить, захватить

Ф

Фарис — конь
Фейверк — фейерверк
Фендрих, фендрик — прапорщик
Финифть — эмаль
Фискал — тайный наблюдатель за деятельностью должностных лиц
Фогот — судья
Фонтана — фонтан
Фортеца — крепость
Фота — повязка вокруг бедер; кусок ткани, фата
Фрегат — военное парусное судно
Фузея — ружье
Фуриер — интендант роты
Фурман — повозочный
Фуртовина — непогода, буря

Х

Хаживати — отправляться на войну
Харалуг — булат (сталь)
Хвоцати ся — хлестать себя
Химера — чудовище
Хинови — язычники, языческий народ
Хиновский — китайский
Хлябь — бездна, пропасть; водопад
Хитрость, хытрость — ремесло, искусство
Хобот — хвост, бунчук
Хоробрыи — храбрый
Хорощество — красота
Хорс, Хърс — бог древних славян
Хоругы — знамя, хоругвь
Хоть — милая, возлюбленная; жена
Храмина — дом, жилище
Художество — искусство, умение
Худыи — ничтожный; бедный, слабый

Ц

Цвелити — дразнить, терзать
Цевница — музыкальный инструмент, струна, лира, свирель
Целовальник — должностное лицо по финансовой, полицейской части
Цель — мишень
Церемониймейстер — придворная должность
Церь — сера
Ци — если, ли, или
Цуг — упряжка лошадей гуськом в две или в три пары

Ч

Чага — невольница, пленница
Чаица — птица
Чары — башмаки
Часовник — церковная книга
Частина — ткань
Часть — участь, судьба
Чаяние — надежда, желание
Чекан — кирка, топор
Чело — лоб, женский головной убор
Челядин — раб, слуга
Черлении, чърлении — красный
Чернець — монах
Чернядь — порода утки
Чеушь — должностное лицо при дворе хана
Чили — или
Чин — порядок; время, пора; порядок в чем-либо
Числительница — учение о счислении, арифметика
Читадинка — горожанка
Чрес — вопреки, наперекор

Чресла — поясница, стан
Чудити ся — изумляться
Чулан — театральная ложа
Чум — ковш
Чърныи — простой, незнатный
Чюди — люди

Ш

Шамад — барабанный бой как сигнал к сдаче на милость победителя
Шанець, шанц, шанеса — земляной окоп, укрепление
Швекование — поворот
Шербет — напиток
Шерешир — копье
Шизыи — сизый
Шипер — шкипер
Ширваншин — татарский посол
Ширинка — полотенце, платок
Ширяти ся — носиться, реять на просторе
Шишяк — шлем
Штандарт — полковое знамя кавалерийской части
Штапель — на верфях помост с наклоном для постройки судов и спуска их на воду
Шубаши — военачальник
Шуица — левая рука
Шурмовать — фехтовать

Щ

Щекът — пенье соловья
Щепетильник — торговец галантерейными товарами
Щечить — брать, таскать
Щечиться — наживаться
Щирыи — подлинный

Э

Экзерциция — упражнение, учение
Экзистировать — существовать
Эпистола — письмо, послание
Эхо — огласка

Ю

Юнець — теленок-бычок
Юница — телочка
Юстиция — правопорядок

Я

Явити ся — обнаружиться
Явлено — открыто, явно
Язвити — ранить, ударить

Язык — народ, племя; пленник; языч-
ник; свидетельское показание военно-
пленного

Яко — что, так как

Яко да — чтобы

Яко, яко же — как

Яковый — какой, каковой

Язва — бедствие, горе, печаль

Ям — почтовая станция; ямская повин-
ность; денежный сбор на ямскую езду

Япончица — плащ, верхнее платье

Ярина — яровое поле

Яристый — обрывистый

Яруга — овраг, ущелье

Яти — взять, схватить

Яти ся — начать, взяться

Древнерусское склонение

1. Имена существительные

О с н о в ы н а -о-

Единственное число

И.	плод	конь	село	поле
Р.	плода	коня	села	поля
Д.	плоду	коню	селу	полю
В.	плод	конь (я)	село	поле
Т.	плодомь(ъмь)	конемь(ьмь)	селомь(ъмь)	полемь(ьмь)
М.	плоде	кони	селе	поли
З.	плоде	коню	село	поле

Множественное число

И. З.	плоди	кони	села	поля
Р.	плод	конь	сел	поль
Д.	плодом	конем	селом	полем
В.	плоды	коне	села	поля
Т.	плоды	кони	селы	поли
М.	плодех	коних	селех	полих

Двойственное число

И. В. З.	плода	коня	селе	поли
Р. М.	плоду	коню	селу	полю
Д. Т.	плодома	конема	селома	полема

О с н о в ы н а -ѡ- (-у-)

Единственное число

Множественное число

И.	сын	сынове
Р.	сыну	сынов
Д.	сынови	сынѡм
В.	сынѡ	сыны
Т.	сынѡмь	сынѡми
М.	сыну	сынѡх

Двойственное число

И. В. З.	сыны
Р. М.	сынову
Д. Т.	сынѡма

О с н о в ы н а -а-

Единственное число

Множественное число

И.	сестра	земля	сестры	земле
Р.	сестры	земле	сестр	земль
Д.	сестре	земли	сестрам	землям
В.	сестру	землю	сестры	земле

Т.	сестрою	землею	сестрами	землями
М.	сестре	земли	сестрах	землях
З.	сестро	земле	сестры	земле

Двойственное число

И. В. З.	сестре	земли
Р. М.	сестру	землю
Д. Т.	сестрама	земляма

О с н о в ы н а -ь- (-и-)

Единственное число

Множественное число

И.	кость	путь	кости	путье (ие)
Р.	кости	пути	кости	пути
Д.	кости	пути	костьм	путьм
В.	кость	путь	кости	пути
Т.	костию (ью)	путьмь	костьми	путьми
М.	кости	пути	костьх	путьх
З.	кости	пути	кости	путье (ие)

Двойственное число

И. В. З.	кости	пути
Р. М.	костию (ью)	путию (ью)
Д. Т.	костьма	путьма

О с н о в ы н а с о г л а с н ы е

Единственное число

И.	камы	имя	мати	теля	чюдо
Р.	камене (и)	имене (и)	матере (и)	теляте (и)	чюдесе (и)
Д.	камени	имени	матери	теляти	чюдеси
В.	камень	имя	матерь	теля	чюдо
Т.	каменьмь	именьмь	материю (ью)	телятьмь	чюдесьмь
М.	камене (и)	имене (и)	матере (и)	теляте (и)	чюдесе (и)
З.	камы	имя	мати	теля	чюдо

Множественное число

И. В.	камене (и)	имена	матере (и)	телята	чюдеса
Р.	камен (ии)	имени (ии)	матер (ии)	телят	чюдес
Д.	каменьм	именьм	матерьм	телятьм	чюдесьм
Т.	каменьми	имены	матерьми	теляты	чюдесы
М.	каменьх	именьх	матерьх	телятьх	чюдесьх
З.	камене (и)	имена	матере (и)	телята	чюдеса

Двойственное число

И. В. З.	камени	имени (е)	матери	теляти	чюдеси (е)
Р. М.	камену (ью)	имену	матеру (ью)	теляту	чюдесу
Д. Т.	каменьма	именьма	матерьма	телятьма	чюдесьма

2. Имена прилагательные (членные) полные

Падеж	Мужской род	Женский род	Средний род
-------	-------------	-------------	-------------

Единственное число

И. З.	добрыи	синии	добрая	синяя	доброе	синее
Р.	добробо	синего	доброе (ые)	синее	добробо	синего
Д.	добробо	синему	доброи (еи)	синей	добробо	синему
В.	добрыи (ого)	синии (его)	доброру	синюю	доброе	синее
Т.	добрыймь (ыймь)	синиймь (иймь)	доброру	синюю	добрыймь (ыймь)	синиймь (иймь)
М.	добрыймь (емь)	синемь	доброи (еи)	синей	добрыймь (емь)	синемь

Множественное число

И. З.	добрии	синии	добрые	синее	добрая	синяя
Р.	добрых (ых)	синих (их)			как в мужском роде	
Д.	добрыйм (ыйм)	синийм (ийм)			как в мужском роде	
В.	добрые	синее	добрые	синее	добрая	синяя
Т.	добрыйми (ыйми)	синийми (ийми)			как в мужском роде	
М.	добрых (ых)	синих (их)			как в мужском роде	

Двойственное число

И. В. З.	добрая	синяя	добрей	синии	добрей	синии
Р. М.	доброру	синюю			как в мужском роде	
Д. Т.	добрыйма (ыйма)	синийма (ийма)			как в мужском роде	

3. Местоимения

Единственное число

И.	я (яз)	ты		кѣто	чѣто
Р.	мене	тебе	себе	кого	чего, чесо, чѣсо
Д.	мѣне	тебе, тебе, ти	себе, собе, си	кому	чему
В.	мене, мя	тебе, тя	себе, ся	кого	чѣто
Т.	мѣною	тобою	собою	цемь	чимь
М.	мѣне	тебе, тебе	себе, собе	комь	чемь

Множественное число

И.		мы		вы	
Р.		нас		вас	
Д.		нам, ны		вам, вы	
В.		нас, ны		вас, вы	
Т.		нами		вами	
М.		нас		вас	

Двойственное число

И. В.		не		ва	
Р. М.		наю		ваю	
Д. Т.		нама, на		вама, ва	

Падеж	Мужской род	Женский род	Средний род
-------	-------------	-------------	-------------

Единственное число

И.	ть	и	вьсь	та	я	вься	то	е	вьсе
Р.	того	его	вьсего	тое	ее	вьсее	того	его	вьсего
Д.	тому	ему	вьсему	тои	еи	вьсеи	тому	ему	вьсему
В.	ть	и, нь	вьсь	ту	ю	вьсю	то	е	вьсе
	того	его	вьсего						
Т.	темь	имь	вьсемь	тою	ею	вьсею	темь	имь	вьсемь
М.	томь	емь	вьсемь	тои	еи	вьсеи	томь	емь	вьсемь

Множественное число

И.	ти	и	вьси	ты	е	вьсе	та	я	вься
Р.	тех	их	вьсех	тех	их	вьсех	тех	их	вьсех
Д.	тем	им	вьсем	тем	им	вьсем	тем	им	вьсем
В.	ты	е	вьсе	ты	е	вьсе	та	я	вься
Т.	теми	ими	вьсеми	теми	ими	вьсеми	теми	ими	вьсеми
М.	тех	их	вьсех	тех	их	вьсех	тех	их	вьсех

Двойственное число

И. В.	та	я	вься	те	и	вьсе	те	и	вьсе
Р. М.	тою	ею	вьсею			как в мужском роде			
Д. Т.	тема	има	вьсема			как в мужском роде			

Древнерусское спряжение

Настоящее время

Единственное число

1 л.	несу	берегу	знаю
2 л.	несеши (ь)	бережеши (ь)	знаеши (ь)
3 л.	несе (ть)	береже (ть)	знае (ть)

1 л.	хожю	есмь (и)	дамь	емь
2 л.	ходиши (ь)	еси	даси	еси
3 л.	ходи (ть)	есть, е	дасть	есть

Множественное число

1 л.	несем (о)	бережем (о)	знаем (о)
2 л.	несете	бережете	знаете
3 л.	несуть	берегутъ	знають

1 л.	ходим (о)	есм (ы, о, е)	дам (ы, о)	ем (ы, о)
2 л.	ходите	есте	дасте	есте
3 л.	ходятъ	сутъ	дадять	едять

Двойственное число

1 л.	несе (а)	береже (а)	знае (а)
2, 3 л.	несета	бережета	знаета

1 л.	ходиве (а)	есве (а)	даве (а)	еве (а)
2, 3 л.	ходита	еста	даста	еста

Имперфект (прошедшее несовершенное простое время)

Единственное число

1 л.	несях	бережах	зна (а) х	
2 л.	несяше	бережаше	зна (а) ше	
3 л.	несяще (ть)	бережаше (ть)	зна (а) ше (ть)	
1 л.	хожях	бях	дадях	едях
2 л.	хожяше	бяше	дадяше	едяше
3 л.	хожяше (ть)	бяше (ть)	дадяше (ть)	едяше (ть)

Множественное число

1 л.	несяхом	бережахом	зна (а) хом	
2 л.	несясте	бережасте	зна (а) сте	
3 л.	несяху (ть)	бережаху (ть)	зна (а) ху (ть)	
1 л.	хожяхом	бяхом	дадяхом	едяхом
2 л.	хожясте	бясте	дадясте	едясте
3 л.	хожяху (ть)	бяху (ть)	дадяху (ть)	едяху (ть)

Двойственное число

1 л.	несяхове (а)	бережахове (а)	зна (а) хове (а)	хожяхове (а)
2, 3 л.	несяста	бережаста	зна (а) ста	хожяста
1 л.	бяхове (а)	дадяхове (а)	едяхове (а)	
2, 3 л.	бьяста	дадяста	едяста	

Аорист (прошедшее совершенное простое время)

Единственное число

1 л.	несох	берегох	знах	ходилх
2 л.	несе	береже	зна	ходи
3 л.	несе	береже	зна	ходи
1 л.	бых	дах	ех	
2 л.	бы	да	е	
3 л.	бы (сть)	да (сть)	е (сть)	

Множественное число

1 л.	несохом	берегохом	знахом	
2 л.	несосте	берегосте	знасте	
3 л.	несошя	берегошя	знашя	
1 л.	ходилхом	быхом	дахом	ехом
2 л.	ходисте	бысте	дасте	есте
3 л.	ходишя	бышя	дашя	ешя

Двойственное число

1 л.	несохове (а)	берегохове (а)	знахове (а)	
2, 3 л.	несоста	берегоста	знаста	
1 л.	ходилхове (а)	быхове (а)	дахове (а)	ехове (а)
2, 3 л.	ходиста	быста	даста	еста

Перфект (прошедшее совершенное сложное время)

Единственное число

1 л.	есмь		несл(а, о), берегл(а, о), знал(а, о), ходил(а, о), был(а, о), дал(а, о), ел(а, о)
2 л.	еси		
3 л.	есть		

Множественное число

1 л.	есм		несли(ы, а), берегли(ы, а), знали(ы, а), ходили(ы, а), были(ы, а), дали(ы, а), ели(ы, а)
2 л.	есте		
3 л.	суть		

Двойственное число

1 л.	есве(а)		несла(е), берегла(е), знала(е), ходила(е), была(е), дала(е), ела(е)
2, 3 л.	еста		

Плюсквамперфект (давнопрошедшее)

Единственное число

1 л.	бях		несл(а, о), берегл(а, о), знал(а, о), ходил(а, о), был(а, о), дал(а, о), ел(а, о)
или	есмь был (а, о)		
2 л.	бяше		
или	еси был (а, о)		несл(а, о), берегл(а, о), знал(а, о), ходил(а, о), был(а, о), дал(а, о), ел(а, о)
3 л.	бяше(ть)		
или	есть был (а, о)		

Множественное число

1 л.	бяхом		несли(ы, а), берегли(ы, а), знали(ы, а), ходили(ы, а), были(ы, а), дали(ы, а), ели(ы, а)
или	есм(ы, о, е) были		
2 л.	бясте		
или	есте были, ы, а		несли(ы, а), берегли(ы, а), знали(ы, а), ходили(ы, а), были(ы, а), дали(ы, а), ели(ы, а)
3 л.	бяху(ть)		
или	суть были, ы, а		

Двойственное число

1 л.	бяхове(а)		несла(е, е), берегла(е, е), знала(е, е), ходила(е, е), была(е, е)
или	есве(а) была(а, е)		
2, 3 л.	бяста		
или	еста была(а, е)		несла(е, е), берегла(е, е), знала(е, е), ходила(е, е), была(е, е)

Будущее время (сложное)

Единственное число

1 л.	буду (иму, хочу, начьну)		нести, беречи, знати, ходити, дати, ести
2 л.	будеши (имаши, хочеши, начьнеши)		
3 л.	буде(ть), или: имать, хоче(ть), начьне(ть)		

Множественное число

1 л.	будем (имам, хотим, начьнем)		нести, беречи, знати, ходити, дати, ести
2 л.	будете (имате, хотите, начьнете)		
3 л.	будуть (имуть, хотять, начьнуть)		

Двойственное число

1 л.	будеве(а) или: имаве, хотиве, начьневе		нести, беречи, знати, ходити, дати, ести
2, 3 л.	будеста или: имата, хотита, начьнета		

Будущее время (совершенное)

Единственное число

1 л.	буду		несл(а, о), берегл(а, о), ходил(а, о), был(а, о), дал(а, о), ел(а, о)
2 л.	будеши		
3 л.	буде(ть)		

Множественное число

1 л.	будем		несли(ы, а), берегли(ы, а), ходили(ы, а), были(ы, а), дали(ы, а), ели(ы, а)
2 л.	будете		
3 л.	будуть		

Двойственное число

1 л.	будеве(а)		несла(е, е), берегла(е, е), ходила(е, е), была(е, е), дала(е, е), ела(е, е)
2, 3 л.	будеста		

Сослагательное (желательное) наклонение

Единственное число

1 л.	бых		несл(а, о), берегл(а, о), ходил(а, о), был(а, о), дал(а, о), ел(а, о)
2 л.	бы		
3 л.	бы(сть)		

Множественное число

1 л.	быхом		несли(ы, а), берегли(ы, а), ходили(ы, а), были(ы, а), дали(ы, а), ели(ы, а)
2 л.	бысте		
3 л.	бышя		

Двойственное число

1 л.	быхове(а)		несла(е, е), берегла(е, е), ходила(е, е), была(е, е). дала(е, е), ела(е, е)
2, 3 л.	быста		

П о в е л и т е л ь н о е н а к л о н е н и е

Единственное число

2, 3 л. неси, берези, знаи, ходи, буди, дажь, ежь

Множественное число

1 л. несем(о, е), березем(о, е), знаим(о, е), ходим(о, е), будем(о, е) дадим(о, е), едим(о, е)

2 л. несете, березете, знаите, ходите, будете, дадите, едите

Двойственное число

1 л. несеве(а), березеве(а), знаиве(а), ходиве(а), будеве(а), дадиве(а) едиве(а)

2 л. несета, березета, знаита, ходита, будета, дадита, едита

С у п и н (д о с т и г а т е л ь н о е н а к л о н е н и е)

несть, беречь, знать, ходить, быть, дать, есть

СНОСКИ

- ¹ *Шахматов А. А.* Очерк современного русского литературного языка. М.; Л., 1941. С. 60.
- ² *Виноградов В. В.* Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка. М., 1958. С. 60.
- ³ *Виноградов В. В. А. С.* Пушкин — основоположник русского литературного языка//Изв. АН СССР, 1949. Т. 8. Вып. 3. С. 187.
- ⁴ См. монографии коллектива сотрудников Института русского языка АН СССР серии «Русский язык и советское общество»: Лексика современного русского литературного языка. М., 1968; Словообразование современного русского литературного языка. М., 1968.
- ⁵ См.: *Ягич И. В.* Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке//Исследования по русскому языку. СПб., 1895. Т. 1.
- ⁶ См.: *Кузнецов П. С.* У истоков русской грамматической мысли. М., 1958.
- ⁷ Текст дается по изданию: *Полоцкий Симеон.* Избранные произведения. М.; Л., 1953.
- ⁸ *Виноградов В. В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII — XIX вв. 3-е изд. М., 1982. С. 112.
- ⁹ *Виноградов В. В.* Русская наука о русском литературном языке//Уч. зап. МГУ, 1946. Т. 3. Кн. 1. Вып. 106. С. 59.
- ¹⁰ *Буслаев Ф. И.* О преподавании отечественного языка. Л., 1941. С. 170.
- ¹¹ *Буслаев Ф. И.* Историческая грамматика русского языка. М., 1959. С. 25.
- ¹² См.: Палеографические и филологические материалы для истории письмен славянских, собранные из XV рукописей Московской синодальной библиотеки//Материалы для истории письмен восточных, греческих, римских и славянских. М., 1855.
- ¹³ *Ягич И. В.* История славянской филологии. СПб., 1910. Т. 1. С. 537.
- ¹⁴ См.: *Грот Я. К.* Труды. СПб., 1899. Т. 2. С. 140 и след.
- ¹⁵ См.: *Соболевский А. И.* Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. СПб., 1910; *Смирнов Н. А.* Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху. СПб., 1910; *Петров К.* Словарь к сочинениям и переводам Д. И. Фонвизина. СПб., 1904; *Будде Е. Ф.* Значение Гоголя в истории русского литературного языка//Журн. Мин-ва народного просвещения. 1902. № 7.
- ¹⁶ См.: *Будде Е. Ф.* Очерк истории современного литературного русского языка (XVII — XIX вв.)//Энциклопедия славянской филологии. СПб., 1908. Вып. 12.
- ¹⁷ См.: *Ларин Б. А.* Русско-английский словарь — дневник Ричарда Джемса (1618—1619 гг.). Л., 1959; *его же.* Парижский «Словарь москвитов», 1586. Рига, 1948; Под ред. *Б. А. Ларина:* Русские повести XV — XVI веков. Тексты и переводы. М.; Л., 1958; Начальный этап формирования русского национального языка. Л., 1961; Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». М.; Л., 1965. Вып. 1; Словоупотребление и стиль М. Горького. Л., 1962; Исследования по эстетике слова и стилистике художественной литературы. Л., 1964; *Винокур Г. О.* Пушкин и русский язык//А. С. Пушкин. 1837—1937. М., 1937; *его же.* «Горе от ума» как памятник русской художественной речи//Избр. работы по русскому языку. М., 1959; *его же.* Маяковский — новатор языка. М., 1943.
- ¹⁸ См.: *Булаховский Л. А.* Русский литературный язык первой половины XIX века. М., 1954; *его же.* Русский литературный язык первой половины XIX века: Лексика и общие замечания о слоге. Киев, 1957; *Винокур Г. О.* Русский язык: Исторический очерк. М., 1945; *его же.* Русский литературный язык в первой половине XVIII века; Русский литературный язык во второй половине XVIII века; К истории нормирования русского письменного языка в конце XVIII века//Избр. работы по русскому языку. М., 1959.
- ¹⁹ См.: *Истрин В. М.* Хроника Георгия Амартола. Пг., 1930; *Сперанский М. Н.* Девгениево деяние. М., 1922; *Карский Е. Ф.* «Русская Правда» по древнейшему списку. Л., 1930; *Никольский Н. К.* «Повесть временных лет» как источник для истории начального периода русской письменности и культуры. Л., 1930; *Обнорский С. П.* «Русская Правда» как памятник русского литературного языка//Изв. АН СССР, сер. VII. ООИ, 1934.

- ²⁰ См.: *Виноградов В. В.* Основные этапы истории русского языка//Русский язык в школе. 1940. № 3, 4, 5.
- ²¹ См.: *Виноградов В. В.* О задачах истории русского литературного языка, преимущественно XVII — XIX вв.//Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1946. Т. 5. Вып. 3; Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка. М., 1958; Основные вопросы и задачи изучения истории русского языка до XVIII в.//Вопр. языкознания. 1969. № 6.
- ²² См. работы *В. В. Виноградова*: Язык Пушкина. М.; Л., 1935; Стиль Пушкина. М., 1941; Язык Гоголя//Н. В. Гоголь. М., 1936. Вып. 1; Язык и стиль басен Крылова//Изв. АН СССР. ОЛЯ, 1945. Т. 4. Вып. 1; Из наблюдений над языком и стилем И. И. Дмитриева//Материалы и исследования по истории русского литературного языка. М., 1949; О языке художественной литературы. М., 1959; Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963; Сюжет и стиль. М., 1963; О теории художественной речи. М., 1971; и др.
- ²³ *Дашков Д. В.* О легчайшем способе отвечать на критики. Спб., 1811. С. 19.
- ²⁴ См.: *Востоков А. Х.* Рассуждение о славянском языке, служащее введением к Грамматике сего языка, составляемой по древнейшим оного письменным памятникам//Труды общества любителей российской словесности, 1820. Ч. 17.
- ²⁵ *Максимович М. А.* Собр. соч. Киев, 1880. Т. 3. С. 73.
- ²⁶ *Максимович М. А.* Собр. соч. Т. 3. С. 205.
- ²⁷ *Карский Е. Ф.* Значение Ломоносова в развитии русского литературного языка. Варшава, 1912. С. 3.
- ²⁸ *Шахматов А. А.* Очерк современного русского литературного языка. 4-е изд. М., 1941. С. 60.
- ²⁹ Там же. С. 70.
- ³⁰ *Обнорский С. П.* «Русская Правда» как памятник русского литературного языка//Изв. АН СССР, сер. VII ООН, 1934. № 10. С. 776.
- ³¹ *Обнорский С. П.* Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.; Л., 1946. С. 6, 7.
- ³² *Селищев А. М.* О языке «Русской Правды» в связи с вопросом о древнейшем типе русского литературного языка//Вопр. языкознания. 1957. № 4. С. 59.
- ³³ *Филин Ф. П.* Акад. С. П. Обнорский: Очерки по истории русского литературного языка старшего периода//Вестник ЛГУ. 1947. № 10. С. 109—117.
- ³⁴ *Филин Ф. П.* Об истоках русского литературного языка//Вопр. языкознания. 1974. № 3. С. 5.
- ³⁵ *Якубинский Л. П.* История древнерусского языка. М., 1953. С. 299.
- ³⁶ *Ларин Б. А.* Лекции по истории русского литературного языка (X — середина XVIII в.). М., 1975. С. 22.
- ³⁷ *Унбегаун Б. О.* Историческая грамматика русского языка и ее задачи//Язык и человек: Сб. статей памяти проф. П. С. Кузнецова. М., 1970. С. 267.
- ³⁸ *Успенский Б. А.* Из истории русского литературного языка XVIII — начала XIX века. М., 1985. С. 3.
- ³⁹ *Виноградов В. В.* Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка. М., 1958. С. 60.
- ⁴⁰ *Виноградов В. В.* Там же. С. 111.
- ⁴¹ *Виноградов В. В.* О новых исследованиях по истории русского литературного языка//Вопр. языкознания. 1969. № 2. С. 9, 10.
- ⁴² *Филин Ф. П.* Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972. С. 639.
- ⁴³ *Филин Ф. П.* Истоки и судьбы русского литературного языка. М., 1981. С. 255.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Там же. С. 259.
- ⁴⁶ *Аванесов Р. И.* К вопросам периодизации русского языка: Славянское языкознание//VII международный съезд славистов. Варшава, авг. 1973 г. Доклады советской делегации. М., 1973. С. 9.
- ⁴⁷ *Обнорский С. П.* Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. С. 19.
- ⁴⁸ *Арциховский А. В., Тихомиров М. Н.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). М., 1953. С. 10.

⁴⁹ *Обнорский С. П.* Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. С. 79.

⁵⁰ *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1953—1955. Т. 1. С. 56—57; Т. 7. С. 132—134.

⁵¹ *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. М., 1959. Т. 7. С. 139.

⁵² *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. Т. 4. С. 151.

⁵³ *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. М., 1952. Т. 8. С. 394—395.

⁵⁴ *Писарев Д. И.* Собр. соч.: В 4 т. М., 1956. Т. 3. С. 110.

⁵⁵ *Виноградов В. В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII — XIX веков. М., 1982. С. 305.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Введение	4
Литературный язык Киевской Руси	
Памятники языка деловой письменности XI — XIII веков	19
Русская Правда	19
Древнерусские грамоты	23
Берестяные грамоты	26
Памятники языка светской литературы Древней Руси	29
Русская летопись	29
«Поучение» Владимира Мономаха	38
Художественные произведения	43
«Моление» Даниила Заточника	43
Слово о полку Игореве	46
Повесть о битве на реке Калке	53
Слово о погибели русской земли	54
Повесть о разорении Рязани Батыем	55
Литературный язык церковнокнижной письменности	59
«Слово о законе и благодати» митрополита Илариона	60
Хождение игумена Даниила	61
Слово Кирилла Туровского на антипасху	63
«Слово третье» преподобного Серапиона	65
Сказание о Борисе и Глебе	65
Литературный язык Московской Руси	
Памятники языка деловой письменности XIV — XVII веков	70
Великорусские грамоты	71
Двинские грамоты	74
Домострой	75
Уложение 1649 г.	78
Книга глаголемая урядник: Новое уложение и устройство чина соколь- ничья пути. 1656	81
Письма-грамотки	82
Статейные списки русских послов XVI — XVII столетий	84
Вести-куранты	88
Памятники языка публицистики XVI — XVII веков	92
Переписка Ивана Грозного с Василием Грязным	93
Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским	97
Послание Ивана Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь	102
И. С. Пересветов	105
Памятники языка историко-повествовательной литературы	106
Хождение за три моря Афанасия Никитина	106
«О России в царствование Алексея Михайловича» Гр. Котошихина	109
Памятники языка художественной литературы	112
Слово о Куликовской битве Софония-рязанца («Задонщина»)	113
Сатира XVII века	114

Повесть о Ерше Ершовиче	114
Калязинская челобитная	116
Повести XVII века	120
Повесть об Азовском сидении донских казаков	120
Повесть о Горе и Злочастии	122
Повесть града Иерусалима	125
Житие протопопа Аввакума, им самим написанное	126
Памятники языка книжно-риторической письменности	131
Житие Стефана Пермского	132
Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьского	134
Книга степенная царского родословия	138
Временник Ивана Тимофеева	139
Стихотворения Симеона Полоцкого	140
Памятники языка филологических сочинений	145
Сочинения Максима Грека	145
Донат в русском переводе	146
Русская грамматика Лудольфа	148
«Лексикон славенороссийский» Памвы Берынды	152
«Грамматика» Мелетия Смотрицкого	153

Литературный язык Российского государства

Памятники языка письменности первой трети XVIII века (Петровская эпоха)	157
«Книга о скудости и о богатстве» И. Т. Посошкова	158
Из документов времени царствования Петра I	163
Первые русские ведомости	167
«Лексикон трехязычный» Федора Поликарпова	170
Путешествие стольника Петра Андреевича Толстого 1697—1699 гг.	173
Повесть о Василии Кориотском	177
Слова и речи Феофана Прокоповича	180
Язык писателей середины XVIII века	185
А. Д. Кантемир	186
Сатира I. К уму своему (на хулящих учение)	186
К стихам своим	188
В. К. Тредиаковский	189
Езда в остров Любви	190
Из речи «О чистоте российского языка <...>»	193
Из книги «Разговор между чужестранным человеком и российским об орфографии старинной и новой и о всем, что принадлежит к сей материи»	196
М. В. Ломоносов	198
Ода на день восшествия на <...> престол <...> Елисаветы Петровны, 1747 года	199
Гимн бороде	200
Вечернее размышление о божием величии, при случае великаго севернаго сияния	201
Письмо о пользе стекла к <...> камергеру Ивану Ивановичу Шувалову 1752 года	203
Зубницкому	203
Притча	204
О произношении буквы Г	204
О пользе книг церковных в российском языке	205
Российская грамматика	209
О нынешнем состоянии словесных наук в России	213
Краткое руководство к красноречию	214
Язык писателей второй половины XVIII века	214
А. П. Сумароков	214
Рогоносец по воображению	215
Мать совместница дочери	219
И. И. Хемницер	221

Конь верховый	221
Волчье рассуждение	221
Стрекоза	222
Обоз	222
Н. И. Новиков	222
Из журнала «Трутень»	223
Из журнала «Живописец»	224
А. Н. Радищев	231
Путешествие из Петербурга в Москву	231
О человеке, о его смертности и бессмертии	236
Д. И. Фонвизин	237
Бригадир	238
Письма из Франции	241
Г. Р. Державин	242
Фелица	242
Осень во время осады Очакова	244
Лебедь	246
Водопад	247
Разные вина	248
Русские девушки	248

Литературный язык первой трети XIX века

Н. М. Карамзин	251
Письма русского путешественника	252
Марфа Посадница или покорение Новгорода (историческая повесть)	254
И. И. Дмитриев	258
Муха	258
Горесть и Скука	258
Петух, Кот и Мышонок	259
Модная жена	259
И. А. Крылов	261
Разборчивая невеста	262
Кот и Повар	264
Гуси	265
Крестьянин и Разбойник	265
Лев и Волк	266
Слон в случае	266
Две Бочки	267
Крестьянин и Овца	267
Рыбы пляски	268
Прихожанин	269
Стрекоза и Муравей	270
Писатели-декабристы	270
К. Ф. Рылеев	271
В. К. Кюхельбекер	272
А. А. Бестужев-Марлинский	274
А. С. Пушкин	275
О прозе	276
〈 Причинами, замедлившими ход нашей словесности...〉	276
О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова	277
〈 Опровержение на критики〉	278
〈 Путешествие из Москвы в Петербург〉	279

Литературный язык в 30—40-е годы XIX века

М. Ю. Лермонтов	282
Н. В. Гоголь	285
В. Г. Белинский	287
Словарь	291
Древнерусское склонение	305
Древнерусское спряжение	308

Вниманию читателей!

**Издательство
«Высшая школа»
выпустит в свет в 1989—1990 гг.
для студентов филологических специальностей вузов
следующие учебные пособия:**

Рождественский Ю. В. Лекции по общему языкознанию: Учеб. пособие.—20 л.

В книге рассматривается в исторической последовательности становление основных теорий происхождения языка, показана соотнесенность этих теорий с философией языка. Дается описание таких вопросов, как язык и семиотика, место языкознания в системе наук и его роль в систематизации научного знания. Представлены классификация фундаментальных лингвистических наук, теория динамики языка и теория нормы. При описании теории прикладного языкознания дается классификация прикладных дисциплин и их методов, затрагиваются проблемы компьютеризации языка.

Васильев Л. М. Современная лингвистическая семантика: Учеб. пособие.—10 л.

В пособии анализируется природа языковых значений, их структура и типы, их отношение к фонетическим и грамматическим единицам, к различным типам лексических парадигм и функционально-семантических полей, к семантико-синтаксическим моделям и структуре высказывания. Во введении приводятся краткие сведения из истории лингвистической семантики, даются общая характеристика основных современных ее направлений и общая оценка применяемых в ней методов.

Прияткина А. Ф. Русский язык. Синтаксис осложненного предложения: Учеб. пособие.—10 л.

В книге дана общая характеристика структуры простого осложненного предложения, подробно рассматриваются виды и способы осложнения различными оборотами и конструкциями. Описаны союзные осложняющие конструкции, значительно углублено понятие ряда, присоединения, дополнительной предикации. Изложение ведется на основе современных понятий конструктивного, коммуникативного и семантического синтаксиса. В качестве иллюстративного материала использованы тексты разных функциональных стилей.

Уважаемые читатели!

Издательство «Высшая школа» выпускает учебники, учебные, методические и справочные пособия по всем отраслям знаний для вузов, техникумов и профтехучилищ. Подробнее познакомиться с учебной литературой вам поможет аннотированный план выпуска литературы на 1990 год (вузы и техникумы), который имеется в книжных магазинах.

Предварительные заявки на книги вы можете сделать в книжных магазинах, распространяющих учебную литературу.

Учебное издание

**ИСТОРИЯ
РУССКОГО
ЛИТЕРАТУРНОГО
ЯЗЫКА**

Хрестоматия

Составитель **Кожин Александр Никитович**

Зав. редакцией *Л. П. Чебаевская*
Редактор *И. В. Рашап*
Младшие редакторы *А. Ю. Одоева, М. Ю. Цанева*
Художник *Э. А. Марков*
Художественный редактор *М. Г. Мицкевич*
Технический редактор *И. В. Резникова*
Программист *В. И. Щербак*
Корректор *Л. А. Исаева*
Оператор *В. Н. Новоселова*

ИБ № 7740

Изд. №РЯ—319. Сдано в набор 11.08.88. Подп. в печать 27.07.89.
Формат 60x88/16. Бум. офс. № 2. Гарнитура литературная. Печать офсетная.
Объем 18,60 усл. печ. л. 18,60 усл.-кр.-отт. 20,87 уч.-изд. л.
Тираж 25 000 экз. Зак. № 1557. Цена 1 руб.

Издательство «Высшая школа», 101430, Москва, ГСП-4, Неглинная ул., д. 29/14.

Текстовые диапозитивы подготовлены на фотонаборном оборудовании издательства при помощи ЭВМ. Отпечатано в Московской типографии № 8 «Союзполиграфпрома» при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 101898, Москва, Центр, Хохловский пер., 7.